ИЛИ

азмышления переходного времени

А.Г. Вишневский

РУССКИЙ ИЛИ ПРУССКИЙ?

Размышления переходного времени

Издательский дом ГУ ВШЭ

Москва 2005

УДК 330.342.2 ББК 65.013 В 55

ОГЛАВЛЕНИЕ

Модернизация России: новый раунд	
Социальные регуляторы и человек	6
Россия: стиль жизни XXI века	27
Модернизация России: позади или впереди?	31
К новой экономической модели	
Экономическая политика против экономического человека	53
Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет?	68
Историческая эволюция России: догоняющее развитили особый путь?	
Коммунизм, модернизация и контрмодернизация в России	93
Россия в постсоветском мире	111
Кризис советского федерализма	112
Демографические изменения и национализм	129
Постсоветское демографическое пространство:	
Восточная Европа или интегральная часть Европы?	148
Неизбежно ли возвращение?	164
Распад СССР, этнические миграции	
и проблема диаспор	186
Демографическая безопасность России	211
Десять послесловий	

В поисках утраченного тоталитаризма	305
Русский национализм: в поисках утраченного	206
тоталитаризма	
Русский или прусский?	328
Указатель имен	378

.

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ: НОВЫЙ РАУНД

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ И ЧЕЛОВЕК*

Социальные регуляторы и состояние общества

В последнее время в научной и публицистической литературе все чаще появляется понятие «качественное состояние общества». Интуитивно ощущаются емкость этого понятия, его пригодность для того, чтобы интегрировать различные стороны общественного развития и его результаты, преодолеть односторонность понимания того и другого, сведения их, например, только к экономическому или социально-экономическому. В то же время содержание понятия «состояние общества» пока еще не раскрыто с необходимой полнотой.

Не претендуя на исчерпывающее заполнение этого пробела, хочу привлечь внимание к одной из важнейших составляющих состояния общества — социальным регуляторам человеческой деятельности.

По существу, в качестве таких регуляторов выступает вся система общественных отношений, которую каждое поколение получает готовой. Когда мы приходим в этот мир, рельсы, по которым нам предстоит двигаться, уже уложены, правила движения по ним уже написаны. Имеется сложившаяся система как самих отношений между людьми, так и освящающей их институциональной и идеологической брони. Есть ценности, нормы, правила поведения в различных ситуациях, есть запреты, санкции за их нарушение, механизмы культуры, которые, воздействуя на разум и чувства, обеспечивают принятие большинством людей того порядка, в котором они живут. Важнейшее место принадлежит экономическим отношениям, например отношениям собственности, законам, по которым строятся эти отношения, но они отнюдь не обеспечивают всего богатства жизни, не определяют всех механизмов ее социального регулирования. Нельзя рассчитывать

^{*}Печатается по изданию: Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М.: Прогресс, 1989. С. 52—69. Опубликовано также в журнале Коммунист. 1989. № 4. С. 23—34; на англ. языке: Social regulators and man // Social Sciences. Vol. XXI. 2. М., 1990. Р. 124—137; на фр. языке: Les régulateurs sociaux et l'homme // Sciences sociales. М., 1991. 1(83). Р. 139—154.

на кардинальные изменения в обществе без кардинальных же изменений его экономической структуры. Но неверно думать, что такие изменения не зависят от всей системы социальных регуляторов или что изменения в экономических отношениях автоматически влекут за собой изменение всей этой системы.

Когда в период индустриализации миллионы крестьян превращались в промышленных рабочих, экономическая структура советского общества, равно как и его социальная структура, менялась очень быстро. Могли ли с такой же скоростью меняться все социальные регуляторы человеческой деятельности? Едва ли. Такие регуляторы не складываются произвольно. По сложности и принципам организации они должны соответствовать сложности и принципам организации объекта регулирования, то есть человека. В марксизме этому положению общей теории управления отвечает закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Но мне кажется, что нынешнее понимание этого закона, несмотря на все, что говорилось и писалось по этому поводу, пока еще страдает недооценкой роли человека как обладателя, носителя производительных сил. Ведь речь идет именно о материальных производительных силах людей. так что революционные изменения в производительных силах это всегда революционные изменения самого человека, типа человеческой личности. Созрел для перемен человек во всей полноте его социально-культурных и социально-психологических характеристик -открыт простор и для изменения всей системы социальных отношений, а значит, и отвечающих им регуляторов человеческой деятельности. Не созрел — эти изменения затормозятся. Поэтому вопрос о качественном состоянии общества — это, может быть, в первую очередь вопрос о социальном типе человека и его соотнесенности с действующей системой социальных регуляторов, вопрос о готовности или неготовности человека воспринять перемены в этих регуляторах или, другими словами, о способности или неспособности регуляторов обеспечить наилучшую реализацию созданного историей человеческого потеншиала.

«Неподготовленный человек»

Социальные регуляторы эффективны тогда, когда они не просто существуют в виде привычных для данного общества институтов, норм, правил и т.д., но и охотно принимаются людьми, естественны для них, соответствуют их внутренним потенциям. Если эти потенции наращиваются, а социальные регуляторы остаются прежними, соответствие нарушается, регуляторы теряют свою укорененность, превращаются в чисто внешнюю оболочку, сковывающую развитие человека и его производительных сил, мешающую этому развитию. Устранить же их бывает очень непросто, на их стороне обычно сила, традиции, привычки, да и просто вся мощь государства, которое само является важнейшим звеном всей системы социальных регуляторов.

Но бывает и по-иному. Семьдесят лет назад в нашей стране вся старая система социальных регуляторов была основательно сломана, многим казалось, что можно свободно конструировать новую систему, начинать строить ее «с нуля». Очень скоро стало ясно, однако, что «свободное конструирование» имеет весьма жесткие объективные границы и что главным ограничением служит сам человек, его неподготовленность ко многим переменам, которые казались уже почти совершившимися.

Это, правда, не было таким уж открытием. Проблема, выражаясь современным языком, «человеческого фактора» в России обнаружилась по меньшей мере во второй половине XIX в., она прямо вытекала из качественного состояния российского общества того времени. Страна была крестьянской. Развитие капитализма в пореформенную эпоху быстро меняло ее облик, создавало «особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных»¹. Однако этот результат достигался лишь там, где развивалась крупная машинная промышленность. А российский капитализм так никогда и не стал по преимуществу крупнопромышленным. Фабрично-заводская индустрия сочеталась с более ранними стадиями развития капитализма, большое место сохранялось за мелким товарным производством, в котором «промышленник еще совершенно не вылупился из крестьянина»². Соответственно и «новых» людей капиталистическое развитие создало недостаточно, и это служило едва ли не главным тормозом всего исторического развития. Об этом тогда много писалось. Вот как, например, говорил об этом Ф.М. Достоевский.

 $^{^{1}}$ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 547.

² Там же. С. 546.

«Люди, люди — это самое главное. Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а... только веками выделываются; ну а на века надо время, годков этак двадцать пять или тридцать, даже и у нас, где века давно уже ничего не стоят. Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельною жизнью нации, вековым многострадальным трудом ее — одним словом, образуется всею историческою жизнью страны. Ну а историческая жизнь наша в последние два столетия была не совсем-таки самостоятельною. Ускорять же искусственно необходимые и постоянные исторические моменты жизни народной никак невозможно»¹.

Не все разделяли мысль Достоевского о невозможности ускорять «моменты жизни народной». В те же самые годы П.Н. Ткачев, например, призывал к скорейшей революции, которая «тогда только и может иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство само осознало свои потребности»² («оригинальная мысль», по саркастическому замечанию Г.В. Плеханова³). Но сознание того, что люди в большинстве своем не такие, «как надо», «не осознают своих потребностей», «не готовы» и т.д., было распространено достаточно широко. Не исчезло оно и когда истекли названные Достоевским «годков двадцать пять или тридцать». Прошло без малого пятьдесят лет. страна оказалась на решающем историческом повороте, и тот же вопрос встал с новой остротой. В 1919 г. В.И. Ленин писал о миллионах «забитых, темных, совершенно неспособных к самостоятельному строительству, веками угнетаемых помещиками крестьян»⁴, с которыми тем не менее надо было строить социализм. «Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм, со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены»⁵.

Почему, однако, возникло это ощущение неготовности, неспособности, несамостоятельности людей? Ведь речь шла не о малых

 $^{^{1}}$ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 93.

² Ткачев П.Н. Соч.: В 2-х т. 1976. Т. 2. С. 17.

³ Плеханов Г.В. Избр. филос. произв.: В 5-ти т. Т. 1. М., 1956. С. 168.

⁴ Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 59.

⁵ Там же. С. 54.

детях, а о народе крупнейшей державы Европы, на протяжении веков игравшей более чем заметную роль в мировых делах, о народе, обладавшем тысячелетней экономической, политической, духовной культурой.

Дело, мне кажется, в том, что на новом витке истории, не без влияния перемен, происходивших на Западе, вся эта целостная культура, равно как и вся лежавшая в ее основе система отношений, подошла к своему историческому пределу, обнаружила свою сравнительно малую социальную эффективность, вступила в полосу кризиса, и это произошло раньше, чем люди в своей основной массе созрели для перехода к новой системе отношений, к восприятию новых социальных регуляторов экономической, политической или духовной жизни, новой культуры, которые должны были очень существенно отличаться от прежних. Некультурность народа, о которой много писали, — это скорее не отсутствие культуры вообще, а его принадлежность к другой, не отвечающей новым условиям культуре.

Выход из кризиса полукапиталистических-полуфеодальных отношений царской России лежал через их устранение и через создание новых, как полагали большевики, социалистических отношений. Но если при решении первой части задачи «неподготовленность» массового человека не послужила большой помехой, то при переходе к ее второй, созидательной части, к построению нового общества сразу выявилась исходная противоречивость ситуации.

С одной стороны, говоря о задачах построения социализма, В.И. Ленин с полной определенностью писал: «Предполагать, что все «трудящиеся» одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, домарксовского, социалиста. Ибо эта способность не дана сама собой, а вырастает исторически и вырастает только из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути от капитализма к социализму, только пролетариат» С другой же стороны, пролетариат, прошедший школу крупного капиталистического производства, составлял меньшинство населения страны, большинством же было крестьянство, в целом сохранявшее еще верность старой патриархальной культуре, приверженность прежним механизмам регулирования социального поведения людей.

¹ Ленин В.И. Великий почин. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15—16.

В.И. Ленин видел выход в руководстве всеми трудящимися, то есть прежде всего крестьянами, со стороны передового слоя городских рабочих¹, «городских и вообще фабрично-заводских, промышленных рабочих»² как носителей передового классового сознания и городской культуры, хотя и понимал, что мгновенно овладеть этой культурой крестьянство не сможет. «Конечно, культурность деревни будет нами повышена, но это дело годов и годов. Вот что у нас всюду забывают товарищи»³. В качестве одной из главных задач В.И. Ленин выдвигал оказание крестьянину помощи, «которая ему нужна, которая лежит в городской культуре. Крестьянину нужны городские продукты, городская культура, и мы должны ему это дать... Помочь крестьянину подняться до городского уровня — эту задачу должен поставить себе каждый рабочий, имеющий связь с деревней»⁴.

Ныне, оглядываясь на пройденный после 1917 г. путь и пытаясь извлечь уроки из прошлого, мы никак не должны забывать исходного положения, от которого началось все движение. Оно было крайне сложным во многих отношениях - экономическом, политическом, военном, но я хочу особенно подчеркнуть социальный и социокультурный аспекты этой сложности. Как бы мы ни оценивали руководство крестьянством со стороны городского промышленного пролетариата в первые десятилетия Советской власти, нельзя не видеть, что сам этот слой был в России относительно малочисленным, особенно после потерь, понесенных в годы революции, Первой мировой и Гражданской войн. К тому же он очень скоро стал в огромных масштабах разбавляться вчерашними крестьянами. В этих условиях историческая неподготовленность десятков миллионов людей к решению поставленных перед ними задач не могла не дать себя знать, не наложить неизгладимый отпечаток на сами представления о социализме как идеале будущего общества (которое порой виделось как нечто вроде больщой и хорощо организованной крестьянской общины, где торжествуют принципы уравнительности, натурального распределения

 $^{^{1}}$ Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 59.

² Он же. Великий почин. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 14.

 $^{^3}$ Он же. VIII съезд РКП(б). Доклад о работе в деревне. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 257.

⁴ Он же. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики. 3 апреля 1919 г. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 257.

продуктов и т.п.), равно как и на пути достижения этого идеала (смесь репрессий с морализаторством).

Сейчас часто приходится слыщать, что при строительстве социализма в СССР были допущены ошибки, которых можно было бы избежать, — и тогда развитие страны шло бы совсем по-иному. Может быть, это и так (хотя, по моему мнению, ошибок можно было бы избежать лишь в том случае, если у социализма в СССР были бы другие строители, а их не было и не могло быть). Но с уверенностью можно говорить только о том, что в действительности произощло — и притом произошло не совсем неожиданно, ибо несовершенство «человеческого материала» было очевидным. Многое можно было предвидеть. Конечно, конкретные формы будущего не дано предугадать никому. Людям, готовившим революцию, система Гулага не могла привидеться и в страшном сне. А все-таки и обольщений особых не было. В те же 1870-е гг., к которым относятся цитированные выше слова Достоевского и Ткачева, Ф. Энгельс, размышляя о будущей русской революции, писал: «...Раз начавшись, она увлечет за собой крестьян, и тогда вы увидите такие сцены, перед которыми побледнеют сцены 93 года»¹. (Напомним, что в 1793—1794 гг. во Франции был развернут массовый террор, унесший многие сотни тысяч человеческих жизней. Террор был направлен против врагов революции, но его жертвами стали и почти все активные ее деятели.)

«Городские» и «сельские» регуляторы

Сегодня страна далеко оторвалась от того исходного уровня развития общества и человека, на котором находилась после революции и Гражданской войны. Остались позади и «сцены» разных годов, с которыми нам, надеюсь, ничего более сравнивать не придется. Однако события недавнего прошлого, уже получившие оценку (а наше время оценят те, кто придет после нас), проливают на состояние, достигнутое нашим обществом, не самый лестный свет. Виня задним числом сменявших друг друга лидеров, не будем забывать старую истину: каждый народ имеет ту власть, которую он заслуживает.

Но как все же подойти к оценке нынешнего качественного состояния советского общества — хотя бы в связи с вопросом о соци-

¹ Энгельс Ф. Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 124.

альных регуляторах? Мы уже отмечали, что знания экономической и социальной структур общества, по крайней мере в том виде, в каком мы привыкли видеть эти структуры, недостаточно для такой оценки. Но есть еще один структурный разрез, которому у нас обычно не придается большого значения, хотя В.И. Ленин отводил ему, как мы только что видели, чрезвычайно важное место. Речь идет о принадлежности к городской или догородской, деревенской культуре (Ленин писал через запятую: «городская, промышленная, крупнокапиталистическая культура»¹).

В интересующем нас контексте город и деревня противостоят друг другу не как два типа населенных мест, а как два принципа организации социальной жизни, а переход от «сельских» общества и человека к «городским» (урбанизация) — один из главных векторов движения общества к новому качественному состоянию.

Урбанизация как механизм изменения качественного состояния общества — исторически явление сравнительно новое. Города возникли давно, но, существуя преимущественно в сельском обществе, они долгое время не превращались в носителей альтернативных форм социальной организации. Как писал К. Маркс, в Средние века даже промышленность «в городе и в городских отношениях имитирует принципы организации деревни»². Самостоятельных же принципов организации города не существовало, они появились много позднее в связи с развитием капитализма, ростом числа и размеров городов и, главное, в связи с небывалой дифференциацией городской деятельности.

В чем же различие этих двух принципов?

Принципы организации деревни древни, как мир. Тысячелетиями люди жили в условиях господства аграрной экономики и порождаемых ею формаций общественного строя. И тому и другому соответствовали более или менее однотипные у всех народов социальные регуляторы повседневного поведения людей, всей их деятельности. Выработанные долгим развитием формы жизни обеспечивали защищенность человеческого существования, стабильность общественных организмов прошлых эпох. Такие организмы, по словам К. Маркса, «несравненно более просты и ясны, чем буржуазный» 3. В силу малых

¹ Ленин В.И. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики... Т. 38. С. 387.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. І. С. 44.

³ Маркс К. Капитал. Т. 1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 89.

размеров и значительной замкнутости сельской общины, в рамках которой протекала жизнь большинства людей, человек прошлого находился в непосредственном общении с односельчанами, с сельским «миром», под его постоянным надзором, был связан со всеми взаимной ответственностью, круговой порукой. В этих условиях главное в механизме социального управления человеческим поведением — внешний контроль, ориентация на неизменное повторение сложившихся образцов поведения, на сохранение фиксированного места человека в строго нерархизированной социальной структуре. Отсюла социально-психологические черты человека, воспитанного в рамках традиционных деревенских отношений: неразвитость индивидуальной личности, ее растворенность в общине, низкая социальная мобильность, неприязнь к нововведениям, вера в незыблемость твердо установленного порядка и авторитета его хранителей — институциализированных представителей социальной иерархии — от главы семьи, «большака», до батюшки царя и т.д.

Человек — винтик в системе этих отношений, что до поры до времени воспринимается общественным сознанием как нечто естественное и закономерное, затем, в период всестороннего кризиса аграрных, сельских обществ в связи с развитием капитализма, ставится под сомнение, оказывается объектом либо защиты, либо критики. Так было у всех народов, так было и в России.

В XIX в. принцип человека-винтика имел в России и сторонников, и противников. Например, И.В. Киреевский, противопоставляя Россию Западу, где «весь частный и общественный быт... основывается на понятии о индивидуальной, отдельной независимости» и где «каждый индивидуум... есть лицо самовластное»¹, с одобрением писал, что в России «формы общежития, выражая общую цельность быта, никогда не принимали отдельного самостоятельного развития, оторванного от жизни всего народа... Никакая личность в общежительных сношениях своих никогда не искала выставить свою самородную особенность как какое-то достоинство; но все честолюбие частных лиц ограничивалось стремлением: быть правильным выражением основного духа общества»².

Иное отношение к тому же принципу можно проиллюстрировать словами, которые вложил в уста своего персонажа Г.И. Успенс-

¹ Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 147.

² Tam же. C. 285-286.

кий: «Я стремлюсь погибнуть во благо общей гармонии, общего будущего счастья и благоустроения, но стремлюсь потому, что лично я уничтожен... Благодаря нашей исторической участи люди... выработали из себя не единичные типы, а «массы», готовые на служение общему благу, общему делу, общей гармонии человеческих отношений. Причем каждому в отдельности... ничего не нужно, и он может просуществовать кой-как... Лично он перенесет всякую гадость, даже согласится сделать гадость просто из-за куска хлеба, оботрется после оплеухи и т.д. И отдохнет душой только в деле общем, совершенно поглошающем его личность»¹.

При всем различии позиций названных авторов (высказанных к тому же с интервалом в несколько десятилетий) они оба исходят из непреложности существования самого факта: отсутствия в тогдашней России человека с развитой индивидуальностью (речь идет, разумеется, о массовом человеческом типе; в России XIX в. было уже, конечно, немало людей, выделявшихся из общего ряда). Ко времени Г.И. Успенского критика российской действительности набрала уже большую силу, как всякая полемическая критика, она не свободна от перехлестов. Для тех, кто и сейчас относится к обсуждаемым чертам человека и общественных отношений слишком критически, видя в них чуть ли не некое абсолютное эло, заметим, что эти черты вобрали в себя тысячелетний опыт народов и что на фундаменте подобных «сельских» отношений воздвигнуты все мировые цивилизации. Другое дело, что на определенном этапе общественного развития возникли альтернативные формы организации социальной жизни, которые продемонстрировали свою эффективность и привлекательность и поставили в повестку дня истории проблему формирования нового «горолского» человека и «городских» же регуляторов его поведения.

Резко возросшее разделение труда в городах, масштабы и сложность городской жизни сделали неэффективными прежние регуляторы поведения людей. Жизнь в городе анонимна, общественные связи в городском мире опосредованы (например, рынком, на котором производитель и потребитель могут никогда не встретиться). Внешний надзор за каждым здесь невозможен. Чтобы общество не ввергалось в хаос, нужны какие-то новые регулирующие механизмы, и они действительно вырабатываются новой общественной практикой. Вместе

¹ Успенский Г.И. Волей-неволей. Собр. соч.: В 9-ти т. М., 1956. Т. 6. С. 96—97.

с городским социальным пространством, намного более сложным и дифференцированным, чем сельское, получают небывалое развитие и внутреннее пространство личности городского человека, его самосознание, способность к рефлексии, к нравственному и эмоциональному переживанию и т.д. Это-то и делает возможными новые принципы социального управления поведением людей; внешний надзор все больше уступает место самоконтролю, «стыд» перед другими при нарушении общественных норм — внутренне переживаемой «вине». Все поведение людей регулируется теперь «изнутри» гораздо больще, чем «извне», и такой способ регуляции воспринимается ими как свобода по сравнению с несвободой в условиях деревенской внешней цензуры. Так, получает новое звучание средневековая максима: «город делает человека свободным». Свобода здесь, конечно, — не вседозволенность, а именно особый способ существования человека в системе социальной регуляции его деятельности, другая сторона его внутренней ответственности. Только ответственный человек может пользоваться свободой без ущерба для самого себя, своих ближних и дальних. И только свободный, имеющий выбор человек может выработать в себе ответственность за свой выбор, стать тем «самостоятельно деловым» человеком, о котором писал Достоевский. Сама структура городской жизнедеятельности порождает и делает массовым новый тип личности — человека, несравненно более универсального и более инициативного, чем прежде, потенциально способного овладеть новым, небывалым многообразием внешнего мира, включиться в принципиально иную, намного более сложную, чем когда бы то ни было в прошлом, систему общественных отношений.

Чрезвычайно важной предпосылкой и в то же время результатом становления городского человека служит развитие товарно-денежных отношений. У нас сейчас много пишется об ущербе, который недооценка товарно-денежных механизмов наносит экономике. Но при этом в тени оказывается их огромное социальное значение. Рынок, деньги, существовавшие испокон веков, на определенном этапе истории становятся мощнейшим регулятором всей социальной жизни. Без универсальности денег немыслимы появление и существование универсального человека. А «противоречие между количественной границей и качественной безграничностью денег» служит как бы зеркальным отражением противоречия существования универсального

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 144.

человека в мире всегда небезграничных возможностей, стало быть, в мире постоянного выбора.

Из всего этого, конечно, не следует, что «городской человек» автоматически становится средоточием всех мыслимых добродетелей. воплошением гармонии и т.п., а товарно-денежные отношения — вершиной мыслимого развития общественных связей вообще. Новая ситуация исполнена своих внутренних противоречий. «Невидимая рука» рынка не справляется с поддержанием общественно необходимых экономических пропорций, и рыночная стихия становится грозной социальной опасностью. Индивидуализация личности может привести к крайнему индивидуализму, свобода — обернуться отчуждением. возможность выбора — мучительной рефлексией, парализующей способность к действию, многообразие — стандартизацией и т.п. Кроме того, сказанное, конечно, не означает утверждения какого-то превосходства «городского» человека над «сельским». Переход от одного исторического типа личности к другому несет с собой и приобретения. и потери, и я бы не взялся оценивать итоговый баланс по какой-то абсолютной шкале. Тем не менее, если рассматривать этот переход в рамках общего исторического движения, то нельзя не видеть, что. породив новый тип человеческой личности, история открыла перед людьми новые возможности. Не случайно основоположники научного социализма связывали будущее с развитием не человека вообще, а именно этого типа личности. В определенном смысле можно сказать, что исторический спор между капитализмом и социализмом — это спор о путях освоения нового человеческого богатства, раскрытия и реализации неизвестных прежде возможностей человеческой личности. Но пути назад нет ни для того, ни для другого.

Многие исторические перемены вносят свой вклад в рождение нового человека. Первостепенная роль принадлежит коренным изменениям в структуре производства (индустриализация) и в отношениях собственности. Но именно урбанизация выступает своеобразным интегратором разнородных влияний всех таких перемен, формируя в конечном счете самого нового человека, его образ жизни, соответствующую ему культуру. Поэтому степень урбанизированности общества становится одной из главных характеристик его качественного состояния и обязательно должна находить отражение в представлениях о его социальной структуре.

К сожалению, сейчас мы располагаем очень скудной информацией о степени урбанизированности советского общества. На первый взгляд, его с определенностью можно назвать городским, ибо се-

годня городские жители составляют две трети населения страны. Однако на деле все не так просто. Статистика считает горожанином всякого, у кого имеется городская прописка. Но социолог, ищущий «городского человека» в описанном выше смысле, не может довольствоваться столь формальным критерием. Для него важно, где родился человек, кто были его родители, в какой среде проходила его социализация и т.п.

Советское общество стало городским очень недавно. Еще в 1926 г. городские жители составляли всего 18% населения страны, в том числе жители городов с населением свыше 100 тыс. человек — всего 6,5%. К 1987 г. эти показатели увеличились соответственно до 66 и 40%. Между двумя названными датами — шесть десятилетий, срок более короткий, чем человеческая жизнь. Сегодняшний горожанин — сплошь и рядом вчерашний крестьянин. К сожалению, после 1926 г. ни одна перепись населения СССР не учитывала такого важнейшего признака, как место рождения, из-за чего безвозвратно утрачена ценнейшая информация о ходе урбанизации и о формировании городского населения страны. Сейчас можно сделать лишь приблизительные оценки, исходя из соотношения чисел родившихся в городе и в деревне в разные годы¹.

Еще сложнее сделать подобные оценки по отдельным регионам страны (из-за значительной межрайонной миграции), хотя понятно, что во многих случаях они будут сильно отличаться от среднесоюзных. Кроме того, такие оценки все равно опираются на формальное деление поселений на городские и сельские, а оно всего не отражает. С одной стороны, чем ближе к нашему времени, тем шире многие основополагающие элементы городского образа жизни распространены и за пределами поселений, имеющих официальный статус городских. С другой же стороны, и в городах, особенно тех, которые быстро выросли за счет притока сельского населения, на протяжении долгого времени сохраняются и в какой-то мере воспроизводятся многие типичные черты сельского образа жизни, сельских отношений и сельской культуры.

Состояние общества и переходные процессы

Многое нужно было бы сделать, чтобы уточнить картину урбанизированности советского общества конца 1980-х гг. Но это едва ли изменит вывод, который можно сделать на основе приведенных выше

¹ См. стр. 33 настоящей книги.

грубых количественных оценок: наше общество во многих отношениях все еще переходное, состоит из поколений, входивших в жизнь в период очень быстрых социальных изменений и потому прошедших разную школу социализации (урбанизация не единственный процесс, обусловивший эти различия, но очень важный, интегрирующий многие другие). Однако, может быть, наиболее важная черта «переходности» — наличие многомиллионных слоев, которым пришлось изменить образ жизни уже в достаточно зрелом возрасте, в основном в результате массовой миграции из деревни в город. Вчерашний сельский житель адаптируется, как может, к непривычным городским условиям, в какой-то мере рассоциализируется. При этом складывается промежуточный — полусельский, полугородской — тип личности. Человек уже не может жить в соответствии с сельскими, усвоенными в ходе первичной социализации нормами поведения — они неэффективны в городе. В то же время он еще внутренне не в полной мере готов жить по новым, «городским» правилам, видит лишь «вершки» городской культуры или только ее негативные стороны, часто воспринимает ее враждебно, не осознает ее ценности. (Впрочем, некритичная, безоговорочно высокая оценка городской культуры — из того же ряда явлений. порождаемых переходной ситуацией: неофиты всегда принадлежат к числу наиболее ревностных сторонников нового для них бога.)

Не думаю, чтобы читатель нашел в обществоведческой литературе много материала по кардинальнейшей для нашей страны проблеме переходных общественных состояний и переходных слоев. Она еще ждет своего исследования. Мы коснемся лишь одного из аспектов этой проблемы, связанного с функционированием социальных регуляторов.

Сейчас в нашем обществе действуют как бы две ценностно и инструментально различные системы таких регуляторов. Одна, «деревенская», ориентирована на натуральные экономические показатели, уравнительное распределение, на традиционный, «винтичный» коллективизм, на внешний контроль за поведением человека, командные методы управления, бюрократическое администрирование и т.д. Другая, «городская», система ставит во главу угла рыночные механизмы, денежные доходы, оплату по труду, индивидуальные способности человека, свободу выбора, основанную на его внутренней ответственности, сознательную солидарность людей, объединенных общими интересами, и т.д. Ни та, ни другая системы не сочинены кем-то зло- или благонамеренным, а объективно обусловлены состоянием общества.

Первая из них подсказана — скорее даже навязана — непреодоленным опытом прошлого. Сила и ограниченность Сталина, с именем которого чаще всего связывают эту систему, заключались именно в том, что как социальный тип он полностью принадлежал этому прошлому и с невообразимой последовательностью олицетворял его идеалы буквально во всем, будь то принципы хозяйствования, семейная мораль или эстетические каноны.

Ничего неожиданного в появлении такого социального типа в крестьянской России, провозгласившей начало строительства социализма, не было. Еще в 1926 г., например, А. Платонов написал повесть «Город Градов», герой которой Шмаков, вырабатывавший форму своей подписи на будущих бумагах, «как бы невзначай копируя по простоте начертания подпись Ленина»¹, полагал, что «чиновник и прочее всякое должностное лицо — это ценнейший агент социалистической истории, это живая шпала под рельсами в социализм»². Сатирический этот персонаж, умерший от истощения на большом социально-философском труде: «Принципы обезличения человека, с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия»³, был списан с жизни, а сама повесть А. Платонова была одним из многих предостережений, которые тогда не могли быть услышаны.

Живучесть того, что сейчас называют административно-командной системой, основывалась на существовании социальных слоев (а принадлежность к ним определяется не только отношением к собственности или профессиональным статусом в данный момент, но в очень большой мере — и социальным и социокультурным генезисом), восприимчивых к свойственным этой системе регулятивным воздействиям типа жесткого экономического и внеэкономического давления, категорического приказа, централизованно запрограммированного общественного мнения и т.п.

Пока эти слои — оторванные от привычной почвы, плохо адаптировавшиеся к новым социокультурным условиям, лишенные элементарного материального достатка вчерашние крестьяне — были многочисленными, административно-командная система находила в них

¹ Платонов А. Город Градов / Повести и рассказы. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1969. С. 99.

² Там же.

³ Там же. С. 121.

надежную опору и была относительно эффективной. Шмаков мог торжествовать, утверждая, что «бюрократия имеет заслуги перед революцией: она склеила расползавшиеся части народа, пронизала их волей к порядку и приучила к однообразному пониманию обычных вещей».

Парадокс истории заключался, однако, в том, что чем успешнее функционировала административно-командная система на определенном этапе развития, тем скорее приближался конец этого этапа, тем основательнее она разрушала свою собственную опору. Разоряя и обескровливая деревню, перекачивая ее жителей в город, добиваясь индустриализации «любой ценой», поистине превращая людей в «живые шпалы под рельсами в социализм», она готовила новые и новые поколения сперва, может быть, и полугородских, а затем и по-настоящему городских людей.

Когда-то В.И. Ленин писал: «...Мы воспитаем чистеньких коммунистических специалистов лет через двадцать: первое поколение коммунистов без пятна и упрека» 1. Не хочу льстить своим современникам, да и самому себе, конечно. Хотя прошло намного больше двадцати лет, пока все мы далеко не такие уж чистенькие, все — и с пятном, и с упреком, в том числе, разумеется, и самые «городские». Не похвалой звучит здесь это слово, а лишь указанием на определенные социальные качества, свойственные данному типу человека, на которого ориентирована вторая из существующих у нас систем социальных регуляторов. Эта система принята, так сказать, официально, отражена в самых высоких документах, многие элементы закреплены в законе.

Но, как говорил В.И. Ленин, «кроме закона, есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь»². Реально механизмы регулирования, о которых идет речь, например рыночные механизмы регулирования товарно-денежных отношений, выборные механизмы формирования органов власти, судебные механизмы разрешения конфликтов и пр., срабатывают не всегда. В целом они более эффективны тогда, когда в обществе накапливается больше людей, прошедших школу городских отношений и сформировавшихся как «универсальные», «самостоятельные», «инициативные» и т.п. личности. Эти характеристики не имеют оценочного смысла, в зависимости от позиции читателя могут восприниматься со знаком плюс или

¹ Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти... С. 55.

 $^{^2}$ Он же. VIII съезд РКП(б). Доклад о партийной программе. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 170.

со знаком минус. Но коль скоро они есть, вся система социальных регуляторов должна быть устроена соответствующим образом: не подавлять проявления разных индивидуальностей, а поощрять их; не требовать «однообразного понимания обычных вещей», а признавать естественность разномыслия; не стеснять всесторонней подвижности людей, а способствовать ей и т.д. Смысл такой стратегии заключается в том, что послушание — добродетель несвободного, подчиненного человека. А если уж человек стал свободным, то общество может делать ставку только на его ответственность. Ответственность же воспитывается, когда потенциал свободного человека реализуется, а не подавляется.

Ни та, ни другая системы социальных регуляторов не существуют изолированно, они переплетаются между собой, подчас весьма причудливо, и в то же время противоборствуют. Это причудливое двоевластие можно увидеть повсеместно.

Известный советский экономист писал: «Представьте себе армию, генералы которой рассылали бы письменные приказы одного содержания, а по телефону давали бы своим подчиненным совершенно противоположные указания. Вы скажете: представить такое невозможно, это противоречит здравому смыслу. В хозяйственной же практике аналогичное явление стало настолько привычным, что некоторые работники теоретического фронта стали считать его закономерностью социалистического производства»¹. Здесь речь идет о хозяйственном механизме (о разных «командах», даваемых планом и рынком), но, по существу, такое противоречие можно встретить повсюду в нашей социальной жизни, оно типично и для общественного сознания.

Приветствуем создание кооперативов как метод развязывания экономической инициативы и тут же выражаем опасение, что кооператоры будут больше заботиться о своих доходах, нежели о благоденствии потребителя; судим по закону, но прислушиваемся к телефонным звонкам начальства; нередко нарушаем закон с пользой для общества; подбираем кадры по деловым качествам, но не забываем об анкете; провозглашаем свободу развода, но морально осуждаем разведенного; вроде бы выбираем, а больше все-таки назначаем.

Каждый может продолжить этот список примеров. К нам все время поступают два ряда управляющих сигналов, тогда как каждому

¹ Петраков Н.Я. Некоторые аспекты дискуссии об экономических методах хозяйствования. М., 1966. С. 85.

из нас нужен только один, и действовать приходится на основе компромисса, во многом зависящего от того, какой сигнал лучше воспринимается данным человеком, но также и от общего авторитета той или иной системы сигналов.

Что же дальше?

Мы подошли к очень важному вопросу о фактической динамике двух систем социальных регуляторов в советском обществе, о реальном нынешнем авторитете каждой из них. Это — непростой вопрос.

Более или менее очевидно, что административно-командная система давно уже пережила свой звездный час, ее социальная база неуклонно сужается, вследствие чего свойственные ей социальные регуляторы работают все менее эффективно. Сохранение же за этой системой господствующего положения — пусть и с некоторым ремонтом фасада — привело к прогрессирующему замедлению общего движения и в конце концов почти к полной его остановке («застою»). Ход вещей требует «перенастройки» на другую систему регуляторов, которая в свернутом виде всегда существовала, но не могла развернуться из-за отсутствия адекватного «человеческого материала».

Казалось бы, надо как можно скорее вырываться из застоя, сосредоточить усилия экономической, социальной и культурной политики на окончательном преодолении отжившей системы регуляторов и переходе к единовластию новых механизмов регулирования. Одновременно следовало бы очень серьезно задуматься над механизмами социальной защиты человека в новых условиях, когда многие привычные нам сегодня формы такой защиты могут оказаться анахронизмом, перестанут удовлетворять человека и одновременно вступят в противоречие с господствующей системой социальных регуляторов.

В общем, перестройка активизирует движение именно в этом направлении. Однако здесь есть и свои трудности. На первый взгляд они могут показаться неожиданными. Если появление нового, по-иному подготовленного человека обесценило прежние авторитарные методы социального управления, то разве оно же не делает возможным широкий переход к демократическим методам? Но в этом рассуждении, кажется, и кроется ошибка. То, что нынешние поколения людей в массе своей невосприимчивы к системе сигналов административно-командного управления, показала сама жизнь. Но означает ли это, что они полностью созрели для восприятия сигналов другого

ряда? На этот счет жизнь никаких особых подтверждений пока не дала. Ненужные качества отбрасывает, а нужные воспитывает общественная практика, но автоматической синхронности здесь нет. Наша общественная практика слишком долго развивалась в тупиковом направлении и не благоприятствовала формированию людей, которые естественно чувствовали бы себя в мире полной хозяйственной и политической демократии.

Ставшие крылатыми слова о том, что нам надо учиться демократии, отражают очень существенную особенность наших дней. Всем нам надо пройти школу общественной практики нового типа иначе нужные социальные качества человека и работника выработаться не могут. А мы все еще топчемся на пороге этой школы, боясь сесть за непривычные парты. Главные же якоря, которые не дают нам сдвинуться с места, находятся, как мне кажется, в сфере общественного сознания.

Уже упоминалось, что социальные регуляторы имеют инструментальные и ценностные компоненты. Хотя для стороннего наблюдателя вся сложная система общественных отношений и социально-культурной надстройки над ними — лишь средство самоорганизации той или иной общности людей, для человека, живущего внутри данного социума, они самоценны. Люди не осознают инструментальной роли экономических или нравственных принципов, религиозных или этнических символов, придают им самостоятельное значение, видят в них высший смысл и нередко готовы отстаивать их любой ценой. Даже и тогда, когда инструментальная роль тех или иных регуляторов исчерпана, они могут еще какое-то время по инерции сохранять былой престиж в общественном сознании, питая его консервативные течения.

От того, что те или иные структуры существуют лишь в силу многовековой инерции, они не становятся менее реальными. Скорее даже напротив: чувствуя свою историческую обреченность, они отстаивают свое место под солнцем с особым упорством, находят своих защитников — в этом сказывается огромная жизнеспособность, заложенная в культуре каждого народа. Игнорировать эту реальность не может никакая разумная политика.

Для нынешнего состояния советского общества характерны многочисленные промежуточные, маргинальные слои, причем ситуация усугубляется значительной территориальной неоднородностью населения, имеющего, так сказать, неодинаковую степень маргинальнос-

ти в разных регионах страны. Поведение маргинального человека уже не вписывается в рамки прежней системы социального регулирования и еще не вписывается в рамки его новой системы. Он живет одновременно в двух мирах, не будучи полностью адаптированным ни к одному из них. Интеграция личности такого человека затруднена, его сознание раздваивается, он легко теряет ориентиры, становится удобным объектом политического манипулирования, сворачивает на дорогу асоциального поведения, впадает в агрессивность или, напротив, социальную апатию и т.п.

Оторванный от своих социальных корней, человек испытывает чувство постоянной неудовлетворенности, не без основания видя ее главную причину в общественных переменах. Отсюда его потенциальная готовность воспринять консервативные лозунги.

Несколько десятилетий назад именно многомиллионные маргинальные слои послужили социальной опорой сталинской диктатуры, пришедшей к власти на волне крайней революционности, но почувствовавшей себя в безопасности, лишь повернув к крайнему консерватизму. Конечно, сейчас степень маргинальности нашего общества уже далеко не та, но недооценивать ее все же не следует. И сегодня слишком торопливое движение к безраздельному господству «городских» отношений, а значит, и «городских» социальных регуляторов в сфере экономики, политики, этнических процессов, семейной или культурной жизни, особенно если они задевают сохраняющие силу тралиционные ценности, может породить консервативную реакцию. Последняя, получив, в свою очередь, поддержку маргинальных слоев, способна не только свести на нет усилия политики перестройки, но и отбросить общество назад. (Заметим мимоходом, что, следуя за консервативными лозунгами, маргинальные слои не обязательно отстаивают свои истинные интересы, они могут действовать даже вопреки им, что осознается обычно залним числом. Поэтому оценка социально-политической ситуации, основанная только на анализе объективных интересов различных групп населения, страдает неполнотой.)

Чтобы избежать подобного поворота событий, политика перестройки должна быть предельно гибкой, постоянно соизмерять свои цели и задачи с тем, что реально может быть воспринято и достигнуто обществом при его нынешнем состоянии. Наше обществоведение могло бы оказать существенную помощь политикам, давая объективный и дифференцированный анализ этого состояния, хотя пока, как мне кажется, оно скорее демонстрирует свою неготовность к такой

работе. В то же время никакая наука не может гарантировать стопроцентную правильность принимаемых политических решений. Конечно, генеральные, стратегические направления политики невозможно определить без ясного, научного понимания объективных тенденций общественного развития. Но залог успеха даже для самой последовательной и «научно обоснованной» политики — в ее недогматичности, в способности к восприятию сигналов обратной связи, к самокоррекции с учетом реакции различных общественных слоев.

РОССИЯ: СТИЛЬ ЖИЗНИ ХХІ ВЕКА*

В 2000 г. среди сорокалетних жителей России все еще будут преобладать сельские уроженцы. Среди тридцатилетних будет уже 63% коренных горожан, а среди двадцатилетних — 70. Десять лет спустя, в 2010 г., тридцатилетние станут сорокалетними, и среди них, естественно, будут примерно те же 63% коренных горожан, их доля среди новых тридцатилетних поднимется до 70, а вот доля городских уроженцев среди двадцатилетних выше 70% уже не поднимется. Иными словами, длившееся весь XX век вытеснение сельских поколений городскими подойдет к концу. Вступившее в нынешнее столетие почти сплошь сельским российское общество выйдет из него почти сплошь городским. А 2000—2010 гг. станут первым в истории России десятилетием, стиль которого будут задавать коренные горожане, сделавшиеся большинством. Это очень важный рубеж.

Наибольшие ожидания связаны сейчас с изменением стиля деловой жизни. Натурально-хозяйственные отношения, свойственные дореволюционной деревне и во многом воспроизведенные в логике функционирования централизованного планового «социалистического» хозяйства, уже сейчас полностью изжили себя и быстро заменяются рыночными отношениями. Рынок — не только экономический, но и цивилизационный механизм. Он невозможен без конкуренции, без постоянной жесткой проверки эффективности деятельности каждого и его прямой ответственности за неуспех. Деловая жизнь в условиях рынка требует массовых собранности и расчета, без чего до сих пор на Руси вполне можно было обходиться. Людям старших поколений, воспитанным в обстановке бесконтрольного «социалистического» патернализма, в утопической вере в скорое пришествие всеобщего благоденствия, уже, пожалуй, не измениться. Но молодые люди, вступающие в деловую жизнь в наши дни, с самого начала ориентированы на столкновение с суровыми рыночными реальностями, на активность в преодолении экономических трудностей. Поэтому стиль деловой жизни следующего десятилетия будет несравненно бо-

^{*} Vers un «Russian way of life» // Courrier international, Octobre 1993. Horssérie N 7. Р. 57—59. Печатается по публикации на русском языке: Россия: стиль жизни XXI века // Сегодня. 5 января 1994.

лее утилитарным и рациональным, более жестким, нежели тот, к которому мы привыкли. Штольц все-таки победит Обломова.

Колеса рыночной экономики в любом случае закрутятся быстрее, и люди наконец окажутся включенными в экономический кругооборот не только как винтики производственной машины, но и как потребители, бедность которых служит помехой всему хозяйственному развитию. Имущественное расслоение усилится, но при этом все слои общества начнут выходить из нищеты, потребление и обслуживающие его отрасли станут определять и в экономике, и в стиле жизни намного больше, чем сейчас.

Еще больше новизны следует ожидать в стиле гражданской жизни. Расставание с тоталитаризмом, развитие институтов гражданского общества даются России нелегко. Девяностые годы в этом смысле начались мучительно, и мука эта, видно, не скоро еще кончится. Ни многопартийность, ни гражданские свободы, ни уважение к собственности, ни законность, увы, не стали пока неотъемлемыми чертами стиля нашей жизни. Но все же она не стоит на месте. Глубоко укоренившийся страх перед начальством советских подданных мало-помалу уступает место чувству собственного достоинства российских граждан. Если процесс обновления политической жизни в России не будет сорван, стиль этой жизни в будущем десятилетии будет характеризоваться преобладанием либеральных ценностей, гораздо большей, чем сейчас, правовой зашищенностью личности, развитой парламентской демократией и гораздо большим, чем сейчас, доверием граждан к политическим институтам. Дышать человеку в правовом пространстве будет легче. Но проблемы, конечно, не исчезнут, и некоторые из них, увы, надолго останутся чертами стиля российской жизни.

Одна из них — это политический экстремизм, элосчастная традиция нечаевского «Катехизиса революционера». Во имя «полнейшего освобождения и счастья народа» «Катехизис» предписывает «всеми силами и средствами способствовать развитию тех бед и зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию». Бед и зол будет немало и в будущем десятилетии, будет, стало быть, и на чем паразитировать политическому экстремизму.

Другая тяжелая проблема нашего будущего стиля жизни — живучесть политической и экономической коррупции и организованной преступности. Российская история, затем и советская с ее монопольным политическим режимом не выработали противоядия про-

тив них вроде «протестантской этики». Сопротивление злу насилием, на которое только и может рассчитывать наше общество, способно дать лишь ограниченный эффект. Казалось бы, почему бы и нам не надеяться на изменение системы ценностей, рост духовности, укрепляющее нравы влияние религии? Мы и надеемся. Но дело это тонкое. Пока неясно, скажем, смогут ли церкви всех наших конфессий выйти из долгого оцепенения и занять подобающее место среди обновляющихся институтов гражданского общества или они предпочтут союз с теми из них, которые к такому обновлению не склонны.

Разумеется, не останется без изменений и стиль частной жизни. Но здесь перемены будут не столь радикальными. Как ни вездесуш был дух недавнего тоталитаризма, частная жизнь, конечно, не контролировалась им в такой степени, как деловая или гражданская. Худобедно, но она все время обновлялась — медленно, но неуклонно. Поэтому сегодня интимные отношения людей, их семейное бытие и домашний быт, рождение и воспитание детей, одним словом, все, что лишь очень приблизительно очерчивается словами «частная жизнь», уже сильно модернизировано. Ближайшее десятилетие принесет не коренное изменение ее стиля, а лишь более полное развитие тех его черт, которые уже со всей определенностью заявили о себе. Свобода индивидуального выбора в частной жизни достаточно широко признана в России уже и сейчас, хотя все еще время от времени возникают радетели запрета аборта или развода, сторонники вмещательства «общественности» в семейные конфликты и т.п. В начале будущего века им будет труднее. Ценности индивидуального выбора естественны для городского общества. Они еще больше укрепятся, так же, как и ценности самореализации, так что вряд ли люди станут мириться с какими-либо попытками ограничить свободу их личного выбора в частной жизни.

В конце нынешнего — начале следующего века России скорее всего предстоит вслед за западными странами пережить то, что некоторые авторы (D. van de Kaa, R. Lesthaeghe) называют «вторым демографическим переходом». Сложно изменится баланс ответственности человека перед самим собой и перед другими людьми, включая самых близких — супругов, детей. Особенно важным этот сдвиг станет для женщин, которые шаг за шагом будут отвоевывать себе место в мире, свободном от двойного — мужского и женского. — стандарта. Ценность семьи не упадет, но семейное счастье не станет более доступным. Брак станет более хрупким, увеличится число людей, не вступа-

ющих в брак, внебрачных рождений. Рождаемость же в целом скорее всего будет очень низкой. А вот здоровье улучшится, и продолжительность жизни почти наверняка повысится (конечно, если удастся избежать войн и экологических катастроф).

Все эти перемены не могут не затронуть и художественного стиля эпохи. Жизнь станет материально богаче, цветастее, ярче, динамичнее, на эстетических вкусах это скажется неоднозначно.

Впервые появится много состоятельных людей, они начнут обустраивать свой быт, неизбежно демонстрируя сомнительный вкус нуворишей, тягу ко всему дорогому, аляповатому, претенциозному и навязывая его обществу. Эйфория потребительства, стремление к «красивой жизни» захватят многих, и это проложит дорогу более свободной и раскованной, хотя и весьма поверхностной «массовой культуре».

Но тогда же будет идти работа и по решению серьезных художественных задач, выдвигаемых временем. Без этого, скажем, не вывести из эстетического тупика наших построенных маргиналами урбанистических кентавров — полугорода-полудеревни. Здесь массовая культура мало чем может помочь. Новый урбанизм, как это нередко бывало, способен задать тон всем эстетическим поискам, противостоящим стилизации и эклектике «красивой жизни». Положительное же их содержание составят искания художественного образа мира, соответствующего духу гражданина России XXI в., новому типу личности, гораздо более индивидуализированной, автономной и активной, нежели личность homo soveticus в веке уходящем.

Хотим мы этого или не хотим, но современная жизнь удаляет нас от природы и заставляет жить пусть и в более комфортабельной, но и в более искусственной среде. Среда же эта, создаваемая по универсальным законам техники, тяготеет к предельной стандартизованности, что вступает в противоречие с индивидуализированными устремлениями человека. Синтез противоречивых начал, «природы» и «культуры», безликого техницизма и тысячелетней эстетической традиции — такова задача, которую предстоит решать, вырабатывая художественный стиль будущего столетия.

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ: ПОЗАДИ ИЛИ ВПЕРЕДИ?*

В истории России не было периода более напряженного, более насыщенного событиями, более богатого результатами, чем уходящий XX век. Такое видение отечественной истории не соответствует ощущениям многих наших сограждан, убежденных в том, что страна за 70 лет своего «советского» периода «выпала из истории». Это настроение выражено, в частности, в известных словах Солженицына: «Весь XX век жестоко проигран нашей страной... Из цветущего состояния мы отброшены в полудикарство. Мы сидим на разорище» 1.

Между тем именно на XX век пришлась кульминация модернизации российского общества, то есть его превращения из традиционного, аграрного, сельского, патриархального, холистского в современное, индустриальное или «постиндустриальное», городское, демократическое, индивидуалистское. Эта великая социальная мутация началась в России несколько столетий тому назад и еще не завершилась. Но перевал пройден, пик модернизационных перемен, который
выпал на XX столетие, уже позади. Впереди же — продолжение и завершение модернизации, приспособление социальных структур,
институтов и ценностей к новому качественному состоянию общества,
приобретенному в результате многих недавних перемен. Центральное
место среди них принадлежит трем развернувшимся с конца 1920-х гт.
«революциям»: экономической, городской и демографической.

Экономическая революция. Смысл совершившейся в СССР экономической революции полностью раскрывается стереотипной фразой: превращение страны из аграрной в индустриальную. Едва ли стоит повторять хорошо известные данные об огромном росте промышленного производства в СССР. В середине 1980-х гг. он принадлежал к числу мировых промышленных гигантов, входил, нередко занимая первое место, в тройку крупнейших производителей электроэнергии, нефти, природного газа, угля, железной руды, чугуна, стали, алюми-

^{*} Модернизация России: позади или впереди? / Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. II. Интерцентр. М., 1995. С. 208—217.

¹ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. М., 1991. С. 24.

ния, золота, цинка, минеральных удобрений, серной кислоты, цемента и т.д. На долю СССР приходилось свыше четверти мирового экспорта вооружения¹. Страна первой в мире вышла в космос, обладала огромной военной мощью, владела новейшими ядерными технологиями. За пять-шесть десятилетий в корне изменились важнейшие макро-экономические пропорции. Доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80 до 20%, занятого в промышленности и строительстве выросла с 8 до 38%². Вклад сельского хозяйства в национальный доход уменьшился с 54 до 19%, промышленности и строительства вырос с 29 до 56%³.

Тем не менее СССР не был передовой промышленной державой, в его экономике все еще оставалось много архаичных черт. По доле занятых в сельском хозяйстве он был близок к таким странам, как Испания, Португалия или Ирландия, но не мог равняться с США (3% занятых в сельскохозяйственном производстве), Германией — ФРГ (5%), Францией (7%). Что касается доли занятых в промышленности, то здесь у СССР было больше сходства с развитыми странами, но при гораздо более высокой доле занятых в сельском хозяйстве это неизбежно означало неразвитость сферы услуг. В 1985 г. в СССР вклад промышленности и строительства в валовой национальный продукт составлял 45%, в США — 31. На долю сельского хозяйства в СССР приходилось 17%, в США — всего 2. Зато участие в создании валового продукта транспорта, связи, торговли и сферы услуг в СССР ограничивалось 38%, в США на их долю приходилось 67%4. Примерно таким же было и соотношение долей занятых в третичном секторе экономики СССР и США.

Отмеченные различия указывают на незавершенность экономической модернизации в СССР, однако если бы дело было только в этих количественных различиях, вопрос о завершении модернизации был бы относительно простым. Гораздо серьезнее дело обстоит с качественными отличиями от западных экономик, которые указывают на противоречивость самой советской модели модернизации. Она позволила ценой огромных усилий создать современный производственный

La puissance économique. Atlas Hachette. Paris, 1990. P. 161, 196-197.

² Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988. С. 14.

³ Вайнштейн А. Народный доход России и СССР. М., 1969. С. 68, 96; Народное хозяйство СССР в 1989 году. М., 1990. С. 12.

⁴ Народное хозяйство СССР в 1989 году... С. 675.

аппарат, подобный западному, и в этом смысле многие важнейшие этапы модернизации пройдены, они уже позади. Однако по самой своей природе мобилизационная, централистская советская модель модернизации не была ориентирована на создание главного механизма саморазвития и саморегулирования современной экономики — рынка, без чего вся экономическая система оставалась малоэффективной, застойной. Развитие рыночных отношений — необходимое условие завершения экономической модернизации России. Этот ее этап еще впереди.

Городская революция. Стремительно индустриализуясь, страна одновременно превращалась из сельской в городскую. Доля городского населения СССР увеличилась с 18% в 1929 г. до 66% в конце 1980-х. Число городов-миллионеров выросло с 2 до 23, число городов-стотысячников только с 1939 по 1989 г. — с 89 до 296, доля населения одних лишь крупных городов (100 тыс. жителей и более) составила в 1989 г. 39%. Урбанизация продвинулась очень далеко, хотя говорить о ее завершенности все же было преждевременно. Среди шестидесятилетних жителей страны насчитывалось не более 15-17% коренных горожан. Среди 40-летних их было уже примерно 40%. И только среди 22летних и более молодых — свыше половины. Но на долю этих последних приходилось 37% всего населения, меньшинство. Так что к моменту распада СССР нельзя было сказать, что советское общество стало по преимуществу городским. Жители СССР все еще в большинстве были горожанами в первом поколении — наполовину или на три четверти горожане, а наполовину или на четверть крестьяне — несли на себе печать промежуточности, маргинальности¹.

И снова, если бы речь шла только о количественных оценках, можно было бы утверждать, что городская революция в СССР, а тем более в России, где доля городского населения была выше среднесоюзной, в основном осталась позади. Беда, однако, в том, что советская урбанизация была во многих отношениях столь же искусственной, сколь и индустриализация. Она не сопровождалась формированием полноценной городской среды, а главное, ростом средних социальных слоев, буржуазии — естественного носителя городских отношений. Население урбанизировалось, но сами города рурализова-

¹ Вишневский А.Г. На полпути к городскому обществу // Человек. 1992. № 1. С. 24. Более подробно об этом см.: Вишневский А.Г. Серп и рубль. М., 1998, Гл. 3.

лись, становились инструментом воспроизведения социальной маргинальности. Сейчас Россия, как и многие другие бывшие республики СССР, стоит на пороге завершающего этапа урбанизации: физическое пространство бесчисленных городов должно быть наполнено новым социальным содержанием, должны измениться социальная структура городского населения, стиль и принципы его жизни. Этот этап модернизации еще впереди.

Лемографическая революция. Экономическая революция в корне изменила условия повседневной производственной деятельности людей, городская революция — условия их повседневного социального общения. Связанная и с тем, и с другим демографическая революция изменила условия частной, интимной жизни людей, затронула глубинные, экзистенциальные стороны человеческой личности. Главными количественными индикаторами демографической революции служат показатели снижения смертности и рождаемости. К середине 1960-х гг. средняя продолжительность жизни в СССР по сравнению с началом века увеличилась с 32 до 69 лет, он вошел в число трех десятков стран с наиболее низкой смертностью. В европейских республиках СССР соответственно снизилась и рождаемость, установился баланс рождаемости и смертности, характерный для экономически развитых стран. За этими количественными сдвигами стояли огромные качественные перемены. Коренным образом изменились демографическое и семейное поведение людей, семейные роли и ценности, положение женщин и детей, условия семейного воспитания, отношение к жизни, любви, смерти. Демографическая модернизация затронула самые глубинные структуры личности.

Однако и эта модернизация не была и не могла быть доведена до конца. Внешне она обеспечила довольно значительную конвергенцию демографического поведения и его результатов в СССР и в западных странах, совершившиеся перемены необратимы. В этом смысле многие важнейшие этапы демографической модернизации уже позади. Но низкая ценность жизни, архаичная структура причин смерти, нарастающее в течение тридцати лет отставание от Запада по уровню средней продолжительности жизни, огромное число абортов, сохранение консервативных взглядов на семейную жизнь, положение женщины и пр. указывают на то, что и демографическая модернизация не завершена. Идеологические шоры, низкий уровень благосостояния, патерналистская социальная политика, ограничение свободы передвижения, свойственные советскому периоду, по самой своей сути

противоречили главному принципу, утверждающемуся в ходе демографической модернизации, — принципу свободы индивидуального выбора во всем, что касается личной жизни человека. Для того чтобы преодолеть препятствия, возникшие на пути снижения смертности, улучшения здоровья населения, усвоения современных моделей семейной жизни, повышения территориальной мобильности населения и т.д., необходимы преодоление социокультурной маргинальности, унаследованной от советского периода, обновление всей системы ценностей, рост индивидуальной активности. Эти этапы модернизации еще впереди.

Экономическая, городская и демографическая революции резко расширяют область человеческой свободы и потому делают объективно возможным гражданское общество, основанное на либеральных принципах, противостоящих средневековой «соборности», поглощению личности государством, общиной, церковью, этносом, семьей и т.д. Даже в том незавершенном виде, в каком три революции реализовались в России к настоящему времени, они вплотную подвели ее к восприятию этих принципов. Страна, народ, общество стали совершенно иными, не теми, какими они были еще в начале века. Возврата к прошлому нет. Однако и движение вперед затруднено. Незавершенность модернизации в наших условиях означает не просто то, что прошло недостаточно времени от начала процесса и надо лишь подождать, пока новые формы социального бытия окончательно созреют. Дело в том, что исчерпал свои возможности сам советский путь модернизации. Он оказался типичным примером «третьего пути», пытающегося сочетать технологический модернизм с социальной архаикой.

Сущность этого пути, на который с роковой неизбежностью сбиваются все страны догоняющей модернизации, свойственные ему политические и экономические формы в свое время хорошо охарактеризовал О. Шпенглер. «Власть принадлежит целому. Отдельное лицо ему служит. Целое суверенно... Каждому отводится предназначенное ему место. Приказывают и повинуются. Все это, начиная с XVIII века, и есть авторитарный социализм, по своему существу чуждый либерализму, поскольку речь идет об английском либерализме и французской демократии... Приспособление этого организма, проникнутого духом XVIII века, к духу XX составляло задание организаторовь 1.

¹ Шпенглер О. Прусская идея и социализм. Шпенглер О. Пессимизм? М.: Крафт+, 2003. С. 145.

Классический «Запад», давший миру «дух XX века», сделал это, опираясь не на суверенитет целого и не на «организаторов» в шпенглеровском смысле, а на множество центров принятия решений, в пределе — на каждое суверенное частное лицо. Там, где зародилась современная экономика, развитие промышленности, торговли, банковского дела поддерживалось усилиями множества предпринимателей-одиночек, их инициативой, конкурентной борьбой на рынке, возвышением или гибелью, в определенном смысле было естественным, спонтанным процессом, который одновременно был и процессом приспособления социальных структур и институтов, всего социума к новым условиям экономический жизни. Западные демократия и либерализм — естественная политико-идеологическая оболочка современного индустриального общества, неотделимая от него как кожа от мышц.

Между тем все сторонники «третьего пути» подобно Шпенглеру надеются получить стальные мышцы индустриального Запада без его мягкой кожи, привить западные технологические вершки на свои социальные корешки. Соединение современных промышленных технологий с социальной архаикой — основная черта протофашистских идеологий «консервативной революции». Оно же стало характернейшей чертой большевизма после его прихода к власти. Соединение духа XVIII в. с духом XX в. России и привело к тому, что современная промышленность была построена с использованием антирыночных принципов натурального хозяйства, средние слои были созданы без буржуазии, а рождаемость снизилась без применения контрацепции. По стандартам XVIII в. была возведена и пирамида власти, которая управляла всем этим хозяйством, — нечто вроде социалистического самодержавия, основанного на принципах строжайшего централизма.

Оглядываясь прежде всего именно на советский опыт, нельзя сказать, что «третий путь» абсолютно утопичен. Будучи генетически связанным с реакционным политическим и идеологическим тоталитаризмом, а по ряду причин и с милитаризмом, он при определенных условиях обладает высоким мобилизационным потенциалом и огромной эффективностью. Однако в конечном счете он оказывается тупиковым. Внутренняя, имманентная цель модернизации — устранение социальной архаики и расширение области индивидуальной и коллективной свободы. Индустриализация, урбанизация или снижение смертности — средства достижения этой цели. «Консервативно-революционный» «третий путь», пусть и вынужденно, делает ставку на сохранение несвободы во имя достижения «технических» результатов.

Но при этом происходит подмена цели средством, общество оказывается дезориентированным, после недолгого периода успехов модернизационные процессы начинают пробуксовывать, энергичное развитие сменяется застоем.

В конце концов привитая модернизацией технологическая новизна входит в острейшее противоречие с ветхозаветной социальной оболочкой, что неплохо описывается известной марксистской формулой о рассогласовании производительных сил и производственных отношений. Продолжение модернизации требует отказа от всех видов социальной архаики и утверждения принципов экономического и политического либерализма не потому, что они вообще лучше принципов «соборности», а потому, что все хорощо на своем месте. Российское общество необратимо изменилось и ощутило потребность в новых, принципиально иных, чем прежде, внутренних, встроенных в «тело» социальных субъектов механизмах целеполагания и целеосуществления в экономической, гражданской и частной жизни. Их создание — задача следующего этапа модернизации, он еще впереди.

Этот этап предполагает, в частности, коренную модернизацию системы власти, отказ от ее централистской модели, свойственной всем вариантам промежуточного, мобилизационного «третьего пути». Это вопрос отнюдь не политических или идеологических симпатий и убеждений. Полицентрическая система управления более соответствует уровню сложности, разнообразия промышленно-городских обществ, в число которых уже прочно вошла Россия, несмотря на отмеченную выше незавершенность главных модернизационных процессов. Она более эффективна.

При переходе к новой модели социального управления власть и собственность рассредоточиваются, исчезает единый центр принятия всех решений, он заменяется бесконечным множеством таких центров. На смену относительно немногочисленной и строго иерархизированной партийно-советской аристократии приходит новая, «буржуазная», элита, намного более многочисленная и более независимая. В этом, собственно, и заключается смысл демократизации. Романтизация демократии в период борьбы за ее утверждение приписывает ей несуществующие добродетели, внутреннюю связь с нравственными ценностями, способность дать ответы на «вечные вопросы» и т.д. Это порождает в обществе несбыточные надежды, а в конечном счете — разочарование сторонников и злорадство противников демократии. Однако если сравнивать результаты экономической и политической

демократизации в указанном выше смысле перехода от моноцентрического к полицентрическому социуму не с ожидаемым будущим, а с реальным прошлым, то общество оказывается в несомненном выигрыше. В конечном счете оно становится более эффективным, более динамичным и более богатым, повышается качество функционирования всех его подсистем, улучшается социальное самочувствие людей, ошущающих себя более свободными. Вечные же вопросы остаются, конечно, нерешенными — иначе они не были бы вечными.

Но даже и такой относительный выигрыш не может быть получен в одночасье. Начатая Горбачевым перестройка объективно не могла быть ничем иным, как одновременным преобразованием структуры власти и собственности (из моноцентрической в полицентрическую) и их переделом (переходом в руки новых элит). Нелепо было ожидать, что эта перестройка осуществится в соответствии с этическими идеалами «шестидесятников» — для этого в советском обществе не было никаких предпосылок. Одна контролировавшая страну мафия распалась на множество более мелких, как правило, вылупившихся из прежней большой, генетически и идейно связанных с ней, — ничего иного и не могло произойти. Но коль скоро это совершилось, уровень монополизма резко понизился, и возник полицентрический мир, живущий по иным законам, с которыми рано или поздно придется считаться всем его юридическим и физическим обитателям.

Децентрализация власти и собственности с одновременным их переделом — сегодняшний этап модернизации российского общества. Эти два процесса переплетаются между собой, переплетается и оппонирование им со стороны всех недовольных. Недовольство велико, потому что такие перемены вообще болезненны. В постсоветском же обществе они болезненны вдвойне, ибо советское общество, из которого оно вышло, делало все возможное, чтобы внутри него не сложились оппозиционные, реформаторские силы, идеологии, программы, политические фигуры, могущие быть востребованными в постсоветской ситуации. Не удивительно, что вот уже десять лет общество движется на ощупь, методом проб и ошибок, с очень большими потерями, а это, естественно, подогревает массовое недовольство и усиливает критику происходящего.

Если очистить эту критику от романтической, демагогической и т.п. нагрузки, то есть только два ее основных варианта. Один признает необратимость отказа от прежней системы монопольной власти и собственности и делает ставку на создание правовых и вообще институциональных рамок для неидеализируемого полицентрического

мира, основанного на борьбе всех против всех, с тем чтобы придать этой борьбе относительно безопасные, неразрушительные, цивилизованные, правовые формы. Это и есть путь демократии.

Второй вариант критики исходит из неверия в силы самоорганизации российского общества, которое, по мнению сторонников такой критики, может управляться только «сверху» — мудрым вождем или монархом, стало быть, из идеи реванша моноцентрической системы власти и собственности под прежними или сменившимися лозунгами. Такая критика неизбежно связана с идеализацией патриархальных и государственно-патерналистских исторических образцов, в них видят наилучшую опору для достижения экономической и военной мощи, государственного величия и т.п. Это — уже пройденный однажды и показавший свою неэффективность, блокирующий модернизацию путь тоталитаризма. На нем энергично настаивают сторонники прежних или новых сценариев «третьего пути».

Ответы на вопросы

Вопрос. Какие социальные силы стоят за двумя названными вами вариантами критики? И второй вопрос: действительно ли «реванш моноцентрической системы», а я думаю, что вы дали весьма точное определение, объективно означает реставрацию тоталитаризма в прежнем виде, или это может быть модификация его прежних форм? Могут ли быть какие-либо другие формы?

Вишневский. Я начну со второго вопроса, на него легче ответить. Ничто, конечно, не повторяется буквально. И, наверно, даже если «реванш» состоится, есть некоторые шансы надеяться на то, что придется иметь дело с более мягким вариантом тоталитаризма, не точно таким, как прежний. Но поручиться нельзя. Он может оказаться и более жестким, самым жестким, какой только можно себе представить. Потому что мы, примерно, видим людей, которые рвутся к власти. Окажется, допустим, Жириновский таким, как Сталин, таким, как **Гитлер или каким-то третьим? Ведь это** — последний шанс тоталитаризма в России. С другой стороны, возможности тоталитарной диктатуры сегодня, конечно, не те, что в 1930-е гг., общество более зрелое, его труднее одурачить. Но до полной зрелости ему еще далековато, а ситуация быстро меняется, и это вносит сумятицу в сознание. Нет чеченского конфликта — одна ситуация, а он есть — и она сразу стала другой. Она как бы даже объективно меняется — хотя на самом деле, может быть, и нет, может быть, она искусственно — и искусно —

«подается» так, чтобы дезориентировать общественное мнение, — тогда общество можно брать голыми руками.

А теперь более сложный первый вопрос — о социальных силах. Прежде всего я хотел бы сказать, что все-таки идеология имеет в какой-то мере самостоятельную жизнь. Она, конечно, связана с социальными силами, за ней полжны стоять социальные силы, но злесь нет, так сказать, однозначного отображения. Реальные социальные силы порой не сразу осознают свои истинные интересы, могут неверно их понимать. Поэтому им можно «подсунуть» идеологию, не вполне отвечающую этим интересам или вовсе им не отвечающую. Когда разберутся — будет поздно. Те социальные силы, которые сейчас нахолятся на общественной сцене, — это как раз те, кто активно участвуют в переделе власти и собственности. Он стал возможным в таких масштабах впервые за многие десятилетия, различные силы рвутся к власти, боятся упустить свое, не понимают, что власть и собственность легче захватить, чем удержать. Серьезные социальные силы у нас еще не сформировались, не выкристаллизовались и не сплотились. Поэтому какая-то часть, допустим, банкиров, предпринимателей и так далее может отойти к одному лагерю, другая — к другому, не осознавая, быть может, своих конечных интересов, представители одних и тех же социальных сил могут оказаться по разные стороны баррикал.

Есть силы реванша, это понятно. Есть силы, как-то к ним примыкающие. Эти, конечно, хотят моноцентрического политического мироздания. А есть и другие — силы, которые уже почувствовали эффективность экономического и политического плюрализма. Я бы затруднился сейчас определить их с большей четкостью, тем более в привычных нам терминах классового анализа. Те же опросы, о которых здесь говорил Л.А. Гордон, указывают на то, что сказывается даже поколенческий разрез, — это трудно связать с какими-то четкими социальными группами, по-видимому, пока не такие группы у нас действуют в основном.

Вопрос. У меня вопросы, связанные с понятием «социальной архаики». Вы вкладываете в нее какой-то мифологический смысл, не очень ясный. Разве социум все время после революции оставался самотождественным, не изменялся? В чем вы видите признаки «архаического социума», что вы туда включаете? И, во-вторых, в заключительной части вашего доклада речь шла, по-моему, об «архаическом социуме» как о некоторой идеологеме, которая используется, например, журналом «Элементы», а не о том, как он понимался в первой части доклада.

Вишневский. Знаете, мне кажется, что журнал «Элементы» как раз правильно использует это понятие, и я тоже в таком смысле его использовал. Другое дело, что я по-иному смотрю на его будущее. Что такое «архаичный социум» — это большой вопрос, но если коротко. то речь идет о холистском обществе, которое противопоставляется обществу индивидуалистскому. Это — некая целостность, пирамида. имеющая вертикальную структуру с единственной вершиной, с олним царем-батюшкой наверху. У нас «человек-винтик» считается образом более позднего происхождения, но нов разве что «метизный» словарь. На самом же деле это как раз главный признак социальной архаики: человек — интегральная, так сказать, невыделимая частица социальной целостности — от Левиафана-государства до этноса или семьи (Бердяев говорил о «малых левиафанах»). Пока такое общество и такой человек существуют, эффективны и те социальные структуры, институты и т.д., которые ориентированы на их сохранение и воспроизведение.

Когда же такое общество вступает в полосу модернизации, то постепенно модернизационные перемены — индустриализация, урбанизация и так далее — даже в тех незавершенных формах, в каких они реализовались у нас, — приводят общество в противоречие с его исходными, традиционными, холистскими принципами. Тогда и возникает кризис. Поэтому я, конечно, не говорю, что общество осталось прежним, архаичным. Осталась только ностальгия по тому обществу.

Вопрос. Поскольку семь лет назад я защищал французских «новых правых», у меня возникли вопросы. Насколько вообще правомерно сравнивать наших «новых правых», так называемых, с настоящими, французскими? Не кажется ли вам, что здесь имеет место игра в термины, которую ведут Дугин и его компания? И еще один вопрос. Как согласуется мысль об универсализме «третьего пути», якобы защищаемого «новыми правыми», с тем реальным признанием плюрализма культур и моделей развития, который типичен для настоящих «новых правых»?

Вишневский. Я по поводу французских «новых правых» ничего не говорил. Это не моя тема, так же, как и немецкие «консервативные революционеры». Я могу только сказать, что наши сторонники «третьего пути» используют французских «новых правых» в своих интересах — но не в полном противоречии с французским источником. Например, Ален де Бенуа издает по-французски нечто вроде антологии

нацистской или протонацистской литературы, а Дугин черпает (из того же источника) и переводит на русский. Кстати, Ален де Бенуа одно время числился членом редколлегии журнала «Элементы» вместе с Прохановым и т.д. Когда его во Франции в этом упрекнули, он сказал, что его включили в редколлегию без его ведома, в последних номерах он исчез из ее состава. Как хотите, так и толкуйте.

А что касается декларируемого плюрализма моделей «третьего пути», то чем это отличается от декларированного в свое время плюрализма моделей социализма? Никто никогда не говорил, что социализм в России, на Кубе или в Китае должен быть одинаковым. Он и не был совершенно одинаковым. Одинаковыми были только некоторые черты, но настолько важные, что оставшийся плюрализм уже не играл существенной роли.

Вопрос. Мой вопрос следующий. Есть правый проект будущего, есть журнал, который его разрабатывает. Но это — культурная игра. Меня интересует, видите ли вы в принципе возможность в сегодняшнем информационном контексте, культурном контексте, создание жизнеспособного государства, которое срастило бы дух XVIII и технологию XX веков? Насколько этот проект является принципиально реализуемым и, стало быть, может рассматриваться не в контексте примирения с реальностью каких-то культурных феноменов, а в контексте самой реальности?

Випневский. Моя позиция заключается в том, что такой синтез невозможен, точнее, он не может быть эффективным. Но я не исключаю — и опасаюсь этого, — что могут быть предприняты попытки осуществить такой проект. Лет на десять опять погрузить страну во все это, включая кровь и так далее, а потом опомниться и сказать: этот путь нам тоже не подходит.

Вопрос из зала. Вы видите жизнеспособность этого проекта на десять лет?

Вишневский. На штыках — да. На штыках можно продержаться. Реально, конечно, нет. Эффективно — в экономическом и социальном смысле — нет.

Голос из зала. Немецкий фашизм продержался немногим более десяти лет.

Вишневский. Он погиб под внешними ударами, но в конце концов внутренние процессы могут привести к тому же. Десять лет может продержаться, но я бы сказал, что этого нам тоже не нужно.

к новой экономической модели*

В последние десятилетия существования СССР лишенная внутренних побуждений к росту советская экономика с нарастающей скоростью деградировала, все показатели неизменно ухудшались. Как отмечал Г. Ханин, к концу 1980-х гг. в советской экономической литературе было общепризнано, что «период 1961—1985 гг. характеризовался непрерывным падением темпов экономического развития» однако измерить степень этого падения непросто. И советским, и зарубежным специалистам всегда приходилось судить об экономике СССР, используя крайне неполную, а часто и намеренно искаженную информацию. Поэтому все имеющиеся оценки зависят от метода реконструкции реальной картины, различаются между собой и дают лишь приблизительное представление о том, что происходило на самом деле.

И тем не менее они не оставляют места для принципиальных разночтений. Все оценки, включая и официальные оценки ЦСУ СССР, указывают на быстрое ухудшение экономических показателей, разница заключается лишь в степени этого ухудшения. В частности, по всем оценкам, непрерывно падали темпы роста национального дохода и валового национального продукта (см. табл. 1). То же происходило и с темпами роста производственных ресурсов — капиталовложений (рост на 44% в 1971—1975 гг. и всего на 17% в 1981—1985), основных фондов (соответственно 52 и 37%), продукции добывающей промышленности (25 и 8%), занятости (6 и 2%). Фондоотдача и эффективность капиталовложений падали по крайней мере со второй половины 1960-х гг.²

Преимущество в темпах экономического роста, которым СССР некогда обладал, быстро испарялось. По расчетам Ф. Серо, национальный доход СССР в расчете на душу населения за период с 1913 по 1989 г. вырос в 4,6 раза, то есть больше, чем в США (3,8 раза) или Великобритании (3,3 раза). Но Франция (рост национального дохода в

^{*} Фрагмент из кн.: Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 70—77.

¹ Ханин Г. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С. 191.

² Аганбегян А. Советская экономика — взгляд в будущее. М., 1988. С. 109,125.

5,1 раза), Германия (5,4), Италия (6,2) и особенно Япония (13,6 раза) значительно опережали СССР¹. Соответственно перестал уменьшаться и даже начал увеличиваться разрыв между СССР и странами с рыночной экономикой. Если верить Ж. Соколову, советский ВНП в расчете на душу населения в 1950 г. составлял 28% американского. До середины 1970-х гт. это соотношение улучшалось и достигло 42%, после чего оно снова начало ухудшаться и к 1985 г. опустилось до 38%².

Таблица 1. Среднегодовые темпы прироста национального дохода и ВНП СССР, по разным оценкам, 1951—1985, в %.

Автор оценки	1951— 1955	1956— 1960	1961— 1965	1966— 1970	1971— 1975	1976— 1980	1981— 1985
Национальный доход							
ЦСУ СССР	11,3	9,4	6,3	7,8	5,6	4,4	3,2
Ханин/Селю- нин	9,3	9,3	4,4	4,1	3,2	1,0	0,6
Валовой национальный продукт							
ЦСУ СССР ЦРУ США	-	-	_	-	-	4,8	3,7
первоначаль- ная оценка пересмотрен-	5,5	5,9	5,0	5,2	3,7	2,7	-
ная оценка	-	_		4,9	3,0	1,9	1,8
Д. Стайнберг Ж. Соколов М. Харрисон	 4,8 4,8	- 4,2 3,5	3,9 3,7	4,8 4,2 3,9	2,1 2,9 2,4	1,6 1,7 0,9	1,0 1,6 1,6

Источники: Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 8; Европа и Россия. Опыт экономических преобразований. М., 1996. С. 104; Steinberg D. The Soviet economy, 1970—1990: a statistical analysis. San Francisco, 1990. P. 182; Sokoloff G. Op. cit. P. 787—790; Harrison M. Accounting for war: Soviet production, employment and the defense burden, 1940—1945. Cambridge, 1996. P. 298.

¹ Seurot F. Les causes économiques de la fin de l'Empire soviétique. Paris, 1996. P. 47.

² Sokoloff G. La puissance pauvre. Une histoire de la Russie de 1815 à nos jours. Paris, 1993. P. 787—790.

Нельзя сказать, что руководство страны совсем не замечало неблагополучий в экономическом развитии и не пыталось их преодолеть. Немалые усилия были предприняты уже Хрущевым. Здесь и использование чисто экстенсивных факторов как в случае с освоением целинных земель в Казахстане, и структурно-технологические слвиги в разных отраслях экономики (например, кампания по насаждению кукурузы в сельском хозяйстве или переход к индустриальным методам в строительстве), и попытки изменения системы организации и управления экономикой путем создания совнархозов. В некоторых действиях Хрушева просматривается стремление, может быть интуитивное, сломать жесткую управленческую вертикаль, ничем не ограниченную монополию центра, противопоставить ему множество принимающих решения относительно самостоятельных субъектов. Важно и то, что во времена Хрущева получил признание, правда, больше на словах, чем на деле, принцип экономической заинтересованности работника — он подчеркивался как противовес сталинскому принципу «голого энтузиазма». Постепенно из признания этого принципа выросли идеи более глубокой экономической реформы (они связывались с именем харьковского экономиста Е. Либермана), которую в середине 1960-х гг., уже после ухода Хрущева, попытался осуществить тогдашний глава правительства Косыгин. Замысел реформы предполагал значительное расширение действия рыночных регуляторов, экономической самостоятельности хозяйственных единиц, и если бы реформа действительно осуществилась, страна сделала бы очень существенный шаг по пути перехода к нормальной современной экономике.

Этого, однако, не произошло. Реформа захлебнулась, натолкнувшись на сопротивление системы и не получив серьезной политической поддержки, а система приобрела еще большую жесткость, стала демонстрировать свое неприятие любых реформ. С этого времени началась откровенная экономическая деградация. Попытки воздействовать на экономику прежними методами становились все менее эффективными, потому что кончалось время, отпущенное мобилизационной модели экономического развития и сопутствовавшему ей централизованному планированию. По мере того, как советская экономика по своим структурным и материально-техническим параметрам сближалась с экономикой западного типа, она все меньше нуждалась в искусственных государственно-монополистических подпорках, которые превращались в помеху. Кризис приобретал системный характер, но осознание этого факта с трудом давалось советской политической и экономической элите.

Иллюстрацией тоглашнего положения может служить эпизол с «комиссией Кириллина», созданной в 1979 г. по указанию высшего руководства страны и полготовившей секретный доклал об ухулшении экономического положения СССР. В докладе отмечались экстенсивный характер экономики, падение темпов роста производительности труда, низкие уровень и качество жизни, сильное отставание по важнейшим показателям от экономически развитых стран. Хотя высокопоставленные авторы доклада опирались на официальную статистику. которая приукрашивала положение, доклад, вилимо, давал представление о его серьезности и «интересен... как документальное полтверждение: высшие руководители страны прекрасно знали, что экономика на краю пропасти и нужен крутой поворот»¹. Поворота, однако, не произошло, доклад не имел последствий и остался неизвестен общественному мнению. Более того, он вызвал критику даже в том узком кругу. который был с ним знаком. В частности, в замечаниях Н. Байбакова, председателя Госплана СССР (он тоже был членом «комиссии Кириллина»), главным недостатком доклада был назван чрезмерный интерес к опыту США и Японии и говорилось, что «это отрицательно сказалось на предлагаемых в докладе мероприятиях, которые во многих случаях исходят из опыта капиталистической системы и не могут принести пользы в условиях социалистического способа производства»².

На официальный уровень полупризнание кризиса вышло только при Горбачеве. Говоря о положении в стране, которое «сложилось к 80-м годам и сделало перестройку необходимой и неизбежной», он заявил: «В своем анализе мы прежде всего столкнулись с торможением роста экономики... Страна, прежде энергично догонявшая наиболее развитые страны мира, начала явно сдавать одну позицию за другой»³. Для официального партийного лидера середины 1980-х гг. это

¹ Лацис О. Неуслышанное предупреждение // Известия. 27 августа 1993.

² Tam жe.

³ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 13. Как жаловался Горбачев, даже занимая очень высокий пост, он не имел доступа ко всей экономической информации. Еще в 1983 г. тогдашний генеральный секретарь Андропов «не разрешил ему и двум секретарям ЦК, занимающимся экономическими вопросами, ознакомиться ни с бюджетными показателями, ни с данными о военных расходах. Советские лидеры не могли справиться с бюджетной проблемой, потому что ничего о ней не знали. Они сами себя обманывали, из всего делая тайну». (Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. М., 1996. С. 69).

довольно смелое заявление. Но, по существу, перед нами — не более чем очередной плач об отставании, сопровождавшийся все той же верой в достаточность одних лишь технологических изменений плюс всемогущество Советской власти. «В настоящее время мы особенно ощущаем... что именно благодаря социалистической системе и плановой экономике нам гораздо легче осуществлять поворот в нашей структурной политике, чем в условиях частного предпринимательства...» 1. Но как раз система-то и не годилась. Это стало ясно очень скоро.

В обстановке горбачевской гласности понадобилось очень немного времени, чтобы от робких полупризнаний серьезного экономического неблагополучия прийти к пониманию общего кризиса системы централизованного планирования. Сыграв свою роль в стремительном превращении аграрной экономики бывшего СССР в промышленную, она постепенно исчерпала свои возможности и превратилась в тормоз развития, что потребовало демонтажа системы, начавшегося — явно с опозданием — в конце 1980-х гг. Ее предстояло глубоко реформировать, постепенно перевести страну из чрезвычайного режима экономического скачка в режим нормального развития. Только после проведения реформ созданный в чрезвычайных условиях производственный аппарат мог обрести второе дыхание, а экономическая революция в СССР или в странах — его преемниках — завершиться.

В свое время, в 1920-е гг., доработка «проекта будущего», с которым большевики подошли к революции, потребовала нескольких лет уже после того, как они пришли к власти. У людей же, начавших демонтаж системы во второй половине 1980-х гг. и продолживших его в 1990-е, вообще не было никакого проекта, да и не могло его быть, потому что всякая работа над такого рода проектами до начала «перестройки» была запретной. Были, конечно, не считавшиеся с официальными запретами диссиденты, но их энергия почти целиком уходила на критику сущего. Так что «проект» пришлось на скорую руку набрасывать тут же, в ходе его реализации, — и тут же непрерывно изменять и уточнять его.

Огромной стране предстояло совершить крутой поворот от одной экономической модели к другой. Реформы должны были глубоко затронуть отраслевую структуру народного хозяйства, отношения собственности, главные механизмы управления экономикой, основные

¹ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 33.

экономические институты. Они никак не обещали быть легкими. Не имея четкого плана действий и сложившихся социальных сил, кровно заинтересованных в его проведении в жизнь, страна была обречена на серию проб и ошибок, без которых невозможно почувствовать истинную меру сопротивления системы, понять его смысл, его объективную природу.

Никакие реформы не способы сходу преодолеть инерцию сложившихся за многие годы экономических отношений, воплотившихся в материальной структуре народного хозяйства: в соотношениях производства, потребления и накопления, первичного, вторичного и третичного секторов, мирного и военного производства и т.д. Структурные особенности экономики могут затруднить демонтаж всей системы, даже когда общество готово с ней расстаться. Чтобы избавиться от них в ходе реформ, «экономическое тело» должно подвергнуться сложнейшей хирургической операции. Надо разорвать замкнутое кольцо автономного военно-промышленного комплекса и полсоединить его, так сказать, на общих основаниях к единой кровеносной системе всего становящегося рыночным народного хозяйства. При этом огромная часть факторов производства, прежде всего труда и капитала, должна переместиться из отраслей, производящих вооружение и работающих на них, в отрасли, обслуживающие рынок потребительских товаров и услуг.

Если бы факторы производства обладали абсолютной мобильностью, включение механизмов рынка сделало бы их перераспределение в соответствии с новой системой предпочтений относительно простым делом, хотя и в этом случае легкость перемен не следует переоценивать. Сами рыночные предпочтения складываются постепенно, путем проб и ошибок, и таким же путем определяются допустимые в данный момент границы чисто рыночного регулирования. Все это требует времени, отсюда и необходимость переходного периода даже и при идеальном течении реформ.

А ведь жизнь весьма далека от идеала. Говорить об абсолютной мобильности факторов производства не приходится даже теоретически. Они связаны, скованы существующей технологической, а в бывшем СССР — даже и географической структурой производства. Ее преодоление невозможно без глубокой реконструкции всего производственного аппарата, а это требует огромных капиталовложений, намного больших, чем при рутинном развитии, идущем из года в год по заведенному канону. Набирающий силу рынок предъявляет все

больший спрос на потребительские товары, орудия и средства производства, которые народное хозяйство не производит или производит в недостаточном количестве. Этот спрос частично покрывается за счет дорогостоящего импорта, частично остается непокрытым (спрос превышает предложение) — и то и другое вносит свой вклад в рост цен и инфляцию. Отрасли с низкой капиталоемкостью, например производство услуг, еще как-то могут развиваться в этих условиях, приспосабливаться к рынку, особенно если они используют преимущества дарового труда на малых — семейных, кооперативных и т.п. предприятиях. Но предпосылки для подъема эффективных капиталоемких производств, отвечающих требованиям рынка, создаются лишь постепенно в ходе чего-то, похожего на повторное первоначальное накопление капитала. Одновременно часть капитала, материализованного в отраслях, не представляющих интереса для рынка, обесценивается, превращаясь при этом в тяжелый груз для обновляющейся экономики. Но нередко именно эти отрасли, группирующиеся вокруг ВПК с его издавна привилегированным положением, огромными технико-экономическими возможностями и довольно высокой конкурентоспособностью на мировом рынке, защищены от давления новых обстоятельств значительно лучше, чем отрасли, производящие мирную продукцию, которые и испытывают часто наибольшие трудности. Переструктурирование экономики может, стало быть, тормозиться самими рыночными механизмами.

Трудности переходного периода усиливаются социальными напряжениями, неизбежными, когда растут цены, инфляция и структурная безработица — следствие ограниченной профессионально-квалификационной или территориальной подвижности рабочей силы, когда рушится вся прежняя система государственного патернализма. Значительные слои населения оказываются жертвами перемен, их уровень жизни падает. Трудности накапливаются, шок перемен создает обстановку кризиса, порождает настроения безысходности, недовольства реформами, сама ценностная основа которых в корне противоречит столь долго культивировавшимся и глубоко укоренившимся в массовом сознании «социалистическим» принципам.

Неодобрительное отношение к частной собственности и к рынку, с самого начала свойственное советской экономической политике, во многом было унаследовано от прошлого. Настоящий рынок пришел в Россию намного позднее, чем в Западную Европу, и даже в начале XX в. был здесь развит недостаточно. Ленин не зря говорил о

«медвежьем незнании условий и требований рынка» в русской деревне. Деревня была настроена антирыночно, эти настроения проникали и в другие слои общества, тогда как контрвлияние той части деревни, которая уже «раскрестьянилась» и успела оценить не только недостатки, но и достоинства товарно-денежных отношений, было пока невелико. Антирыночная, антисобственническая идеология в России уходила корнями в давние народные представления. По словам Бердяева, «западные понятия о собственности были чужды русскому народу, эти понятия были слабы даже у дворян. Земля Божья и все трудящиеся, обрабатывающие землю, могут ею пользоваться. Наивный аграрный социализм всегда был присущ русским крестьянам»². Общинно-социалистические идеи разделялись не одним поколением русских революционеров и послужили благодатной почвой для западных социалистических утопий, которые проникли в Россию либо самостоятельно, либо через марксизм, также отдавший дань социалистическому утопизму. Как ни глубоко понимал Маркс природу товарно-денежных отношений, как ни высоко их ценил, а и он порой строил воздушные замки по поводу «непосредственно-общественного труда» в будущем и рассуждал о получении работниками предметов потребления из «общественных запасов» по предъявлении квитанции о выполненном ими количестве труда³. А Ленин, кажется, всерьез считал, что настанет время, когда золото будет использоваться для сооружения нужников4. Придя к власти, большевики были убеждены в скором отмирании денег, НЭП для многих из них стал тяжелой душевной травмой.

В советский период государственно-патерналистская, безрыночная экономическая модель, как мы видели, тоже не сразу обнаружила свою несостоятельность. Некоторое время она казалась весьма эффективной, а в каком-то смысле и была таковой, и это тоже осталось в памяти общества, по-своему закрепило давнюю этатистскую традицию. Она не может оборваться в один день. Даже при самой ради-

¹ Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократов в первой русской революции 1905—1907 годов, Полн. собр. соч. Т. 16. С. 266.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 14.

³ Маркс К. Критика Готской программы. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 18.

⁴ Ленин В.И. О значении золота теперь и после полной победы социализма. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 225—226.

кальной экономической либерализации, даже при полном ее успехе, на что сейчас трудно рассчитывать, значительная часть граждан России еще долго будет оставаться в оппозиции к частной собственности или рынку, искать государственного покровительства при решении личных или семейных экономических проблем. Почти нет сомнений. что эта оппозиция будет облекаться в социалистические одежды. При всей неопределенности термина «социализм» в его широком хожлении, в экономическом контексте именно социализм обычно противопоставляется экономическому либерализму. Да и в «реальном социализме» в СССР повсеместное провиденциальное присутствие государства, пожалуй, только и было реальностью. Так что сторонники государственного вмешательства в экономику, ограничения «индивидуализма», «анархии производства», противники частной собственности и т.п. будут скорее всего группироваться вокруг социалистических лозунгов разных оттенков и получат немалую общественную поддержку.

На деле такие лозунги на всем постсоветском пространстве долгое время будут использовать в первую очередь силы реванща «бюрократического рынка», вчерашние «законные», государственные коррупционеры, ненавидящие новоиспеченных самолеятельных нуворишей, но в неменьшей мере и классических социал-демократов с их гнилым либерализмом. Не исключено, однако, что со временем окрепнут и силы социал-демократической ориентации, которые также включатся в спор о будущей экономической модели, выступая с позиций умеренного государственного вмешательства в экономику. Такое развитие событий представляется вполне естественным. Вопрос о соотношении государственного и рыночного регулирования возник не сегодня и не в России, окончательный же ответ на него не найден до сих пор, да, видимо, его и не существует. Более или менее ясно. что рыночные регуляторы в обычных условиях должны преобладать, не более того. Брошюра Кейнса с вызывающим названием «Конец Laissez-faire» появилась в Англии — стране классического «манчестерства», и здесь же, как, впрочем, и во многих других европейских странах, весь XX век отмечен борьбой между сторонниками и противниками расширения государственного вмещательства в экономику — как в теории, так и на практике.

Тем более не может быть иначе в России. Сейчас трудно оспорить крах полностью огосударствленной экономики советского типа. На буквальном возвращении к ней едва ли способно настаивать ра-

зумное существо. Но ведь возможно возвращение частичное, возвращение наполовину или на четверть. Идеи государственного вмещательства в экономику в России не могут умереть, у них здесь глубокие основания — и субъективные, и объективные. Тем не менее в нынешних условиях любая сколько-нибудь разумная позиция сторонников этих идей, выступающих под лозунгами социализма, вынуждена учитывать новые экономические реальности, масштабы и сложность народного хозяйства, опыт прошлых неудач. Она просто не может не стать более умеренной, гибкой, не может не сблизиться на многих направлениях с позицией либералов, не вступить в конструктивный диалог с ними. В конечном счете «социалистическое» противостояние крайностям экономического либерализма, принося переменный успех обеим сторонам, может обеспечить реальные (а не только идейные, «научные») поиски наилучшего сочетания рыночной свободы и государственного вмешательства на каждом новом витке развития страны и ее экономики.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА*

— А.Г., одна из центральных мыслей вашей книги «Серп и рубль» заключается в том, что в России задержалось становление homo economicus, «человека экономического» современного типа, и что с этим во многом связано экономическое отставание России — и до революции, и в XX веке. В чем, по-вашему, причины этой задержки?

Причины, я думаю, общеисторические. Россия позже западноевропейских стран стала выходить из своего средневековья, пытаясь рывками догнать их, но не успела выработать тот тип человека, который медленно и постепенно формировался в Западной Европе вместе с новой европейской экономикой, был ее результатом не меньше, чем движущей силой. В России долго пытались воспользоваться материальными плодами этой новой экономики, не отдавая себе отчета в том, что главным ее плодом и одновременно предпосылкой были не фабрики, не города, не новый жизненный комфорт, а новый тип человеческой личности.

Он формировался по мере того, как усложнялась материальная и социальная среда, сама структура человеческой деятельности, прежде относительно простая и синкретическая. Дифференцировалась жизнедеятельность людей — должны были усложняться и дифференцироваться и они сами. Разные роли одного и того же человека обособлялись, он распадался на нескольких человек: «экономического», «политического», «семейного» и т.д. Очевидная роль экономических успехов на какое-то время придала особую важность одной из обособившихся человеческих ипостасей — экономической, все остальные, казалось, были оттеснены на второй план. Новый человек стал восприниматься прежде всего как человек экономический, homo economicus. Может быть, точнее, homo economicus стал восприниматься как образец нового человека. Так или иначе, но обособление и доминирование homo economicus среди других человеческих личин сильно способ-

^{*} Печатается по изданию: Politeconom. Российско-германский журнал по экономической теории и практике. 2000. № 2. (14). С. 107—114. А. Вишневский отвечает на вопросы ответственного секретаря журнала Леонида Цедилина.

ствовали развитию ценностей рационализма и утилитаризма, с которыми был связан экономический успех.

Мы часто склонны видеть в таком ходе событий сужение человеческой личности, утрату ее разносторонности. Но мне кажется, что это поверхностный взгляд. На деле внутренняя дифференциация личности открыла путь развитию многих «специализированных» индивидуальных способностей, склонностей, предпочтений и их бесчисленных неповторимых сочетаний, что одновременно сделало человека и более инивидуальным, и более универсальным, адаптивным. В самой многоролевой, многоипостасной структуре личности нового человека были заложены противоядие против чрезмерного преувеличения одной из ролей, неизбежность состязания его ипостасей. В этом состязании homo economicus нередко (хотя далеко не всегда) занимал первые места, что отнюдь не вредно для агентов экономического процесса, но нигде и никогда не было обязательно для всех.

Человек с развитой «экономической ипостасью» — это и есть тот, по словам Достоевского, «человек самостоятельно деловой», который «образуется лишь долгою самостоятельною жизнью нации... всею историческою жизнью страны» Во времена Достоевского жизнь России уже подошла к тому рубежу, за которым начинается становление «самостоятельно деловых» людей как массового социального типа, но это дело не одного дня, идет оно обычно трудно. В России тогда уже вовсю бушевал конфликт традиционной «власти земли» и новой «власти денег», сопряженных с каждой из них систем ценностей. Власть денег наступала по всему фронту, все больше людей переходили на ее сторону, принимая ценности свойственного homo economicus рационального, основанного на расчете целеполагания. Но в глазах значительной части общества, возможно, большинства такой переход все еще был чем-то близким к моральному палению.

Тогдашнюю культурно-психологическую обстановку в России хорошо передает зарисовка Глеба Успенского, знатока и толкователя русской народной жизни конца прошлого века. В сельское ссудо-сберегательное товарищество приезжает старик-крестьянин и просит принять его сбережения, которые он хочет завещать своему внуку. Но вот незадача. Оказывается, на вклад старику — или его внуку — дол-

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. С. 93.

жен идти процент, а этого старик не желает: «Росту мне не надо... Нини-ни! Это — сохрани Бог! Отсохни моя рука. Что положу, то и отдайте, кому назначу, а этого греха не возьму!..».

Старик настоял на своем, составлено было завещание на вкладываемую сумму, а проценты определено было отчислять в местную школу на нужды бедных учеников. Оставалось дождаться казначея. Наконец тот явился, за ним приплелся и старичок, и вот чем закончилась эта сцена. «Страх, близкий к ужасу, был напечатлен на его лице... руки, и голова, и все лицо видимо вздрагивали поминутно от сильного внутреннего волнения. Торопливо, насколько возможно было для него это сделать, подошел он к банковой загородке и проговорил беззвучным голосом: — Соглашаюсь! Пущай мой внук получает и с ростом. Принимаю грех на себя»¹.

Ценностный конфликт, связанный со «сменой власти» в экономической жизни, отнюдь не облегчал становление homo economicus в предреволюционной России, а потом немало способствовал конструированию причудливой экономической системы советского времени.

— В какой мере реальная экономическая политика способствовала или препятствовала становлению homo economicus в России?

В целом скорее препятствовала, нежели способствовала. Начиная по крайней мере с петровских времен, экономическая политика российских властей была нацелена на достижение результатов, сходных с европейскими, — экономической и военной мощи, богатства и т.п., — но средства их достижения оставались доморощенными. При этом почти всегда не только не было понимания пропасти между доморощенными средствами и «западными» целями, но, напротив, присутствовала кичливая гордость своими средствами, якобы более пригодными для достижения экономических успехов, нежели европейские.

Петр I, как известно, насаждал промышленность европейского образца, хотя и основанную на рабском труде крепостных. «Его усилия завести в стране возможно большее количество заводов и фабрик, — писал впоследствии С. Витте, — вытекали из сознания, что страна не может быть сильной и могущественной, если у нее нет собственной обрабатывающей промышленности. При этом он считал весьма необходимой сильную государственную опеку, «понеже всем

¹ Успенский Г.И. Из деревенского дневника. Собр. соч. Т. 4. С. 175—176.

известно, что наши люди ни во что сами не пойдуг, ежели не приневолены будут»¹.

Так и повелось. То, что в Европе двигалось экономическим интересом частных лиц, у нас стимулировалось «приневолением» государства, да мы еще тем и гордились. Дескать, одно дело служить царю и отечеству, как у нас, а другое — мамоне, как у них. И одним лишь нам дано «продвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными»². А то, что «открытия Запада» — вовсе не случайные, а тесно связанные с особенностями западного человека Нового времени, того видеть не желали и, не признавая западных человеческих начал, закрывали путь к собственным открытиям, обрекали себя на вечные заимствования.

Причины тому, конечно, не только мифологическо-идеологические, но (и даже в первую очередь) объективные исторические и экономические. К тому времени, когда Петр озаботился промышленным развитием России, российское общество еще не вышло из своего патриархального сельского состояния, не знало торговых городов и городских слоев, третьего сословия, массового распространения наемного труда, всего того, на что уже в XVII в. опирался промышленный рост в странах Европы. Петр пришел к власти всего сто лет спустя после отмены Юрьева дня — какую другую опору, кроме крепостных и крепостников, мог он найти?

Запущенный им механизм вел в конечном счете к разрушению сельского мира России и к появлению всех тех элементов, на которых уже тогда в значительной мере держалась экономическая и социальная жизнь Европы. Подчеркнем — именно в конечном счете. А до этого предстояло пережить долгие годы (столетия!) экономического развития, опиравшегося на неадекватную социальную базу. Такое развитие постоянно порождало уродливые, противоестественные, внутренне противоречивые социальные конфигурации, одновременно и способствовавшие, и препятствовавшие становлению российского homo economicus.

¹ Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных великому князю Михаилу Александровичу в 1900—1902 гг. СПб., 1912. С. 204.

² Хомяков А. О старом и новом. М., 1988. С. 55-56.

Все эти конфигурации были вынужденными, временными, и если бы они и воспринимались как таковые, то большой беды бы в них не было. Но для этого нужны были большая прозорливость и малая политическая ангажированность. Такими редкими чертами обладал, в частности, Витте. Он проводил откровенно протекционистскую политику в интересах промышленного развития России, а это предполагало значительное направляющее вмешательство государства в экономический процесс и, соответственно, ограничение свободы его субъектов. Поддерживая промышленность или железнодорожное строительство, такая политика не слишком благоприятствовала расцвету мелкого частного предпринимательства по всему экономическому полю, угнетала сельское хозяйство, не способствуя быстрому становлению homo economicus, который лучше чувствует себя в атмосфере фритредерства.

Важно то, что для Витте протекционизм, а стало быть, его последствия (которые он, видимо, понимал), были чем-то преходящим. Он соглашался с Ф. Листом, смотревшим на протекционизм «как на временное лишь средство для развития производительной силы нации, как на школу; неизбежное при этом временное повышение цен следует признать необходимым расходом на промышленное воспитание народа». «С достижением же конечной цели... должен наступить конец самому протекционизму. Прямая логика его и заключается в самоупразднении»¹. Эта позиция разительно отличается от позиции бесчисленных политизированных российских экономистов, которые каждую комбинацию экономических и политических факторов, складывающуюся в стране в данный момент, объявляют вечной, изначально присущей России и предопределяющей ее особый, «третий путь» в будущее. Соответственно, экономическая модель, которую они рекомендуют (а иногда и навязывают), рассматривается как нечто, отвечающее неизменным особенностям России, а потому данное ей раз и навсегда.

Особенно ярко это проявилось в СССР с конца 1920-х гг., когда экономические решения советского руководства, в чем-то, может быть, и продиктованные реальной обстановкой, были представлены и восприняты обществом как идеальное воплощение неких абсолютных принципов, вечное соблюдение которых гарантировало успешное движение по наконец-то найденному «третьему пути».

¹ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 199, 215.

— А это и в самом деле был «третий путь»? Сейчас иногда приходится слышать, что нам только предстоит такой путь найти.

Ну, если его, не дай Бог, найдут, то это будет второй «третий путь». Само по себе это не исключено, потому что вариантов «третьего пути» может быть много — по существу, речь идет просто о некоем промежуточном способе развития, когда общество сходит с классического традиционалистского «первого пути», свойственного всем допромышленным обществам, модернизируется, пытаясь избежать «второго пути» — западного, капиталистического. «Третий путь» монтируется в головах идеологов, а иногда и на практике (подобно тому, как монтировался идеальный жених в голове гоголевской героини: хорошо бы «губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича»), когда преувеличиваемые добродетели Средневековья пытаются соединить с некоторыми признаваемыми достоинствами современности.

Эта старая русская идея присутствовала и в большевистском проекте переустройства России. Идеалы западной материальной цивилизации с ее промышленностью, городами, всеобщей грамотностью и т.д. соседствовали в нем со средневековыми эгалитаристскими, антирыночными, антибуржуазными, антизападными «социалистическими» идеалами. Впрочем, это сочетание было свойственно не только русским идеологиям, оно было очень характерно, например, для Германии. Классический марксизм также отличается привязанностью к «прогрессивным» сторонам капитализма и одновременно — к эгалитаристско-казарменным средневековым «социалистическим» идеалам, какими они виделись Кампанелле, Томасу Мору или Кабе. То же характерно и для немарксистских и даже антимарксистских немецких идеологов, верящих, подобно Шпенглеру, в возможность приставить современную голову к средневековому социальному телу, приспособить «дух XVIII века к духу XX»¹.

Шпенглер писал, что это приспособление «составляло задание организаторов»², и когда я говорю, что советский путь развития был «третьим путем», я как раз и имею в виду, что советские «организаторы» трудились над выполнением именно такого «задания». Они пытались модернизировать страну, пропитать ее духом XX века, опираясь на средневековые или полусредневековые социальные механизмы. В известной мере такая стратегия была вынужденной, ибо само

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 145.

² Tam жe.

российское общество к началу века еще не избавилось от многих средневековых черт и не располагало необходимыми современными рыночными, монетаристскими механизмами развития. Беда, однако, в том, что в отличие от Витте большевики не признавали вынужденности, а потому и временности своей стратегии, не понимая того, что ее прямая логика заключается в самоупразднении. Напротив, используя допотопные, изжитые методы управления экономическими процессами, в которых очень большую роль играло неэкономическое принуждение, они объявляли их самыми передовыми в мире и искусственно консервировали. Они полагали, что можно без конца сочетать чинструментальную» технологическую модернизацию с сохранением государственно-патерналистской социальной архаики (такое сочетание я и называю «консервативной модернизацией»), и в конце концов завели страну в экономический тупик.

— По-вашему, советский «третий путь» способствовал консервированию старого типа личности?

Безусловно. И в этом, может быть, главная особенность советской консервативной модернизации.

Постоевский, отнюдь не самый большой «прогрессист» в России XIX в., полагал, что на воспитание «самостоятельно деловых людей» ей понадобится «годков этак двадцать пять или тридцать». Он писал об этом в 1873 г. Мог ли он вообразить, что шесть десятилетий спустя новый любимый народом русский «царь» будет с гордостью отчитываться о своих достижениях: «Теперь крестьяне требуют заботы о хозяйстве и разумного ведения дела не от самих себя, а от руководства колхоза»1. Таков был один из главных результатов коллективизации. Став меньше, чем когда бы то ни было, хозяином своей земли и своей продукции, крестьянин лишился даже той малой возможности проявлять хозяйственную инициативу, которая у него была в общине и которая постепенно расширялась по мере развития капитализма. Теперь он никак не мог стать «самостоятельно деловым» человеком. Сбылось пророчество Столыпина, предупреждавшего, что при отказе от частной собственности на землю «стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена»².

¹ Сталин И.В. О работе в деревне. Соч. Т. 13. С. 223.

² Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете 1906—1911. М., 1991. С. 89.

Это относилось не только к крестьянам и не только к сельскому хозяйству. Почти карикатурным кажется сейчас некогда знаменитое послевоенное выступление Сталина, в котором он поблагодарил всех «простых людей» за то, что они были безотказными «винтиками» огромной государственной машины. Выступление было опубликовано одновременно с указом о присвоении Сталину звания генералиссимус, что еще больше подчеркивало разницу между многочисленными винтиками и одной «большой отверткой». Тогда эта винтично-отверточная логика, в том числе и в экономической области, казалась вполне естественной, была даже предметом гордости. В стране царил дух безграничного экономического централизма, право на самостоятельные экономические решения не признавалось ни за кем, от всех требовалась только «исполнительская дисциплина». Все это просто не оставляло места для нового homo economicus, зато поддерживало существование «ветхого» «соборного» человека, для которого его собственная жизнь, как для толстовского Платона Каратаева, «не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл как частица целого, которое он постоянно чувствовал».

Такой «коллективистский» человек противопоставлялся западному «индивидуалисту» и казался одновременно и высоконравственным, и высокоэффективным. Этос западного homo economicus не находил понимания ни в дореволюционной России, ни в СССР. Его постоянно критиковали за его якобы чрезмерную предусмотрительность, расчетливость, умеренность, осторожность, обязательность, за все, в чем на самом деле проявлялись внутренние регуляторы поведения человека, который должен полагаться на себя или равных себе, а не на стоящих выше или ниже его, и самостоятельно принимать решения, касающиеся своей собственной жизни.

Понятно, однако, что такое консервирование «ветхого», «доэкономического» человека имело свои объективные границы, обусловленные «логикой самоупразднения» советской плановой экономики. Становясь все более сложной, она порождала механизмы самоорганизации, требовала множества самостоятельных децентрализованных решений, которые могли принимать только люди, обладавшие чертами homo economicus. В 1960—1980-е гг. в советских газетах много писали о хозяйственниках, попавших за решетку за проявление экономической инициативы (вспомните хотя бы дело Худенко). Централизованная экономическая система и защищавшая ее политическая скорлупа были еще сильны. И все же они вели уже арьергардные бои, наступало время экономики децентрализованных решений и тех людей, которые способны были стать ее движущей силой.

— Но почему это время наступило так поздно? Были ли в прошлом «развилки», позволявшие России уже тогда свернуть на рыночный путь?

Что считать развилкой? В истории всегда много случайного, и в этом смысле всегда возможны неожиданные повороты. Но вероятность осуществления тех или иных вариантов развития может быть очень разной, а реализуются, как правило, наиболее вероятные варианты.

Если понимать под развилками такие точки, движение от которых в двух или более разных направлениях равновероятно, то серьезных развилок, по-моему, не было. Были моменты, когда вероятность поворота к большему экономическому либерализму казалась достаточно высокой, и были попытки осуществить такой поворот. Но все эти попытки потерпели фиаско — скорее всего потому, что в действительности вероятность их успеха была не так высока, как казалось сторонникам либерального поворота.

Одна из причин всех этих поражений, несомненно, заключается в том, что большая часть общества еще не дозрела до перемен, не почувствовала их абсолютной необходимости для себя. Конечно, исторические повороты могут осуществляться и меньшинством, если оно все же достаточно представительно, активно и ему благоприятствуют исторические обстоятельства. Последние возникают не так уж часто. В России в XX в. все складывалось против решительного перехода к либеральной рыночной экономике, и не только потому, что большинство агентов экономического процесса не были к нему готовы. Существовали и другие ограничения как политического, так и экономического свойства, которые понижали вероятность движения по пути. ведущему от «развилки» к рыночной экономике западного типа. Помимо всего прочего они приводили и к включению механизмов, консервирующих неготовность человека действовать в условиях такой экономики, затрудняющих его превращение в подлинного homo economicus

— Но ведь попытки проведения либеральной экономической политики предпринимались?

Конечно. В XX столетии их было довольно много. Та же столыпинская реформа. В книге «Серп и рубль» я говорю о глубокой революционности замысла Столыпина, пытавшегося изменить экономические и социальные основания жизни российской деревни, а в то время это было 4/5 населения страны. «Пока крестьянин беден, — говорил он, выступая в Государственной Думе, — пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писаный закон не даст ему блага гражданской свободы»¹. Реформа была направлена не просто на разрушение общины, но на создание нового долговременного механизма самовоспроизведения и «самонастройки» сельской жизни, механизма рыночного и либерально-экономического.

Замыслу Столыпина не суждено было осуществиться. Неготовность большинства крестьян немедленно выйти из общины определенно дала о себе знать; многие открыто сопротивлялись реформе. И все же нельзя сказать, что она совсем не дала результатов. Менее чем за 10 лет в Европейской России укрепили землю в личную собственность около 1/4 крестьянских дворов — меньшинство, но далеко не ничтожное. Окажись их опыт успешным, наверняка нашлись бы последователи. Только для этого нужно было время — «20 лет покоя», — а их не оказалось.

— Пример Столыпина относится к дореволюционному периоду. Видите ли вы что-нибудь подобное в советской истории?

Думаю, не скажу ничего нового, если в качестве второй попытки либерального поворота назову НЭП. Хотя, как мы видели, большевики с самого начала шли с двойственной, противоречивой, традиционалистско-модернистской программой, очень скоро стало ясно, что утопическая «социалистическая» антирыночность, антиденежность и т.п. заставляют отказаться от многих западнических, либеральных иллюзий большевистского проекта. Ленин попытался вырваться из заготовленной историей ловушки с помощью НЭПа. Теоретически поворот к рынку вписывался в большевистский проект в неменьшей степени, чем военный коммунизм, — разве Ленин не говорил еще до революции о необходимости «выбросить за борт... наивное, медвежье незнание условий и требований рынка» русским земледельцем? Вот, казалось бы, и пришло время это сделать и открыто перейти на рельсы рыночной экономики.

¹ Столыпин П.А. Указ. соч. С, 105.

² Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократов в первой русской революции 1905—1907 годов... С. 266.

Казалось так, а оказалось иначе. Потому что общество снова было не готово? Или вообще было генетически не таким, чтобы принять рынок и все, что с ним связано?

Так думал, например, Шпенглер. В России, комментировал он ситуацию начала 1920-х гг., «покоятся друг на друге два хозяйственных мира, верхний, чужой, результат цивилизации, проникшей с Запада и ферментом которому служит вполне западноевропейский большевизм первых его лет, и внегородской, живущий только в низах». И эти «низы» были невосприимчивы к наносному слою западной цивилизации. «Русское простонародье примирится с хозяйственными приемами Запада... но внутренне не примет в нем участия» 1.

В книге я привожу эти слова Шпенглера без комментариев, а сейчас хотел бы кое-что добавить. Я думаю, что «русское простонародье» (во всяком случае, значительная его часть) к тому времени уже вполне созрело для того, чтобы воспринять хозяйственные приемы Запада. Прошло 60 лет после отмены крепостного права, свои следы оставила и Столыпинская реформа, да и сами годы НЭПа показали, что русская деревня была далеко не чужда экономической инициативе в современном смысле слова. Нужно было лишь немного подтолкнуть страну в сторону рыночной экономики, и она сама пошла бы по новым рельсам. Но на этот раз роковую роль, с точки зрения формирования homo economicus современного типа, в России сыграли экономические виды государства.

Чем бы ни руководствовались его правители в то время, они не допускали и мысли подождать, пока многочисленные выходцы из деревни породят класс мелких предпринимателей; те, в свою очередь, дадут жизнь крупной промышленности и т.д. — как это было в Западной Европе. «Мы хотим, — писал Ленин, — строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм, со вчера на сегодня, теперь же...»².

Большевики вообще ничего не хотели ждать; особенно сталинская экономическая политика была политикой спешки. Я отвлекаюсь сейчас от вопроса о том, в какой мере это было оправдано историческими обстоятельствами, а в какой — связано с искусственным нагнетанием напряжения; речь о другом. Если нельзя ждать, пока городская и промышленная экономика западного типа вырастет из собствен-

¹ Шпенглер О. Деньги и машина. Указ. соч. С. 96.

² Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти... С. 54.

ной социальной почвы, можно попытаться создать ее петровским методом, соединив западные технологические вершки и доморощенные социальные корешки. Насаждение промышленности таким методом требует послушных квалифицированных исполнителей, но отнюдь не людей, проявляющих самостоятельную экономическую инициативу и способных к независимому целеполаганию. Такие люди могут быть только вредны, и от них следует любыми способами избавляться. Всякий мыслящий по-своему мешает.

Так сложились условия, которые, даже способствуя какое-то время бурному развитию советской экономики, блокировали развитие ее главного ресурса — «человека экономического».

Особенно это сказалось на деревне. Коллективизация, решив ряд задач сталинской экономической политики, перечеркнула достижения капиталистической эволюции российской деревни, наметившегося прорыва к рыночным отношениям. Силой государственного давления, а часто и силой оружия деревня — важнейший сектор народного хозяйства — была возвращена в средневековое состояние, в дорыночные времена, в эпоху внеэкономического принуждения, личной зависимости, полного бесправия крестьянина. Тогда-то Сталин и возрадовался тому, что «крестьяне требуют заботы о хозяйстве и разумного ведения дела не от самих себя».

Не от самих себя требовали разумного ведения дела и новые промышленные рабочие, которых в изобилии поставляла деревня, ограбленная во имя стремительной структурной перестройки всей экономики, превращения страны из аграрной и сельской в индустриальную и городскую. СССР пережил стремительную промышленную революцию, в которой страна действительно нуждалась. Но опять-таки это была революция сверху, никак не связанная с каким-либо социальным слоем промышленного предпринимательства. За 10-20 лет промышленность втянула в свою орбиту десятки миллионов вчерашних крестьян, промышленный рабочий или инженер стал типичной фигурой советской социальной структуры. Что же он представлял собой как культурно-психологический тип?

В лучшем случае это человек, получивший специальное образование, накопивший более или менее ценный профессиональный опыт. Но у него никогда не было опыта самостоятельного целеполагания в экономической области, экономической инициативы, экономического поведения в конкурентной среде. По существу, это тот же общинный крестьянин, но переодетый в городскую одежду и получив-

ший современное образование. Что же касается глубинных принципов социального существования, внутреннего мира и механизмов детерминации поведения, то у него нет ничего от homo economicus, он остается пассивным и непритязательным, стандартным винтиком социальной машины, неотличимым от другого такого же винтика. Это не homo economicus, а homo soveticus, социокультурный кентавр, соединяющий в себе некоторые черты современного горожанина (но как раз не те, какие характерны для классического homo economicus) и традиционного сельского, «соборного», «человека доэкономического».

— По «логике самоупразднения» этот человеческий тип тоже должен был оказаться временным. Можно ли считать, что сейчас его время кончается?

По-моему, да. Я помню хрущевскую, вторую за советское время, попытку либерального поворота, час которого тогда, видимо, еще не настал. Тем не менее тогдашняя попытка реформировать советскую экономическую систему, довольно робкая, кое-какой след оставила. Она породила в обществе несбывшиеся надежды: не случайно М. Горбачев, стоявший у истоков следующей попытки либерального поворота, ощущал внутреннее родство с «шестидесятничеством».

Судьба хрущевско-косыгинской и горбачевской попыток оказалась разной. Думаю, прежде всего потому, что разной «плотностью» обладал социальный слой, способный породить современного экономического человека. В 1950-е гг., когда разворачивалась деятельность Хрущева, сельско-городской кентавр, homo soveticus, заполнял практически всю социальную сцену; до его самоупразднения было еще далеко. Слой же тех, кто готов был поддержать реформаторов, был очень тонок. Отсюда полное поражение реформ.

Три десятилетия спустя, к середине 1980-х гг., положение существенно изменилось. Первые поколения homo soveticus сошли со сцены; на их место пришли мутанты, воспитанные новой — городской, более развитой, более обеспеченной, комфортабельной, просвещенной жизнью. По мере того, как вчерашние крестьяне, их дети и внуки врастали в эту новую жизнь, они все меньше нуждались в указаниях «начальства», все больше ощущали себя автономными частными лицами, способными самостоятельно находить свой путь, в том числе и в экономической сфере, успешно действовать в конкурентной экономической среде. И теперь речь шла уже о достаточно широком социальном слое, в котором привычная «соборная», «винтичная» испол-

нительская дисциплина все чаще ощущалась как помеха, вызывала протест и сопротивление. Этот слой воспринял вновь возродившиеся реформаторские идеи и поддержал их реализацию на практике.

 Насколько сильно сегодня отличие россиянина и западного человека?

Корректна ли такая постановка вопроса? Он подразумевает какого-то усредненного россиянина или европейца-американца, а ведь ни того, ни другого нет в природе. Конечно, русский крестьянин как социальный тип отличается от европейского горожанина, но ведь он отличается и от горожанина российского. Когда наше общество было по преимуществу сельским, а западное — уже в основном городским, различия россиян и европейцев бросались в глаза. Но теперь и Россия — городское общество, так что особых типологических различий быть не должно, на первый план выходят индивидуальные различия, которые есть у всех народов.

Конечно, есть исторически объяснимые особенности. Как я уже говорил, для меня homo economicus — это лишь одна из ипостасей современной сложной человеческой личности, воспитанной в лухе рапионализма и утилитаризма. Ее становление в СССР происходило в необычных, с точки зрения исторического опыта, условиях. На Западе оно изначально было тесно связано с экономической самостоятельностью, частной собственностью, конкурентной борьбой и т.д., хотя, конечно, сказывались и другие влияния - политические, идеологические, культурно-религиозные. У нас же экономические факторы скорее противодействовали формированию автономной личности, зато другие причины — стремительно распространявшийся городской образ жизни, быстрый рост образованности, секуляризация — ему способствовали. В результате экономическая ипостась «новых русских», даже самых «крутых», скорее всего и сейчас развита недостаточно. Серьезную школу экономического действия им еще только предстоит пройти. Но дело в том, что сейчас средний москвич, пермяк или житель Владивостока, относящийся к тому слою, о котором я только что говорил, в целом неплохо подготовлен к учебе в такой школе. Оказавшись волею судьбы в Нью-Йорке, Берлине или Иерусалиме, он не испытывает непреодолимых трудностей адаптации, быстро усваивает правила экономической игры и нередко оказывается улачливым бизнесменом.

Другое дело, что в самой России эти правила еще не очень твердые, и вообще многое внове. Так что общий экономический климат у нас пока совсем не такой, как на Западе. Но откуда было взяться иному после стольких лет подавления естественных экономических процессов? Кстати, этот экономический вакуум не нов для России. Не могу не вспомнить еще одного персонажа любимого мною Глеба Успенского — «нового русского» 80-х гг. XIX в. «Мы, — рассказывает купец Тараканов, — жили при родителях, ни о чем понятия не имели. И родители тоже никаких смыслов не могли разъяснить... Знаю, что живу в России, а что она такое — неизвестно! Никаких правилов, порядков, законов — ничего мне неизвестно. Лес дремучий — больше ничего! Про Бога тоже мало что знаю, ничего мы этого не понимаем, никакой премудрости не можем знать... Ну вот в этаком-то виде и всунулись мы рылом в леформы...» ч «Наш брат живорез», говорит о себе Тараканов, не отличающий экономической деятельности от обмана и подкупа. «Насчет честных, благородных людей, - разъясняет он своему собеседнику, - я тебе скажу вот что: оченно даже их много в наших местах. Не то что честные, а, прямо сказать, ангельские есть люди; ну только мы им никаких поступков не дозволяем... У нас по всей линии требуется человек с гнилью, чтобы совесть у него была подмоченная, а человек правильный, справедливый — чисто один вред нам»².

Преуспевающий «живорез» — довольно распространенная фигура в сегодняшней России, неплохой повод, чтобы поморализировать, повздыхать об отсутствии у нас протестантской этики и в этом увидеть главное отличие России от Запада. Но я думаю, главное различие — не между людьми, а между социальными структурами российского и западных обществ. Будет у нас средний класс — главная питательная среда homo economicus западного типа и главный хранитель его этоса — будет и человек экономический. Тогда и мучащие нас отличия от Запада, порожденные историческим отставанием России, сотрутся. Те же различия, которые связаны с самобытностью национальных культур, конечно, останутся, как остались они между Францией и Англией, Германией и Испанией, Америкой и Японией.

¹ Успенский Г.И. Затруднения купца Тараканова. Собр. соч. Т. 6. С. 131.

² Там же. С. 138.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И КОНТРМОДЕРНИЗАЦИЯ: ЧЬЯ ВОЗЬМЕТ?*

Модернизация и контрмодернизация — две естественные тенденции для любого общества, совершающего головокружительный исторический поворот от векового аграрного и сельского строя жизни к промышленному и городскому. Этот поворот требует полной смены всей парадигмы социального существования, коренного пересмотра основных правил всех игр: экономических, социальных, политических, военных, культурно-религиозных и т.д. Начиная играть по новым правилам, меняются и люди, меняется сам тип человеческой личности.

Ни одна страна и ни одно общество не совершили такого поворота безболезненно. Не стала исключением и Россия, которая к тому же оказалась одной из первых стран догоняющей модернизации. Заимствованные модернизационные нововведения пересаживались здесь на еще не готовую их воспринять традиционную почву, сплавлялись в елиное целое с выросшим на ней жизненным укладом, частично модернизировали его, а частично сами «традиционализировались». Полученная смесь, которую с гордостью называли «национальным своеобразием», пропитывала всю общественную ткань, определяя характер социальных институтов, культурных ценностей, способов политического действия, человеческих типов и т.д. Представляя собой соединение двух противоречивых начал, она отнюдь не упрощала исторического развития России, щедшей, несмотря ни на что, к постепенному изживанию элементов традиционализма. Каждый новый шаг в этом направлении сопровождался полемикой традиционализма и модернизма, приобретавшей порой очень большую остроту.

Постсоветский этап российской истории может рассматриваться как новый раунд модернизации, а стало быть, и новый раунд этой полемики. К чему привел Россию этот новый раунд?

^{*}Доклад на десятом ежегодном международном симпозиуме «Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации». Москва, 16—18 января 2003 г. Печатается по изданию: Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2003. С. 286—296.

Экономика

Современная западная экономика основана на преобладании рыночных механизмов, которые адекватны ее динамизму и с самого начала были главным инструментом ее становления и развития. Но отставшая страна не может догнать передовые, не прибегнув к мощному государственному протекционизму, чтобы перепрыгнуть через этапы, уже однажды пройденные другими странами, и искусственно создать силы саморазвития современной экономики. После того, как они созданы, государственное вмешательство в экономику должно быть резко сокращено. В противном случае средство перестает соответствовать цели и стопорит развитие.

К сожалению, в советское время использование «государственного ресурса» для развития современной экономики — вынужденная традиционалистская мера, которая применялась в России с петровских времен, — было в буквальном смысле слова фетишизировано. Разросшаяся до невиданных размеров государственная опека экономики не только не воспринималась как полезный, но временный инструмент, но превратилась в самоцель. Государственный экономический централизм трактовался как едва ли не главная, сущностная черта «социализма», о его изначальной инструментальной, подсобной роли все давно забыли. Поэтому советская экономика напоминала человека, который упорно продолжает ходить, опираясь на костыли, и заботится о прочности этих костылей вместо того, чтобы разрабатывать выздоравливающие ноги.

Я в свое время пытался показать, на чем держалась устойчивость заблуждения по поводу централизованного планирования, точнее, в чем была корысть от него¹. Понадобилось не одно десятилетие, чтобы осознать — с большим опозданием — исчерпанность возможностей огосударствленной экономики, ее контрмодернизационный эффект, имманентную ей склонность консервировать отставание. В конце концов были открыто признаны преимущества рынка, и начался ускоренный перевод экономики на рыночные рельсы. Это, конечно, было большим модернизационным прорывом, но вопрос о том, насколько глубоким оказался (или может оказаться) этот прорыв, пока остается открытым. Сейчас ясно только одно: рыночная модернизация еще не пронизала всю толщу российского экономического тела.

¹ Вишневский А.Г. Серп и рубль... С. 64.

Полноценная рыночная экономика опирается прежде всего на внутренний рынок и на растущий платежеспособный спрос населения, но у российской экономики такой опоры нет. Она довольно успешно вписалась в мировой рынок, усилив экспортную ориентацию, унаследованную от советского госплановского хозяйствования. Однако не исключено, что именно это обстоятельство затормозило глубокие рыночные преобразования всего российского экономического организма.

К концу 1990-х гг. Россия практически восстановила прежние советские объемы экспорта нефти и значительно превысила объемы экспорта газа — и общие, и в расчете на душу населения, численность которого в России вдвое меньше, чем было население СССР.

В самом деле, в 1985 г. в СССР только за свободно конвертируемую валюту было продано 28,9 млн. т сырой нефти, 30,6 млн. т нефтепродуктов, 30,9 млрд. кубических метров природного газа. По оценкам, только стоимость нефти и нефтепродуктов, проданных в долларовую зону, составила в 1985 г. 12,84 млрд. долл. , кроме того, были еще немалые доходы от экспорта газа.

15 лет спустя, в 2000 г. Россия продала только за пределы СНГ 116 млн. т сырой нефти, 53,9 млн. т нефтепродуктов и 131 млрд. кубических метров газа². Экспорт нефти и нефтепродуктов принес 33,1 млрд. долл.³, или 228 долл. на одного россиянина (в 1985 г. на одного жителя СССР — порядка 46 долл., или почти в пять раз меньше). К этому следует добавить доходы от продажи 134 млрд. кубометров газа. Стоимость проданного газа после 1997 г. не публикуется, но в 1997 г., когда было продано 121 млрд. кубометров, это принесло 10,7 млрд. долл.⁴ Еще несколько миллиардов долларов приносит продажа нефти и газа в страны СНГ. В целом объем экспорта минерального сырья (в которое, видимо, входит и природный газ, хотя из публикации Госкомстата это не ясно) в 2000 г. составил 55,5 млрд. долл., кроме того, было экспортировано на 22,3 млрд. долл. металлов, драгоценных камней и изделий из них⁵.

¹ Славкина М.В. Развитие нефтегазового комплекса СССР в 60—80-е гг.: большие победы и упущенные возможности. Доклад на IX Международной конференции «Ломоносов-2002» (http://www.hist.msu.ru/Science/LMNS2002/24.htm).

² Российский статистический ежегодник 2001. М., 2002. Табл. 24.16.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Табл. 24.10.

И в то же время резко сократились непроизводительные расходы государства на военное производство, в советское время огромные, а также государственные инвестиции в экономику.

На Россию буквально пролился золотой дождь. В мгновение ока в стране сложилась новая (точнее, перелицованная старая) экономическая элита, которая сосредоточила в своих руках все главные рычаги управления потоками невиданного богатства. В политическом смысле эта трансформация прошла довольно безболезненно, потому что она опиралась на безграничную поддержку государственной власти, отчасти и потому, что почти треть государственных расходов покрывается теперь за счет валютной выручки от экспорта. Но, конечно, немалая часть этой выручки расходуется на покрытие выросших потребительских расходов или на сбережения — львиная доля и того, и другого приходится на узкий слой новых политической и экономической элит. Их представители тесно переплетаются между собой, крупные экономические и политические игроки нередко меняются местами.

Хотя этот новый слой в значительной степени вылупился из прежней «социалистической» номенклатуры, именно он первым оценил преимущества рыночного порядка вещей — былые привилегии номенклатуры выглядят просто жалкими на фоне возможностей, открывшихся перед «бывшими советскими», а теперь «новыми русскими» всех национальностей. Естественно, что они и стали главными — и очень влиятельными — защитниками рыночных принципов, правда, со многими ограничениями, вытекающими из их специфического полурыночно-полугосударственного положения.

Конечно, какой-то сдвиг в сторону модернизации всей экономической системы произошел. Централизм и монополизм — главные признаки «досовременных», не способных к эффективной самоорганизации экономических систем — сейчас намного слабее, чем при Советской власти. Но они все еще очень сильны, тогда как децентрализационные тенденции пока маловыразительны. Рынок остается хилым, население — бедным, платежеспособный спрос — низким.

Подобно огосударствленной советской экономике, водившей хоровод вокруг военно-промышленного комплекса, частная или государственно-частная экономика, ориентированная на экспорт энергоносителей, сырья и того же вооружения, не нуждается во внутреннем рынке. Сегодня ее главный локомотив — крупный, ориентированный на внешние рынки капитал, очень основательно эксплуатирующий все тот же государственный ресурс.

В то же время едва ли можно сказать, что нынешнее Российское государство удовлетворительно выполняет функции протекционистской опеки отраслей, которые находятся за пределами монополизированного экспортного блока. В условиях благоденствия за счет ренты от природных ресурсов у него для этого просто нет достаточных стимулов. В результате обрабатывающая промышленность модернизируется крайне вяло — и не только с технической, но и с институциональной точки эрения. По оценке главного экономиста Московского представительства Мирового банка Кристофера Рюля, в России доля предприятий, созданных после начала реформ и действующих уже в конкурентных условиях, значительно ниже, чем в других странах с переходной экономикой. В странах Центральной Европы на предприятиях малого и среднего бизнеса работают порядка 60% всех занятых, а в России — 25% или около того. А большая часть работаюшего населения по-прежнему занята на старых крупных предприятиях, многие из которых неконкурентоспособны, и их динамика значительно ниже, чем у предприятий новой экономики¹.

Социальная структура

Такое развитие экономики блокирует вертикальную социальную мобильность и тормозит давно назревшее превращение созданных советской модернизацией городских слоев в полноценный средний класс. Несмотря на появление немалого числа «новых русских», пропускная способность каналов «социального восхождения» в современной России пока представляется довольно ограниченной.

Сама возможность такого восхождения как обычного, достаточно массового явления существует далеко не всегда, исторически это относительно новое явление. Традиционные сословные общества, по определению, характеризуются нулевым или близким к нему потенциалом вертикальных перемещений. Это не значит, что таких перемещений нет вовсе. И в старой сословной России встречались разбогатевшие крепостные и разорившиеся баре, но это было скорее исключением, чем правилом. После отмены крепостного права социальная мобильность заметно усилилась. Тем не менее для большинства населения социальное восхождение было маловероятно, ибо ограниченным оставалось само количество относительно более высоких социальных статусов.

¹ Время новостей. 5 декабря 2002.

Казалось, что в СССР в XX в. превращение десятков миллионов крестьян в городских промышленных рабочих как раз и означало коренное обновление социальной структуры в соответствии с императивами времени, имело ярко выраженный модернизационный смысл. Неоспоримым проявлением, чтобы не сказать триумфом, модернизации были и изменения в положении большинства народа, получившего доступ к образованию, новым удобствам городской жизни, не существовавшим прежде возможностям здравоохранения и социального обеспечения, к достижениям культуры и т.д.

Все эти перемены производили большое впечатление и в самом СССР, и за его пределами и создавали иллюзию небывалой восходящей вертикальной мобильности, тогда как на деле они были просто следствием промышленно-городской трансформации, опиравшейся на подготовленные долгим западным развитием, а теперь заимствованные советскими реформаторами технологии, а отчасти и способы организации социальной жизни.

Форма же социальной пирамиды, в отличие от западной, оставалась прежней: узкие середина и вершина при широком основании, вблизи которого сосредоточивалось большинство населения. Идеология «равенства» закрепляла и оправдывала такое строение социального тела, заимствование западной социальной пирамиды не предполагалось.

Ибо более современная, «веретенообразная» социальная модель западных обществ возникла как следствие двух типов социальных перемещений. Один из них — уже упоминавшееся превращение нижнего слоя аграрного в нижний же слой промышленного общества, т.е. крестьян — в рабочих, без изменения социальной модели.

Но рядом с ним с давних пор набирал силу другой тип структурных изменений и социальных перемещений, шло движение снизу вверх, расширялась, становилась все более многочисленной относительно обеспеченная и привилегированная социальная «середина», средний класс. Именно он, заботясь прежде всего о самом себе, стал главной движущей силой экономической, культурной и политической модернизации европейских обществ. Модернизация же, в свою очередь, привела к огромному расширению численности среднего класса и его места в социальном строении общества. В результате его способность и готовность поддерживать те социальные процессы, которые отвечают его интересам, превратились в решающий фактор сохранения социальной устойчивости.

Существование среднего класса не исключает, а может быть, даже и предполагает наличие более низких, обездоленных по сравнению с ним социальных слоев, порой достаточно массовых. В этом можно вилеть социальную несправедливость и осуждать средний класс за то, что он дорожит своими привилегиями и всегда готов эгоистически их отстаивать. Но нельзя отрицать, что появление социальной структуры с развитыми средними слоями привело к небывалому в истории сокращению доли низших слоев, прежде всегда составлявших подавляющее большинство народа. К тому же средний класс — «открытый», резкой границы между ним и менее благополучными социальными слоями не существует, а историческая тенденция заключается в расширении среднего класса за счет вертикальной мобильности снизу. Кроме того, сами стандарты жизни среднего класса становятся настолько распространенными, что это не остается без последствий и для низших слоев; если не говорить о «социальном дне», то если эти слои и обездолены, то далеко не в такой степени, как низшие слои социальной пирамиды прошлых веков.

Существование среднего класса не упраздняет также и верхних социальных слоев, которые по-прежнему располагают огромной силой и властью и по-прежнему больше, чем кто бы то ни было, контролируют жизнь общества, управляют им. Но все же — и это тоже исторически новое явление — их сила теперь не безгранична, а власть — не безраздельна, они вынуждены считаться со средним классом, который добился своей доли — и немалой — в управлении делами общества и государства.

Средний класс — это довольно пестрая социальная среда, к которой могут относиться и преуспевающие буржуа, и презирающие их интеллектуалы или художники-бессребреники. Но и те, и другие выросли на одной исторической почве. Представители разных слоев среднего класса переплетаются между собой, связаны родственными, имущественными, профессиональными, культурными, политическими интересами. Несущей же конструкцией всей этой системы интересов служит частная собственность, накопленная, передаваемая по наследству, заработанная и т.д., которой обладают пусть и не все, но многие представители среднего класса и которая обеспечивает относительную личную независимость, относительную свободу индивидуального выбора жизненного пути, образа жизни, идеологии и пр.

Западный средний класс неоднороден, многослоен, его социально-профессиональная структура характеризуется очень большим раз-

нообразием. Все это создает предпосылки интенсивной внутренней социальной мобильности, переходов из одного слоя в другой, движения как вверх, так и вниз, что в конечном счете обеспечивает неограниченное множество вариантов социальной адаптации. Выход же за пределы среднего класса — как вверх, так и вниз — представляет собою скорее чрезвычайное событие и, влияя, разумеется, на индивидуальные судьбы, обычно не нарушает устойчивости «веретенообразной» социальной модели.

«Пешкообразная» социальная структура советского общества долгое время не знала средних слоев. Она напоминала структуру феодального общества — немногочисленная знать и большинство одинаково бедного народа. Эта структура сложилась в период ранней советской индустриализации и отражала экономические реальности того времени: крайнюю ограниченность материальных ресурсов и необходимость концентрации их на решении нескольких узловых задач. Всеобщая бедность породила особую форму экономического и социального неравенства, которое, по-видимому, было одной из скрытых пружин тенденции ко всеобщему огосударствлению. Экономические возможности разных социальных групп в значительной степени определялись их официальным статусом, ибо измерялись мерой участия во владении, распределении и использовании общественного (читай государственного) богатства, т.е. по существу мерой доступа к рычагам власти.

«Государственные» люди, в той или иной мере причастные к управлению и распределительно-обменным процессам (партийные и козяйственные руководители и их окружение), составляли сравнительно небольшую долю населения. Массовые же слои общества не имели доступа ни к управлению, ни к распределению, поэтому их социальная и экономическая стратификация была выражена крайне слабо. Подавляющее большинство населения было одинаково бедно, и в этом смысле все находились примерно в равном положении, резко отличавшемся от положения относительно узкого «номенклатурного» или «околономенклатурного» слоя, обладавшего многообразными, часто тайными и трудно поддающимися измерению привилегиями, ставившими его вне экономических трудностей, постоянно испытываемых большинством.

Однако изменения происходили и в СССР. Со временем, все еще оставаясь намного беднее старых промышленных стран, СССР богател, его экономические возможности расширялись, а вместе с тем все

больше утрачивала свой внутренний смысл социальная структура «социалистического феодализма». Здесь тоже появлялась своя социальная «середина», отличная как от статусной номенклатуры, так и от пролетаризированного рабоче-крестьянского большинства. Социальные слои, претендовавшие на такое срединное место, становились все более массовыми, расширялись, рекрутируясь из рабочих и крестьян, доля которых в социальной структуре соответственно сокращалась. А вместе с тем нарастало и критическое отношение к допотопной форме советской социальной модели, назревала ее кардинальная перестройка. Ее начало долго затягивалось, но вот уже примерно пятнадцать лет стратификационное пространство российского постсоветского общества испытывает глубокие, хотя и медленные преобразования.

А медленны они именно потому, что в условиях, когда значительные и наиболее выгодные секторы ориентированы на внешний рынок, экспортно-ориентированная, остающаяся «полурыночной» экономика способствует консервированию во вполне городской России архаичной пирамидальной социальной модели, характерной для слабодифференцированных бедных крестьянских обществ. Массивное основание пирамиды остается слабоструктурированным, социально аморфным.

Политика

Архаика социальной пирамиды отзывается архаикой политической жизни. Европейский средний класс утверждал свою силу и власть, свою систему ценностей в ходе длительной политической борьбы против силы, власти и ценностей средневекового, сельского, дворянскокрестьянского мира. Эта борьба консолидировала средние слои, научила их отстаивать свои интересы, создала свойственную им политическую культуру и политическую традицию.

В современной России потенциальный средний класс — значительная часть городских слоев, по ряду характеристик (многие черты образа жизни, воспитания, психологии, ценностных ориентаций, уровень образования, профессиональный состав и пр.) более или менее соответствующих западному среднему классу, занимает совершенно иное положение в социальной структуре. Его представители все еще сконцентрированы в массивной нижней части пирамиды, не находят своего места на рынке ни в качестве продавцов, ни в качестве покупателей, недостаточно самостоятельны, не вовлечены в модернизационные реформы и поэтому мало в них заинтересованы.

Слабая структурированность общества и незрелость среднего класса препятствуют росту индивидуальной активности и изживанию мифологии единого «мира», «соборности», в которой тонут специфические индивидуальные и групповые интересы. Соответственно и неудовлетворенность своим положением выражается в постоянном морализировании и вере, что «барин нас рассудит», а не в прагматическом политическом диалоге, в котором стороны отстаивают свои осознанные интересы и ищут цивилизованные формальные процедуры разрешения неизбежных конфликтов этих интересов.

В свою очередь, отражающие разные интересы политические партии — инструмент такого диалога — не имеют достаточной социальной базы. Ценность социального и политического разнообразия и состязательности политического процесса пока не утвердила себя и поэтому не осознается. Гораздо больше ценится «единство», что и нашло отражение в названии наиболее преуспевающей партии, хотя «партия "Единство"» — это типичное contradictio in adjecto, ибо слово «партия» означает «часть», и в этом — весь смысл многопартийности.

Тем не менее до тех пор, пока не будет найден и реализован модернизационный курс, создающий новые каналы массовой вертикальной мобильности, положение едва ли может быть кардинально изменено. При существующих условиях «политика», т.е. деятельность, направленная на достижение влияния и власти, оказывается заложником аморфной структуры российского социума. Любой серьезный политический игрок вынужден вступать в борьбу за один и тот же электорат, ибо его большинство достаточно монолитно и откликается на одни и те же или схожие лозунги. Сейчас это большинство не вовлечено или слабо вовлечено в модернизационные перемены и потому часто воспринимает их враждебно. А это значит, что и политика, ищущая понимания и поддержки большинства, неизбежно приобретает контрмодернизационные черты.

Идеология

Всякое политическое действие требует идеологического обеспечения. Либеральные идеологии соответствуют смыслу того, что происходит в более модернизированных секторах российского социума, которые гораздо лучше чувствуют себя в климате, создаваемом безличными условиями децентрализованной экономики, свободной конкуренции, разделения властей, признания «прав человека», невмеша-

тельства государства в частную жизнь, идеологического плюрализма, своболы совести и т.л.

Однако когда разворачивается борьба за традиционалистски настроенный российский массовый электорат, все еще уповающий на государственный патернализм, либеральные идеологии не имеют больших шансов на успех. Напротив, демонстрация антилиберализма находит благодарный отклик в широких массах и приносит политическую поддержку, победу на выборах и т.д. Поэтому политики все чаще склоняются к более или менее выраженной эксплуатации антилиберальных, авторитаристских или даже тоталитаристских «государственнических» идеологий.

В современной России — это прежде всего набор коммунистических идеологем и мифологем советского образца, все еще сохраняющих влияние на значительную часть электората. Но так как это влияние все же очень сильно подорвано самим советским опытом и сейчас уже далеко не безраздельно, все четче обозначается альтернативная идеологическая линия, ведущая свое происхождение от белоэмигрантских идеологий 1920-х гг.

В 1923 г. Николай Бердяев опубликовал в эмиграции книгу с характерным названием «Новое средневековье». На примере этой книги видно, что с самого начала эмигрантская мысль, выступавшая с критикой советского режима, не совсем отрицала советский опыт, а во многом и оправдывала его. Антилиберальные мотивы в такой критике часто звучали намного сильнее антитоталитарных. «Антигуманистические выводы, которые сделал из гуманизма коммунизм, стоят на уровне нашей эпохи и связаны с ее движением», — утверждал Бердяев в «Новом средневековье»¹.

Хотя сам Бердяев впоследствии во многом отошел от идей этой книги, она сыграла важную роль в разработке российских «неосредневековых» проектов.

С наибольшей последовательностью такой проект, который можно назвать «православно-большевистским», разработали евразийцы. Он обладал всеми чертами набиравшего в 1920-е гг. силу необольшевистского проекта (огосударствленная экономика, тоталитарная идеология, однопартийная политическая система, антизападничество, антилиберализм и пр.) и подобно ему был подсказан истинным ходом событий в СССР. В целом евразийцы этот ход событий одобряли,

¹ Бердяев Н. Новое средневековье. М., 1991. С. 11.

подчеркивая, что объясняют его действием «народной стихии, а не коммунистов, которые были лишь удобными орудиями и, в общем, послушными исполнителями»¹.

На первый взгляд, евразийский политический проект, противостоявший большевистскому, был симметричен, в главном тождествен ему, он был нацелен не на устранение тоталитаризма и замену его демократией, а на замену одного типа тоталитаризма другим.

Однако изначально существовало и серьезное различие между евразийским и большевистским проектами, заключавшееся в отношении к модернизации. Большевики делали главную ставку на индустриализацию России, и это обеспечило им более или менее долговременную поддержку всех модернизаторских сил (хотя в конце концов стало ясно, что индустриализация — это еще далеко не вся модернизация).

У евразийцев не было и такого модернизационного порыва. «Самый дух индустриализма должен потерпеть крушение, и тогда изменятся и принципы, определяющие отношение человека к вещам. А преображение духа, конечно, возможно только путем религиозного и духовного возрождения... Евразийство... призывает к устранению капиталистического строя, исходя из утверждения преобладания духовных начал над материальными. Утверждение это оно черпает из глубоких корней православной веры, для которой идеал нестяжательства был всегда идеалом руководящим и высшим»².

Конечно, было бы большим преувеличением утверждать, что сегодня идеи евразийцев овладевают массами с такой же силой, с какой некогда ими овладела идея мировой революции и построения царства Божия на земле. Однако и недооценивать потенциал этих идей и их, так сказать, политическую перспективность не следует. Они во многом отвечают настроениям массивного «низа» социальной пирамиды, а многие их элементы давно уже эксплуатируются различными политическими силами, в том числе — и едва ли не в первую очередь — российскими коммунистами и их «народно-патриотическим» окружением.

В то же время использование либеральных лозунгов не сулит никому большого электорального успеха. Отношение к либералам в

¹ Евразийство. Опыт систематического изложения. В кн.: Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 399.

² Алексеев Н.Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Алексеев Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2000. С. 265.

современной России не слишком отличается от того, каким оно было в СССР или в Германии и Италии 1930-х гг. И в этом таится большая опасность. Влиятельность антилиберальных идеологий — следствие незавершенности экономической и социальной модернизации России, но она же — и препятствие ее завершению. Если эти идеологии и основанная на них политика возобладают, модернизация России существенно замедлится.

Россия в очередной раз стоит на перепутье, напоминая богатыря, раздумывающего на развилке дорог, куда ему повернуть: налево или направо. При этом едва ли не в самом сложном положении оказывается российская власть. Россия быстро теряет свой экономический и политический вес в мире (следствие даже не столько того, что происходит в самой России, сколько глобальных сдвигов, появления на мировой арене новых, потенциально очень сильных игроков). Безоговорочное принятие «западных» (а на самом деле, просто последовательно модернистских) ценностей — единственный доступный России способ удержаться на плаву. Похоже, что нынешняя власть это осознает более или менее ясно. Но она связана по рукам и ногам традиционалистскими, контрмодернистскими настроениями общества. Так что исход нынешнего раунда модернизации России пока остается неясным. А это, может быть, ее последний шанс.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РОССИИ: ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ ИЛИ ОСОБЫЙ ПУТЬ?*

Выражение «догоняющее развитие» имеет смысл только при признании «однолинейности» исторического развития вообще. Но идее «однолинейности» («плоской однолинейности», обязательно добавит ангажированный оппонент) неизменно противостоит идея «рядоположенности» цивилизаций или культур — идея, думаю, еще более древняя, чем геоцентрическая модель мира, но и сегодня имеющая немалое число сторонников и защитников.

Я понимаю развитие России на протяжении нескольких последних столетий именно как «догоняющее». Соответственно и мой доклад — попытка усилить аргументацию в пользу «линейной модели» развития.

Догоняющее развитие и социокультурный отбор

Не будем уходить слишком далеко в историю, ограничимся лишь тем ее куском, который непосредственно примыкает к интересующему нас времени догоняющего развития России, и рассмотрим его в очень схематизированном виде.

Где-то в середине первого тысячелетия нашей эры после столетий агонии Римской империи на ее развалинах стали возникать новые европейские общества, которые не просто выживали в условиях распада античной цивилизации и ее разграбления варварами, но были уже способны к саморазвитию на новой основе. Эта основа включала в себя новые социальные слои (прежде всего крестьянство), феодальную собственность на землю, крепостное право, христианство как основную религиозную систему, монастыри и многое другое. Все это

^{*}Доклад на Третьих Сократических чтениях по географии «Россия в современном мире: поиск новых интеллектуальных подходов». Старая Русса, 2—5 мая 2002 г. Печатается по изданию: Россия в современном мире: поиск новых интеллектуальных подходов. Третьи Сократические чтения по географии. Сб. докладов / Под ред. В.А. Шупера. М.: Компания «Спутник», 2002. С. 169—184. Опубликовано также в журнале: «Мир России» (Univers of Russia). 2002. № 3. С. 13—21.

было системно увязано одно с другим, что и создавало возможности эволюционного развития.

Всякое развитие — это усложнение системы, ее внутренняя дифференциация, рост разнообразия. Развиваясь, европейские средневековые общества создали ту «цветущую сложность», которая так восхищала К. Леонтьева. Идет ли речь о производственных процессах или бытовых особенностях, политических формах или правилах наследования, Средневековье поражает огромным разнообразием локальных культур, обычаев, норм, костюмов, церемониалов, детализацией правил общежития и т.д. Все это разнообразие жизненно необходимо для структурирования общества, выполняет важные социальные функции («китайские церемонии»). Но в основе лежат адаптивные формы, диктующиеся конкретными условиями жизни, «ржаным полем» или «финиковой пальмой», как писал Глеб Успенский, или «месторазвитием» — по выражению более поздних теоретиков.

Механизм формирования «цветущей сложности» — отбор более эффективных форм, правил, процедур и т.п. Мне уже приходилось писать о роли этого механизма¹, но это было давно, и я позволю себе повториться. Ведь это только гелиоцентрическая модель мира, кажется, уже не вызывает ничьих возражений, даже извинились перед Галилеем — с некоторым, правда, опозданием. А вот идея дарвиновского отбора не всем еще по душе в нашем как бы полусредневековье. Между тем именно в рамках дарвиновской теории эволюции впервые сформировалось представление об отборе как основном механизме самоорганизации и саморазвития сложных систем.

Сейчас этот механизм все чаще понимается как универсальный, действующий также и на добиологическом (скажем, в работах М. Эйгена по теории самоорганизации макромолекул²), и на постбиологическом, социальном (например, в исследованиях по теории культуры Э. Маркаряна) уровнях развития материи. «Определенные звенья культурной традиции выполняют в принципе такие же селективные стабилизирующие и направляющие функции, какие в процессах биологической эволюции выполняет естественный отбор», — полагает Маркарян³.

¹ Вишневский А. Процессы самоорганизации в демографической системе // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1985. М.: Наука, 1986.

² Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. М.: Мир, 1973.

 $^{^3}$ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука М.: Мысль, 1983. С. 158.

В качестве объекта социального отбора выступают широко понимаемые способы деятельности людей, ее социально задаваемые программы. Стало быть, социальный отбор — это в значительной степени отбор социокультурный.

В обществе, как и в природе, отбор выполняет две основные функции: движущую и стабилизирующую. «Если движущая или ведущая форма отбора идет на основе селекционного преимущества некоторых уклонений перед прежней «нормой» и ведет к установлению новой «нормы», то стабилизирующая форма отбора покоится на селекционном преимуществе установившейся дефинитивной нормы перед всеми от нее уклонениями»¹. Эта мысль, призванная объяснить эволюцию живых организмов в природе, вполне применима к объяснению изменений культурной традиции и ее элементов. Как отмечал И. Шмальгаузен, если живой организм приспособлен к условиям существования и эти условия сохраняются, в общем, неизменными, то структура и свойства организма могут не меняться на протяжении геологических периодов. То же относится и к культурным структурам. Если они приспособлены к условиям существования людей и эти условия относительно мало меняются, то отбор препятствует культурным инновациям, направлен прежде всего на поддержание социокультурного status quo. Поэтому хорошо адаптированные локальные формы жизни остаются неизменными на протяжении если и не геологических периодов, то достаточно долгих отрезков человеческой истории.

Если же условия существования людей и соответственно условия выполнения каких-либо жизненно важных социальных функций сильно меняются, то меняются и задачи отбора. Теперь он должен не сохранять устойчивость имеющихся форм, а как можно эффективнее отсеивать их устаревшие, архаичные варианты и расчищать место для массового распространения культурных инноваций, более соответствующих новым экономическим и социальным требованиям жизни.

В разные эпохи человеческой истории роль различных типов социального отбора неодинакова. На протяжении более или менее длительных периодов существования зрелых социально-экономических систем (например западноевропейского феодализма), в которых медленное накопление количественных изменений до поры до времени не приводит к коренным качественным изменениям, преобладающую роль играет стабилизирующий отбор, который охраняет сложившиеся

¹ Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции: Теория стабилизирующего отбора. М.: Наука, 1968. С. 10.

формы социальной организации, осуждает любые отклонения от них как ересь, грех, правонарушение, не давая им тем самым превратиться в культурную норму.

Лишь в относительно редкие переломные моменты истории приобретает размах и достигает успеха деятельность, идущая вразрез с господствующими культурными нормами. Это бывает тогда, когда под влиянием необратимых исторических изменений в условиях существования те или иные установки культуры перестают соответствовать новым условиям и возникает объективная необходимость их замены или трансформации. Тогда-то и выходит на первый план направленный социокультурный отбор.

Ничто не ново под луной: и движущий, и стабилизирующий отбор имеют дело с огромным запасом всегда имеющегося. Все дело в том, какие виды деятельности, способы действия, идеологемы, формы отношений и поведения оказываются наиболее эффективными в данных конкретных обстоятельствах и потому перемещаются в центр культурно-нормативной системы, оттесняя менее эффективные элементы на ее периферию. Но и оттесненные, они не исчезают, просто поле их распространения резко суживается. А бывает, что они внезапно вытаскиваются из нафталина, преподносятся как нечто новое и оригинальное, поднимаются на щит во время попыток (заканчивающихся в лучшем случае кратковременным успехом) восстановить старый порядок вещей.

Возьмем, к примеру, демографическое поведение — наиболее знакомую мне область. Противозачаточные средства, так же, как и способы плодоизгнания, известны людям с незапамятных времен, и всегда существовала практика, по большей части тайная, применения и того, и другого. Но она всегда рассматривалась как социальная аномалия, таилась на задворках жизни, запрещалась и преследовалась религиозными и светскими законами, осуждалась моралью и т.д. Культурно санкционированным было массовое поведение, исключавшее какое бы то ни было сознательное вмешательство людей в производство собственного потомства. В условиях высокой смертности прошлых эпох в этом был глубокий смысл, сформированные культурным отбором правила демографического поведения были эффективными.

Когда же смертность стала снижаться, прежние строгие запреты утратили смысл, зато эффективными и востребованными оказались прежде запретные формы поведения. Более того, очень скоро как раз они стали преобладающими и были усовершенствованы с использованием новых знаний и технологий, тогда как недавнее, не признававшее намеренного ограничения деторождения материнство попало в положение маргинальной, мало кому понятной, часто не одобряемой формы поведения. Время от времени в разных странах можно наблюдать попытки восстановить — иногда даже силой — былое неприятие свободы прокреативного выбора, но там, где эта свобода уже утвердилась, сколько-нибудь заметного влияния на реальное поведение людей они ни оказывают.

Социокультурный отбор и социокультурная интеграция

Вначале механизмы отбора изменяют ситуацию на локальном уровне, но рано или поздно их действие распространяется на все взаимодействующие и конкурирующие группы людей и ведет к социокультурной интеграции все более крупных сообществ. Интегрирующее воздействие — очень важное свойство социокультурного отбора.

Местные правила и обычаи и приспособлены к данному месту. Но по мере развития наряду с локальными появляются универсально эффективные способы поведения и институциональные формы, которые получают шанс на более широкое распространение. Не удивительно, что значение таких форм возрастает с развитием торговли, ремесла, городов, т.е. по мере того, как ограничивается системообразующая роль сельского хозяйства, особенно сильно зависящего от местных условий. Земледелец с Русской равнины едва ли много получит, заимствуя опыт земледельца с Аравийского полуострова. Но европейский ремесленник или торговец мог многому научиться и у арабов, и у турок, и даже у далеких китайцев. А уж военные только тем и живут, что выслеживают чужие нововведения.

Кроме того, отбор, конечно, ускоряется по мере учащения контактов, развития путей сообщения, средств связи и пр.

Более универсальные, пригодные для повсеместного использования способы организации, институциональные формы и т.п. — такие, например, как города, разделение труда, ремесленные цехи, промышленные технологии, рынок, деньги, новые виды вооружения и т.д. — становятся источником заимствований, которые обрекают менее эффективные местные формы на отмирание.

Что служит критерием эффективности? То, что считается или ощущается эффективным «участниками соревнования» (например, то, что дает большее богатство, большую военную силу). Кто ошибается,

тот выбывает из игры. В конечном счете не будет большим преувеличением сказать: появление новых, более эффективных экономических, политических и т.п. форм не оставляет носителям менее эффективных форм никакого выбора. Они должны либо воспринять новые нормы и новые институциональные формы, либо погибнуть.

Один из наиболее ярких примеров интегрирующего эффекта социокультурного отбора — возникновение мировых религий. Вот против чего должны были бы протестовать нынешние антиглобалисты! Население огромных территорий, жившее по своим местным правилам, под защитой местных богов, включается в единую культурнонормативную систему христианства или ислама, сбрасывает в бездну своих Перунов и начинает жить по новым законам, которые столетиями доказывают свое превосходство над прежними, языческими.

Стоит ли удивляться, что дело не кончается воцарением мировых религий. Рано или поздно возникают еще более универсальные формы деятельности, и обособление даже очень крупных, но все же «региональных» систем теряет свой, некогда очень большой, смысл. Жесткие границы, скажем, между христианством и исламом, не говоря уже о перегородках между католицизмом и православием, шиитской и суннитской ветвями ислама, равно как и между охраняемыми ими культурно-нормативными системами, оказываются преходящими, обреченными на исчезновение.

Но то, что существовало веками и тысячелетиями, не исчезает за один день.

Социокультурная интеграция и кризис локальных культур

Происходящие под воздействием социокультурного отбора перемены накапливаются медленно, однако рано или поздно достигают «критической массы» и делают неизбежными всеобщую переоценку ценностей, гибель старых богов, отказ от «святого» и т.д. Для любого общества это — время тяжелой болезни. Но сверх того следует различать «новое», выработанное в недрах данного общества, и заимствованное «новое». Социокультурная интеграция предполагает заимствования — они сокращают «опыты быстротекущей жизни», ускоряют развитие. Однако они же резко усиливают болезненность перемен: приходится отказываться не просто от старого во имя нового, но от «своего» во имя «чужого». Да и сама стремительность перемен как ре-

зультат перенесения готового опыта чрезвычайно обостряет вызываемый ими шок.

Втягиваясь в процесс социокультурной интеграции, всякое общество одновременно вступает в полосу глубокого внутреннего кризиса, чреватого глубокими и острыми конфликтами, причем конфликтами особого рода.

Трудно представить себе общество, не знающее конфликтов. Всегда есть бедные и богатые, эксплуататоры и эксплуатируемые, есть, стало быть, почва для недовольства, возмущения, даже бунта. Но есть и сложившаяся, стабильная, освященная традицией, религией, одним словом, культурой система отношений, которая позволяет снижать градус недовольства и преодолевать время от времени вспыхивающие кризисы.

Конфликты и кризисы переломных эпох имеют иную природу и иную глубину. По инерции их часто пытаются описывать с помощью привычных клише («богатые стали богаче, бедные — беднее» и т.п.), и это действует на толиу, но ничего не объясняет. Ибо в такие эпохи главный источник неудовлетворенности, недовольства, напряженности утрата старых богов, потеря ценностных ориентиров, что переносится гораздо более болезненно, чем самая острая материальная нужда, особенно если приходится, как это и бывает при догоняющем развитии, усваивать не просто новые, но «чужие» ценности. Как ни велики были материальные трудности огромной части россиян в недавние 1990-е гг., их лаже отлаленно нельзя сравнить с лишениями, выпавшими на долю жителей страны, скажем, во время Второй мировой войны. Уровень же массового недовольства сейчас — несравнимо выше, чем тогда, причем недовольство очень часто захватывает и тех, кому грех жаловаться на бедность и неустроенность, чье благосостояние, да и общее качество жизни за последние 10-15 лет явно улучшилось. В глубине души они могут и понимать, что иного пути у страны нет, но их мучит чувство унижения за то, что приходится учиться жить «по-западному», «поамерикански», вписываться в стратегию «глобализма» и т.д.

И всегда находятся люди и группы людей, которые ценят это недовольство на вес золота. Ибо оно — главное топливо политических котлов, которые докрасна раскаляются именно в такие переломные эпохи.

Хотя социокультурный отбор — объективный процесс, его носители — это всегда конкретные люди и целые социальные слои. Те, чьим интересам отвечают назревшие перемены, кто отдает предпочтение новым формам и нормам жизни, выступают в качестве проводников движущего отбора. У них всегда есть противники, стоящие на страже сложившегося порядка вещей, а значит и стабилизирующих функций отбора. Политическая борьба — один из механизмов (к счастью, не единственный), с помощью которых реализуется отбор в обонх его видах. А всякая политическая борьба нуждается в идеологии (точнее, в идеологиях — каждая борющаяся сторона имеет свою), способной перевербовать на свою сторону побольше недовольных.

Идеологемы «однолинейности» и «рядоположенности» — та рассада, из которой вырастают целые идеологические цветники. Какая из них больше отвечает ситуации нынешнего российского кризиса социокультурной идентичности? Ведь России и впрямь пришлось отказаться от многого «своего» во имя усвоения многого «чужого». Надо ли принять это как должное, видя в нынешнем выборе России торжество исторической «однолинейности», или возмутиться и подняться на защиту своей исконной «рядоположенности»?

Кризис локальных культур и разные «интеллектуальные подходы»

Тема наших чтений «Россия в современном мире: поиск новых интеллектуальных подходов». Но, как я уже имел случай заметить выше, ничто не ново под луной. Не очень хорошо обстоит дело и с новизной интеллектуальных подходов: дай Бог разобраться со старыми.

Нынешняя российская ситуация не настолько оригинальна, чтобы она могла породить спрос на новые подходы. И российской интеллектуальной элите, и интеллектуалам других стран не раз приходилось искать ответы на вопросы, возникающие в переломные эпохи, когда время требует серьезной переоценки ценностей и разгораются споры между сторонниками и противниками перемен.

И те, и другие ищут опоры и, как ни странно, находят ее в одной и той же культуре.

Казалось бы, сложившаяся, достигшая расцвета культура должна служить опорой консерватизма, ибо охрана достигнутой социальной устойчивости — одна из главных задач культуры, представляющей собой, по сути, обобщение, свод норм, правил, социальных приоритетов, этических и эстетических предпочтений, отобранных временем, укорененных в самой жизни, получивших смысл непреходящих ценностей.

Но именно потому, что культура живого общества не может быть мертвой, она чутко прислушивается ко всем переменам и пытается

интегрировать их в уже сложившуюся систему действий и представлений. Увы, даже при самой большой способности культуры к самообновлению такая задача может оказаться неразрешимой из-за несовместимости новых и старых ценностей.

Культура в ее высших проявлениях — в случае России, например, в творчестве Толстого или Достоевского — пытается сочетать глубинный консерватизм с проницательной критикой сущего. Отсюда — всеохватность литературных или художественных шедевров. Но на рядовом уровне, на уровне массового сознания персонифицируются крайние позиции: охранительный консерватизм и обновленческий радикализм становятся плоскими, одномерными, расходятся по противоположным лагерям, демонстрируют свою взаимную непримиримость, начисто отрицая правоту противоположной позиции и не желая вспоминать общность своего происхождения от одного культурного корня.

Более того, на первый план обычно выходит именно подчеркивание взаимной чуждости старого и нового, взаимоисключающих достоинств истинно национальных, «почвеннических» ценностей, с одной стороны, и «прогрессивных», «космополитических», универсалистских ценностей — с другой. Есть ли правда и «глубина» в каждой из этих позиций? Конечно, есть. Но значит ли это, что обе позиции равноценны?

Если рассматривать их как рядоположенные, то почему бы и нет? Кто вправе делать выбор между Обломовым и Штольцем, осуждать или оправдывать того или другого? Можно сколько угодно морализировать по поводу каждого их поступка, но до единодушного приговора дело не дойдет никогда. И если подходить с такими же критериями к национальным культурам, то результат будет тот же. Но для того, чтобы такой подход был оправданным, надо заранее признать их «рядоположенными», исключив идею общечеловеческого развития. Именно в таком априорном признании рядоположенности — главный смысл консервативной идеологемы непреодолимых перегородок между «культурно-историческими типами» (Гердер, Данилевский, Шпенглер и т.д.).

Почему эта идеологема так живуча и так популярна в интеллектуальной среде? Известны слова Маркса о том, что анатомия человека дает ключ к пониманию анатомии обезьяны. Я понимаю эти слова в том смысле, что, находясь в конце пройденного участка дороги, можно видеть его целиком, сравнивать то, что стало, с тем, что было. А вот зная только анатомию обезьяны, анатомии человека не понять, да ее еще и нет, путь к ней только начинается. Ситуация асимметрична, идея развития гораздо более понятна в конце пути, нежели в его начале.

Культурно-психологическая доминанта в обществах, вступающих на путь догоняющего развития, такова, что она никак не способствует осознанию этой асимметрии. Даже очень умные люди часто плохо понимают идею развития, а иной раз и выступают против нее с крайней агрессивностью.

«У меня вообще слабо сознание длительного процесса во времени, процесса развитии, — признавался Бердяев на исходе жизни. — Все мне представляется не переходным, а конечным... Я всегда философствовал так, как будто наступает конец мира и нет перспективы времени. В этом я очень русский мыслитель и дитя Достоевского»¹.

Идея направленной в одну сторону стрелы времени и тесно связанная с нею идея дарвиновского отбора — даже в его чисто биологическом варианте — вызывают отторжение консервативных мыслителей. Достаточно вспомнить борьбу с дарвинизмом Н. Данилевского — биолога по специальности — или яростные инвективы Шпенглера: «Телеология — это карикатура идеи судьбы. Что Данте чувствует как предназначение, ученый превращает в цель жизни. Такова действительная и глубочайшая тенденция дарвинизма, этого космополитически-интеллектуального мировосприятия абстрактнейшей из всех цивилизаций, и растущего с ним из единого корня, равным образом умерщвляющего все органическое и судьбоносное материалистического понимания истории»². Дарвинизм стоит у Шпенглера едва ли не во главе (впереди — только социализм) длинного списка того, что «предназначено не для мирочувствования деревенского и вообще естественного человека, но исключительно для столичного мозгляка»³.

По существу Шпенглер противопоставляет научному иной интеллектуальный подход, «научному опыту» — «идею судьбы», каузальной «логике понимания» — «инстинктивную, сновидчески достоверную логику... жизни». «Судьба» — это слово для не поддающейся описанию внутренней достоверности. Сущность каузального проясняется физической или теоретико-познавательной системой, числами, понятийным анализом. Идею судьбы можно сообщить, только будучи художником, — через портрет, через трагедию, через музыку»⁴.

¹ Бердяев Н. Собр. соч. Т. 1. Самопознание (Опыт философской автобиографии). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Paris: YMCA-PRESS, 1949—1983. С. 337.

² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 277.

³ Там же. С. 168.

⁴ Tam жe. C. 273.

Кто станет оспаривать эвристическую ценность интуитивных художественных форм? Но все же попытка в XX в. осмыслить происходящие вокруг тебя исторические события, отказавшись от чисел и понятийного аппарата, выглядит большой натяжкой.

Не на таких ли натяжках построена вся концепция «рядоположенности»?

А что же Россия?

Не признавать «однолинейности» — значит не просто видеть какие-то различия между цивилизациями, но полагать, что существуют разные «линии развития». Что же это за линии? Можно ли всерьез предполагать, что какие-то страны или народы в современном мире захотят и смогут остаться в стороне от развития промышленности, городов, средств коммуникации, образования, медицины и всего остального, что придумано «Западом»? А если нельзя, то что остается от «рядоположенности»? Выдуманная «плоскость» однолинейности, якобы предполагающей полное стирание различий между народами? Но ведь и Данилевский, говоря о романо-германской цивилизации, не думал, наверно, что немцы, французы и итальянцы совершенно одинаковы.

Правда, совсем еще недавно нам самим казалось, что мы-то как раз и нашли «другую линию». Не случайно ведь мы так яростно боролись с любыми намеками на «конвергенцию» при том, что безумно гордились всем тем, что хоть как-то сближало нас с ненавистным Западом, — ростом промышленности, городов, образования, секулярным мышлением, современным здравоохранением и т.п. Но многое «западное» нам не давалось — ни их благосостояние, ни их здоровье, ни их правовая защищенность личности. И все это оправдывалось официальным клише о непреодолимых различиях общественного строя, которое запрещало даже хотеть того, чего у нас не было (а у них было). Но в конце концов пришлось — вот она, сила отбора! — отказаться от столь ценимой оригинальности, принять и рыночную экономику, и парламентаризм, и «буржуазные свободы» — тогда и многие старые клише осыпались в одночасье.

Но свято место пусто не бывает. Идея «особости» России не была выдумана советскими идеологами. У нас, как и везде, она — отражение внутреннего конфликта «старого» и «нового», идеологического позиционирования сторонников того и другого. Ничего придумывать не пришлось. Советские изоляционистские клише были перелицов-

кой старых консервативных формул дореволюционного времени, к этим формулам и вернулись. И будто сегодня сказанные звучат слова Милюкова: «Хранителями национального самосознания являются группы, программа которых имеет целью сохранение остатков прошлого и дальнейшее распространение национального типа, тогда как выразителями общественного самосознания становятся другие группы, занятые преимущественно устройством лучшего будущего»¹.

То, что Россия — не Америка и никогда не станет Америкой, мало у кого вызывает сомнения. Но значит ли это, что Россия все еще не вырулила на универсальный, общемировой путь и остается в своей ло-кальной цивилизационной нише, сформированной «ржаным полем»?

Можно назвать тысячи признаков, по которым русские отличаются от немцев, французов, американцев или японцев, миллион факторов, объясняющих это различие. Но положение будет точно таким же, если мы станем сравнивать немцев, французов, американцев и японцев между собой.

Надо, стало быть, выделить какие-то существенные признаки, позволяющие не просто судить о многообразных сходствах и различиях, а видеть главное. Может быть, надо даже, вопреки Шпенглеру, пользоваться каким-то понятийным аппаратом и какими-то числовыми измерителями.

Я думаю, что надо сравнивать не Ивана с Фрицем или Джоном, а российское общество — с западными. В начале XX в. по всем основным параметрам — отраслевой структуре экономики, типам собственности, социальному составу, соотношению городского и сельского населения, уровню образования или гигиены, семейному и демографическому поведению и т.п. — Россия кардинально отличалась от своих европейских соседей, это были разные миры («Золотая дремотная Азия опочила на куполах»). Сейчас этого разрыва нет, есть только остаточные различия, свидетельствующие о незавершенности у нас процесса «вестернизации». Но то, что по фундаментальным характеристикам Россия — это общество западного типа, что линия развития у нас одна и та же, мне кажется, не может вызывать сомнения.

 $^{^{1}}$ Милюков П. Очерки по истории русской культуры. М.: Изд. МГУ, 1992. С. 141.

КОММУНИЗМ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И КОНТРМОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ*

Советский коммунизм умер с такой внезапностью, что даже не успел перед смертью побывать у врача. Впрочем, его полагалось считать здоровым, так что едва ли следует удивляться тому, что ему не был поставлен серьезный прижизненный диагноз. Более странным кажется то, что покойный не привлек серьезного внимания паталого-анатомов, и у нас нет посмертного научного диагноза. В результате прижизненная мифология плавно трансформировалась в посмертную.

На вопрос о том, было ли бы лучше, если бы все в стране оставалось как до 1985 г., не более трети опрошенных устойчиво отвечают «нет». Остальные либо полагают, что было бы лучше, либо затрудняются с ответом¹. На чем основана столь стойкая ностальгия?

Нет сомнения, что за XX век Россия пережила огромные перемены. Поскольку более 70 лет этого века в России прошли при власти коммунистов, вопрос о том, какой вклад внесла эта власть в преобразование России, важен для понимания не только ее прошлого, но и ее будущего. Что из российского советского опыта XX столетия заслуживает того, чтобы взять с собой и в новое столетие, а от чего необходимо категорически оказаться?

Мне кажется, что центральное место в кругу вопросов об исторической роли коммунизма в России XX века занимает вопрос о его влиянии на модернизацию страны. На этом вопросе я и сосредоточу свое внимание.

Догоняющая модернизация как историческая инверсия

Под модернизацией я понимаю переход от традиционных аграрных, крестьянских, сельских, холистских обществ к современным индустриальным и постиндустриальным, городским, индивидуалис-

^{*}Доклад на международной конференции «Коммунизм и его история». Рим и Отранто (Италия), 4—7 февраля 2004 г. Ранее не публиковался.

¹ Левада Ю. «Человек советский»: четвертая волна. Время перемен глазами общественного мнения // Вестник общественного мнения. 2003. № 1 (67). С. 14.

тским. Возможно, существуют другие интерпретации термина «модернизация» или другие термины для обозначения упомянутого перехода, но в данном случае это не имеет значения, ибо дело не в словах. Все мои рассуждения касаются именно означенного перехода, как бы его ни называли.

Модернизация в указанном выше смысле универсальна. Это путь, на который обязательно становятся все общества, достигшие определенного уровня развития, а также общества, еще не достигшие этого уровня, но систематически соприкасающиеся с уже модернизированными или модернизирующимися обществами, «инфицированные» ими и пытающиеся полностью или частично воспроизвести их достижения («догоняющая модернизация»).

Всеобщность модернизации есть следствие функционирования универсального механизма эволюции — широко понимаемого дарвиновского отбора, приводящего к выдвижению в центр экономической, социальной и культурной системы более эффективных и оттеснению на ее периферию менее эффективных способов деятельности, экономических правил и процедур, культурных норм, образцов поведения и т.д. При этом решающее значение имеет экономическая и демографическая эффективность — утверждение, которое можно считать марксистским, историко-материалистическим в том смысле, что фундаментальные исторические перемены выводятся из перемен в «производстве и воспроизводстве непосредственной жизни» (Энгельс), все же остальное оказывается лишь следствиями.

Модернизация образует ось, вокруг которой группируются главные события мировой истории, по меньшей мере с конца XVIII в., т.е. со времени промышленной революции в Англии и Великой Французской революции. Постепенно распространяясь на все новые и новые страны и районы мира, особенно в XX в., она все больше приобретает черты догоняющей модернизации. Ее отличительная черта заключается в том, что она предполагает заимствование готовых экономических и демографических результатов модернизации, достигнутых и доказавших свою эффективность в тоже модернизированной социально-экономической среде, и их перенесение на неподготовленную для их воспроизводства социальную почву.

Материальные достижения западноевропейских обществ «пионерной» модернизации и сопровождавшие их глубокие социокультурные перемены не были никем задуманы, «запланированы». Они стали результатом спонтанного развития новых форм и норм организации экономической деятельности, публичной и частной жизни. На протяжении столетий в это развитие вовлекались, играя в нем активную, инициирующую роль, поднимавшиеся снизу все более широкие общественные слои. Медленно, но верно они сами пробивали все новые и новые каналы вертикальной мобильности, пути социального восхождения, благодаря чему необратимо менялась вся социальная пирамида и приближалось время торжества «третьего сословия». И именно в ходе такого развития в течение несколько столетий в Западной Европе выработались и доказали свои исторические преимущества индивидуалистический тип человеческой личности и система либеральных ценностей, вся та социальная среда, которая и стала постоянным генератором новой экономической и демографической эффективности.

В обществах догоняющей модернизации все происходит по-иному. Они всегда развиваются по какому-то более или менее ясно осознанному плану, когда желаемые результаты известны заранее из чужого опыта и внедряются «сверху». При этом на первый план выходит государственный патернализм, а экономический и политический либерализм, благотворный для спонтанно развивающихся обществ, превращается в помеху.

По отношению к пионерной модернизации это — историческая инверсия, открывающая эпоху небывалого материалистического мессианизма, бесчисленных хилиастических проектов и программ. Их авторами и исполнителями выступают обычно те или иные элитарные слои слабо вовлеченных в модернизацию обществ, знакомые с чужими достижениями и озабоченные своим отставанием, в первую очередь, как правило, экономическим и военным. Реальным же субъектом догоняющей модернизации, с разной степенью успешности реализующим такие проекты, всегда становится государственная власть, приобретающая благодаря этому необыкновенный вес, не совместимый с самим духом либерализма и демократии.

Тоталитарные политические режимы XX в., включая коммунистические, — порождение догоняющей модернизации. Русский коммунизм и все, что с ним связано, — не более чем частный случай такого развития, очень похожий к тому же на другие его частные случаи.

Новый старый мир

Мне уже приходилось писать о противоречивой двойственности большевистского проекта превращения России в страну, в которой материально-технические достижения критикуемого капиталистического Запада сочетались бы с идеализируемыми добродетелями общин-

ной крестьянской России — уравнительностью, безденежностью, безрыночностью, патернализмом и т.д. Этот проект будущего изначально имел существенные черты сходства со многими (хотя и не со всеми) другими проектами, вызревавшими в России в предреволюционную эпоху¹.

Сходство было не случайным, оно определялось тем, что все подобные проекты вырабатывались в рамках одной и той же «средневековой» картины мира, тогда как неотъемлемой частью пионерной западной модернизации было складывание новой картины мира, более отвечавшей новым социальным и когнитивным реальностям.

В средневековой картине мира господствует «божественный порядок», мир управляется демиургом в его различных ипостасях, в ней всегда присутствует надындивидуальная сила, которая творит, сохраняет или охраняет все сущее «сверху», из какого-то «центра», «есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе; и его мы именуем богом»². Это картина хорошо детерминированного мира, и ему соответствует детерминизм как философская концепция, как мировоззрение и как идеал. Она в равной степени близка и теологу, и политику, и естествоиспытателю.

Именно в такую картину мира хорошо вписывается идея построения общества, в котором покончено с частной собственностью, со стихийными силами рынка и вообще со всякой «анархией», все распределяется по единому плану и т.п. Подобные представления лежат в основе критики сущего ранними социалистами-утопистами: даже божественного порядка недостаточно, слишком многие и многое отклоняются от него, надо внести в мир еще больше порядка, и тогда все будет хорошо. Этот средневековый идеал унаследовал и марксизм, а через него и русский коммунизм.

Относительно слабая расчлененность традиционной жизнедеятельности, отраженная в старой картине мира, предопределяет и синкретизм постигающего этот мир сознания. Такое сознание не допускает анализа, социальной самокритики, оценивать для него значит морализировать. Оно требует веры, делает возможным истолкование всего сущего только в терминах добра и зла, истинных и неистинных ценностей и т.п.³.

¹ Вищневский А.Г. Серп и рубль... С. 29—31.

² Фома Аквинский. Сумма теологии, I, q. 2, 3 с.

³ Вишневский А.Г. Серп и рубль... С. 161.

В странах — пионерах модернизации, прошедших через горнило Возрождения, Реформации, Просвещения, экономических и политических революций Нового времени, уже к началу XIX в. эта картина мира утратила свою убедительность. Своим социальным опытом нескольких столетий перемен и потрясений они были не просто подготовлены к принятию новых мировоззренческими парадигм, обновление картины мира стало необходимым условием их дальнейшего движения. Ибо для осмысления модернизировавшегося мира, становившегося намного более сложным и разнообразным, чем прежний, даже просто для жизни в нем «разрешающей способности» взглядов, основанных на детерминистской картине мира, недостаточно. Начиная с какого-то момента, синкретическое знание уступает место дифференцирующему анализу, способному постичь как нарастающее внутреннее разнообразие социума, так и внезапно открывшееся взгляду человека неисчерпаемое внутреннее разнообразие природы.

Один из ранних примеров такого анализа — рассмотрение Адамом Смитом небывалых перемен в английской экономике как результата разделения труда и свободы обмена товарами. Прорыв Адама Смита — лишь часть мировоззренческой революции, охватившей все виды познания — как социального, так и естественнонаучного. Она привела к формированию новой картины мира, который уже не строится и не управляется «сверху» по какому-то замыслу, а растет «снизу», как лес или трава, складывается в ходе самоорганизации, «рука» которой невидима. Результаты же такой самоорганизации не строго детерминированы, а в лучшем случае лишь предсказуемы с некоторой вероятностью¹. Можно сказать, что в результате этой революции креационистская картина мира уступила место эволюционистской, а синкретический способ познания мира — аналитическому. Описание, объяснение и морализирование, выступавшие прежде единым блоком, отделились друг от друга, что понизило статус морализирования.

¹ «Почти безраздельно господствовавшая с конца XVII до конца XIX в. ньютоновская физика описывала Вселенную, где все происходит точно в соответствии с законами; она описывала компактную, прочно устроенную Вселенную, где все будущее строго зависит от всего прошедшего... Теперь эта точка зрения не является больше господствующей в физике... Теперь физика больше не претендует иметь дело с тем, что произойдет всегда, а только с тем, что произойдет с преобладающей степенью вероятности» (Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 23, 26).

Но это произошло не везде, не сразу и не в одинаковой степени. Разные общества — даже модернизирующиеся — находились на разных стадиях обновления, так что и объективно почти везде существовали основания для обеих картин мира — новой и старой. А на определенном этапе развития внугри каждого общества становится неизбежным столкновение двух картин мира с заранее непредсказуемым исходом. Полный возврат назад, чистый реванш креационистской картины мира и тесно связанных с нею синкретизма и морализирования маловероятны. А вот компромисс старой и новой картин мира оказывается не только возможным, но почти всегда имеет место. Одним из вариантов такого компромисса и стали марксизм и выросший из него русский коммунизм.

При этом варианте компромисса отвергается прежний религиозный креационизм и развивается эволюционный материалистический взгляд на историю, высоко оцениваются возможности аналитического познания, в том числе и социального («научный коммунизм»). Но тут же ставится откровенно креационистская задача конструирования более совершенного мира, причем его априорное совершенство оценивается, исходя из не имманентных анализу моральных критериев.

Такая постановка задачи предполагает изначальное знание цели, к которой следует стремиться. А это — логика «ньютоновского» мира, заранее детерминированного непреложными законами причинности, а не «дарвиновского» мира, в котором результат есть следствие бесконечного количества проб и ошибок. Что бы мы сказали, если бы исследователю, наблюдающему эволюцию биологических видов на стадии земноводных, предложили запроектировать ее конечный результат? Мог ли он быть известен уже тогда, если исключить существование Творца?

Логика конструирования совершенного мира предполагает, что цель развития можно «научно» определить заранее, что есть «творец»; это, по существу, религиозная идея, даже если она облечена в совершенно нерелигиозные формы. Ей противостоит идея самоорганизации, предполагающая, что целеполагание «встроено» в сам процесс развития. Эта идея внятно присутствует у Адама Смита («невидимая рука» рынка), а тем более у Дарвина, но она не воспринимается до конца ни немцами середины XIX в. Марксом и Энгельсом, ни русским начала XX в. Лениным. Дело тут, думаю, не в личной ограниченности этих выдающихся мыслителей, а в «исторической ограниченности» (вполне марксистское определение) той картины мира, кото-

рая была изжита (или изживалась) в Англии, но еще полностью господствовала в Германии или России.

Не следует забывать также, что большевистский проект был политическим проектом, он был адресован «массам» и должен был быть им понятен — и понятен именно со слов. «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, писал Адам Смит, — а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах»¹. За этими словами стоят реальные экономические фигуры, образ действия которых был всем знаком в Англии времен Адама Смита, но не в русской деревне времен Ленина. Он должен был обращаться к ней на понятном крестьянину языке, стало быть, он и не мог выйти и за пределы понятной ему картины мира.

Как проницательно писал Б. Пастернак, Ленин «управлял теченьем мыслей и только потому — страной». Но это — не настоящее управление, это то, что сейчас назвали бы «политтехнологией». Потому что реальные процессы зависят не от того, что происходит на уровне достаточно переменчивых «мыслей», а от того, как взаимодействуют между собой миллионы единичных актов экономического, демографического, бытового, политического поведения, которые имеют свои собственные объективные детерминанты.

Воплощение в жизнь большевистского проекта дало почти классический образец сочетания «инструментальной» модернизации с сохранением и использованием совершенно не адекватной ей, архаичной картины мира. Первая означает ускоренное развитие промышленности, науки, техники, городов, современных систем образования и здравоохранения и т.п. Вторая предполагает креационистскую логику развития, управление из одного центра («планирование»), подавление сил экономической и социальной самоорганизации («анар-

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1993. Т. 1. С. 129.

² Может быть, надо пояснить, что я понимаю здесь под «инструментальностью». Развитие торговли, промышленности, городов и т.п. на Западе давало лишь средства, «инструменты» для достижения большего богатства, повышения жизненного комфорта, изменения образа жизни, в конечном счете — глубокой трансформации общества и человека. При догоняющей модернизации эти «инструменты» превращаются едва ли не в главную цель.

хии»), сохранение ценностей соборности и патернализма и т.д. Такую модернизацию можно назвать «консервативной», «инструментальной», «патерналистской».

Это сочетание было вынужденным и на протяжении какого-то времени относительно эффективным. Однако чем успешнее идет «инструментальная» модернизации, тем скорее старая картина мира и все, что с нею связано, вступает в конфликт с новизной современной материальной жизни и становится главным тормозом на пути продолжения модернизации и ее распространения на все стороны жизни общества. Консервативная модернизация может быть завершена, только перестав быть консервативной. А для этого необходим отказ от архаичной картины мира, от созвучных ей философии, нравственных и политических идеалов, социальных практик — от всего того, что в России XX века было связано с коммунистической идеей.

Модернизация экономики

Очень быстро отказавшись от таких атрибутов модернизации, как экономический или политический либерализм, большевики неизменно декларировали свою приверженность таким ценностям, как промышленная и военная мощь, рост городов и распространение городского образа жизни, повышение уровня образования, улучшение здоровья и снижение смертности и т.д. Ни в одной из этих целей не было ничего специфически коммунистического, речь шла о результатах, уже достигнутых в странах более ранней модернизации. Но в Советском Союзе любое достижение на этом пути трактовалось как результат «социализма». Проблема, однако, заключалась в том, что этих достижений было мало и становилось все меньше, а в ряде случаев даже достигнутый прогресс оказывался временным и сменялся регрессом. Механизмы консервативной модернизации очень быстро утратили свою эффективность, превратились в помеху, лежащую на пути подлинной модернизации. И прежде всего это дало себя знать в экономике.

Ленин унаследовал от марксизма централистско-этатистские идеи огосударствления средств производства, замены анархии в производстве его «общественно-планомерным регулированием» и т.д.

После прихода большевиков к власти он стал артикулировать эти идеи с особой настойчивостью, без конца указывал на положительный, как он полагал, опыт государственно-монополистического регулирования экономики в Германии военного времени. Сходные идеи

высказывали и другие большевистские теоретики. «Капитализм побеждает в рассыпном строю, в условиях свободной конкуренции с докапиталистическими формами хозяйства, — писал Е. Преображенский. — Социализм побеждает в сомкнутом строю государственного хозяйства, выступающего как единое целое, амальгамированного с политической властью, в условиях систематического ограничения и почти ликвидации свободной конкуренции»¹.

Жесткая экономическая монополия центра, в теории направленная на ограничение «анархии производства», на практике стала орудием ограничения «анархии потребления» во имя мобилизации всех ресурсов на нужды ускоренной индустриализации, в которой видели квинтэссенцию модернизации. Но эта монополия не ослабела и тогда, когда этап ранней форсированной индустриализации был пройден, базовые отрасли промышленности, основные элементы индустриальной инфраструктуры были созданы и экономическая система стала намного более сложной и разветвленной, чем она была до революции. Однако чем более сложной становилась система, тем менее эффективным становилось управление ею из одного центра.

Социалистические теоретики никогда не могли дать вразумительного ответа на вопрос о побуждающих мотивах планового хозяйства, все сводилось к субъективным политическим, «научным» или какимто иным оценкам «потребностей». «Что же толкает наше производство вперед? — писал, например, Бухарин. — Что? Где стимул, который... гарантирует это движение вперед, заменяет частнохозяйственные стимулы прибыли, идущей в пользу частного владельца предприятий? Мы утверждаем, что гарантия лежит в давлении широких масс, прежде всего рабочих, а затем и крестьянских масс... Мы сами, т.е. руководящие круги в стране, т.е. партия в первую голову, выражаем и отражаем («регулируя», «контролируя», «поправляя» и т. д.) этот рост потребностей массы»².

С этими словами не хочется даже спорить. Они не могли быть убедительны и тогда, когда были написаны. По мере же усложнения экономической системы она все более настоятельно требовала разви-

¹ Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Преображенский Е.А., Бухарин Н.И. Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л., 1990. С. 112.

² Бухарин Н.И. Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок (К вопросу об экономическом обосновании троцкизма) // Там же. С. 197—198.

тия объективных критериев функционирования, адекватных сил самоорганизации, встроенных механизмов целеполагания, обратных связей, которые мог дать только рынок.

Между тем в СССР продолжали укреплять безрыночную систему, называвшуюся социалистической, что и сделало невозможным завершение экономической модернизации СССР и России и привело всю систему к экономическому застою.

Урбанизация и становление городских слоев

«Социалистическая индустриализация», которая десятилетиями была у всех на устах, означала одновременное превращение страны из сельской в городскую, урбанизацию, о которой как о самостоятельном, а тем более самоценном феномене долгое время вообще никто не говорил. Урбанизация же между тем продвинулась очень далеко, хотя о ее завершенности нельзя было говорить в конце 1980-х гг., нельзя говорить даже и сейчас¹. Впрочем, сам этот факт ничего не говорит о характере модернизации, он только лишний раз указывает на то, что любое искусственное ускорение социальных процессов имеет объективные границы; в данном случае — это естественная скорость смены поколений.

Более важно то, что рост городов и городского населения реально рассматривался просто как неизбежное функциональное дополнение к индустриализации, издержки на которое надо было по возможности минимизировать. Поэтому советская урбанизация не сопровождалась формированием полноценной городской среды, даже материальной. И сейчас более 40% российских городов имеют сельское или полусельское обустройство. Лишь 143 из 1098 городов России обеспечены канализацией на 95-100%. В малых городах без канализации живет около половины населения. В средних (50-100 тыс. жителей) городах канализации не имеет 21% жилого фонда, а 10% лишено ее даже в городах-миллионниках. Если судить только по этому, пожалуй, наиболее элементарному признаку городского уровня благоустройства, то городское население составляет, по одной из недавних оценок, не 73% населения России, как считает официальная статистика, а всего 59%².

¹ См. стр. 33 настоящей книги.

² Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М., 2003. С. 21.

Но еще менее совместима с целями всесторонней модернизации и указывает на «инструментальную» природу ее советской модели неразвитость социальной городской среды, городских средних слоев, о чем мне уже не раз приходилось писать¹. Именно еще не вполне городская, полугородская-полудеревенская, «слободская» социальная структура, ее вялая эволюция лежат в основе всех контрмодернизационных рецидивов постсоветского российского общества. Из-за нее оно никак не может решительно порвать с тем, что давно уже стало прошлым. «Коммунизма» в формальном смысле слова уже нет в России, но дело его живет, и пока модернизация социальной структуры будет оставаться незавершенной, так и будет одна голова державного орла повернута вперед, а другая — назад.

Демографический переход

Индустриализация и урбанизация в России оказались достаточно успешными для того, чтобы резко ускорить начавшийся еще до революции демографический переход. Он изменил условия частной, интимной жизни людей, затронул глубинные, экзистенциальные стороны человеческой личности. Совершенно иными стали массовое демографическое и семейное поведение людей, семейные роли и ценности, положение женщин и детей, условия семейного воспитания, отношение к жизни, любви, смерти. Трудно отрицать значительное сближение демографического поведения и его результатов в СССР и в западных странах, необратимость многих совершившихся перемен.

Какое-то время успехи демографической модернизации и в России, и в СССР в целом казались неоспоримыми, однако и она не была и не могла быть доведена до конца.

Это особенно хорошо видно на примере смертности. Поначалу в России удалось добиться значительного снижения детской смертности, а благодаря этому и роста продолжительности жизни. К середине 1960-х гг. смертность по сравнению с началом столетия резко снизилась, ожидаемая продолжительность жизни и у мужчин, и у женщин выросла более чем вдвое (табл. 1).

¹ См., в частности, стр. 75-76 этой книги, а также: Серп и рубль... С. 105-111.

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность жизни в России в 1913, 1964—1965, 1983—1984 и 2002 гг.

Год	Ожидаемая продолжи- тельность жизни, лет		Выигрыш по сравнению с 1896—1897 гг., лет	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1896—1897* 1964—1965 1983—1984 2002	29,4 64,6 62,0 58,5	31,7 73,4 73,3 72,0	35,2 32,6 29,1	41,7 41,6 40,3

^{*}Европейская Россия

Но этот успех оказался временным. К середине 1960-х гг., когда Россия по показателям смертности вошла в «клуб» развитых стран, сами они уже исчерпали возможности той патерналистской стратегии борьбы со смертью, которая была созвучна «социалистическому» мировоззрению и которой так гордились в СССР. Они подошли ко второму этапу перехода, когда понадобилось выработать новую стратегию действий, новый тип профилактики, направленной на уменьшение риска смерти от заболеваний неинфекционного происхождения, особенно сердечно-сосудистых заболеваний и рака, а также от несчастных случаев, насилия и других подобных причин, непосредственно не связанных с болезнями.

На этом этапе государственный патернализм уже не был таким большим достоинством. Новая стратегия требовала более активного и сознательного отношения к своему здоровью со стороны каждого человека, большего влияния со стороны институтов гражданского общества на все решения, касающиеся защиты здоровья, охраны окружающей среды и т.п.

В СССР (а значит, и в России) ответ на новые требования времени не был найден, модернизация процесса вымирания поколений резко замедлилась и осталась незавершенной. В результате отставание от передовых стран снова стало нарастать, к 2000 г. у мужчин оно во многих случаях стало большим, чем было в 1900 г. (см. табл. 2).

Оценивая демографическую ситуацию в России в целом, опираясь на очень большое количество индикаторов — говорящих не только о смертности, можно утверждать, что в стране сохраняется еще очень много демографической архаики. Низкая ценность жизни, устаревшая структура причин смерти, нарастающее отставание от Запада по продолжительности жизни, огромное число абортов, сохранение консервативных взглядов на семейную жизнь, положение женщины и пр. указывают на то, что демографическая модернизация в России не завершена.

Таблица 2. Отставание России по ожидаемой продолжительности жизни в начале и в конце XX в., в годах

Год	От США	От Франции	От Швеции	От Японии
Мужчины 1900	15,9	12,7	20,3	14,5
2000 Женшины	15,2	16,5	18,5	18,7
1900	16,2	14,1	20,8	13,1
2000	7,5	10,8	9,9	12,4

Культурная революция

В странах первого эшелона модернизации постепенное усложнение материальной и социальной среды, в которой жил европейский человек Нового времени, структуры его деятельности было неотделимо от изменения всего наполнения культуры, структуры человеческой личности, самого ее исторического типа. Я вижу суть этого изменения в переходе от принципов «соборности» («человек для...») к принципам индивидуализма («...для человека») и в становлении автономной личности.

Предреволюционная Россия все сильнее и болезненнее ощущала отсутствие такого нового, индивидуализированного, «самостоятельного» человека как главный признак своего отставания и главное препятствие модернизации. Соответственно, глубинная задача всей разворачивавшейся русской революции заключалась в том, чтобы перевернуть основания и содержание культуры, преобразовав ее из холистской в индивидуалистскую. Как писал С. Витте, «одна и может быть главная причина нашей революции, это — запоздание в развитии принципа индивидуальности, а следовательно, и сознания собствен-

ности и потребности гражданственности... Принципом индивидуальной собственности ныне слагаются все экономические отношения, на нем держится весь мир»¹.

России хотелось быть, как «весь мир», но сложная городская, конкурентная, рыночно-денежная, социальная среда европейского типа, которая воспитывала автономную личность просто самой жизнью, была неразвита в России. К началу XX в. страна оказалась в тупике: для того, чтобы разблокировать становление автономной личности как массового человеческого типа, необходимо было ускорить экономическую и социальную модернизацию. Но осуществить такую модернизацию способны только «новые люди», а они-то как раз и не могли никак вылупиться в достаточном количестве из соборного целого.

Разорвать этот порочный круг и вознамерились большевики. Теоретически они понимали несовершенство «человеческого материала», которому предстояло решать эту задачу, но надеялись на быструю «культурную революцию». «У нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы, все-таки, теперь стоим», — писал Ленин².

Пока же приходилось проводить ускоренную модернизацию, опираясь на того — неподготовленного — человека, который был в наличии. Эта коллизия по существу и предопределила всю стратегию консервативной модернизации, которая реализовывалась в СССР до последнего дня его существования.

В консервативно-модернизационной перспективе место соборного крестьянина прошлых веков занимает не индивидуалистический буржуа западного типа, а соборный же «простой человек», который сильно отличается от своего исторического предшественника, но только внешними, инструментально существенными чертами. Он переодет в городскую одежду и получил современное образование. Но глубинные принципы его социального существования, внутренний мир, механизмы детерминации поведения не меняются, он остается все тем же человеком-винтиком, пассивным и непритязательным «человеком для...».

Попытка создания такого социокультурного кентавра и была предпринята в СССР. Официально провозглашенная «культурная революция» советской эпохи была направлена на достижение чисто

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 493.

² Ленин В.И. О кооперации. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 377.

инструментальных целей, таких, как рост образования, приобщение к современным техническим и научным знаниям, распространение бытовой, санитарной и физической культуры и т.п. При этом приходилось все время заботиться о том, чтобы новые «образованцы», необходимые для того, чтобы исправно крутились колеса современной государственной и промышленной машины, не превратились в настоящих «новых людей», в автономные личности.

Это была неразрешимая, внутренне противоречивая задача. Попытки ее решения привели к тому, что развитие даже собственно «инструментальной» сферы культуры оказалось заблокированным, а итоги инструментальной культурной модернизации — половинчатыми: она осталась незавершенной. Но даже если бы она и была завершена, это отнюдь не была бы та более глубокая модернизация, которая способна изменить не только инструментальное, но и ценностное наполнение культуры и привести к замене холистских, соборных парадигм, неотделимых от старой картины мира, индивидуалистскими и либеральными.

На протяжении какого-то времени действительные или воображаемые успехи советской консервативной модернизации порождали иллюзии преодоления кризиса соборного идеала и его возрождения под знаменами социалистического коллективизма. Превращение советского общества в промышленное и городское выбивало опору изпод ног соборного синкретизма, но какое-то время он продлевал свое существование в промежуточной культуре горожан первого поколения, в их системе ценностей, воспоминаниях, ностальгии и т.п. В той мере, в какой революционно-консервативный замысел удалось осуществить в СССР, образовалась и промежуточная, внутренне противоречивая «культурная смесь», которая освящала неосуществимый идеал человеческой личности: соединение «инструментальных» достоинств современного городского жителя с коллективистскими крестьянскими добродетелями «соборного человека».

Долго такое искусственное соединение сохраняться не могло. Инструментальная модернизация была половинчатой, но и она коренным образом изменила социальное пространство, в котором жили вчерашние крестьяне, их дети и внуки. Они постепенно осваивали это новое пространство и все явственнее ощущали себя автономными частными лицами, выросшими из старых институциональных одежек. Жизнь требовала перехода к следующему этапу модернизации, к разрушению тех культурных основ, которые превратились в оковы. Но

советская или, если угодно, «коммунистическая» соборность была слишком тесно связана со всей сложившейся к тому времени тоталитарной системой, которая вовсе не хотела самоупраздняться и делала все, чтобы укрепить позиции антииндивидуализма и антилиберализма. Соответственно, и на этом направлении она превратилась в контрмодернизационную силу, которая основательно затормозила обновление страны.

Обновление политической системы

Если культурная модернизация советского социума, хотя и оставшаяся незавершенной, все же продвинулась в России довольно далеко, то с модернизацией политической системы дело обстояло совершенно иначе. Взгляды большевиков на будущее политическое устройство с самого начала были достаточно невнятными. С одной стороны, они всегда подчеркивали свою приверженность решению «общедемократических» задач, что включало в себя установление политических и гражданских свобод, всеобщего избирательного права и т.д. С другой стороны, они постоянно критиковали «буржуазную демократию», противопоставляя ей «уничтожение государства», которое «есть уничтожение также и демократии»¹. Но была еще и «третья сторона», которая плохо вязалась с первыми двумя: установление диктатуры.

Если вывести за скобки утопическое «отмирание государства», то оставались только две возможности: «буржуазная демократия», достаточно сильно отличавшаяся от политического режима российского самодержавия, или диктатура (и совсем не пролетариата), очень близкая к нему с точки зрения организации всей системы власти. Выбор, который в конце концов был сделан, хорошо известен. Советский тоталитаризм довел все основные черты российского авторитаризма до мыслимого и даже немыслимого предела и отсрочил наступление хотя бы какого-то подобия презренной буржуазной демократии на 100 лет. Так что, если оценивать вклад коммунизма в модернизацию с точки зрения его влияния на политическую систему, то этот вклад был в чистом виде контрмодернизационным.

Скорее всего он и не мог быть другим. И дело даже не только в том, что советская политическая система полностью соответствовала

¹ Ленин В.И. Государство и революция. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 82.

креационистской картине мира, глубоко укорененной в сознании большинства народа. Еще важнее то, что долгое время она соответствовала советским экономическим и социальным реальностям, экономической бедности и «пешкообразной» форме советской социальной пирамиды — условиям, в которых привилегии немногих возможны только за счет подавления притязаний всех остальных.

Происходившие в послереволюционной России перемены породили иллюзию демократизации российского/советского общества. Основанием для этого послужил массовый приход к власти выходцев «из народа», в основном недавних крестьян. В своей книге я писал о том, что модернизация в России «открыла новые каналы вертикальной социальной мобильности, притом впервые — для большинства народа и привела к власти новую, демократическую по своему происхождению политическую элиту» 1. Сейчас я хотел бы уточнить эту мысль. На самом деле при сохранении прежней, пешкообразной, социальной пирамиды новых каналов вертикальной мобильности было не так уж много, просто массовые горизонтальные перемещения, сопряженные со значительными модернизационными изменениями в образе жизни, нередко воспринимались как вертикальные.

Что же касается верхней части социальной пирамиды, а значит и пирамиды власти, то она оставалась почти такой же узкой, как была прежде. По существу, на старые должности пришли новые люди. Но смена правящих элит сама по себе еще не означает демократизации политической системы, даже если представители новой элиты — выходцы из крестьян и рабочих. Нужны демократические механизмы функционирования и обновления политической элиты, а при крайне ограниченном числе привилегированных статусов становление таких механизмов невозможно. Если же их нет, то кто бы ни пришел на место прежних властителей, он очень скоро начинает вести себя так же, как и они, перерождается в новое номенклатурное дворянство, вливается в «новый класс», напоминающий по своему положению, политическим пристрастиям и методам действия политическую верхушку самодержавной России.

Но при этом новой элите в отличие от старой приходится заново утверждать себя, добиваться высоких статусов и отстаивать их в жестокой борьбе, ведущейся, в полном смысле слова, не на жизнь, а на смерть. Все общество становится заложником этой борьбы, что и про-

¹ Вишневский А.Г. Серп и рубль... С. 418.

изошло в СССР в 1920—1930-е гг. В результате политическая система не только не модернизировалась, но даже деградировала по сравнению с дореволюционной, вместо имперского авторитаризма утвердился государственный тоталитаризм, ставший жесткой политической оболочкой нового, советского, средневековья.

Эта оболочка не была чем-то внешним, чуждым, навязанным советскому обществу, она была его собственным порождением. Под ней протекали все весьма противоречивые процессы трансформации советского социума, сталкивались силы модернизации и контрмодернизации, и, возможно, она способствовала сохранению определенного равновесия между ними и даже их уже упоминавшегося противоестественного симбиоза. Но, будучи наиболее ригидной частью системы, она оказалась неспособной приспособиться к внутренним переменам, происходившим внутри бронированного яйца СССР. А эти перемены, несомненно, происходили. Ни на одном из направлений советской модернизации не было достигнуто окончательных успехов, но все же баланс кардинальным образом изменился в пользу сил модернизации. Выросшие на тоталитарной почве ростки экономического и политического либерализма были еще слабы, но уже жизнеспособны. Поэтому с политической оболочкой системы должно было произойти — и произошло то, что происходит с яйцом, когда из него вылупляется цыпленок.

К сожалению, изменения в истории происходят не с такой скоростью, как в курятнике. Политическая оболочка лопнула, но Россия все еще блуждает среди разбросанных там и сям скорлупок, которые не теряют надежды вновь соединиться в некое контрмодернизационное единство, может быть и иной, чем коммунистическая, конфигурации. Они агонизируют, а социальная агония опасна.

РОССИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ МИРЕ

КРИЗИС СОВЕТСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА*

Кажется очевидным, что Советский Союз распался вследствие непрерывного нарастания центробежных сил внутри советской империи. Но, пожалуй, точнее объясняет этот распад не то, что центробежные силы были слишком велики, а то, что противостоявшие им центростремительные силы были слишком малы. Слабость центростремительных сил, которую можно назвать слабостью советского федерализма, естественным образом вытекала из всей советской модели развития, хотя корни этой слабости уходили еще в дореволюционное прошлое. Ценности федерализма, столь почитаемые в таких странах, как США или ФРГ, никогда не были по-настоящему популярны ни в России, ни в СССР. В лучшем случае им доставалось холодное официальное признание, но оно не шло ни в какое сравнение с почти психопатическим, массовым обожествлением всякого рода «национально-освободительных движений».

Ранний федерализм

Говоря о настроениях дворянства (губернской «региональной элиты» екатерининской эпохи, классической имперской поры) В. Ключевский замечал, что оно не стремилось к участию в центральном управлении страной, все его политические стремления были связаны с местным самоуправлением. «Дав нам в руки уезды, правьте, как знаете, столицей»¹.

То, что было удобно в условиях относительно однородного, автаркического помещичьего хозяйствования, быстро теряло смысл по мере того, как развивались городские виды деятельности и экономическое пространство страны становилось все более насыщенным и

^{*} Впервые напечатано под названием «Федерализм и модернизация» в: Общественные науки и современность. 1996. № 4. С. 58—68. См. также версии этой статьи: Vichnevsky A. Soviet Federalism Between Unitarism and Nationalism. // The Fall of the Soviet Empire. Ed. by Anne de Tinguy. East European Monographs. N CDLXXXI. NY: Columbia University Press, 1997. P. 107—121; Vichnevski A. Le fédéralisme soviétique entre l'unitarisme et le nationalisme. // L'effondrement de l'Empire soviétique. Sous la direction de Anne de Tinguy. Ed. Bruylant, 1998. P. 151—168.

¹ Ключевский В. Курс русской истории. М., 1937. Ч. V. С. 108.

неоднородным. Примерно к середине XIX в. постепенная модернизация России привела к осознанию смостоятельных экономических интересов регионов, в них пробудились силы самоорганизации, противостоявшие чрезмерному имперскому централизму.

Узкая дворянская верхушка растворялась в более широком слое новых региональных элит, в который помимо остатков старого дворянства входила и буржуазия (купцы и промышленники), а также высшие чиновники, университетская профессура, деятели культуры и в какой-то мере вся разночинная интеллигенция. Осваивая открывшиеся вследствие модернизации многочисленные каналы социального продвижения и обогащения, новые региональные элиты искали большей самостоятельности и начали бороться за усиление своего влияния в центре. Но не для того, чтобы захватить абсолютную власть в империи, как это случалось прежде, а для того, чтобы усилить свои позиции в межрегиональной конкуренции.

Хорошим примером сравнительно раннего появления таких требований может служить сибирское «областничество». Как писал один из его активных сторонников Г. Потанин, «первый крик нарождающегося сибирского областничества, раздавшийся в 40-х годах [XIX в.]: «Естественное богатство Сибири есть достояние области!», удачно сразу наметил область экономических интересов как базу сибирского областничества»¹. Потанин подчеркивал естественность деления империи на отдельные области и экономического соперничества между ними. «Областническая тенденция, покоящаяся на экономическом соревновании частей государства, имеет право на столь же долгий срок существования, как само государство»².

«Областники», стало быть, не просто претендовали на автономию внутри своих областей наподобие дворян екатерининской поры, а добивались раширения своих прав на общероссийской сцене. Эти устремления и сформировали идеологию федерализма, т.е. повышения статуса регионов (губерний, областей) до такого уровня, чтобы они могли, например, через своих представителей в верховных органах власти, эффективно отстаивать свои интересы и ограничивать всевластие центра. На протяжении XIX в., по мере вызревания новых региональных элит федералистские требования звучали все громче. Их глубинный смысл всегда был один и тот же: передел экономической, а если можно, и политической власти между регионами и имперским центром в пользу регионов.

¹ Потанин Г. Областнические тенденции в Сибири. Томск, 1907. С. 57—58.

² Там же. С. 56-57.

Кризис этничности и национализм

Во второй половине XIX в. реальных сил молодого российского федерализма для такого передела было недостаточно. Обнаружилось, однако, что у него есть мощный союзник — национальные движения. Подобно регионализму они тоже были вызваны к жизни модернизацией. Обрекая на исчезновение традиционное русское аграрное общество, она обесценивала присущие ему этнокультурные интеграторы и порождала явление, которое можно назвать «кризисом этничности».

Некогда для неграмотного крестьянина в любой части империи язык его отцов был естественным и единственно возможным. Но с появлением больших городов, железных дорог и современного образования положение усложнилось. Для украинца, татарина или грузина, покинувшего свою деревню, чтобы выйти в большой имперский мир, знания только родного языка было недостаточно. Рост подвижности населения усиливал «имперскую» роль русского языка и в то же время умножал число тех, кто вынужден был пользоваться им, не будучи его естественным носителем. Незнание или слабое знание русского языка служило барьером на пути социального продвижения, к которому стремилось все большее число представителей невеликорусских этносов, жизнь ставила их перед необходимостью выбора (или компромисса) между родным и русским языком.

Языковая ситуация — лишь один из примеров того, как местное и имперское вступало в конкуренцию между собой, требуя сделать нелегкий выбор. То же было с религией, обычаями, правилами повседневной жизни и т.д. Шаг за шагом, с разной скоростью для разных социальных, этнических, лингвистических или конфессиональных групп общество втягивалось в мучительные поиски нового «Мы» и нового «Они». Имперское сознание утрачивало свою целостность, раздваивалось, нарастал культурный, ценностный конфликт.

Будучи несомненным следствием успехов модернизации, он не становился от этого менее болезненным, воспринимался многими как результат не собственного развития по пути модернизации обществ, а злокозненного внешнего вмешательства. В глубоком внутреннем конфликте старого и нового виделось лишь противоборство идеализируемого «своего» и критикуемого «чужого». Так складывались идеи и настроения, которые питали национальные и националистические движения, обеспечивали их массовость. С успехами модернизации конфликт лишь обострялся, национальные движения, поначалу умеренные, радикализовались, от попыток защитить культурную самобытность сво-

их народов, их язык и т.п. переходили к лозунгу «национального освобождения», а, по существу, к требованию, «чтобы политические и этнические единицы совпадали, а также чтобы управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу»¹, — в этом требовании Э. Геллнер видит суть национализма.

Сибирские регионалисты подчеркивали исключительно «территориальную» природу своих требований. «Уральский казак так же резко противопоставляет свое местное остальному русскому, как и украйнофил, а между тем этот сепаратизм чувства образовался без всяких этнографических и традиционных источников»². «Сибирь в ряду других областей, в которых проявляется стремление к областничеству или автономии, выделяется тем, что в ней эта идея не связывается и не связывалась с национальной идеей. Основа сибирской идеи чисто территориальная»³. Развитие федералистских идей в России, однако, недолго удерживалось в рамках идеологии «областничества», то есть расширения прав и возможностей областей вне связи с национальной идеей. Региональные элиты очень быстро поняди, какую мощную поддержку в борьбе за передел власти и влияния между ними и имперским центром они могут получить со стороны национальных движений. Соблазн обращения к этническим чувствам был так велик, что даже русские сибирские «областники» предприняли попытку раздобыть себе «этническую родословную», выдвинув идею «образования путем скрещивания местных физико-исторических и этнологических условий однородной и несколько своеобразной областной народности»⁴. В невеликорусских же частях империи федерализм все больше окрашивался в национальные цвета и в конце XIX в. почти полностью слился с национализмом. Региональные элиты почувствовали себя намного более уверенно, когда смогли опереться на национальные движения и ощутить себя одновременно и национальными элитами.

Симбиоз федерализма и национализма

Объективно федералистские и националистические силы и движения в Российской империи не были тождественны между собой, во

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 5.

² Потанин Г. Указ соч. С. 60.

³ Там же. С. 58.

⁴ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 95.

многом они должны были скорее противостоять друг другу. Хотя и те, и другие были вызваны к жизни модернизацией, будущее первых было объективно связано с успехами модернизации и использованием ее плодов, вторые представляли скорее антимодернистскую реакцию и были ориентированы на возврат к прошлому. Потенциально региональный федерализм и этнический национализм враждебны.

Но в реальных условиях Российской империи начала XX в. у федерализма и национализма были значительные области пересечения интересов, что и привело их к сближению. Симбиоз федерализма и национализма породил противоречивую концепцию «национальнотерриториальной автономии». Изначально регионалисты и националисты в России выступали от лица разных «совокупностей», границы территорий и этносов в России никогда не совпадали. Компромиссная идея «национально-территориальной автономии» закрывала глаза на эту «неувязку», не говоря уже о более глубоких различиях и противоречиях федерализма и национализма.

Региональные требования превратились в регионально-национальные, хотя и формулировались поначалу в терминах федерализма и не посягали на целостность империи. Даже в начале XX в. для большинства национальных движений в Российской империи была характерна позиция, так выраженная, например, одним из украинских лидеров М. Грушевским: «Формой, которая наилучшим образом обеспечивает беспрепятственное существование и развитие народностей и областей... прогрессивная украинская платформа признает национально-территориальную автономию и федеративное устройство государства»¹. Но грань, отделявшая национально-территориальный федерализм от сепаратизма, была очень тонкой. Вступив в союз с национализмом, федерализм, казалось бы, усилил свои позиции. На деле же он оказался заложником национализма, под крышей умеренного федерализма вызревали крайние, сепаратистские настроения; они ждали своего часа. В конце концов этот час настал.

После крушения центральной власти во время революции 1917 г. программы всех национальных движений радикализовались, требования национально-территориальной автономии сменились требованиями полной независимости. Тогда и федералист Грушевский,

¹ Грушевський М. Українці. В кн.: Грушевський М.С. Історія України. Київ, 1992. Оригинал по-русски в кн.: Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. СПб., 1910. С. 231—232.

ставший в марте 1917 г. председателем Украинской Центральной рады, написал: «Не разрывая с федералистской традицией как ведущей идеей нашей национально-политической жизни, мы должны твердо сказать, что теперь наш лозунг — самостоятельность и независимость»¹.

Провозгласить самостоятельность и независимость многих частей империи оказалось легче, чем их сохранить. В большинстве случаев у региональных элит не нашлось ни нужной силы, ни достаточной социальной опоры для того, чтобы отстоять самостоятельность, да и их собственная позиция оказалась противоречивой. На окраинах империи ростки нового обычно были более слабыми, чем в центре. распад империи еще более ослаблял их. Усиливалась антимодернистская реакция, всегда сопровождающая этнический национализм, начинался «фундаменталистский» пересмотр ценностей. Все это затрагивало интересы не только новой «разночинной» элиты, но и более широких слоев пришедшего в движение общества, причем слоев наиболее деятельных, ибо они стремились к перемене своего положения. Отказ от модернизации или ее торможение означали, что открывшиеся было каналы горизонтальной и вертикальной мобильности суживались, а то и вовсе перекрывались. Подобная опасность не могла не вызвать к жизни активного противодействия и привела к сплочению новых проимперских сил, которые оказались в одном лагере не в результате сознательно заключенного союза, а вследствие спонтанных прагматических ответов на угрозу антимодернистской реакции. В этом смысле можно согласиться с анализом евразийцев; хотя восстановление империи было результатом деятельности стоявших у власти коммунистов, выработку «основных форм политического бытия» следует приписать «народной стихии, а не коммунистам, которые были лишь удобными орудиями и, в общем, послушными исполнителями»².

Фасад советского федерализма

Восстановление империи шло под федералистскими лозунгами. Хотя еще в 1913 г. Ленин возражал против «федеративного принципа»³

¹ Грушевський М.С. Українська самостійність й її історична необхідність. В кн.: Грушевський М. На порозі нової України: гадки і мрії. Київ., 1991. С. 76.

² Евразийство. Опыт систематического изложения... С. 399.

³ «Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации» (Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 140).

(скорее всего, опасаясь, как и многие другие, национализма и сепаратизма), в написанной им и принятой в январе 1918 г. Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа провозглашалось, что «Советская Российская республика учреждается... как федерация Советских национальных республик»¹. Этот принцип был воспроизведен и подтвержден в 1922 г. при создании СССР.

Советский федерализм пошел по тому же заведомо противоречивому пути, на котором в дореволюционную пору настаивали федералистски настроенные представители национальных движений: воплотил в жизнь идею национально-территориальных автономий. Противоречия дали себя знать практически немедленно. И без того не слишком мощная база умеренного, либерального федерализма была резко ослаблена в революционные годы (ее основу составляли слои, связанные с упраздненным капитализмом), тогда как национальные движения — тактические союзники большевиков, — напротив, укрепили свое положение. Федерализм в еще большей степени, чем прежде, оказался заложником национализма, за спиной которого снова стал возникать призрак сепаратизма.

Эту опасность сразу же подметили внешне враждебные, но внутренне родственные большевикам эмигранты-евразийцы. Хотя они уже в конце 1920-х гг. ясно осознавали призрачность советского федерализма («Россия ныне самое унитарное и еще вдобавок самое централистическое государство, — писал Н. Алексеев в 1927 г. — А все то, что Советское правительство вещает о федерализме... — чистый обман, придуманный хитрыми людьми для людей глупых»²), опасность националистического сепаратизма тревожила их намного больше, чем реальность унитаризма. Последнему они, по существу, давали индульгенцию: «Упорно проводимое коммунистами начало централизма в законодательстве и в установлении «общих принципов» политически является совершенно соответствующим условиям русской жизни»³. Сползание же к национализму их очень тревожило. «Создав в пределах Союза большое количество национальных республик... коммунисты... способствовали пробуждению местного национализма, который не

¹ Ленин В.И. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Т. 35. С. 221.

² Алексеев Н. Советский федерализм // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 110.

³ Там же. С. 122.

может не угрожать превращением в самостоятельную силу... Это чрезвычайно грозное явление, быть может, одно из самых опасных для судеб не только Советского правительства, но и будущей России»¹. «Политика Советского государства должна стремиться к постепенному преобразованию своего федерализма из национального в областной. Принципом федерации должна быть не национальность, но реальное географическое и экономическое целое в виде области или края»².

Стоявшие у власти большевики не могли быть столь откровенными, как евразийцы, но многие из них, вероятно, думали так же, да и в реальной политике особого выбора у них не было. Утверждение «советского федерализма» сопровождалось громкой критикой унитаризма. Выступая на XII съезде РКП(б) в 1923 г., через несколько месяцев после создания Союза ССР. Сталин с негодованием говорил о том. что в стране «бродят желания устроить в мирном порядке то, чего не удалось устроить Деникину, т.е. создать так называемую «единую и неделимую»³. Эта мысль повторялась и в резолюции съезда. «Одним из ярких выражений наследства старого следует считать тот факт, что Союз Республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равноправных государственных единиц... а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого «единого-неделимого»⁴. Если эти заклинания были искренними, то за ними не стояло ничего, кроме иллюзий. Реальный федерализм в СССР 1920-х гг. был невозможен по тем же причинам, по каким он не мог пробить себе дорогу в дореволюционной России: из-за все еще слабого собственного «веса» регионов и региональных элит. Федерализм не имел достаточной социальной базы и был обречен на сползание либо к националистическому сепаратизму, либо к унитаризму. Между этими крайностями и развернулась борьба за право выступать от имени декларируемого федерализма, причем «условия русской жизни», на которые проницательно указывали евразийцы, практически предрешали победу унитаризма.

При всех поношениях «единой-неделимой», звучавших на XII съезде РКП(б), озабоченность ростом местных «национализмов» была слышна уже и там. Но съезд проходил на глазах у всего мира, там мно-

¹ Алексеев Н. Советский федерализм. С. 117—118.

² Там же. С. 121.

³ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 481.

⁴ Там же. С. 695.

гое говорилось для публики¹. Всего несколько месяцев спустя эта озабоченность была выражена в гораздо менее прикрытой форме на секретном совещании ЦК РКП(б), где унитаризм по существу открыл военные действия против местных «национализмов». Совещанию был придан характер суда над конкретным носителем националистического зла — М. Султан-Галиевым, который, как заявил на совещании Троцкий, «на почве... своей национальной позиции... перещел ту грань, где недозволенная фракционная борьба превращается уже в прямую государственную измену». У местных партийных работников, по словам Троцкого, «на фланге национализма... не было достаточной бдительности», они «не развили в себе чуткости по отношению к... опасности... туземного национализма. И в ярком обнаружении этого — значение дела Султан-Галиева. Оно ставит надолго столб, напоминает, что у этого столба начинается обвал. Да, этот столб предостерегает товарищей национальных коммунистов от величайших опасностей»². Июньское совещание 1923 г. было чем-то вроде практических занятий для съехавшихся в Москву представителей новых партийных национальных элит — им был преподан урок того, как следует толковать решения съезда. Так было положено начало долговременной политике новых имперских властей, направленной на то, чтобы вырвать у федерализма его националистические зубы.

Какое-то время казалось, что эта политика принесла успех. Этнический сепаратизм был до предела ослаблен, загнан в подполье, перестал играть сколько-нибудь заметную роль. Но вместе с тем утратил свой напор и федерализм, превратившийся не более чем в де-

¹ Это, видимо, осознавалось уже и тогда. Иначе откуда бы возмущение Троцкого: «Товарищи националы... нередко заявляют: «...Многие ответственные работники из центра говорят, что решения XII съезда — это, дескать, только для внешней политики». Кто это вам сказал? — спрашиваю. Почему вы не заявляете об этом официально, почему вы в ЦК партии не сообщаете, что такой-то член партии тогда-то и там-то сказал, что резолюция XII съезда по национальному вопросу... принята только для внешней политики... Если бы какой-либо ответственный работник повел такую линию, изображая важнейшее принципиальное решение, как уловку, ЦК предложил бы его исключить из партии». (Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9—12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992. С. 79).

² Там же. С. 74--75.

коративный фасад централистского унитарного государства. А это было чревато тяжелыми последствиями для СССР как единого государства.

Слабость региональных элит

Смысл федерализма заключается в поддержании равновесия интересов частей и целого. Модернизация была одной из главных осей, вокруг которой объединялись эти интересы и которая заставляла новые, неимперские региональные элиты ценить имперскую государственность. Идеология «классического» дореволюционного федерализма — до того, как он дал себя поглотить национализму, — чаще всего не была ни антирусской, ни антиимперской, ни антимодернистской. Не случайно один из основателей украинского национального движения М. Драгоманов высоко оценивал петровские реформы за то, что они поставили перед обществом новые задачи, «рядом с которыми задачи поповско-казацкой Украины оказались узкими и устаревшими». «К концу XVII в. в Московщине, по крайней мере в высших слоях общества (в низших украинцы и сейчас культурнее москалей!) сложились условия более широкой и свежей культуры, и к этой культуре с XVIII в. украинцы потянулись добровольно»¹. Если достижения послепетровской русской культуры — и не в силу исконной «русскости», а благодаря ее сближению с европейской² — оказались столь важны даже для украинской элиты, уже в немалой степени европеизированной, то тем более притягательными они должны были выглядеть для представителей застойных поволжских, кавказских или среднеазиатских обществ, у которых тоже стала появляться новая элита, возникли религозно-национальные движения. Как писал один из ведущих идеологов исламского просветительства И. Гаспринский, «Провидение... делает Россию естественной посредницей между

¹ Драгоманов М.П. Чудацькі думки про українську національну справу. В кн.: Драгоманов М.П. Вибране. Київ, 1991. С. 535—537.

² Говоря о влиянии русской культуры на западноукраинскую, Драгоманов замечал: «Московский ладан оказался вовсе не к добру в истории галицкого возрождения; петербургское же окно в Европу оказало безмерные услуги даже в Львове, поскольку оно оказалось действительно проводником общечеловеческого света». (Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т. 1. Центр и окраины. М., 1908. С. 456.)

Европой и Азией, наукой и невежеством, движением и застоем»¹. Татары, говорил Гаспринский, хотели бы получать от России «не старую азиатскую, а новую европейскую монету», «т.е. распространение среди нас европейской науки и знаний вообще, а не простое господство и собирание податей»².

Положительная оценка «цивилизаторской миссии» империи созвучна умеренному политическому федерализму. Становившиеся региональные элиты не без оснований видели в тогдашней имперской метрополии локомотив собственной модернизации. Они не могли не осознавать возможностей, которые открывали перед ними имперское пространство и имперская мощь. Не могли не понимать и своей неготовности контролировать обстановку в регионах в случае социального взрыва, приближение которого ощущалось всеми. Федералистские идеи не были для них дипломатическим прикрытием сепаратизма, а представляли реальную ценность, ибо отвечали их коренным интересам. Тот же Грушевский подчеркивал приверженность этим идеям даже после того, как встал во главе независимой Украины. И тогда он говорил о «федералистской традиции как ведущей идее нашей национально-политической жизни» и полагал, что со временем Украина «с теми, с кем ей будет по дороге... установит федеративную связь в интересах лучшей защиты завоеванной свободы и социальных приобретений»³.

То, что многие сторонники федерализма все же скатились к национализму и сепаратизму и действовали во многом против своих интересов, можно объяснить естественной тогда слабостью — неразвитостью, незрелостью, просто немногочисленностью новых региональных элит. Все это обусловило уступчивость вчерашних федералистов, их националистическую ангажированность в годы революционных потрясений.

70 лет ускоренной модернизации советского периода, казалось бы, должны были все изменить. Мощные промышленно-городские региональные комплексы СССР 1980-х гг. выглядели органическими частями единого целого, и никакие региональные элиты не могли быть однозначно заинтересованы в разрыве этого целого. То же, что оно

¹ Гаспринский И.Б. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. [1881]. В кн.: Гаспринский И.Б. Россия и Восток. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. С. 21.

² Там же. С. 26.

³ Грушевський М. Українська самостійність й її історична необхідність... С. 75—76.

все-таки распалось почти мгновенно, говорит скорее не о силе, а о слабости республиканских элит.

В самом деле, распад Союза не сулил бесспорных преимуществ, скажем, республикам Закавказья и особенно Центральной Азии. По логике вещей, по крайней мере какая-то часть местных элит, преследуя свои собственные интересы, должна была ему противостоять. Между тем ее голоса почти не было слышно.

При всей непоследовательности и незавершенности советской модернизации в Закавказье и Средней Азии она зашла достаточно далеко, чтобы вызвать к жизни и расширить средние городские слои, способные отстаивать свои интересы, связанные в основном с современными устремлениями экономической, политической и культурной жизни. Но средние слои здесь все еще были немногочисленны и неразвиты, во многом маргинальны. К тому же их подъем происходил на общем кризисном фоне. Порожденный модернизацией внутренний кризис традиционных закавказских и среднеазиатских обществ разрастался, социокультурные силы поляризовались, их противостояние усиливалось. Все это порождало противоречивые тенденции социальной динамики.

С одной стороны, конкуренция за новые для них социальные статусы заставляла наиболее активные слои коренного населения перенимать многие черты образа жизни и идеологии «колонизаторов», в них быстро увеличивалось число своих проимперски настроенных «западников», русофилов, «коммунистов» (парадоксальным образом часто эти понятия выступали как тождественные), подчеркивавших по преимуществу положительные стороны развития в рамках империи-Союза и стремившихся лишь свободнее распоряжаться плодами этого развития.

С другой же стороны, сама природа нараставшей конкуренции требовала дистанцирования, противостояния, оппозиционности по отношению к «колонизаторам». Добиваясь перераспределения прав и полномочий в свою пользу как внутри республик, так и в масштабах всего СССР, автохтонные региональные элиты не могли пройти мимо такого мощного источника легитимизации своих требований, как традиционализм и этнический национализм. Кризис традиционного общества создавал для этого благоприятную почву: пробуждая защитные силы этого общества, он способствовал укреплению религиозного и культурного «фундаментализма».

Однако и слишком активное использование этого козыря было небезопасно для местных элит. Уже успев вкусить от плодов модерни-

зации, они не были заинтересованы в отказе от ее достижений, хотели не возврата к прошлому, а большей власти и независимости в настоящем и будущем. Закавказью и Средней Азии еще только предстояло пройти многие решающие этапы модернизации, «зонтик» советской империи, несомненно, облегчал эту задачу. Симбиоз модернизма и архаики, служивший питательной средой роста местных элит, был во многом искусственным, поддерживался сильным имперским центром. С исчезновением этой поддержки хрупкое равновесие могло нарушиться, а умеренные традиционализм и национализм, пока служившие вспомогательной силой регионализма, могли радикализоваться, превратиться в передовую силу антимодернистской реакции и привести к вытеснению и даже уничтожению новых региональных элит и к приостановке модернизации в целом.

Впрочем, если бы этого и не произошло, самостоятельность, доведенная до выхода из состава СССР, все равно сулила не только приобретения, но и потери. Даже и сохраняя власть в своих республиках и контроль над их экономикой, региональные элиты оказывались отрезанными от огромных ресурсов империи, на которые они привыкли смотреть как на свои. Может быть, наиболее ярким примером такого взгляда служит развернувшаяся незадолго до распада СССР борьба вокруг проекта переброски в засушливые районы Средней Азии вод сибирских рек. Среднеазиатские лидеры были главными сторонниками этого проекта, который, конечно, не предполагал, что Сибирь и Средняя Азия могут оказаться по разные стороны государственной границы. Поворот сибирских рек не состоялся, но доступ к другим ресурсам — сырьевым, технологическим, культурным и пр. — был открыт, во всех республиках Закавказья и Средней Азии сложился слой людей, которые ощущали себя гражданами огромной евразийской империи и потенциально могли претендовать на любое место в ней. Им было что терять, окажись они в замкнутом пространстве небольших и бедных азиатских государств.

Не удивительно поэтому, что среднеазиатские политические элиты были ориентированы не столько на выход из империи, сколько на перераспределение в своих интересах влияния и власти внутри нее. Сепаратистские настроения в Средней Азии не были сильными, традиционалистски настроенная часть общества едва ли была способна самостоятельно подвести свои республики к выходу из Союза, во всяком случае тогда, когда это произошло на самом деле. Их выход из состава СССР в 1991 г. был почти вынужденным, но, повторим, почти не вызвал сопротивления.

Незаинтересованность союзной элиты

Впрочем, оно было не более сильным и со стороны союзной элиты, которая с немалыми, правда, оговорками может быть отождествлена с элитой российской.

Как в формировании и существовании огромной евроазиатской империи, так и в том, что ее становым хребтом оказалась Россия, была своя историческая и геополитическая логика. Долгое время она казалась настолько бесспорной, что вопрос о том, зачем нужно России ее многовековое имперское строительство, даже не возникал. Провозглашенная Петром I империя естественно вписалась в восточноевропейское имперское геополитическое пространство. Правда, с точки зрения Европейского Запада она была уже несколько анахроничной. Здесь постепенно складывались независимые национальные государства, народы которых, может быть, впервые в истории смогли существовать и соседствовать, не входя в общирные, иерархически организованные полиэтнические метаструктуры — империи. Решающую роль в этих переменах играл новый тип общественных, в том числе и межгосударственных, связей, созданный рыночной, городской экономикой. Но на востоке Европы говорить об анахронизме империй было рано. Здесь все еще жили политическими принципами, унаследованными от Восточной Римской империи и вполне соответствовавшими традиционному состоянию восточноевропейских обществ, по-прежнему почти исключительно аграрных и сельских.

В России это соответствие сохранялось примерно полтора столетия после Петра I, что, конечно, не означало ни легкости расширения границ, ни особой гармонии внутри империи. Ее созидание было долгим, трудным и далеко не бескровным делом, обходилось России очень дорого. Но долгое время она несла имперское бремя едва ли не с радостью, замечая, казалось бы, только выгоды своего державного положения. Какие эмоции еще сто лет назад вызывало, например, завоевание Средней Азии! «Где в Азии поселится «Урус», там сейчас становится земля русскою... В будущем Азия наш исход... там наши богатства... там у нас океан» 1. И что проку в том океане было для Достоевского? А, видите ли, «имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше

¹ Достоевский Ф.М. Геок-Тепе. Что такое Азия для нас? Дневник писателя... С. 38.

даже самого калифова имени. Пусть калиф, но белый царь есть царь и калифу. Вот какое убеждение надо чтобы утвердилось»¹. Но время шло, и уже у многих современников Достоевского так ярко выраженное им единство имперского и патриотического начал стало вызывать сомнения.

Понадобилось, однако, немногим более ста лет, чтобы имперский энтузиазм Достоевского сменился больным стоном Солженицына: «Нет у нас сил на империю...»². Россия стала уставать от своей имперской роли и в конечном счете сама отделилась от Средней Азии, как, впрочем, и от других своих недавних «сестер». За этим разрывом стояла воля значительной части российской политической, экономической и культурной элиты, которая почти всегда одновременно была и союзной элитой. Она очень легко склонилась к сепаратизму, тогда как серьезных защитников федерализма в ее рядах почти не нашлось.

Можно ли и в самом деле объяснить этот сепаратизм тем, что имперское бремя стало непосильным для России? Если и можно, то лишь отчасти. Было ведь не только бремя, были и общие выгоды — экономические, культурные, геополитические. Почему же они так мало значили для союзной элиты, не сумевшей ничего противопоставить натиску сепаратистов?

Федерализм — пасынок советской модернизации

Скорее всего это объясняется тем, что в СССР вообще не было ни союзной, ни региональных элит в современном смысле этого слова, не было средних общественных слоев, на которые такие элиты могли бы опираться. Их становления не допускала советская модель развития. Это был типичный вариант «третьего пути»: технологический модернизм сочетался с консервированием социальной архаики, служившей опорой тоталитаризма.

В самом этом исторически вынужденном сочетании изначально заложено глубокое и неискоренимое противоречие. Чисто «технологическая» модернизация невозможна. Развитие промышленности, рост городов, повышение уровня образования неизбежно порождают общественные слои, ориентированные на либеральные ценности гражданского общества, правового государства, коротко говоря, на

¹ Достоевский Ф.М. Геок-Тепе... С. 33.

² Солженицын А. Указ. соч. С. б.

социальную модернизацию. Они враждебны тоталитаризму, опасны для него; тоталитарное государство делало все, чтобы воспрепятствовать их консолидации.

Эта задача облегчалась тем, что те же самые модернизационные перемены, которые пробуждают либеральное гражданское самосознание, долгое время питают и силы, на которые может опираться самый жесткий тоталитаризм. В частности, они углубляют кризис этничности с присущим ему синдромом антимодернизма, с потенциалом недовольства, протеста, ксенофобии и пр. Этот потенциал умело использовался в политической игре, в борьбе с любыми попытками критики режима, либерального свободомыслия. Постоянно осуждаемый на словах этнический национализм — антипод гражданского общества — заставил с собой считаться, стал нужным, любимым детищем властей. Этого нельзя сказать о федерализме, который смело можно назвать их пасынком.

Все школьники в СССР были знакомы с «Манифестом Коммунистической партии», где говорится, что экономическая деятельность буржуазии сделала необходимой политическую централизацию, вследствие чего «независимые, связанные почти только союзными отношениями области... оказались сплоченными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом, с одной таможенной границей»¹.

Экономическую деятельность буржуазии в СССР заменяла деятельность Госплана. Вся экономика, а по существу вся страна, рассматривалась как один большой завод, внутри которого, конечно, очень важна горизонтальная технологическая кооперация. Соответственно и создавалось единое на всю страну технологическое пространство. Его пронизывали дороги и трубопроводы, внутри него перемещались люди и грузы, шел обмен деятельностью и т.д. Это технологическое пространство принято было считать экономическим. На самом же деле оно было псевдоэкономическим, оно не было пространством внутреннего рынка, на котором определяются и сталкиваются экономические интересы конкретных людей или групп людей — собственников, непосредственно зависящих от всего, что происходит в этом пространстве, и способных активно воздействовать на его состояние. Соответственно не было и массового слоя носителей федералистской идеи, которые

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 428.

стремились бы к меньшей зависимости от центра во имя большей свободы действий на внутреннем рынке, но не желали терять этот рынок или дробить его.

Реальные советские региональные элиты, так же как и российско-союзная, были статусными, «номенклатурными», зависели от отношений с центром, от его благорасположения. Они чувствовали себя
хорошо в рамках жесткой вертикальной пирамиды власти, типичной
для всей советской системы, но мало что теряли, если, распадаясь,
она просто дробилась на подобные же пирамиды меньших размеров.
В малых пирамидах местные элиты оказываются ближе к их вершинам, распад СССР означал для них повышение статуса, что для них
было главным. Укрепить же свои позиции, свою власть, легитимность
которой прежде освящалась союзным центром, помогала опора на все
тот же этнический национализм.

Нестатусной элиты, общественных слоев, состоявших из независимых частных лиц, из собственников, опиравшихся на горизонтальные, безразличные к административным границам связи, в СССР не было или, во всяком случае, они были намного менее развиты, ибо очень слабо были развиты сами эти связи. Но только такие слои могут быть кровно заинтересованы в федерализме и служить ему надежной опорой.

Нерушимость СССР была одной из главных, постоянно декларировавшихся ценностей советского политического истеблишмента. Союз республик и впрямь выглядел необыкновенно прочным. Но это была прочность деревянной бочки, скрепленной снаружи железными обручами, а не прочность атома, целостность которого обеспечивается его внутренними силами. Огромные усилия и ресурсы были направлены на то, чтобы не заржавели и не ослабли внешние железные обручи, этой задаче была подчинена едва ли не вся конструкция советской мобилизационной модели развития. Но все оказалось тщетным, ибо сама эта модель была главной причиной недоразвитости куда более важных внутренних сил сцепления. В конце концов обручи слетели, бочка рассыпалась. И дело совсем не в том, что в Советском Союзе были плохие бондари. Просто ремесло бондаря и атомная физика — это не совсем одно и то же.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ*

В последние годы мир оказался свидетелем подъема национализма и резкого обострения межнациональных отношений во многих бывших «социалистических» странах Восточной Европы и в бывшем СССР. Национальный вопрос здесь вопреки очевидному считался полностью разрешенным. Сейчас положение изменилось. «Пролетарский интернационализм», еще недавно бывший одним из краеугольных камней официальной идеологии, все чаще отвергается и высмеивается. На первое место выходит национальная идея, связывающая социальное возрождение с возрождением «национального духа», укреплением или созданием национальной государственности.

В какой-то мере нынешний подъем национализма может быть объяснен именно как реакция на несостоявшийся интернационализм. Однако возможно и иное понимание национализма (а одновременно и несостоятельности интернационализма), указывающее на его более глубокие корни. Среди них наряду с экономическими, экологическими, геополитическими и прочими важное место принадлежит и демографическим корням.

Разные народы или разные общества?

Общеизвестно, что для населения Восточной Европы и бывшего СССР характерна пестрота национального состава. Не столь общеизвестно, что же такое этот национальный состав, ибо не существует ни общепринятого понимания того, что такое нация, ни общепринятых критериев для определения национальной принадлежности. С большей или меньшей степенью условности можно говорить о расовых, языковых или религиозных различиях, которые иногда используются как критерии определения (в том числе и самоопределения) национальной принадлежности. Но фиксированная таким образом, она непонятна французу, англичанину или американцу, для которых принадлежность к французской, английской или американской нации

^{*} Социологический журнал. 1994. № 1. С. 22-35.

означает как раз нечто, не зависящее от цвета кожи, языка, религиозных убеждений или обычаев бытового поведения. В свою очередь, еще недавно бывшие советские граждане, проходя паспортный контроль в каком-нибудь далеком аэропорту и заполняя регистрационный бланк, в графе «национальность» норовили написать «узбек», «украинец» или «еврей», не понимая, что их спрашивают не об этом; вопрос касался их гражданства, для всего мира они были Soviet, soviétiques и т.п.

Утвердившаяся на Западе концепция нации признает единственное законное определение национальной принадлежности как гражданства, все остальные способы национальной идентификации рассматриваются только как личное дело каждого. Иногда мы тоже следуем такому пониманию — например, когда говорим о национальной безопасности, национальном доходе или Организации Объединенных Наций. Но все же нам ближе понимание, выраженное в шутке Жванецкого: «советник Рабиновича по национальной безопасности». На востоке Европы все еще живо стремление сохранить государственно узаконенные, институционализированные расовые, культурно-лингвистические, религиозные и т.п. перегородки, не совпадающие с государственными границами. Возможно, такое положение, унаследованное отчасти от весьма отдаленного прошлого, отчасти от распавшихся уже в ХХ в. Османской, Австро-Венгерской, а теперь и Российской (Советской) империй, следует рассматривать как переходное, а наблюдающиеся сейчас процессы «суверенизации» (слово, которое часто произносится с иронией) в очередной раз свидетельствуют о том, что Восточная Европа с некоторым опозданием движется по тому же пути, что и Западная.

Если все же следовать «восточным» критериям национальной принадлежности, то к концу 1980-х гг. лишь некоторые из государств региона — Албания, Венгрия, Польша — подошли как мононациональные, с долей основного этноса, превышающей 95%, иногда даже 99%. В других либо явное преобладание основного этноса сочеталось с существенными вкраплениями национальных меньшинств (Болгария, Румыния), либо ни один этнос не мог претендовать на то, что он — «основной» (Югославия, Чехословакия и, конечно, СССР).

Для СССР и Югославии, имевших федеративное устройство, было характерно перемешанное, чересполосное расселение разных этносов, из-за чего многонациональными оказывались и более мелкие — «союзные» и «автономные» государственные образования. Они напоминали матрешку: при переходе на каждый новый уровень воспроизводилась все та же этническая чересполосица. И после распада СССР

осталась такой «матрешкой» Россия, два автономных образования сохраняются внутри Сербии, Нагорный Карабах — внутри Азербайджана и т.п. С другой стороны, большое число русских по-прежнему живет на Украине, в Казахстане, Молдавии, Латвии, Эстонии, свыше 4 млн. украинцев и свыше 1 млн. белорусов — в России, свыше миллиона таджиков — в Узбекистане и свыше миллиона узбеков — в Таджикистане. Сербы и хорваты составляют чуть не половину населения Боснии и Герцеговины, значительна численность сербов в Хорватии и т.д.

Иногда это сожительство — долгое, многовековое, иногда — сравнительно недавнее, но ни в том, ни в другом случае оно нигде не привело к возникновению единой нации в западном смысле этого слова. Более того, сейчас наблюдается скорее не сближение, а отдаление недавних сограждан, нарастают центробежные тенденции, тяга к самостоятельной государственности. Сплошь и рядом она приводит к острой междоусобной борьбе, даже к войне, и нам приходится признать, что этот антинационализм, если придерживаться западной трактовки понятия «нация», или национализм, если следовать его восточной трактовке, имеет, по-видимому, какие-то весьма глубокие основания.

Можно искать эти основания в многовековой истории или в особенностях восточноевропейских политических режимов недавнего прошлого, в различии религиозных традиций или в политизированном националистическом возбуждении последних лет и т.п. Но никакое объяснение не будет полным, если не учесть глубинной экономической и социальной трансформации восточноевропейских обществ в ХХ в. Сегодня русские и эстонцы, армяне и азербайджанцы, сербы и боснийцы и т.д. — часто не просто разные расовые, культурно-лингвистические или культурно-религиозные общности, как это было еще сто лет назад. Это — разные исторические типы социума, ибо они находятся на разных стадиях модернизации, перехода от аграрного, сельского к индустриальному, городскому обществу. Задача нашей статьи — показать эти глубинные различия на примере лишь одной из сторон модернизации, а именно на примере демографической модернизации (демографического перехода).

Демографическая модернизация и демографические различия

Различные этносы никогда не имели одинаковых характеристик демографических процессов — рождаемости, смертности, брачности

и т.д. Однако на стадии демографического перехода, через которую проходят в XX в. практически все народы Восточной Европы и бывшего СССР, демографические различия между ними на какое-то время приобретают особую важность, ибо становятся не только количественными, как прежде, но и качественными, говорящими о принадлежности к разным типам обществ. Но начнем все же с количественных различий, о которых позволяют судить данные табл. 1 и 2. В табл. 1 приведены данные по странам, но так как они в ряде случаев недостаточно отражают этническую дифференциацию демографических показателей, то в табл. 2 приводятся эти показатели также и для ряда отдельных народов бывшего СССР, независимо от их расселения по республикам.

Этнические различия в смертности. Как видно из обеих таблиц, эти различия не так уж значительны. Есть определенный параллелизм в снижении смертности и росте продолжительности жизни у всех этнических групп в странах Восточной Европы и бывшем СССР, обладавших более или менее сходными уровнями экономического развития, системами здравоохранения и пр.

Разумеется, это сходство не следует преувеличивать. Различия существуют, а в некоторых случаях, например, в случае младенческой смертности, они очень велики. Кроме того, есть еще и более глубинные, не улавливаемые приведенными в таблицах простыми показателями различия, например, в структуре смертности по причинам смерти и ее эволюции¹. Тем не менее относительный параллелизм в снижении смертности большинства народов, населяющих Восточную Европу и территорию бывшего СССР, очевиден. Он объясняется тем, что демографический переход обычно начинается именно со снижения смертности, снижение же рождаемости почти всегда сильно запаздывает. В этом запаздывании — секрет того, что сходство показателей рождаемости в интересующем нас регионе намного меньше отмеченного сходства показателей смертности.

Этнические различия в рождаемости. Некоторые из народов рассматриваемого региона имели низкую рождаемость уже в начале XX в.

¹ Вишневский А., Школьников В., Васин С. Эпидемиологический переход и причины смерти в СССР // Экономика и математические методы. 1991. Т. 27. Вып. 6. С. 1013—1021; Vishnevsky A., Shkolnikov V., Vassin S. Epidemiological transition in the USSR as mirrored by regional differences. Genus, 1991. V. XLVII. N. 3—4. P. 79—100.

 Таблица 1.
 Некоторые демографические показатели в бывшем СССР и странах Восточной Европы в конце 1980-х гг.

	Коэффи-	Доля	Легаль-	Ожидаема	Младен-	
	циент	вне-	ные	жительно	_	ческая
	суммар-	брач-	аборты,			смерт-
	ной	ных	на 100			ность, на
	рождае-	рожде-	родов			1000
ļ	мости	ний,				рожде-
		в%		Мужчины	Женщины	ний
СССР	2,34	10,7	132	64,6	74,0	22,7
Азербайджан	2,76	2,5	23	66,6	74,2	26,2
Армения	2,61	7,9	35	69,0	74,7	20,4
Белоруссия	2,03	7,9	164	66,8	76,4	11,8
Грузия	2,14	17,7	76	68,1	75,7	19,6
Казахстан	2,81	12,0	94	63,9	73,1	25,9
Киргизия	3,81	12,7	66	64,3	72,4	32,2
Латвия	2,05	15,9	126	65,3	75,2	11,1
Литва	1,98	6,7	90	66,9	76,3	10,7
Молдавия	2,50	10,4	111	65,5	72,3	20,4
Россия	2,02	13,5	196	64,2	74,5	17,8
Таджикистан	5,08	7,0	27	66,8	71,7	43,2
Туркмения	4,27	3,5	31	61,8	68,4	54,7
Узбекистан	4,02	4,2	34	66,0	72,1	37,7
Украина	1,93	10,8	153	66,1	75,2	13,0
Эстония	2,22	25,2	117	65,8	75,0	14,7
Албания	2,96	•••		69,9	75,5	30,8
Болгария	1,86	11,4	118	68,2	74,8	14,4
Венгрия	1,78	12,4	73	65,4	73,8	15,7
Польша	2,08	5,8	14	66,8	75,5	16,0
Румыния	2,19	4,0*	72*	66,5	72,4	26,9
Чехословакия	2,01	7,6	87	67,7	75,3	7,8
Словакия	2,15	7,2	70	67,1	75,5	9,2
Чехия	1,94	7,9	98	68,1	75,3	6,9
Югославия	1,99	10,5	96	68,6	74,3	24,3
Босния-Гер-						
цеговина	1,80	6,9	86	69,3	74,6	16,3
Македония	2,22	7,0	80	68,8	73,9	42,0

Оконание табл. 1.

	Коэффи- циент суммар- ной рождае-	вне- брач- ных рожде-	Легаль- ные аборты, на 100 родов	жительно	Младен- ческая смерт- ность, на 1000	
	мости	ний, в %		Мужчины	Женщины	рожде- ний
Сербия Собственно	2,22	12,8	138	68,5	73,4	31,7
Сербия	1,85	12,8	218	70,1	67,9	21,4
Косово	3,95	12,9	18	67,9	73,1	52,1
Воеводина	1,79	12,8	60	67,2	74,3	12,6
Словения	1,75	23,3	87	67,6	76,8	10,0
Хорватия	1,74	6,6	91	67,0	75,5	11,3
Черногория	1,95	6,7	75	73,4	79,2	14,9

*Данные по Румынии не были доступны, когда писалась статья, и добавлены в настоящем издании на основании более поздних публикаций (Evolution démographique récente en Europe 2003. Conseil de l'Europe, Strasbourg, 2003). Данные о внебрачных рождениях — за 1990 г., об абортах — за 1989. В 1990 г. число абортов на 100 родов в Румынии составило 315.

Источники: Демографический ежегодник СССР. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 308—316, 359—361, 382, 390; Evolution démographique récente en Europe 1991. Conseil de l'Europe. Strasbourg, 1991. P. 38, 39, 45, 49, 51; Demografska statistika 1988. Beograd, 1990. S. 15, 53; Demografska statistika 1989. Beograd, 1991. S. 46; Rasevich M. Thirty years of induced abortions in Yugoslavia. Background document. Conference «From Abortion to Contraception». Tbilisi, 10—13 October 1990. P. 21.

Однако для большинства из них, скажем, для большинства славянских народов, это время было еще периодом очень высокой рождаемости. Понадобилось всего несколько десятилетий, чтобы число рождений на одну женщину у них резко упало и они вплотную приблизились по этому показателю к большинству западных наций. Однако снижение рождаемости затронуло не сразу все народы и регионы Восточной Европы и бывшего СССР и даже сейчас не охватило их все. У части этносов, относящихся в основном к мусульманской культурной традиции, все еще сохраняется очень высокая (хотя и не столь высокая, как у русских или украинцев в начале века) рождаемость.

Этнические различия в естественном приросте населения. Хорошо известное следствие разрыва в скорости снижения рождаемости и

Таблица 2. Рождаемость, смертность и воспроизводство населения у некоторых народов бывшего СССР, 1988—1989 гг.

	Коэффи- циент суммар- ной рождае- мости	Число рождений на 1 женщину брачной когорты 1950— 1980—1984		Ожидаемая продолжительность жизни Муж- Женчины щины		Мла- денчес- кая смерт- ность	Нетто- коэффи- циент воспроиз- водства
Азербайд- жанцы	3,00	5,12	3,31	66,4	74,4	25,8	1,362
Армяне	2,40	3,34	2,71	65,5	69,8	20,6	1,055
Белорусы	2,11	2,59 1,94		66,3	75,8	12,0	0,993
Грузины	1,98	2,49 2,66		68,6	75,9	20,0	0,930
Евреи	1,57	1,65 1,71		70,1	73,7	12,4	0,739
Казахи	3,60	5,80 3,47		63,6	72,5	30,7	1,634
Киргизы	4,76	6,28	4,80	65,1	71,9	34,6	2,129
Латыши	2,25	1,86	2,02	65,9	75,5	12,7	1,059
Литовцы	2,03	2,28	1,97	67,3	76,6	10,6	0,961
Молдаване	2,69	3,23	2,34	65,1	71,2	20,8	1,251
Немцы	2,68	•••		66,2	74,6	15,1	1,250
Русские	1,93	2,13	1,86	64,6	74,6	17,6	0,910
Таджики	5,34	6,58	5,21	68,8	73,3	41,1	2,383
Татары	2,32	3,45	2,15	65,5	75,6	16,9	1,089
Туркмены	4,86	6,18	5,82	62,1	67,7	58,1	2,119
Узбеки	4,67	6,03	5,04	66,8	71,9	38,3	2,097
Украинцы	2,05	2,14	1,91	66,4	74,9	12,8	0,968
Эстонцы	2,35	1,96	2,16	66,0	75,1	15,1	1,103

Источник: Дарский Л., Андреев Е. Воспроизводство населения отдельных национальностей // Вестник статистики. 1991. № 6.

смертности — демографический взрыв. У большинства славянских и других восточноевропейских народов христианской культурной традиции ко второй половине XX в. этот взрыв в основном закончился. К тому же он был у них не особенно мощным, а его последствия были ослаблены огромными людскими потерями в войнах и иных социальных катаклизмах нашего столетия. Напротив, у большинства народов мусульманской традиции демографический взрыв после Второй мировой войны только стал набирать силу, рост их численности резко ускорился.

Например, в СССР численность трех славянских народов — русских, украинцев и белорусов — за 30 лет между переписями населения 1959 и 1989 гг. выросла всего на 25%, а их доля в населении страны упала с 76,2 до 69,7%. За это же время численность наиболее крупных мусульманских народов (за исключением татар) — узбеков, казахов, азербайджанцев, таджиков, туркмен и киргизов — увеличилась в 2,6 раза, а их доля возросла с 7,7 до 14,4%. Лишь численность татар, демографический переход у которых близок к завершению, росла умеренными темпами. В 1959 г. они были вторым по численности мусульманским народом СССР, в 1989 г. отодвинулись на четвертое место, а их доля в населении страны несколько уменьшилась.

Сходные процессы шли в Югославии. За 33 года между переписями 1948 и 1981 гг. численность наиболее крупных в начале периода народов — сербов, хорватов и словенцев — увеличилась всего на 22%, а их доля в населении страны упала с 74,5 до 63%. Численность же боснийских мусульман и албанцев увеличилась в 2,4 раза, а их доля — с 9,9 до 16,6%. При этом боснийцы превзошли по численности словенцев, а албанцы почти сравнялись с ними.

Этнические различия в миграциях. Территориальная мобильность разных народов также не одинакова и тесно связана со стадиями общей и демографической модернизации. В бывшем СССР долгое время наблюдалась высокая миграционная подвижность славян, особенно русских, а также обрусевших представителей других этносов, которые быстро урбанизировались и распространялись по всей территории страны, поддерживая тем самым давнюю линию славянской территориальной экспансии. Соответственно центробежные тенденции миграции преобладали над центростремительными.

Еще в 1960-е гг. такая центробежная миграция обусловила рост численности русских за пределами собственно России, в 2,4 раза более быстрый, чем в целом по СССР. Правда, уже тогда появились признаки того, что это движение стало выдыхаться. В 1970-е гг. оно замедлилось, увеличение числа русских за пределами России превысило их прирост по стране уже только в 2 раза. В 1980-е же гг. этого превышения практически вообще не было, приток русских в республики сошел на нет.

Одновременно появились новые, центростремительные тенденции. Отчасти они определялись потоками, имевшими тот же этнический состав, но противоположно направленными, в основном реэмиграцией русских в Россию. Уже в 1960—1970-е гг. она дала себя знать в республиках Закавказья, со второй половины 1970-х гг. распространилась на Среднюю Азию, в 1980-е охватила все республики, кроме Украины и Белоруссии.

В то же время в центростремительные миграции включились и прежде маломобильные коренные жители южных и юго-восточных республик, что в значительной степени связано с нараставшим в этих республиках демографическим давлением. Только за 10 лет между переписями населения 1979 и 1989 гг. число живших в России узбеков и туркмен увеличилось в 1,8 раза (в своих республиках — только на 34%), таджиков — в 2,1 (46), киргизов — в 2,9 раза (33), азербайджанцев — в 2,2 раза (24), молдаван — на 69% (11), грузин и армян — на 46 (10 и 13)¹.

Нечто подобное наблюдалось и в Югославии. Районы с высоким демографическим ростом отдавали население. В 1981 г. за пределами своей республики жили около 20% уроженцев Черногории, свыше 14% уроженцев Боснии и Герцеговины, но всего 4% уроженцев Словении, 3% уроженцев Сербии². Во всей Югославии число боснийских мусульман за 20 лет между переписями 1961 и 1981 гг. увеличилось на 105%, тогда как в Хорватии — почти в 8 раз, в Сербии — в 2,3 раза, в Черногории — в 2,5 раза. В то же время число сербов, составлявших в Боснии и Герцеговине первую по численности этническую группу населения, сократилось здесь, и они отодвинулись на второе место³.

Можно было бы рассмотреть и многие другие демографические индикаторы — все они обнаруживают дифференциацию по этническому признаку, что часто указывает на глубокие различия в типе поведения, скажем, латышей, украинцев и узбеков, в разной степени продвинувшихся по пути демографической модернизации. В практической области они также сталкиваются с совершенно разными проблемами (например, одни озабочены низкой рождаемостью, другие — высокой).

Конечно, демографические различия важны сами по себе и нередко питают националистические настроения непосредственно. Скажем, их нагнетанию нередко служат высокая смертность, муссирование вопроса о «вымирании нации» и т.д. (Хотя, по-видимому, следует также учитывать скорость уже достигнутого снижения смертности, а

Вишневский А., Зайончковская Ж. Волны миграции. Новая ситуация // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 7.

² Statistički godišnjak Jugoslavije 1991. Savezni zavod za statistiky. Beograd, 1991. S. 450.

³ Пивоваров Ю.Л. Население социалистических стран зарубежной Европы. М.: Наука, 1979. С. 25; Statistički godišnjak Jugoslavije 1991. Beograd, 1991. S. 445.

также природу препятствий к ее дальнейшему снижению: они часто коренятся как раз в защищаемых националистами традиционных особенностях национальной культуры.)

Однако намного большее значение имеет то, что собственно демографические характеристики, даже кажущиеся весьма благоприятными, часто скоррелированы с такими характеристиками других социальных процессов, которые свидетельствуют о большом неблагополучии.

Демографические различия и экономическое неравенство

Это прежде всего относится к экономике. Демографические различия — серьезный фактор, усиливающий исторически сложившееся экономическое неравенство народов и затрудняющий его преодоление. Одни уже вошли в стадию стабилизации своей численности, другие же переживают демографический взрыв и испытывают большие экономические трудности, обусловленные не в последнюю очередь нарастающим демографическим давлением (хотя не только им).

Яркий пример — бывшие советские республики Средней Азии. В 1939 г. численность населения четырех республик Средней Азии — Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана составляла 10,5 млн. человек, в 1950 г. — столько же: 10,6 млн. Но за следующие 40 лет — к 1990 г. — в результате демографического взрыва она увеличилась до 33,6 млн. человек (в 3,2 раза), и ожидается, что к 2010 г. численность 1950 г. будет превышена не менее чем в пять раз. Стремительный демографический рост усложняет и без того очень острые экономические и социальные проблемы Средней Азии, обостряет нехватку земли, воды, других ресурсов, конкуренцию за рабочие места. Нарастает бедность, хорошо заметная при сравнении даже с живущими рядом народами бывшего СССР, тоже не очень богатыми, но уже миновавщими этап экстенсивного демографического роста.

Табл. 3 иллюстрирует ситуацию, сложившуюся в СССР к началу перестройки в результате неравномерной и неодновременной экономической и демографической модернизации различных республик.

Латвия принадлежала к числу наиболее модернизированных республик Союза, Узбекистан — к числу наименее модернизированных, Белоруссия занимала промежуточное положение. Хотя темпы роста

Таблица 3. Произведенный и использованный национальный доход на душу населения, 1985 г.

	СССР	Бело- руссия	Латвия	Узбе- кистан	Средняя Азия
Национальный доход,					
тыс. руб.	2,05	1,97	2,24	1,30	1,28
- произведенный	2,08	2,23	2,93	1,20	1,20
- использованный	2,05	1,97	2,24	1,30	1,28
в том числе:					
на потребление	1,50	1,52	1,80	0,93	0,93
на накопление	0,55	0,45	0,44	0,37	0,35
Отнощение использован-					1
ного национального до-					
хода к произведенному	0,98	0,88	0,76	1,08	1,07
Доля накопления в ис-					
пользованном нацио-					
нальном доходе, %	26,8	22,8	19,6	28,5	27,3
Среднегодовой рост					
- национального дохода	1,045	1,064	1,042	1,052	
- населения	1,153	1,111	1,109	1,566	
Среднегодовой рост про-					
изведенного националь-					
ного дохода на единицу					
роста населения за					
1970—1985 гг.	1,036	1,057	1,036	1,023	

национального дохода, произведенного в Узбекистане, кажутся не самыми низкими, картина меняется, если оценить их в расчете на единицу демографического роста. Превышение потребленного национального дохода над произведенным указывает на постоянное перераспределение его между республиками в пользу Средней Азии. Но даже несмотря на такое перераспределение, использованный национальный доход на душу населения в Средней Азии составлял всего 62% среднесоюзного, и регион продолжал сильно отставать по уровню жизни, модернизации отраслевой структуры экономики, ее эффективности и т.д. В Прибалтике происходившее перераспределение ресурсов вызывало недовольство, и нередко можно было слышать заявления типа «мы не обязаны кормить среднеазиатских детей», тогда как в Средней Азии масштабы перераспределения считали недоста-

точными и полагали, что раз регион вносит столь весомый вклад в рождаемость, рост населения страны, поддержание численности армии и т.п., то он должен получать больше.

В Югославии также в ряде районов (в Боснии и Герцеговине, Македонии, Черногории, а особенно в Косово) быстрый демографический рост сильно снижал эффект экономического роста (табл. 4).

Таблица 4. Рост населения и общественного продукта в республиках Югославии, 1952—1986 гг., в %

	Население	Ī	ный продукт х 1972 г.
		Bcero	На душу населения
Югославия	139	683	495
Босния-Герцеговина	156	584 /	374
Черногория	149	691	464
Хорватия	119	641	538
Македония	160	771	483
Словения	129	751	582
Сербия	140	712	508
Собственно Сербия	132	672	511
Косово	228	719	316
Воеводина	121	830	687

Источник: Hadživukovič S. Population growth and economic development. A case study of Yugoslavia // Journal of Population Economics. 1989. N 2. S. 229.

Демографические различия и социальное неравенство

Экономическое неравенство особенно заметно на макроуровне, при сравнении между собой целых стран или регионов. Но демографические различия нередко обостряют и социальное неравенство внутри стран и регионов, ставя в привилегированное положение более модернизированные слои их населения. Эти слои часто в значительной мере совпадают с особыми национальными группами, нередко к тому же пришлыми, которые, таким образом, с большей вероят-

ностью получают доступ к высоким социальным статусам. Иными словами, ситуация, о которой идет речь, часто имеет «миграционный», чтобы не сказать колониальный, генезис.

В СССР длительное время русские (и сопутствующие им обрусевшие или, по крайней мере, русскоязычные представители других этносов), мигрировавшие на «национальные окраины», заполняли там особую промышленно-городскую социальную нишу, возникшую в условиях форсированной модернизации, пользовались большими привилегиями и социальным престижем.

Заполнение же этой ниши местным населением до поры до времени было невозможно. Это объясняется, конечно, не какими-то этническими особенностями, а историческим состоянием общества, сохранением в нем социокультурных структур и механизмов, консервирующих архаичные формы жизни и общественного сознания.

Одно из центральных мест среди них принадлежит семейно-родственным и демографическим структурам и механизмам.

Сознательная малодетность, низкая смертность, малая нуклеарная семья, высокая территориальная мобильность, другие постпереходные черты образа жизни людей сильно влияют на их раннюю социализацию, оказываются тесно коррелированными с хорошей подготовленностью к выполнению профессиональных и социальных ролей в наиболее важных и престижных сферах деятельности модернизирующихся обществ. Но в самих этих обществах долго сохраняются — полностью или частично - архаичные общинные системы, пронизанные родовыми и семейно-родственными связями, большие неразделенные семьи с присущим им традиционным разделением мужских и женских ролей, подчиненное положение женщины, многодетность и т.д. Постоянно воспроизводя патриархальный уклад жизни, социальная среда воспроизводит вместе с ним и такие черты человека, как низкая мобильность, психологический склад людей, не обладающих необходимой активностью, экономической инициативой, способностью быстро адаптироваться к меняющимся условиям, склонностью к инновациям и пр.

Однако постепенно вследствие социально-экономического развития, часто ускоренного именно деятельностью «иммигрантов», коренное население все более вовлекается в нетрадиционные для него сферы деятельности (см., напр., табл. 5), и многие социальные ниши утрачивают свою закрытость. Прежнее привилегированное положение инонациональных групп начинает восприниматься как явная со-

циальная несправедливость. Усиливаются открытые или замаскированные требования пересмотра сложившихся отношений, ролей и т.п., нарастают силы выталкивания пришлого и вообще инонационального населения.

Таблица 5. Доля населения коренных национальностей среди рабочих и служащих некоторых отраслей экономики в бывших республиках Средней Азии, в 1967 и 1983 гг., %

Отрасли экономики	Узбекистан (узбеки)		Киргизия (киргизы)		Таджикистан (таджики и узбеки)		Туркме- нистан (туркмены)	
	1967	1983	1967	1983	1967	1983	1967	1983
Промыш- ленность в том числе: машино-	31	46	11	23	35	57	29	48
строение легкая	15 45	25 66	4 11	13 32	19 35	36 67	26 35	24 60
пищевая	34	59 48	13 15	28 30	46 46	68 66	30 31	43 41
Транспорт Торговля	36 51	65	21*	31	65*	75	38	55
Здравоохра- нение и со- циальное		: :						
обеспече- ние Образова-	39	60	19	39	29	58	32	53
ние и куль- тура	51	63	37	51	60	71	48	69

^{* 1973}

В то же время именно конкуренция за новые социальные статусы заставляет наиболее активные слои коренного населения перенимать многие черты образа жизни самых модернизированных групп, даже если они принадлежат к классам, этносам или религиям, не пользующимся популярностью в обществе. Так, в частности, происходит втягивание в демографический переход, который служит вер-

ным индикатором переходного состояния всего общества. Не случайно поэтому этносы (общества), вступающие в активные фазы демографического перехода, переживают в это время и чрезвычайную озабоченность социальной несправедливостью, которая получает, в зависимости от обстоятельств, классовое, религиозное или националистическое объяснение.

Демографические различия и этническое противостояние

Экономическое и социальное неравенство служит источником многообразных конфликтов. Поскольку оно скоррелировано с демографическими различиями и усилено ими, а демографические различия тесно связаны с национальными, подобные конфликты очень часто приобретают характер этнического противостояния, в котором по крайней мере одна из конфликтующих сторон опирается на идеологию национализма, противопоставления одного народа другому.

Восточная Европа и бывший СССР столкнулись с самыми разными формами национализма. Как это ни парадоксально, одной из них был официально декларируемый интернационализм. Всячески подчеркивая классовые различия, идеология и практика интернационализма затушевывали различия национальные, доводили идею равенства народов до полного пренебрежения их социокультурным своеобразием, в итоге же навязывали всем какие-нибудь одни национальные образцы, провозглашенные интернациональными.

Крайней степени это пренебрежение достигло, например, в Болгарии, где турецкое меньшинство было объявлено попросту несуществующим, от его представителей потребовали отказа от языка, религии и даже собственных имен. Между тем турки в Болгарии не только существовали, но и демонстрировали свое отличие от болгар, в частности, и в темпах демографического роста. Вследствие более высокой рождаемости численность турок увеличивалась быстрее, чем болгар. В 1965 г. их доля среди всего населения приближалась к 10%, но среди детей до 7 лет она составляла 15,5%, тогда как в населении от 25 до 54 лет — 7,9%, а в возрасте 60 лет и старше — всего 5,4%1. Возможно, такой рост и подтолкнул болгарские власти к «безнациональному» решению вопроса.

¹ Стефанов И., Сугарев З., Наумов Н., Христов Е., Атанасов А. Демография на България. София: «Наука и изкуство», 1974. С. 381.

Недооценка национального своеобразия под лозунгами интернационализма долгое время оправдывала славянскую территориальную экспансию внутри бывшей советской империи, искусственное перемешивание разных этносов в некоторых регионах (при искусственном же «очищении» других). В своем крайнем проявлении эта политика привела к депортации целых народов, в результате чего в Крыму, например, не осталось крымских татар, в Грузии — турок-месхетинцев. В то же время крымских татары, турки-месхетинцы, немцы, корейцы и т.д. появились в Казахстане и Узбекистане. Хотя после смерти Сталина подобные крайности были осуждены, их последствия не ликвидированы до сих пор, а территориальная экспансия русских (или «русскоязычных», что несколько шире) продолжалась — пусть и в форме обычной миграции, о которой говорилось выше.

Миграции послевоенного периода существенно повлияли на этнический состав многих республик. Между 1959 и 1989 гг. число русских в Казахстане увеличилось на 2252 тыс. человек (на 57%), в Молдавии — на 267 тыс. (91%), в Латвии — на 349 тыс. (63%), в Киргизии — на 293 тыс. (47%), в Эстонии — на 235 тыс. (98%) и т.д. Для некоторых республик это были очень чувствительные изменения. В середине 1930-х гг. латыши в Латвии составляли 76,2% населения, эстонцы в Эстонии — 90,7%, русские — соответственно 9,7 и 5,6 %¹. В 1989 г. доля латышей в Латвии упала до 52%, эстонцев в Эстонии — до 61,5%, доля русских выросла до 34 и 30%.

Естественной реакцией на такое развитие событий в республиках было нарастание сил выталкивания пришлого населения, нередко приобретавших «этническую» окраску, проявлявшихся и в повседневной жизни, и в политических лозунгах. Например, одним из главных требований республик Прибалтики — до их выхода из СССР — было ограничение иммиграции «русскоязычного» населения, а само слово «мигрант» приобрело здесь оскорбительный оттенок. Резко ускорилась реэмиграция русскоязычного населения в Россию. Хотя объективно этот процесс, по-видимому, часто противоречит экономическим интересам «выталкивающих» регионов, в частности молодых независимых государств Средней Азии, рациональные соображения часто уступают место националистическим лозунгам. Национализм становится знаменем, под которым идет вытеснение «пришлого» населения, приобретающее иногда формы прямого насилия или угрозы насилием.

¹ Марианьский А. Современные миграции населения. М.: Статистика, 1969. С. 167.

В кризисной обстановке последних лет давно начавшаяся реэмиграция настолько ускоряется, что нередко приобретает черты бегства, все чаще появляются и беженцы в прямом смысле этого слова. В конце 1992 г. в России насчитывалось, по некоторым оценкам, свыще миллиона беженцев и вынужденных переселенцев, предполагалось, что в 1993 г. их число может достичь 1,5 млн. 1

Иногда этническое противостояние достигает такой остроты, что приобретает форму гражданской войны, как в Югославии или в Закавказье.

Заключение

Отвергая национализм как идеологию и практику противопоставления одних народов другим, как источник национальной неприязни и национальных конфликтов, нельзя не видеть глубинных причин постоянного появления националистических настроений, имеющих, в частности, и демографические корни.

Разумеется, главные основания национализма лежат не в демографической, а в экономической и социальной областях, в сложной общественной динамике нашего времени. Раз оказавшись втянутым в процесс модернизации, любое общество вынуждено следовать за теми, кто находится впереди него, идти по пути догоняющего развития. Движение по этому пути в конце концов не только разрушает традиционные устои догоняющих обществ, но и пробуждает их новые внутренние силы. Тогда из пассивных реципиентов модернизирующего влияния более развитых обществ вчерашние отсталые страны или бывшие колонии превращаются в их активных конкурентов.

В момент перехода от пассивного к активному этапу модернизации истинные силы догоняющих обществ обычно слабы, и они ищут опору и основу новой интеграции в еще живых традиционных ценностях национальной культуры, религии и т.п. Отсюда — почти неизбежный конфликт культур, менталитетов, систем ценностей модернизируемых и модернизированных обществ, их противостояние. Оно всегда связано с более глубоким конфликтом внугри идущих по пути модернизации обществ. Это конфликт старого и нового, при котором «новое» объявляется чужим, а «старое» — своим.

¹ Известия. 29.10.1992 и 1.12.1992.

Как уже отмечалось, демографическая модернизация — частный, но весьма важный случай общей модернизации. Она резко расширяет свободу выбора человека и семьи, требует пересмотра моральных догм, касающихся отношений мужчины и женщины, статуса женщины и ребенка в семье и обществе, многодетности, аборта, развода и т.д. Такой пересмотр неотделим от более широких перемен в культуре, ее секуляризации, отказа от многих традиционных культурных парадигм, ибо неодинаковость демографического поведения предполагает глубокие различия в социокультурной детерминации поведения вообще, в менталитете, системе ценностей людей. Но, начавшись, подобные перемены пробуждают защитные силы традиционной культуры и порождают культурный раскол.

Отношение к таким вещам, как планирование семьи или внебрачная рождаемость, скажем, эстонцев и талжиков, указывает на то. как глубока может быть пропасть между этическими оценками одних и тех же явлений в рамках различных культур. Эстонцы и таджики могут держаться на расстоянии друг от друга. Но демографический переход, распространяясь на все новые и новые этносы, приводит к тому, что такая пропасть возникает внутри национальных культур, между поколениями отцов и детей. Как и в общем случае, конфликт. связанный с культурной несовместимостью старых и новых образцов демографического поведения, приобретает форму противопоставления «своего» и «чужого». Из-за ярко выраженной «срашенности» демографического и национального, а также из-за кажущейся удаленности демографической сферы от прямого противоборства экономических и социальных интересов это противопоставление во время демографического перехода кажется особенно убедительным, что значительно повыщает «этничность» социальных конфликтов, которые в других условиях могли бы приобрести иную окраску, например, классовую.

Это соображение помимо всего прочего указывает на трудности преодоления национализма. Глубокие социокультурные различия между народами, находящимися на разных стадиях демографической модернизации, крайне затрудняют, а часто даже делают невозможным их сосуществование в рамках единых государств с единым законодательством, единой социальной, а иногда и демографической политикой и пр. — запоздалый урок, который может быть извлечен из недавних событий в бывшем СССР и бывшей Югославии.

Но этот урок должен быть усвоен и всем международным сообществом, заботящимся о своем собственном мирном будущем. Даже при раздельном государственном существовании народам не всегда легко понять друг друга — и не только потому, что одни богатые, а другие — бедные. У них есть, конечно, области общих интересов — здесь надо искать взаимопонимание. Но есть области, в которых взаимопонимание невозможно. Единственное, на что можно рассчитывать, это взаимная терпимость.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА ИЛИ ИНТЕГРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЕВРОПЫ?*

Запад и восток Европы: демографическая конвергенция

Демографам хорошо известна обозначенная Джоном Хаджналом прямая линия Петербург — Триест: на протяжении столетий демографическое поведение большинства населения к западу и к востоку от этой линии существенно различалось. Но сейчас эта граница стирается, ибо в главном обе части Европы движутся в одинаковом направлении, обе пережили период демографической модернизации — демографический переход, в результате чего на всем протяжении от Дублина и Лиссабона до Урала и даже дальше — до Владивостока установился или устанавливается один и тот же тип демографического поведения, определяемого одними и теми же или очень похожими материальными и социокультурными детерминантами. Разумеется, и сейчас сохраняются многие, нередко очень важные различия. Но это различия — именно в рамках одного исторического типа поведения. Их преодоление не требует резких скачков и переворотов, происходит и будет происходить постепенно.

Одинаковая рождаемость

Особенно отчетливо сближение типов демографического поведения видно на примере рождаемости. Еще недавно различия были

^{*}Доклад на семинаре «Европа в мире XXI века. Экономические, демографические и стратегические аспекты», посвященном 40-летию Римского договора (Лион, 25 марта 1997 г.). Печатается по изданию: Вишневский А. Постсоветское демографическое пространство: Восточная Европа или интегральная часть Европы? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 5. С. 122—132. Оригинал по-французски: Vichnevski A. L'espace démographique post-soviétique: Europe orientale ou partie intégrante de l'Europe? // L'Europe dans le monde du XXI° siècle. Aspects économiques, démographiques, stratégiques. Mouvement Européen-France. La lettre des Européens, hors-série n°3, juin 1997. P. 77—89. Débats: 91—100.

очень велики. Сто женщин из поколений, родившихся в России в последнем пятилетии XIX в., давали жизнь 408 детям¹, тогда как их французские сверстницы — 210, а шведские — 194². Но уже для поколений, родившихся в 1920-е гг., различия практически исчезают. Число детей на сто замужних женщин из поколений, родившихся в середине 1920-х гг., составило в России 227, на Украине — 202, в Белоруссии — 240 и т.д.³ Если же мы обратимся к поколениям женщин, родившихся около 1940 г., то увидим, что рождаемость в европейских республиках СССР во многих случаях опустилась ниже западноевропейских отметок. В России — 189 рождений на сто женщин, на Украине — 183, в Белоруссии — 195⁴, тогда как в Англии — 238, во Франции — 247, в Германии (ФРГ) — 197 и т.д.⁵

Рис. 1. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых европейских странах, 1950—1995 гг.

¹ Сколько детей будет в советской семье. М., 1977. С. 15.

² Festy P. La fécondité des pays occidentaux de 1870 à 1970. Paris, 1979. P. 300—301.

³ Воспроизводство населения СССР / Под ред. А.Г. Вишневского и А.Г. Волкова. М., 1983. С. 231.

⁴ Вишневский А.Г., Щербов С.Я., Аничкин А.Б. Новейшие тенденции рождаемости в СССР // Социологические исследования. 1988. № 3. С. 60—61.

⁵ Festy P. Op. cit. P. 300—301.

На протяжении всего послевоенного периода сближение уровней рождаемости во всех европейских странах — несмотря на некоторые отличия в фазах колебаний показателей — становилось все более очевидным (рис. 1). Это сближение — естественное следствие сходства таких ключевых для демографического поведения факторов, как степень урбанизации и образ жизни в городах, уровень образования и положение женщины, требования, предъявляемые к подрастающим поколениям, ощущение родителями ответственности за будущее детей и т.п. Современные реформы, переход к рыночной экономике в постсоветских государствах еще больше усиливают их сходство с Западной Европой, а тем самым и действие факторов, предопределяющих конвергентное демографическое развитие. Было бы намного более странным, если бы, вступив на путь реформ, Россия или Украина в демографическом плане не сближалась с европейскими странами, а удалялась от них.

Разная смертность

В отличие от показателей рождаемости показатели смертности и продолжительности жизни указывают на большие различия, существующие между постсоветскими и западноевропейскими странами и, казалось бы, заставляют говорить скорее о дивергенции, нежели о конвергенции. В краткосрочной и даже среднесрочной перспективе это действительно так. Вот уже более 30 лет ожидаемая продолжительность жизни в России и других бывших республиках СССР либо не растет, либо даже сокращается, особенно резким было ее падение в первой половине 1990-х гг. Для западных стран это был период успехов в борьбе со смертью, так что разрыв между западом и востоком Европы все время увеличивался (рис. 2).

Однако в долговременной перспективе положение выглядит несколько иначе. До середины 1960-х гг. эволюция смертности в СССР напоминала ее эволюцию в Японии. Бывшие советские республики сравнительно успешно преодолели этап «первой эпидемиологической революции», когда устанавливается контроль над инфекционными болезнями и резко снижается смертность от них, в особенности детская, и на первое место выходят «болезни цивилизации», прежде всего болезни органов кровообращения и рак. В этот момент и произошло сближение России и Японии с большинством западных стран, раз-

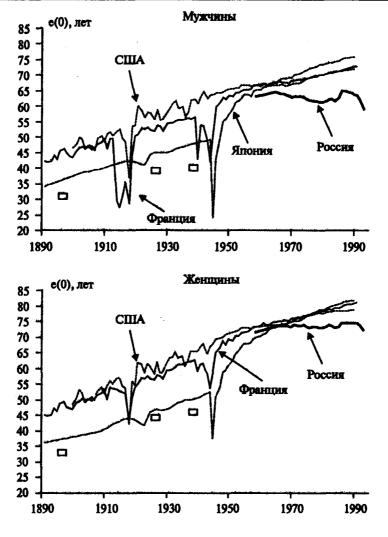

Рис. 2. Изменения ожидаемой продолжительности жизни в России, США, Франции и Японии с 1890 г.

Источник: Милле Ф., Школьников В., Эртриш В., Валлен Ж. Современные тенденции смертности по причинам смерти в России: 1965—1993. Париж: INED, 1996.

рыв между ними стал минимальным. Сближение было не только количественным, все страны европейской культуры как в самой Европе, так и за океаном, включая и европейские республики СССР, а также Япония в своих усилиях по продлению жизни оказались перед лицом общего врага. Борьба с ним в 1960—1980-е гг. была успешной и принесла замечательные плоды. Младенческая смертность в странах Европейского союза за 1960—1990 гг. сократилась в 4,5 раза, ожидаемая продолжительность жизни мужчин выросла на 5,3, женщин — на 6,7 года. Но Советский Союз не участвовал в этой борьбе, а потому и не получил ее плодов. По ряду известных экономических и политических причин вся система охраны здоровья и жизни людей в СССР оказалась в затяжном кризисе и не смогла ничего противопоставить ни «болезням цивилизации», ни давлению социогенных и техногенных факторов, обусловивших очень высокую смертность от внешних причин (несчастных случаев и пр.) (табл. 6).

Таблица 6. Ожидаемая продолжительность жизни в некоторых европейских странах, 1960—1995 гг.

Страна	Мужчины			Женщины						
	1960	1970	1980	1990	1995	1960	1970	1980	1990	1995
Россия	63,3	63,1	61,5	63,8	58,3	71,8	73,3	73,0	74,2	71,7
Украина		66,3	64,6	65,9	61,4		74,3	74,0	75,0	72,7
Латвия	65,2	66,0	63,6	64,2	60,8	72,4	74,4	74,2	74,6	73,1
Австрия	66,2	66,5	69,0	72,4	73,6	72,7	73,4	76,1	78,9	80,1
Испания	67,4	69,2	72,5	73,3	74,3	72,2	74,8	78,6	80,4	81,5
Франция	66,9	68,4	70,2	72,7	73,9	73,6	75,9	78,4	80,9	81,9
Греция	67,3	70,1	72,7	74,6	75,0	72,4	73,8	76,8	79,5	80,3
Италия	67,2	69,0	70,6	73,6	74,9	72,3	74,9	77,4	80,1	81,3
Португалия	61,2	64,2	67,7	70,4	71,2	66,8	70,8	75,2	77,4	78,6
Великобритания	67,9	68,7	70,2	72,9	74,0	73,7	75,0	76,2	78,5	79,2
Бывший СССР	65,3	64,5	62,3	64,3		72,7	73,5	72,5	73,9	- 1
Европейский	[]				i	i i				} }
CO103	67,5	68,6	70.5	72,8	73,9	72,7	74,6	77,1	79,4	80,4

Источники: Evolution démographique récente en Europe 2003. Conseil de l'Europe. Strasbourg, 2003. P. 96—98; Statistiques sociales européennes. Démographie. Eurostat. Luxembourg, 2002. P. 113, 147; Население СССР 1987. Статистический сборник. М, 1988. С. 351; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 94; Население России 1996. М., 1997. С. 166.

Этот кризис не преодолен и сейчас, он даже обострился в 1990-е гг. Но те достижения, которые СССР имел к середине 1960-х гг. и которые сближали его тогда с европейскими странами, не были утеряны. Проблемы смертности в постсоветском пространстве — это проблемы городских, промышленных обществ европейского типа, и они могут быть решены только теми же способами, какими они были решены или решаются на Западе.

Нарастающее отставание в продолжительности жизни ощущается постсоветскими странами все более болезненно, заставляет их стремиться к замене дивергентных тенденций конвергентными, а значит к «европеизации». В этом — еще один залог их неминуемого сближения с Западной Европой; перестройка многих институтов — от семейных до институтов здравоохранения или социального обеспечения на европейский манер — необходимая предпосылка преодоления кризиса смертности.

Старение населения

Еще одна долговременная демографическая тенденция, которая сближает восток и запад Европы, — постарение населения. Оно связано со снижением как рождаемости, так и смертности, но главная роль принадлежит снижению рождаемости, а как раз по уровню рождаемости постсоветские европейские государства практически не отличаются от западноевропейских. Так как снижение рождаемости в СССР началось позднее, чем в Западной Европе, население бывших советских республик долгое время оставалось более молодым, чем западноевропейское.

Это различие сохраняется, но становится все менее существенным, и все европейские постсоветские государства оказываются перед теми же проблемами реорганизации своих пенсионных систем, систем здравоохранения, социальной помощи и т.д., что и страны Европейского союза. Каковы бы ни были экономические или политические различия между двумя частями Европы, демографические реальности и в этом случае требуют сходных реакций со стороны общества и государства и также вносят свой вклад в усиливающуюся конвергенцию развития (см. табл. 7, 8).

Таблица 7. Младенческая смертность в некоторых европейских странах (на 100 новорожденных), 1960—1995 гг.

Страна	1960	1970	1980	1990	1995
Россия	36,6	22,9	22,0	17,6	18,1
Украина	18,8	17,2	16,6	13,0	14,7
Латвия	27,0	17,7	15,3	13,7	18,8
Германия (ФРГ)	35,0	23,6	12,6	7,0	5,3
Австрия	37,5	25,9	14,3	7,8	5,4
Испания	43,7	28,1	12,3	7,6	5,5
Греция	40,1	29,6	17,9	9,7	8,1
Италия	43,9	29,6	14,6	8,2	6,2
Португалия	77,5	55,5	24,3	11,0	7,5
Бывший СССР	35,3	24,7	27,3	21,8	
Европейский союз	34,5	23,4	12,4	7,6	5,6

Источники: Statistiques sociales européennes. Démographie. Eurostat. Luxembourg, 2002. P. 115, 149; Население СССР 1987. C. 344; Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 92.

Таблица 8. Нагрузка пожилыми (65 лет и старше) на 100 трудоспособных

Страны	1950	1975	2000	2025	2050
Германия	14,5	23,3	23,1	33,6	51,5
Франция	17,3	21,5	24,8	36,8	46,8
Великобритания	16,0	22,2	24,1	32,8	39,3
Россия	9,5	13,0	18,3	26,9	38,6
Украина	11.7	15,7	21,1	28,0	40.8

Источник: UN World Population Prospects: the 1996 Revision, medium variant.

Рост населения

Однако главные стимулы к сближению, диктуемые сходными демографическими тенденциями, связаны с общими особенностями

роста населения, в которых находят обобщенное выражение все три названные выше процесса: изменения рождаемости, смертности и возрастной структуры.

Вот уже долгое время и на востоке, и на западе Европы идет непрерывное сокращение естественного прироста населения. В странах Европейского союза он сократился с 7,9 на тысячу в 1960—1964 гг. до 1.4 на тысячу в 1990—1994 гг. В 1994 г. он опустился до 1 на тысячу. В некоторых из этих стран уже с 1970-х гг. отмечался отрицательный естественный прирост. Сейчас пришла очередь бывших советских республик, значительная часть постсоветского пространства в 1990-е гг. превратилась в зону демографической депрессии, где наблюдается самая значительная в Европе естественная убыль населения. Однако и в тех европейских странах, где положение более благополучно, естественный прирост населения также невелик. Соответственно повсюду возрастает роль миграции как фактора роста численности населения (рис. 3). Это ставит как перед западноевропейскими, так и перед постсоветскими обществами и их политиками очень серьезный вопрос. Должны ли они смириться с неизбежным в будущем очень низким, нулевым, а возможно, и отрицательным естественным приростом, а значит и с фактическим прекращением роста населения их стран, или следует встать на путь постоянного восполнения низкого или отрицательного естественного прироста за счет растущей иммиграции?

Ответ на этот вопрос одновременно содержит и выражение отношения стагнирующего в демографическом отношении Севера к растущему демографическому давлению со стороны переживающего демографический взрыв Юга.

Хотя эмиграция с Юга на Север давно уже не новость для стран Европейского союза, они продолжают рассматривать ее прежде всего как свое внутреннее дело, а не как элемент развития глобальной демографической ситуации. Что же касается бывшего СССР, то здесь миграционные потоки вообще пока почти не связаны с этой ситуацией, а продиктованы особенностями раннего постколониального периода, когда происходит массовое возвращение в метрополию значительной части выходцев из нее.

Прогнозы иммиграции сейчас делаются скорее исходя из общественных настроений, часто враждебных по отношению к иммиграции в европейских странах, нежели из реальной обстановки в мире. Во всех опубликованных Евростатом прогнозных сценариях предполагается снижение сальдо миграции для Европейского союза в целом

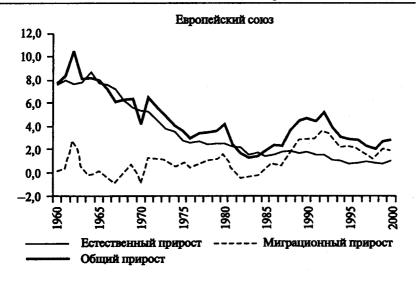

Рис. 3. Компоненты прироста населения Европейского союза и России, 1960—1995 гг., %

после $2000 \, \mathrm{r}$, несмотря на то, что в настоящее время оно скорее имеет тенденцию к росту. С $1989 \, \mathrm{no} \, 1993 \, \mathrm{r}$ оно ежегодно превышало $1 \, \mathrm{млн}$.

человек. Прогнозы же предусматривают, что в 2020 г. оно составит (по разным вариантам) от 400 до 800 тыс. человек¹.

Так же обстоит дело и в России. В 1993—1995 гг. сальдо миграции составляло в среднем около 600 тыс. в год. Для того чтобы преодолеть в будущем тенденцию к сокращению численности населения страны, необходимо длительное время сохранять уровень чистой миграции порядка 500 тыс. в год. Официальные же прогнозы Госкомстата России исходят из того, что сальдо миграции уже к 2010 г. снизится (по разным вариантам) до 15—115 тыс. человек².

Демографический Север и демографический Юг

Тем не менее не видеть огромных изменений в мировой ситуации невозможно. Еще в середине XX в. на долю более развитых странмира, а это и есть в основном Север, приходилось около трети мирового населения. Сейчас эта доля сократилась до одной пятой, а к середине нынешнего столетия уменьшится почти до одной десятой (табл 9).

Изменение соотношения демографических масс богатого Севера и бедного Юга сопровождается усилением демографического давления Юга на Север, и это давление неизбежно будет нарастать, принимая различные формы. Одна из этих форм, и притом не самая худшая, — миграция, особенно если она законная и контролируемая. В каком-то смысле она выгодна Европе, не обладающей собственным потенциалом демографического роста. Но и миграция может создавать немалые проблемы, с некоторыми из них уже столкнулись европейские страны, начинает ощущаться опасность выхода миграции изпод контроля, так что задачи ее регулирования и борьбы с ее незаконными формами привлекают все больше внимания. Эти задачи — общие для всего европейского пространства, хотя в разных его частях они могут стоять по-разному.

Сейчас борьбой с незаконной миграцией больше всего озабочены страны Западной Европы. Наряду с США принадлежа к наиболее богатым районам мира, они наиболее привлекательны для мигрантов из бедных стран «третьего мира». Однако богатство — вещь относи-

¹ Statistique démographique 1996. Eurostat. Luxembourg, 1996. P. 198.

² Прогноз численности населения России до 2010 года. (Статистический сборник). М.: Госкомстат РФ, 1996. С. 90.

тельная, с точки зрения очень многих стран Азии или Африки бывший Советский Союз — также вполне приемлемая для эмиграции область мира. Особенно это относится к России.

Таблица 9. Население более развитых районов мира, 1950— 2050 гг., согласно последнему (1996) прогнозу ООН

	Население, млн. человек			2050 K 1950	Население, в %		
	1950	2000	2050		1950	2000	2050
Весь мир В том числе более разви-	2523,9	6091,4	9366,7	3,7	100	100	100
тые страны из них:	812,7	1187,0	1161,7	1,4	32	19	12
Европа в том числе: Европейский союз (15 госу-	547,3	729,3	637,6	1,2	22	12	7
дарств) Бывший СССР (евро-	296,2	375,2	334,6	1,1	12	6	4
пейская часть) в том числе:	154,8	219,3	175,3	1,1	6	4	2
Россия Другие евро- пейские	102,2	146,2	114,3	1,1	4	2	1
страны США и Ка-	96,4	134,8	127,7	1,3	4	2	1
нада Япония	171,6 83,6	308,5 126,4	383,9 109,5	2,2 1,3	7	5 2	4
Другие раз- витые страны	10,2	22,7	30,7	3,0	0	0	0

Источник: UN World Population Prospects: the 1996 Revision, medium variant.

Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы увидеть, что южная граница России, в особенности слабозаселенных Сибири и российского Дальнего Востока, — это то место, где перенаселенный Юг наиболее близко и тесно соприкасается с постпереходным Севе-

ром и где непосредственное демографическое давление Юга на Север может дать себя знать раньше всего. Положение усугубляется крайне слабой населенностью России. Среди десяти крупнейших по населению государств мира (Китай, Индия, США, Индонезия, Бразилия, Россия, Япония, Пакистан, Бангладеш, Нигерия) она, обладая самой большой территорией, выделяется самой низкой плотностью населения (менее 9 человек на 1 кв. км — втрое ниже, чем в США, в 17 раз ниже, чем в Европейском союзе и почти в 15 раз ниже, чем в соседнем Китае).

Большая часть населения России (78%, 116 млн. человек) расположена в ее европейской части. По плотности населения (27 человек на 1 кв. км) эта часть страны близка к США (29 человек на 1 кв. км), хотя намного уступает Европейскому союзу (116 человек на 1 кв. км.). Азиатская же часть России к востоку от Урала населена горазло слабее. Она занимает 75% территории страны, но в ней проживает всего 22% ее населения при плотности 2.5 человека на 1 кв. км. Более того. начиная с 1992 г. идет абсолютная убыль населения Азиатской России. Население же ее южных соседей стремительно растет. Демографический взрыв в Китае и в Южно-Центральной Азии за несколько десятилетий резко изменил и продолжает изменять соотношение демографических масс вдоль всей южной границы России, которая еще недавно была по преимуществу южной границей СССР (табл. 10). Одновременно быстро растет и военно-экономический потенциал некоторых южных и восточных соседей России, тогда как ее собственный военно-экономический, да и демографический потенциал после распада СССР резко сократился.

Таблица 10. Население России и ее южных и восточных соседей, 1950—2050 гг., млн. человек

Страны или группы стран	1950	2000 (прогноз)	2050 (прогноз)
Бывший СССР	180,3	[293,3]	[291,4]
Россия	101,2	146,2	114,3
Китай	554,8	1276,3	1516,7
Япония	83,6	126,4	109,5
Центральная Азия*	17,5	57,4	94,8
Южно-Центральная Азия**	82,9	315,4	683,8

^{*} Казахстан и бывшие советские республики Средней Азии.

Источник: UN World Population Prospects: the 1996 Revision, medium variant.

^{**} Центральная Азия, Иран, Афганистан и Пакистан.

Особенно показательна ситуация в районах, примыкающих к российско-китайской границе на Дальнем Востоке. Здесь находятся три провинции Северо-Восточного Китая, которые еще в начале века были слабо заселены (около 17 млн. человек в 1907 г.). Но менее чем за сто лет положение коренным образом изменилось, и сейчас их население приближается к 100 млн. Плотность населения здесь почти в сто раз выше, чем в Дальневосточном экономическом районе Российской Федерации, и в 34 раз выше, чем, в среднем, в трех расположенных вдоль границы субъектах федерации — Амурской области, Хабаровском и Приморском краях (3,7 человека на 1 кв. км).

Конечно, отношения с сопредельными странами определяются не одними демографическими факторами и даже не ими в первую очередь. Но и недооценивать их значение, видимо, не следует. В России существуют представления о начавшемся массовом проникновении китайцев в Сибирь, пока, по-видимому, необоснованные. Но того, что в XXI в. на каком-то историческом повороте ситуация на русскокитайской границе может выйти из-под контроля, исключать нельзя. У Китая существуют и иногда высказываются территориальные претензии к России. Не самые надежные и безопасные соседи у России в Центрально-Азиатском регионе. Испытываемый ими демографический рост порождает множество внутренних проблем, которые, при определенных обстоятельствах, способны подтолкнуть к внешней агрессии.

Раймон Бар подчеркнул сегодня угром, что именно размеры европейских государств подталкивают их к объединению. Но даже большая Россия с ее 150-миллионным населением на фоне современных демографических реальностей выглядит страной среднего размера. В начале ХХ в. на долю Российской империи приходилось 8% мирового населения, сейчас положение совсем иное. Если Россия, по образцу советского времени, будет сохранять подчеркнутую дистанцию от Европы, не говоря уже о конфронтации с нею, она едва ли сможет противостоять натиску с Юга и может оказаться в очень сложном положении. Но и Европе такой поворот дел не сулит слишком радужных перспектив. Если фронт Севера будет прорван в Сибири или если Россия окажется в зависимости от своих южных соседей, это не может не затронуть европейских интересов. Таким образом, особенности европейского демографического пространства, общие для всех частей Европы, и в этом смысле подталкивают их к сближению и единству действий.

Приложение: фрагменты дискуссии

Из выступления Элен Каррер Д'Анкос

Третий вопрос, который я хотела бы затронуть, это вопрос о границах Европы, о ее истинной географии. Анатолий Вишневский поднял этот вопрос. Я хочу к нему вернуться, ибо он представляется мне капитальным.

Существуют одновременно две концепции Европы.

Европа может остановиться на своих институциональных границах, но я полагаю, что институционализированная Европа должна совпадать с Европой в широком понимании. Мы не можем утверждать, что есть некая Европа и есть ее соседи. Подобный подход может иметь серьезные последствия в будущем. Европа может, стало быть, либо остановиться на границах бывшего СССР, считая решенным, что балтийские государства имеют право относиться к Европе, — но тогда возникает вопрос о Белоруссии и Украине, — или простираться дальше, до Урала, и включать как эти государства, так и Россию.

Первое решение кажется странным, потому что можно спросить, законно ли включать в институциональное пространство Европы Словакию и исключать из нее Украину, значительная часть которой — по крайней мере западная, входившая в Австро-Венгерскую империю, — принадлежит по своей культурной традиции европейской истории. Во имя чего ее надо исключать? Это довод украинцев.

Далее, во имя чего исключать Россию — тоже европейское государство? Северная Россия принадлежала к ганзейской традиции, и ее сегодняшнее стремление к демократии также делает ее страной, принадлежащей европейскому пространству.

Во имя чего исключать христианские государства Кавказа? Ведь оттуда ведет происхождение христианство на нашем континенте. Это самые древние христианизированные государства. Это европейские страны. Во времена Людовика XIV Грузию считали большой европейской страной. Можем ли мы ее исключить?

Если мы это сделаем, А. Вишневский прав, говоря об этом, мы создадим рядом с европейским пространством — какими бы ни были дружественные соглашения, которые можно заключить, — пространство, испытывающее — по демографическим, а также и по историческим причинам — давление окружающего его исламо-китайского мира. У ворот Европы окажется не защитный барьер, а застава давления, напора на европейское пространство.

Это соответствует хотя и маргинальной, но модной в России идее евразийства, согласно которой Россия могла бы быть азиатской страной, могла бы качнуться в сторону Азии. Эти идеи восходят к чему-то вроде интеллектуального фольклора; но нельзя не видеть, что за ними проступает объективная реальность. Я имею в виду исламское давление на Юге и китайское на Востоке. Если вы не принадлежите к одному миру, вы поневоле склоняетесь к другому. А это, я согласна с А. Вишневским, может привести исламо-китайское пространство к порогам организованной Европы.

Вторая гипотеза — полная интеграция, продвижение Европы до своих границ — открывает огромные возможности превращения России в своеобразное буферное пространство, которое обогащает Европу, дает ей шанс увеличить свой территориальный и демографический вес, даже если и принять во внимание скромные размеры населения России с точки зрения размеров мирового населения и демографического давления со стороны менее развитых стран.

Эта вторая гипотеза несет возможность для Европы стать настоящим континентом в смысле континентального пространства и обладать большими ресурсами; возможность иметь нечто вроде «серой», промежуточной зоны, отделяющей ее от зон давления, которое, как можно предвидеть, в следующем столетии будет возрастать.

Вопрос к Э. Каррер Д'Анкос: При гипотезе, которой вы, кажется, отдаете предпочтение, включения России в Европу полагаете ли вы, что эта Европа должна остановиться на Урале или простираться до Владивостока?

Э. Каррер Д'Анкос: Речь идет не столько о предпочтении, сколько об исторической логике прошлого и будущего. Я, конечно, могу ошибиться, я хотела лишь обозначить то, что мне кажется вероятным в долговременной перспективе. Это расширение, которое Россия только начинает обсуждать, потребует времени. Европа должна обдумывать, какой она хочет быть, двигаться постепенно.

Докуда должна простираться эта Европа?

С одной стороны, мне кажется, что в очень долговременной перспективе Европа остановится, скорее всего, за Уралом, не доходя, однако, до Тихого океана. Давление на Россию таково, что это кажется мне неизбежным. Китайское давление на незанятые земли по ту сторону границы велико. Я не вижу, как нынешняя Россия сможет долго защищаться от ослабления своего влияния. На российском Дальнем Востоке люди не уверены, что они живут в России. Разница во времени составляет несколько часов, центр на самом деле очень далеко.

Жители Урала находятся, конечно, в России, но прежде всего они находятся на Урале. Именно так они определяют свою идентичность. Россия не сможет вечно сохранять свою власть в отдаленных районах, часто населенных нерусскими, малочисленными народами, вошедшими в российскую историю потому, что Россия продвинулась сюда, но которые в большей степени родственны восточным народам. Частью Европы станет Европейская Россия.

С другой стороны, было бы опасно устанавливать линию раскола. Почти полвека у Европы была ампутирована часть ее самой. Было бы неразумно устанавливать границы, не учитывая того, что речь идет о континенте, чья история, культура, глубинные связи формировались столетиями. Менять границы — значит создавать новые проблемы. Надо видеть весь континент в целом, ибо он уже существует как нечто единое. Я упоминала только что о Севере России, который принадлежал к ганзейскому миру; в XII в. он был одной из самых развитых частей европейского континента, образцом для него, в том числе и в плане городской демократии.

Из выступления Юбера Ведрина

При всем уважении к тому, что говорила Э. Каррер Д'Анкос, я не вполне согласен с ее видением проблемы. Я не думаю, что принадлежность к области влияния европейской культуры и цивилизации можно отождествлять с основанием быть членом Европейского союза. Если бы это было так, почему бы не принять в Европейский союз, например, Аргентину? Это едва ли более парадоксально, чем в случае с Турцией. Слишком щедрый и слишком зыбкий подход не пойдет на пользу ни Европейскому союзу, ни возможным кандидатам на вступление в него.

Примкнуть к Европе — значит примкнуть к некоторому проекту. Я не думаю, что даже через пять, десять или пятнадцать лет Россия сможет стать членом Европейского союза с той степенью сплоченности, которая предполагается одновременно общей политикой, единой валютой и огромным потенциалом развития, содержащимся в Маастрихтском договоре. Я вижу Россию соединенной с Европой узами добрососедства, тесным экономическим партнерством, соглашениями о разоружении, культурном сотрудничестве и обмене, может быть, договором, но остающейся особой единицей, без присоединения. И я не думаю, что надо сохранять какую-то двусмысленность на этот счет, это было бы неразумно.

НЕИЗБЕЖНО ЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ?*

«И ко всему теперь вот — готовить переселение соотечественникам, теряющим жительство? Да, неизбежно».

А. Солженицын

Перемены в Восточной Европе

Политические события конца 1980 — начала 1990-х гг. на востоке Европы изменили геополитическую картину на этом континенте не меньше, чем две мировые войны XX в.

Долгое время наряду с подвижными, часто менявшимися границами государств огромную роль в истории Центральной и Восточной Европы играли, возможно, более важные, более устойчивые и менее проницаемые метаграницы между крупными геополитическими блоками, «империями», целыми социальными мирами, объединявшимися западно-христианской, восточно-христианской и мусульманской социокультурными традициями.

Хотя постепенно эта геополитическая структура разрушалась, до самого последнего времени сохранялся геополитический разлом, разделявший запад и восток Европы, потому что не утратили своего значения глубинные различия в типах западноевропейских и восточноевропейских обществ. Новизна нынешней ситуации в том, что модернизация восточноевропейских обществ (включая европейские республики бывшего СССР) очень сильно изменила и приблизила к западноевропейскому их экономический и культурный тип, и резко ускорилось размывание социокультурных границ между западом и востоком Европы. А уж вследствие этого потеряли смысл непроницаемость политических рубежей замкнутых геополитических блоков и их архаичная вертикальная «имперская» структура. С распадом СССР в Восточной и Центральной Европе закончилась «эпоха трех империй», и впервые в новейшей истории континента открылись возможности более гибкого структурирования общеевропейского геополитического пространства. При этом очень сильно изменились и условия европейских миграций.

^{*} Знамя. 1994. № 1. С. 177—188.

Во-первых, наконец-то стали складываться политические предпосылки превращения всей Европы в единое миграционное пространство. Свободное перемещение европейцев как с востока на запад, так и с запада на восток становится необходимым условием новой экономической и политической интеграции Европы, и, возможно, Россия, в первый раз в ее истории, примет активное участие в таком свободном перемещении, давно привычном для большинства европейских стран.

Во-вторых, появилась реальная вероятность того, что Россия и Восточная Европа в целом станут частью «Севера» и со временем вся — а не только Западная — Европа превратится в зону, принимающую эмигрантов из развивающихся стран, включая в их число и бывшие советские республики Центральной Азии. По ряду причин многие восточноевропейские страны более доступны для жителей густонаселенных территорий, примыкающих к Европе с юга и востока. Кроме того, для части мигрантов они могут служить (или казаться) перевалочным пунктом по пути на Запад. Уже сейчас такие государства, как Польша или Венгрия, сами будучи странами эмиграции, испытывают все большее давление со стороны иммигрантов, часто незаконных, из бывшего СССР, Болгарии или Румынии, а также из стран «третьего мира» и начинают ужесточать меры контроля при въезде в страну. Рано или поздно проблемы миграции с Юга во всей их сложности придется осмысливать и России.

Два эти сдвига в миграционной ситуации были оценены сразу же — речь шла о процессах, хорошо знакомых по опыту послевоенных десятилетий и очень важных для разбогатевшей и исчерпавшей потенциал демографического роста Западной Европы, почти забывщей о своем эмиграционном прошлом и превратившейся в зону иммиграции; для Европы, какой она привыкла быть после Второй мировой войны в рамках порядка, заданного Ялтой и Потсдамом. Но незыблемость этого порядка уже пошатнулась, рождается какая-то новая Европа. События последних лет напоминают нам о том, что относительно благополучное европейское развитие второй половины XX в. не упразднило более долговременных ритмов мировой истории, связанных с периодическими крупномасштабными геополитическими подвижками на нашем континенте. Сейчас мы стали свидетелями одной из таких подвижек — она-то и может оказаться причиной третьего, едва ли не самого важного сдвига, предопределяющего судьбу европейских миграций в ближайшие десятилетия. В Восточноевропейском регионе возникла особая «постимперская» ситуация, чреватая крупными перемещениями людей, поворотом долговременных миграционных потоков и поисками нового геополитического равновесия. В центре всех этих процессов неизбежно окажется Россия.

Российская диаспора

«Собирание земель», начатое в XIV в. Иваном Калитой, продолжалось шесть столетий и наложило глубокий отпечаток на сознание русского общества, на идеологию русской государственности, утвердившуюся после Петра I как государственность Российской империи.

Провозглашенная Петром империя прекрасно вписалась в европейское геополитическое пространство. Правда, на западе Европы империи как будто уже отжили свое, там складывались независимые национальные государства, народы которых, может быть впервые в истории, смогли существовать и соседствовать, не входя в обширные, иерархически организованные полиэтнические метаструктуры — империи. Решающую роль сыграл новый тип общественных связей, созданный рыночной, городской экономикой.

Восток же Европы все еще жил политическими традициями, унаследованными от Восточной Римской империи. Их жизнеспособность поддерживалась не только традиционным типом экономики и вообще традиционным состоянием восточноевропейских обществ, но и всей геополитической ситуацией в этом регионе. Она все еще хранила черты тех времен, когда, после падения в XV в. Константинополя и стремительного усиления Османской империи, в этой части света сложился новый баланс сил. В первой половине XVI в. устояла перед натиском турок и стала превращаться в центр многоязыкой империи Вена. И тогда же в далекой Московии родилась идея «Третьего Рима», возвестившая о появлении в Европе еще одного геополитического полюса, тоже превратившегося полтора-два столетия спустя в центр империи. Тогда и были заложены основы «трехимперского» восточноевропейского порядка XVIII—XIX вв.

История территориального расширения Российской империи, равно как и движения населения из исторического центра России на соседние, а затем и все более отдаленные от него земли, русской колонизации, хорошо известна. Движение это особенно ускорилось с XVI в. после победы над Казанским ханством. Оно шло, так сказать, по всем румбам, но главным направлением русской колонизации стало юго-восточное. Здесь она развивалась, по словам П. Милюкова, «под

прямым влиянием и контролем московского правительства, взявшего на себя оборону южной границы, а от обороны нечувствительно перешедшего к наступлению»¹.

То ли оборонительная, то ли наступательная граница отодвигалась все далее на юг и на восток, а с ней двигались и люди. «Где было налицо крестьянское население, — писал Милюков, — правительство обращало его в служилое; не брезговали и инородцами для заселения новой военной границы»². В XVII и особенно XVIII вв. русская, а отчасти и украинская колонизация сделала особенно большие успехи, но «вместе с тем истощился и колонизационный материал — малорусский и великорусский»³, и правительство «обратилось к заграничному переселенческому материалу»⁴, а также к бежавшим за границу раскольникам. Так в Новороссии и в Поволжье появились южные славяне (сербы, болгары) из тогдашних турецких и австрийских владений, греки и армяне из Крыма, немцы. Стало быть, русская колонизация издавна вовлекала в поток переселенцев не одних только великоросов, хотя, конечно, они составляли большинство.

Особый важный этап русской колонизации — земледельческие переселения, ставшие массовыми во второй половине XIX в. Крестьяне из перенаселенных центральных губерний мигрировали на свободные или слабозаселенные «ближние» южные и восточные окраины европейской части страны, постепенно осваивали и более далекие края — до Амура и Тихого океана.

В советский период центробежное движение русского и русскоязычного населения не просто сохранилось, но значительно усилилось. Только теперь главные потоки были связаны не с земледельческими переселениями, а с промышленно-городским развитием окраинных районов, которое подстегивалось центром, проводившим политику их экономической модернизации.

Население в этих районах, особенно в азиатской части страны, было подготовлено к модернизации намного меньше, чем в ее европейской метрополии. И дело не только в том, что в них было мало специалистов, представителей современных городских профессий, но,

¹ Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Ч. І. Население, экономический, государственный и сословный строй. М., 1918. С. 55.

² Tam жe. C. 58.

³ Там же. С. 63.

⁴ Там же.

может быть, в первую очередь в том, что модернизация, переход к городской, индустриальной, денежной цивилизации тогда вообще не относились к числу главных приоритетов среднеазиатских, закавказских и других сходных с ними обществ. Подталкиваемая извне модернизация и привела к созданию значительной иммиграционной ниши, которая заполнялась населением европейской культуры — в основном опять-таки представителями самых многочисленных народов — русскими и украинцами, хотя их поток увлекал за собой и русскоязычных представителей других этносов — белорусов, татар, евреев, армян и т.д. Часть этого потока была недобровольной, состояла из заключенных, более того, из целых репрессированных народов, в том числе и таких, среди которых сейчас широко распространено русскоязычие (немцы, корейцы и т.п.).

Движение русскоязычного населения в Прибалтику в послевоенный период шло в иных условиях, но и оно, видимо, было во многом связано с тем, что модернизация, точнее ее советская модель, не находила достаточной почвы в балтийских республиках и потому не могла быть осуществлена без притока населения извне.

Послевоенные десятилетия сыграли в расселении русского и русскоязычного населения по территории СССР весьма заметную роль. Только с 1959 по 1989 г. число русскоговорящих за пределами России увеличилось на 15 млн. человек, или почти на 70%. 9 из этих 15 млн. пришлись на собственно русских, еще 4,5 млн. — на украинцев и белорусов. Масштабы послевоенных миграций серьезно повлияли на этнический состав населения некоторых республик. Когда же СССР распался, вне российских границ оказалось огромное число давних или недавних выходцев из России, которые в одночасье превратились в зарубежную российскую диаспору.

О составе этой диаспоры позволяет судить перепись населения 1989 г. В нее входят свыше 25 млн. собственно русских, более 11 млн. человек, считающих себя представителями других этносов, но назвавшие русский своим родным языком, а также представители коренных нерусских народов России, считающие родным язык своей национальности (свыше 800 тыс. татар, около 80 тыс. башкир, десятки тысяч чувашей, мордвы, удмуртов, мари и т.д.). Стало быть, российская диаспора в «ближнем зарубежье» насчитывает примерно 37-38 млн. человек. Правда, такая трактовка российской диаспоры небесспорна, особенно если говорить о русскоязычных представителях народов, населяющих новые независимые государства. Правомерно ли, напри-

мер, включать в российскую диаспору русскоязычных украинцев или белорусов? Сейчас на этот вопрос трудно ответить, возможно, дезинтеграция Союза, а также отмена графы «национальность» в паспортах новых государств, если она произойдет, повлечет за собой какие-то подвижки в этническом самоопределении части населения, но это можно будет установить только при последующих демографических переписях.

Ядро российской диаспоры образуют русские и русскоязычные. Если оставить в стороне собственно русских (почти 70%), то среди оставшихся 30% инородных представителей русскоговорящего населения более 70% приходится на украинцев и белорусов, затем идут евреи, немцы, поляки, татары, молдаване и армяне, на всех же остальных (никто из них в отдельности не достигает барьера полутора процентов) падает менее одной десятой всех живущих за пределами России русскоязычных.

Почти четыре пятых русскоязычного населения ближнего зарубежья сосредоточены в трех государствах — Украине, Белоруссии и Казахстане, причем более 55% — в первых двух. Но доля русскоговорящих среди всего населения весьма высока во многих бывших республиках Союза. В Казахстане и Латвии она превышает 40%, на Украине, в Белоруссии и в Эстонии составляет примерно треть, в Киргизии и Молдавии — примерно четверть и лишь в трех республиках Закавказья и в Талжикистане не достигает 10%.

Измаильский штык или перемена мест?

Когда три государственных мужа в Беловежской Пуще поспешно подтвердили клиническую смерть империи — Союза, они не оченьто задумывались над деталями будущего. Может быть, момент тому и не благоприятствовал. Но будущее стремительно становится настоящим, и то, что могло казаться незначительными деталями, приобретает очертания огромных, неразрешимых проблем. К этим «деталям», увы, относятся и судьбы 60 млн. человек — каждого пятого жителя бывшего Союза, однажды проснувшегося за пределами «своего» независимого государства, — в том числе и судьбы огромной российской диаспоры.

Российская пресса пестрит материалами о положении русскоязычного населения в бывших союзных республиках. Иногда оно — в прямой опасности, возникает даже угроза жизни, иногда испытывает иные трудности, с которыми нередко сталкиваются национальные меньшинства и в других странах (в том числе и в России), если законодательство и общественное мнение не защищают их должным образом, иной раз откровенно ущемляются его гражданские права.

Можно, конечно, посетовать на неразумную или негуманную политику новых независимых государств. Можно не сомневаться: в чем-то они и сами придут к большей гибкости и терпимости. А всетаки рассчитывать на полное решение или хотя бы значительное смягчение в них «русского вопроса» не приходится. Рассуждая теоретически, русские вполне могут стать равноправными гражданами Украины, Латвии или Киргизии, то есть получить официальный статус украинцев, латышей или киргизов. Ведь стали же сотни тысяч, а то и миллионы русских эмигрантов французами или американцами. Они могут сохранять (а могут и не сохранять) интерес к России, память о своем происхождении, языке или религии. Но в большинстве своем уже со второго поколения они живут интересами Франции или Америки, несут военную службу под знаменами этих стран, их основной, а то и единственный язык — французский или английский, и, в общем, они в лучшем случае уже «бывшие русские».

Устроит ли такой выбор русских ближнего зарубежья? Устроит ли украинцев, латышей, киргизов? Как ответить на этот вопрос, не подливая масла в огонь этнических конфликтов? А отмолчаться тоже нельзя, зачем загонять болезнь вглубь?

Киргизия — не Франция, Украина — не Америка. Огромная Россия слишком близка, поле ее экономического и культурного тяготения слишком сильно, память об имперском — далеко не бесславном — прошлом слишком жива, чтобы русские в ближнем зарубежье легко отказались от своей «русскости» — и не только в культурном, но и в государственном, гражданском смысле. А с другой стороны, опять-таки огромная Россия слишком близка, поле ее экономического и культурного тяготения слишком сильно, память об имперском прошлом слишком жива, чтобы утверждающие свою государственную независимость украинцы, латыши или киргизы не опасались своих русских сограждан, не видели в них пятой колонны «большого брата».

Нет, конфликты неизбежны. Писать об этом тяжело, тем более, что я не считаю, что империя — российская ли, советская ли — была каким-то монстром. Она была не хуже и не лучше других империй, в истории населявших ее народов она оставила отнюдь не только недобрый след. Недобрый тоже, конечно, так ведь безупречно хорошо толь-

ко там, где нас нет. Но ныне время империй в Европе кончилось. Переход же к новому состоянию очень непрост, конфликты — в порядке вещей. Наивно полагать, что может быть бесконфликтным существование в ближнем зарубежье огромной российской диаспоры. Как преодолевать эти конфликты?

Раздаются голоса, призывающие Россию защищать своих детей, где бы они ни находились. Многим кажется невероятным, что за честь обиженных русских «от потрясенного Кремля до стен недвижного Китая, стальной щетиною сверкая, не встанет русская земля».

Может быть, и встанет, и защитит. Но какой будет правовая основа такой защиты, вмешательства одного государства во внутренние дела другого? Что может принести ставка на сверкание «стальной щетины», на силу России? Кое-какие попытки силового разрешения конфликтов нам уже довелось наблюдать, и почти буквально блеснул помянутый Пушкиным «измаильский штык».

А ведь великий Пушкин, утверждавший после польского восстания, что «Польши участь решена», на этот раз был неправ. В том-то и дело, что она не была решена, и сколько крови, и русской, и польской, и немецкой, и прочей предстояло еще пролить, чтобы «участь Польши» действительно решилась — и совсем не так, как виделось Пушкину! Не урок ли это? Даже в случае успеха силы в данный момент ее применение не может принести долговременного решения. Рано или поздно такой успех обернется новыми, еще более острыми конфликтами. Нет, это не путь.

Но есть ли иной? Да, есть. Не защита русскоязычного населения везде, где оно живет, а возвращение из потерявших былую привлекательность краев вне России в ее пределы. Этот путь не то чтобы неизвестен, но как-то не очень близок возбужденному общественному сознанию. О нем не любят, порой явно избегают говорить, словно видят в нем какое-то отступничество. Вроде бы потрясать «измаильским штыком» патриотичнее, чем строить планы возвращения россиян в Россию.

Сказывается, конечно, и то, что переживающая кризис Россия способна принять очень ограниченное число своих детей, ни морально, ни психологически не готова к их массовому возвращению. Те, кто пытается вернуться — под давлением прямой опасности или предусмотрительно упреждая ее, — сталкиваются с огромными препятствиями, а то и с прямым противодействием местных властей и населения.

Тем не менее уже сейчас возвратная миграция приобретает размах далеко не шуточный, хотя достоверно оценить его трудно. Статистика миграций неполна и несовершенна, тем более, что значительная их часть выступает в кризисных формах непредсказуемых перемещений беженцев и вынужденных переселенцев. Иногда говорят о сотнях тысяч более или менее вынужденных переселенцев, некоторые оценки переваливают и за миллион. К тому же не вся вынужденная миграция в Россию — возвратная. Приток беженцев — армян, осетин, турок-месхетинцев и т.п. — имеет иную природу, предопределен имперской ролью России в прошлом. Но сейчас растет собственно возвратная миграция, и приходится задумываться именно над ее будущими масштабами. Здесь мы сразу же попадаем в весьма спорную область.

Российская диаспора в разных государствах ближнего зарубежья играет разную роль, живет в неодинаковых условиях, стало быть, и события в них будут развиваться по-разному. Обычно полагают, что наиболее вероятны миграционные потоки из балтийских государств, Молдавии, Грузии, особенно же из бывших республик Средней Азии¹. Что же касается Украины, Белоруссии и Казахстана, где находится большая часть диаспоры, то появление массовых потоков переселенцев оттуда считают маловероятным. Это служит главной основой для довольно скромных оценок будущих возвратных миграций. Так, по мнению В. Переведенцева, чистый миграционный прирост за десять лет не превысит 3 млн. человек, если же учесть выезд жителей России за пределы бывшего Союза, то миграционного прироста может и вообще не быть².

Этот прогноз основан на анализе ситуации в настоящем и недавнем прошлом. Но ведь тенденции возвратных миграций еще не могли проявить себя в должной мере, ситуация слишком непривычна, многое в жизни новых независимых государств еще не определилось. Сейчас возвращение в Россию — отчаянный шаг, на который не каждый рискнет без крайней необходимости. Неизвестно, что ждет мигранта на исторической родине, да и сам переезд весьма непрост — экономически и даже технически. Из некоторых республик очень трудно, а иногда и невозможно выехать, не хватает транспорта, многие маршруты небезопасны.

¹ Kahn M. Les Russes dans les ex-républiques soviétiques. Le courrier des pays de l'Est. № 376. Janvier-février 1993. P. 18.

² Переведенцев В.И. Великое переселение? // «Неделя». 19 марта 1992.

Еще важнее, что при анализе сегодняшних миграций за его рамками остается новизна геополитической ситуации, не осознанной еще ни политиками, ни самим населением. Какова степень окончательности этой ситуации? Полной ясности пока нет, но совершенно исключать какие-то подвижки, попытки перекроить границы новых независимых государств и т.п., видимо, нельзя. В этих условиях при оценке масштабов будущих возвратных миграций следует учитывать самые разные варианты развития событий, в том числе и такие, при которых этнические миграции становятся инструментом решения не разрешимых иными мирными способами проблем.

Верно, что массовая миграция русскоязычных из Украины или Казахстана кажется маловероятной. Это как будто подтверждается и изучением общественного мнения. Самые первые зондажи, проведенные в 1990 и 1991 гг., показали, что доля русских, имевших намерение при первой возможности переехать в Россию из Украины и даже из Прибалтики, была невысокой (2—7% в 1991 г.), тогда как в Казахстане она повышалась уже до 11%, в Молдавии, Киргизии, Узбекистане, Азербайджане, Туркменистане — до 23—28, в Таджикистане — до 36%). Однако разве не должно настораживать то, что даже на Украине до распада СССР еще от 21 до 30% опрошенных уклонились от определенного ответа, так что доля определенно выразивших желание остаться в республике даже тогда составляла от 53% в Западной Украине до 77% в Восточной. В республиках Прибалтики она равнялась 60—62, в Казахстане — 50, в республиках Средней Азии и Азербайджане — от 23 до 35%¹.

Последующее развитие событий во всех бывших республиках едва ли способствовало уменьшению доли русских, желавших переселиться в Россию. Есть множество факторов, таких, как различия политических режимов, степень напряженности межгосударственных отношений с Россией или межэтнических отношений внутри каждого из государств, ход экономических реформ или темпы экономического развития, культурная и языковая ситуация и т.п., которые могут вызвать более или менее сильные миграционные потоки русскоязычного населения (а по существу, населения русской культуры) даже и из Украины. А ведь всего 10% русскоязычного населения Украины, Белоруссии и Казахстана — это почти 3 млн. человек.

¹ Левада Ю. Общественное мнение об условиях и факторах миграции русского населения. В кн.: Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция. М., 1992. Вып. 1. С. 25—26.

Уроки истории

Если судить по вялой реакции на возврат населения в Россию властей и общественного мнения, по очень сдержанным оценкам его будущих масштабов, то на него смотрят как на нечто временное, ожидая, что страсти улягутся и все останется, как было. Мысль же о том, что многим миллионам людей неотвратимо предстоит стронуться со своих насиженных, а иногда и родных мест и всерьез обживать новые, кажется, видимо, почти нелепой. Но так ли она нелепа?

Начать с того, что сам по себе распад СССР не создал новых возвратных потоков в Россию, а лишь усилил прежние. Центробежные потоки миграции русского населения ослабевали давно и постепенно стали сменяться центростремительными. Отток русских из России прекратился в 1980-е гг., а их вытеснение из республик началось еще ранее: в 1960-е гг. из Грузии и Азербайджана, в 70-е — из Армении и Средней Азии¹. Силы выталкивания русского (и иного русскоязычного) населения в бывших союзных республиках нарастали и все больше перевешивали силы притяжения. После же распада Союза их перевес стал особенно явным, соответственно, резко увеличились центростремительные потоки. Но даже если бы этих потоков и не было прежде, они все равно возникли бы в ответ на новую политическую ситуацию — об этом говорит исторический опыт.

Как уже отмечалось, Россия — последняя из трех метрополий, которые стояли во главе империй, доминировавших на протяжении столетий в Восточной и Центральной Европе, Передней и Центральной Азии, и делили между собой «сферы влияния» на обширные разделявшие их периферийные пространства. Уход каждой из империй с исторической сцены, как правило, сопровождался сложными и мучительными поисками государственного, этнического, религиозного размежевания, одним из главных инструментов которого служили миграции.

Первой покинула европейскую арену Османская империя. Ее постепенное ослабление и отступление привели к массовому оттоку мусульманского населения в сжимавшиеся границы империи. Отток шел с конца XVIII в. из расширявшихся пределов России, а в XX в. — с Балкан и был очень значительным: примерно 4 млн. иммигрантов с конца XVIII в. (300-500 тыс. в последние десятилетия XVIII в. из Крыма

¹ Vichnevski A., Zayontchkovskaia J. L'émigration de l'ex-Union soviétique: prémices et inconnues. // Revue Européenne des Migrations Internationales. 1991. V. 7. N. 3. P. 14—17.

и прилегающих к нему территорий; свыше 1 млн. из Крыма, с Кавказа, из Поволжья и с Урала в XIX в.; примерно 1 млн. из балканских стран с 1877 по 1920 г.; 1225 тыс. в основном из Греции, Болгарии, Югославии и Румынии с 1923 по 1970 г.) Заметим, что население самой Турции в 1870 г. оценивается примерно в 20 млн. человек.

Навстречу потокам мусульман в XVIII—XIX вв. двигались потоки христианского населения — греков, болгар, сербов, армян. В начале XX в. агония империи породила вспышку национализма и резкое ускорение национального размежевания на ее бывшей территории. Начиная с 1912 г. из Турции вынуждены были эмигрировать почти 2 млн. греков², большое число уцелевших от геноцида армян. В 1870 г. в Турции было 2300 тыс. армяноязычных жителей и 2100 тыс. грекоязычных, в 1927 г. их оставалось соответственно 65 и 120 тыс.

Следующий крупный этап постимперского европейского размежевания наступил после Второй мировой войны, когда окончательно пала столетиями существовавшая в той или иной форме Германская империя и был положен предел германской территориальной экспансии на восток. Агония германского экспансионизма тоже вписала немало мрачных страниц в историю Европы. На их фоне послевоенные этнические миграции, особенно же возвратные миграции немцев, сыграли положительную роль как в истории Европы, так и в истории Германии. За короткое время в обе части разделенной Германии переселилось огромное количество немцев с послевоенной территории СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии и других стран. Во второй половине 1950-х гг. общее число мигрантов в ФРГ достигло 12,5 млн. человек, в ГДР — 4,3 млн. В обоих случаях — почти четверть всего населения⁴.

¹ Kazgan G. Migratory movements in the Ottoman Empire and the Turkish Republic from the end of the 18th century to the present day. In: Les migrations internationales de la fin du XVIIIe siècle à nos jours. Paris: CRNS, 1980. P. 617—618, 638; Dumont P. L'émigration des Musulmans de Russie vers l'Empire Ottoman. Aperçu bibliographique des travaux en langue turque. Ibid. P. 212. Современные российские источники приводят для XVIII—XIX вв. несколько более низкие оценки (См.: Брук С.И., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. М., 1991. С. 19.).

² Ladas S. P. The Exchange of Minorities. Bulgaria, Greece and Turkey. New York, 1932. P. 728.

³ Kazgan G. Op. cit. P. 637.

⁴ International Migration 1945-1957. International Labour Office. Studies and reports // New Series. N 54. Geneva, 1959. P. 9—11.

Сейчас начался новый, видимо, последний этап разрушения восточноевропейской «трехимперской» структуры, и события едва ли станут развиваться принципиально иначе, чем на первых двух этапах. Долгое время ослабление, а затем и прекращение турецкой и германской экспансии не только облегчали России проникновение на сопредельные территории, но, в известном смысле, оправдывали его соображениями межимперской борьбы. Но сейчас нет этого оправдания, нет оснований для появления «стальной щетины» за спиной российского пахаря, строителя или ученого, они чувствуют себя неуютно, вынуждены собираться в дорогу.

Еще совсем недавно могло казаться, что более или менее вынужденные миграции как способ межнационального размежевания ушли в прошлое и, по словам одного французского автора, «неприемлемы сегодня для международного общественного мнения, по крайней мере европейского»¹. Изменения в Европе воспринимались многими в духе предложенной американским политологом Ф. Фукуямой концепции «конца Истории», окончательной победы экономического и политического либерализма и, казалось бы, давали основания для вполне оптимистических ожиданий, в том числе и в отношении европейских миграций. Подобными ожиданиями, созвучными общей политичееской эйфории, с которой Европа вступила в последнее десятилетие XX в., проникнут, например, доклад Дирка Ван де Каа на Европейском демографическом конгрессе в 1991 г. «В долговременном плане, — полагал он. — миграции из Европы и в Европу и перемещения внутри континента будут происходить в соответствии с общепризнанными либерально-демократическими взглядами на достоинство, свободу и права человека и в условиях, в которых, по крайней мере на официальном уровне, расовые и культурные предрассудки не будут играть $DOЛИ \gg^2$.

Сотни тысяч, а то и миллионы нелегальных эмигрантов, беженцев и искателей политического убежища на дорогах сегодняшней Европы, этнические конфликты, часто стоящие у истоков миграционных перемещений, — все это не слишком соответствует идеализму оптимистических ожиданий, иллюзиям «конца Истории». Как писал

¹ Lacoste Y. Balkans et balkanisation // Hérodote. 1991. N 63. P. 12.

² Van de Kaa Dirk J. European Migration at the End of History. In: European Population/ Démographie Européenne. Vol. 2: Dynamiques démographiques/ Demographic dynamics. Ed. by Blum A., Rallu J.L. Paris, 1993. P. 79.

в своей книге «Геополитика для Европы. К новой Евразии?» П. Беар, эти иллюзии подобны тем, которые вызвали «европейская экспансия Французской революции у Гегеля, расцвет Средневековья у Иоахима де Флора или триумф Римской империи у Полибия», и на деле вовсе «не означали конца Истории, а лишь знаменовали окончание одного из ее этапов»¹. Сегодняшний «новый этап» может принести свои неожиданности, возможно, и не очень приятные.

Хочется верить, что ни в Западной, ни в Восточной Европе, ни на просторах бывшего Союза ССР дело не дойдет до безумных попыток создания «этнически чистых» национальных государств, до торжества принципа этнической нации над принципом нации гражданской, «права крови» над «правом почвы». Гражданское общество, не знающее ущемлений прав этнических меньшинств, — такой видится модель национального государства будущего. К этому будущему, однако, надо еще прийти, разобрав многие завалы, оставшиеся после распада империй. Опыт истории показывает, как опасна затянувшаяся агония империй для них самих и для их соседей.

Османская империя долго не хотела смириться с новыми историческими реальностями, вела бесконечные истощавшие ее войны. Длительным, трудным, порой кровавым было и национально-религиозное размежевание, связанное с ее ослаблением и распадом, иногда оно доводило националистические страсти до предела. Так или иначе с ним связаны и страшный геноцид армян в 1915 г., и мучительные, часто неоднократные переселения греков в 1910-1920-е гг., и сталинские депортации народов — своеобразные «этнические чистки» Крыма и Кавказа, и миграции болгарских турок в 1980-е гг., и нынешние события в разных точках давней границы империи от Югославии до Северного Кавказа. Так что более или менее добровольные миграции в ряде случаев оказываются все же наименьшим злом. Международные договоры об обмене населением между Болгарией и Грецией (Нейи, 1919), Грецией и Турцией (Лозанна, 1923) означали, по существу, попытку создать правовые рамки для таких миграций, поставить их под какой-то международный контроль, свидетельствовали о поисках разумной стратегии постимперского урегулирования.

Германский Drang nach Osten завершился возвратными миграциями тоже отнюдь не сразу. Упорство германского экспансионизма

¹ Behar P. Une géopolitique pour l'Europe. Vers une nouvelle Eurasie? Paris, 1992. P. 12.

дорого стоило и самим немцам, и другим народам Европы. Но немецкий опыт возвратных миграций после Второй мировой войны заслуживает внимательного изучения и подражания. Переварить огромную эмиграцию разоренной войной Германии было непросто. Она усугубляла экономические и политические трудности страны и грозила серьезной дестабилизацией внутренней и даже международной обстановки. Многочисленные беженцы, оказавшиеся в очень тяжелом положении, объединялись в союзы и партии, группировавшиеся на крайне правом фланге политического спектра, активную роль в них играли бывшие члены нацистской партии. Нарастали реваншистские и ирредентистские настроения, опасность того, что многочисленные бездомные, оторванные от своих корней люди образуют ядро разрушительных правоэкстремистских сил.

Нынешняя российская ситуация в том, что касается беженцев, может стать похожей на послевоенную германскую. В Германии она была успешно преодолена, что способствовало послевоенному подъему и самой Германии, и всей Западной Европы. Сегодня реваншистские, имперские идеи могут набрать силу в России. Она переживает тяжелый экономический кризис и в то же время находится в состоянии идеологического шока, общественное сознание дезориентировано, уязвимо для всякого рода социальной и национальной демагогии.

Нельзя сбрасывать со счетов и нарастающее недовольство по крайней мере части русскоязычного населения, оставшегося за пределами Российской Федерации. Оказавшись в непривычном положении национального меньшинства, оно испытывает социальный дискомфорт, действительное или воображаемое ущемление прав. Кто-то найдет выход в эмиграции на Запад, но если говорить о большинстве, то оно легко может склониться к требованиям восстановления прежних «метаграниц» или по крайней мере создания новых, особых границ для русскоязычных анклавов в сопредельных (Эстония), и даже несопредельных (Молдавия) странах. Все это может соединиться с недовольством внутри России и послужить детонатором социального взрыва, который отбросит Россию, Европу, а значит и весь мир на десятилетия назад.

Альтернатива такому развитию очевидна. Надо сделать все возможное, чтобы избежать затяжного «турецкого» пути возвратных миграций — чреватого конфликтами и попятными движениями, изматывающего страну, отвлекающего от решения внутренних задач, которые давно уже вошли в противоречие с ее имперскими амбициями.

Россия должна найти интеллектуальные и материальные ресурсы для разработки и реализации программы приема и обустройства всех представителей российской диаспоры, кто пожелает вернуться на историческую родину.

В чем польза для России?

Германия явно выиграла, переключив свою энергию с внешней экспансии на внутреннее развитие, да и Турция постепенно оправляется от тяжелейшего исторического шока тоже не на путях возврата к былому имперскому величию. А что же Россия?

В постоянном округлении российских владений имперские политики и идеологи столетиями видели — и не без оснований — пользу России, имперское и патриотическое начала здесь сливались воедино. Постоянные территориальные приращения, сама огромность занимаемого пространства влияли не только на государственную мысль. Многочисленные военные победы наполняли гордостью русские сердца, страна привыкала ко все новым и новым захватам, которые становились для России как бы естественным способом существования, воспитывали мироощущение всего общества, формировали его образ мыслей, его психический склад. «Империя» — не бранное слово, а определенная историческая форма организации крупных геополитических пространств. Ей соответствуют определенные идеология и политика, определенные правила мировой игры. Россия и играла по этим правилам, общественное сознание их принимало.

Но мало-помалу приходило понимание и того, как дорого обходился России ее имперский курс. Единство имперского и патриотического начал с какого-то времени стало вызывать сомнения. Только ли выигрыш несут стране ее бесконечные территориальные приобретения? Так ли уж совпадают государственные интересы России с интересами ее граждан? Не слишком ли тяжела поступь имперского Медного всадника для отдельной человеческой судьбы? Русские люди начинают размышлять над этим подобно тому, как размышлял Тяпушкин, персонаж Глеба Успенского, вспоминая «топорнейшую лекцию» своего школьного учителя:

«... Через каждые три фразы четвертая была непременно такая: «Мы расширили пределы "от" "до"...» Затем следовали новые три фразы о мудром приказании и за ним опять та же четвертая о том, что после этого приказания только что расширенные пределы опять рас-

ширились еще дальше «от» «до» и все без малейших трудностей, даже как бы без людей, а с помощью какого-то «мы взяли» расширили. И вот это-то «мы» и неизменно сопровождавший его результат расширения наших пределов могли настолько овладеть моим вниманием, что я почти легко забывал личное, позорнейшее унижение... Хотелось исчезнуть в этом «мы», пойти бы туда... Там нет ни меня, ни моих мук, ни моей личности... все одно «мы»... в нем какая-то огромная сила... Эта сила и меня возьмет, и меня совершенно освободит от самого себя, и расширит пределы еще дальше» 1.

Впрочем, и с чисто «государственной» точки эрения не один только выигрыш можно увидеть в многовековом «расширении пределов». Колонизация российских просторов тяжелым бременем лежала на экономике страны, постоянно перемалывала материальные и людские ресурсы, поглощала психическую энергию нации. «Огромные пространства легко давались русскому народу, — писал Н. Бердяев. — Но нелегко давалась ему организация этих пространств... Размеры русского государства ставили... почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении»². А для наших дней имперские аргументы и вовсе утратили убедительность, бремя же имперское стало для России еще более тяжким, и прежние доводы звучат, по словам Солженицына, «с тысячекратным смыслом: нет у нас сил на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. Нет у нас сил на Империю!»³. И оправдан поворот миграционных потоков — возврат «зарубежных» россиян укрепил и обогатил бы Россию, да и отвечал бы новым геополитическим обстоятельствам.

Районы бывшего СССР с высокой плотностью населения и быстро растущей его численностью остались за пределами России. Ее же собственный потенциал демографического роста близок к исчерпанию. Как и другие европейские страны, она вступает в полосу нулевого или даже отрицательного естественного прироста населения. Для густонаселенных европейских стран в этом нет особых проблем, для России с ее просторами — есть. Она по-прежнему обладает огромными слабозаселенными территориями Европейского Севера и

¹ Успенский Г. Волей-неволей. Указ. соч. С. 74—75.

² Бердяев Н. О власти пространства над русской душой. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 64.

³ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. М., 1991. С. 6.

Сибири. На немереных российских пространствах к востоку от Урала живут всего 32 млн. человек — население двух Голландий. За три десятилетия — с 1960 г. — прибавились всего 10 млн., а в самое последнее время население здесь вообще убывает. Природные богатства Сибири известны, хотя дело, конечно, не просто в богатствах. Здесь может возникнуть геополитическая воронка, способная засосать полмира в новый конфликт. Как полагает, например, П. Беар, «Сибирь станет крупной ставкой XXI века... Если Сибирь будет потеряна Россией, она не останется долго без хозяина. Ее богатства, как и ее стратегическое положение, делают ее объектом вожделения для тюрко-монгольского мира, граничащего с ней на юго-западе, для Китая на юге, наконец, для Японии, которая смотрит на нее с востока... От того, кто будет владеть Сибирью, зависит будущее мира и прежде всего будущее граничащей с нею Европы» 1.

Россия не утратила своего места крупнейшей и богатейшей страны региона. Попытка превратить Империю в Союз один раз не удалась, получился не Союз, а новая Империя. Ныне и она распалась, скорее всего навсегда. Но это вовсе не значит, что история и география перестали играть свою роль. В мире по-прежнему сталкиваются региональные и государственные интересы, существуют военные блоки, ценится стратегическая мощь. И Drang nach Osten может еще вспомниться, и Китай уже не «недвижный»... Глобальные геополитические факторы, территориальное соседство, общность исторического пути, давние тесные связи не исчезли и не исчезнут, будут подталкивать бывшие части СССР, по крайней мере некоторые, к новому сближению, может быть, даже к новому союзу. И Россия скорее всего окажется естественным лидером такого союза. Но ведь надо, чтобы потенциальные союзники приняли такое лидерство, не опасаясь его перерастания в имперский диктат. Присутствие в их границах большого числа русских едва ли будет способствовать устранению всякого рода подозрений, а потому и сближению.

Так что Возвращение отвечало бы и внутренним, и международным государственным интересам России — конечно, если будет достойным. Ведь оно может идти натужно, со скрипом, с надрывом, плодя бездомных, порождая политические раздоры и распри, сделаться в итоге еще одним источником национального разобщения и кризиса. Но оно же может стать едва ли не главным из дел «обустройства» Рос-

¹ Behar P. Op. cit. P. 143, 145.

сии, символом ее возрождения, помочь единению и общественному согласию. Надо увидеть в Возвращении высокую национальную цель — намного более высокую и благородную, чем цель удержания силой всех земель и вод, обороны неизвестно кем осажденной крепости, непобедимого, но и не способного победить военного могущества.

Где взять средства?

Широкомасштабное Возвращение требует огромных средств, а возможности наши — нищенские. Страна разорена, экономика парализована, рубль унижен.

Тем не менее источники средств есть, многие из них хорошо известны, их перечисляет, говоря о Возвращении, и Солженицын: и сокращение военных расходов, и отказ от помощи зарубежным «друзьям», и ограничение капитальных вложений в промышленность, и уменьшение бюрократического аппарата...

К этим внутренним источникам, думаю, можно было бы добавить и внешнюю помощь. Не худо вспомнить, что послевоенная возвратная миграция в Германию, как и подготовка ее общего экономического подъема, сопровождалась очень большой помощью извне. За 6 первых послевоенных лет Западная Германия получила свыше 3,3 млрд. долл. от США и более 0,7 млрд. от Великобритании. В ценах 1989 г. это примерно 21.4 млрд. долл. — 75-80 долл. на каждого жителя страны или — в расчете на нынешнее население России — 11-12 млрд. долл. в год — сумма, которая кажется огромной, но составляет всего не более 0,25% валового национального продукта США или Западной Европы. Если бы эту помощь оказывали совместно страны ЕЭС, США и Япония, расходы, вероятно, не превзошли бы 0,1% их совокупного ВНП. Напомним, что США после Второй мировой войны расходовали на помощь европейским странам по Плану Маршалла около 1% ВНП, то есть в десять раз больше. Германия же получала примерно две трети указанной помощи сверх Плана Маршалла¹.

Конечно, не следует слишком упрощать ситуацию. Запад переживает свои экономические трудности, тамошнему общественному мнению не всегда понятно, почему следует так активно помогать вче-

¹ International Migration 1945—1957... Р. 16; Европейская Экономическая Комиссия. Обзор экономического положения Европы в 1989—1990 годах. Т. 1. Нью-Йорк: ООН, 1991. С. 20.

рашнему противнику. Но ведь и помощь послевоенной Германии не была следствием каких-то особых ее заслуг — такова была цена ее умиротворения. Вместо униженной и разоренной Германии, вскормившей идеи реванша после Первой мировой войны, Европа и мир получили процветающую и спокойную Германию второй половины XX в. А разве не видна всемирная опасность дестабилизированной, разрываемой внутренними напряжениями России?

Собрав ресурсы из внутренних и внешних источников, можно было бы взяться за решение и не таких задач, как расселение соотечественников на родной земле. Сам приток их — людей, как правило, городских, квалифицированных, а главное, заинтересованных в срочном решении своих проблем, — мощный стимул экономического роста России.

Впрочем, даже если ресурсы будут изысканы, это тоже не решает всех проблем. Как отмечалось в одном из докладов, подготовленных экспертами Экономической комиссии ООН для Европы, «вопрос заключается не столько в том, смогут ли позволить себе западные страны провести План Маршалла в таких масштабах, сколько в том, способны ли страны Восточной Европы освоить такую помощь». Ибо здесь легкость сравнений с Германией заканчивается. Успех в решении проблем интеграции немецких беженцев в западногерманское общество был успехом верно найденной общей экономической и социальной политики, проводившейся после возникновения ФРГ.

Эта политики была высоко оценена, в частности, в опубликованном больше 30 лет назад исследовании Международной организации труда, в котором подводились итоги послевоенной реэмиграции и адаптации немецких беженцев. Вот несколько выдержек из него.

«Главной целью политики, проводившейся... до 1948 г., было преодоление инфляции. Но вместо того, чтобы устранять причину зла, его лишь пытались обуздать такими мерами, как рационирование или налогообложение, и, действуя таким образом, преуспели только в удушении всей экономики контролем. В результате вместо того, чтобы создать побуждения к производству... политика увековечивала существующие дефициты и заводила в тупик все финансовые начинания. Эта политика потерпела очевидный провал, и в июне 1948 г. ... экономика была освобождена от строгого контроля (за исключением кредитного), а цены и зарплата были отпущены с тем, чтобы их уровень установился под действием рыночных сил.

Политика отдавала абсолютный приоритет инвестициям, а что- бы избежать опасностей инфляции... структура налогообложения была

пересмотрена таким образом, чтобы повысить налоги на зарплату (главным образом за счет косвенного налогообложения) и понизить налоги на прибыль вплоть до полного освобождения от налогов значительной ее части. Благодаря этому максимально возможная доля национального дохода была переключена с потребления на инвестирование...

Эти решительные шаги оказались замечательно эффективными. Валовой национальный продукт между 1949 и 1957 гг. увеличился почти на 85 процентов; была обеспечена устойчивость новой валюты; платежный баланс был восстановлен, несмотря на сокращение помощи из-за рубежа и ее полное прекращение после 1952 г.; промышленность была переоборудовна и даже значительно расширена. И в то же время устойчиво росло личное потребление, особенно в последние годы... Безработица, которая непрерывно росла до 1950 г., затем быстро пошла на спад, и к 1957 г. число безработных уменьшилось с 1580 до 662 тыс., тогда как экономически активное население с 1946 по 1957 г. выросло почти на 6 млн. человек, или на 30 процентов» 1.

Между 1949 и 1957 гг. прошло столько же времени, сколько между 1985 и 1993, а ничего похожего на «немецкое чудо» у нас пока не случилось. Все, что можно переключить с потребления на инвестирование, давно уже переключено. Но инвестиции всегда шли прежде всего в те отрасли, которые абсолютно безразличны к платежеспособному спросу населения, — нам проще сделать три МиГа, чем одну кофеварку. И покуда такое направление инвестиций не преодолено, возвращающиеся в Россию россияне — всего лишь несчастные беженцы, которые вступают с нами в конкуренцию из-за куска хлеба, квадратного метра жилья, места в детском саду. Но кто же им отдаст...

А надо бы по-иному. Возможности России велики, на их создание много было сил положено. Думали ли подвижники индустриализации, энтузиасты тридцатых—сороковых годов, что их изнурительный труд во имя ожидаемого вскорости социализма будет иметь своим истинным следствием лишь то, что спустя десятилетия родная страна превратится попросту в одного из крупнейших в мире торговцев оружием? Социализм оказался утопией, но промышленность-то создана—тоже ведь без средств, на займы у собственного народа. Он тогда предоставил — с ропотом ли, без ропота, не о том сейчас речь — безгра-

¹ International Migration 1945—1957. International Labour Office // Studies and reports. New Series. N 54. Geneva, 1959. P. 15—16.

ничный кредит почти даровых сил, талантов, средств — всего, что у него было. Не пришло ли время платить по векселям, в том числе и тем, кто, покинув родной дом в Москве, Нижнем или какой-нибудь забытой Богом Недоступовке, отправлялся служить великим идеалам на дальних рубежах?

Сегодня крупная, поддержанная всеми национальными силами, правильно понятая заграницей, опирающаяся на принципы добровольного выбора и экономического либерализма программа Возвращения может и идеологически, и практически стать мощным противовесом непобедимым традициям централизованной экономики и ее главной опоры — военно-промышленного комплекса. Тогда и средства найдутся, и колеса рыночной экономики закругятся веселее.

* * *

Еще в 1992 г. в «Известиях» промелькнуло сообщение о секретном постановлении российского правительства касательно мер на случай массового бегства русских из стран ближнего зарубежья. Привыкли к секретам от самих себя... Массовое возвращение россиян в Россию, если оно состоится, станет новым словом российской истории. Надо многое взвесить, многое предусмотреть, многое упредить. Засекреченным чиновникам это не под силу. Все общество должно привыкнуть к мысли о стоящей перед ним необычной задаче. Хорошо бы услышать духовных лидеров нации, представителей различных политических сил. Без общего согласия такую задачу не решить, а согласия сразу может и не быть. Времени же особого в запасе нет. О том напоминают и сотни тысяч, а может быть, и миллионы «вынужденных мигрантов», и тлеющие конфликты, связанные с неопределенным положением «русскоязычных» в разных концах ближнего зарубежья.

Медлить нельзя. Надо посмотреть реальности в глаза и, не откладывая, начать всерьез готовиться к Возвращению.

Оно неизбежно.

РАСПАД СССР, ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАЦИИ И ПРОБЛЕМА ДИАСПОР*

Несмотря на то, что история России XIX—XX вв. тесно переплелась с историей двух древнейших и известнейших диаспор — еврейской и армянской, понятие «диаспора» было не слишком популярно в СССР, а феномен диаспоры почти не привлекал внимания исследователей. После же распада Союза понятие «диаспора» по разным причинам оказалось удобным для описания процессов постсоветского этнического размежевания и стало довольно широко использоваться в постсоветской литературе.

Территориальное рассеяние народов было характерно для Российской, а затем и советской империи. Ее этническая карта складывалась в результате как присоединения к славянскому ядру империи земель, населенных другими народами, так и последующих миграций представителей разных этнических общностей внутри империи или за ее пределы. Эти миграции, иногда добровольные, иногда вынужденные, иногда полудобровольные-полувынужденные, стали особенно значительными во второй половине XIX и в XX в. и привели к значительному перемешиванию этносов и отрыву расселения многих из них от прежних традиционных территорий.

Перепись населения 1989 г., состоявшаяся за два года до распада СССР, подвела итог процессам, происходившим в этническом «плавильном котле» империи. Некоторые из этих итогов представлены в табл. 11. Она содержит данные о крупнейших (500 тыс. человек и более) народах СССР, на долю которых приходилось 94,2% всего населения страны. Как следует из табл. 11, значительное рассеяние, обусловленное самыми разными причинами, было характерно для многих народов бывшего СССР. В одних случаях оно было следствием

^{*} Доклад на Международной конференции «Диаспора и этнические мигранты в Европе в XX веке». Берлин, 20—23 мая 1999 г. См.: Vishnevsky A. The Dissolution of the Soviet Union and Post-Soviet Ethnic Migration: The Return of Diasporas? // Münz R., Ohliger R. (eds). Diasporas and Ethnic Migrants. Germany, Israel and Post-Soviet Successor States in Comparative Perspective. London-Portland (Ог.). Frank Cass Publishers, 2003. Р. 155—174. Печатается по публикации на русском языке в журнале «Общественные науки и современность». 2000. № 3. С. 115—130.

Таблица 11. Крупнейшие народы СССР в 1989 г.

Народы	Всего в		В том	и числе	
	СССР, тыс. чело-	Живущие вне своих союзных или автоном-			ающие
	век	I.	публик	Язык своей	Русский язык
		Тыс. человек	%	нацио- нально- сти (%)	(%)
Титульные народы союзны	і х республ	ик (90,3%	населен	ия СССР)	
Армяне	4627	1545	33,4	91,7	7,6
Таджики	4217	1049	24,9	97,7	0,8
Белорусы	10030	2133	21,3	70,9	28,5
Казахи	8138	1606	19,7	97,0	2,2
Русские	145072	25264	17,4	99,8	99,8
Молдаване	3355	564	16,8	91,6	7,4
Узбеки	16686	2563	15,4	98,3	0,7
Украинцы	44136	6766	15,3	81,1	18,8
Азербайджанцы	6791	990	14,6	97,7	1,7
Киргизы	2531	303	12,0	97,8	0,6
Туркмены	2718	194	7,1	98,5	1,0
Эстонцы	1027	64	6,2	95,5	4,4
Латыши	1459	72	4,9	94,8	5,0
Грузины	3983	194	4,9	98,2	1,7
Литовцы	3068	144	4,7	97,7	1,8
Всего	257839	43450	16,9		'
Титульные народы автоном (2,4% населения СССР)	ных респ	ублик илі	и област е і	*	
Татары	6649	4884	73,5	83,2	16,1
Мордва	1154	841	72,9	67,1	32,7
Марийцы	671	347	51,7	80,8	18,8
Чуваши	1842	935	50,8	76,4	23,3
Башкиры	1449	585	40,4	72,3	11,2
Удмурты	747	250	33,5	69,6	30,0
Осетины	598	198	33,1	87,0	7,0
Чеченцы	957	222	23,2	98,1	1,7
Аварцы	601	105	17,5	97,2	1,9
Всего	6865	2642	38,5	,-,-	-,-

Окончание табл. 11

Народы	Bcero B CCCP,				
	тыс. своих со		Живущие вне своих союзных		ающие (ным
	век	1	тоном- спублик	Язык своей	Русский язык
		Тыс. человек	%	нацио- нально- сти (%)	(%)
Народы, не имевшие своих	автоном	ий (1,59%	населени	я СССР)	
Евреи**	1378	1378	100,0	11,1	86,6
Немцы	2039	2039	100,0	48,7	50,8
Поляки Всего	1126 4543	1126 4543	100,0 100,0	30,5	28,6

Ранжировано по доле живущих вне своей республики

давнего вынужденного рассеяния некогда единого народа, вызванного политической катастрофой и связанным с ней насилием; в других рассеяние возникло в ходе колонизационной активности; в третьих оно порождено давним перемешиванием живущих в одном географическом ареале народов и невозможностью провести территориальную границу между ними и т.д. Исторические и более новые политические и социальные реальности переплетаются между собой и определяют динамику современных диаспор.

Распад СССР заметно повлиял на эту динамику. С одной стороны, по-новому прошли государственные границы, и многие этнические группы были автоматически отрезаны от территорий компактного расселения своих соплеменников, и в этом смысле оказались в рассеянии. С другой стороны, возникли новые условия миграций для ряда этнических групп, находившихся в рассеянии, что привело к уменьшению рассеяния некоторых народов. Анализ этих изменений на примере некоторых типичных диаспор и составляет тему данной статьи.

^{*} Кроме аварцев — крупнейшего этноса Дагестана (27,5% населения Лагестана).

^{**} Формально евреи имеют свою автономную область, но в 1989 г. в ней жили всего около 9 тыс. человек, из которых около 7,8 тыс. считали своим родным языком русский.

Еврейская диаспора

Еврейскую и армянскую диаспоры можно назвать «классическими» — как в плане длительности их существования, так и в том смысле, что они отвечают большинству критериев, с помощью которых определяется само понятие диаспоры.

До конца XVIII в. еврейское население в Российской империи было незначительным, но после раздела Польши и включения ее восточной части в состав империи последняя автоматически превратилась в страну с самым большим в мире еврейским населением, причем ее роль как главного очага еврейской диаспоры все время увеличивалась. Считается, что в 1800 г. в России было сосредоточено 23% всех живших в мире евреев, а в 1880 г. доля России превысила 53%1.

Несмотря на столь внушительные размеры российской еврейской общины (5,2 млн. человек в 1897 г.), ей приходилось существовать в весьма неблагоприятных условиях, на которые она не могла повлиять. Эмансипация евреев, шедшая в Европе в XIX в., не затронула России, где они были лишены важнейших экономических и гражданских прав. Ощущение безысходности и неустойчивости жизни евреев в России заставляло искать выход в эмиграции, которая стала приобретать массовый характер после погромов начала 1880-х гг.

Масштабы эмиграции быстро нарастали. С 1881 по 1886 г. среднегодовое число еврейских эмигрантов составляло 12,9 тыс., в следующие пять лет — 28,5, с 1891 по 1910 г. — 44,8, в пиковые 1906—1910 гг. — 75,1 ежегодно². Общее число эмигрантов между 1881 и 1914 гг. оценивается примерно в 2 млн.³, т.е. почти в две пятых от численности еврейского населения России в 1897 г. После 1900 г. миграционный отток евреев превысил их естественный прирост⁴. Основной страной иммиграции российских евреев были США. За период с 1871 по 1920 г. они составили 41,5% всех иммигрантов из России в США и 72,4% всех еврейских иммигрантов в США из Европы (включая Россию)⁵.

¹ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1994. Т. 7. С. 385.

² Rogger H. Tsarist policy on Jewish emigration // Soviet Jewish Affairs. 1973. N 3. P. 28; Краткая еврейская энциклопедия. Т. 7. С. 383.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 384.

⁵ Кабузан В. Русские в мире. Спб., 1996. С. 322.

Перед Первой мировой войной в Российской империи все еще насчитывалось более 5 млн. евреев, но в результате послереволюционного изменения границ примерно 55% еврейского населения империи осталось за пределами СССР1, часть из них ассимилировалась в русской, украинской и белорусской среде. Перепись 1926 г. зафиксировала в СССР 2,7 млн. евреев, перепись 1939 г. — 3 млн. В результате нового пересмотра границ в 1939 г. и включения в состав СССР Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Прибалтики еврейское население страны снова сильно выросло, а затем опять резко сократилось в результате огромных потерь во время Второй мировой войны. Эти потери (жертвы гитлеровского геноцида, участники боевых действий и пр.) оцениваются не менее чем в 2,5 млн. человек3. После войны численность еврейского населения СССР никогда даже близко не подошла к довоенной. Какое-то время она незначительно росла, затем стала убывать вследствие ассимиляционных процессов, возможно, отрицательного естественного прироста, обусловленного низкой рождаемостью, но также и значительной эмиграции.

Свободной эмиграции из СССР не существовало, но в ходе постоянной дипломатической игры с Западом Советское правительство иногда слегка приоткрывало клапан для некоторых этнических или конфессиональных групп, в том числе и для евреев. Число эмигрантов-евреев за 1948—1990 гг. составило 592 тыс., в том числе 301 тыс. — после 1986 г. Согласно послевоенным переписям населения в 1959 г. в СССР насчитывалось 2,3 млн. евреев (1,1% населения СССР против 2,5% в 1940 г.). К этому времени страной с самой крупной еврейской диаспорой стали США, где численность евреев приближалась к 5 млн. 7 тогда как численность советской еврейской диаспоры продолжала сокращаться. В 1970 г. она насчитывала 2,2 млн. человек, в 1979 — 1,8 млн., в 1989 г. — 1,4 млн.

¹ Оболенский В.В. (Осинский). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 46.

² Pincus B. The Jews of the Soviet Union. The history of a national minority. Cambridge, 1988. P. 89.

³ Ibid. P. 261.

⁴ Heitman S. Soviet emigration in 1990: a new «Fourth Wave»? Innovation (Vienna), 1991. N 3-4. P. 2.

⁵ Chaliand G., Rageau J.-P. The Penguin Atlas of Diasporas. Penguin Books, 1997. P. 57.

Таблица 12. Еврейское население в странах-преемницах бывшего СССР в 1959, 1989 и 1998 гг. (тыс. человек)

	1959,	1989,	1998,	1989, в	1998, в %
	пере-	пере-	оценка	% к	к 1989
	пись	пись		1959	
Россия	880	570	325	64,8	57,0
Украина	840	487	132	58,0	27,1
Белоруссия	150	112	19	74,7	17,0
Узбекистан	94	95	11	101,1	11,6
Казахстан	28	20	10	71,4	50,0
Латвия	37	23	9,4	62,2	40,9
Азербайджан	46	41	8	89,1	19,5
Грузия	52	25	7,5	48,1	30,0
Молдавия	95	66	6,5	69,5	9,8
Литва	25	12	4,9	48,0	40,8
Эстония	5,4	4,6	2,4	85,2	52,2
Киргизия	8,6	6	2,2	69,8	36,7
Таджикистан	12,4	15	1,4	121,0	9,3
Туркмения	4,1	2,5	1	61,0	40,0
Армения	1	0,7	0	70,0	0,0
Bcero	2278,5	1479,8	540,3	64,9	36,5

Источник: Tolts M. Demography of the Jews in the Former Soviet Union: Yesterday and Today. Paper presented at the Conference «Jewish Life After the USSR: A Community in Transition». Harvard University (Cambridge, Mass.), February 13—15, 1959. P. 23.

Но именно в это время эмиграция, наконец, стала свободной и резко выросла, распад СССР, по-видимому, еще ускорил ее. Некогда самая большая в мире «российская» ветвь еврейской диаспоры все больше теряла свое значение. Судя по последним оценкам, на территории бывшего Советского Союза осталось немногим более трети еврейского населения 1989 г., четверть того, что было в 1959 г. и примерно 10% еврейского населения Российской империи, зарегистрированного переписью населения 1897 г. (табл. 12).

Большинство евреев, выезжающих из бывшего СССР, направляются в Израиль (согласно израильским официальным источникам, 656 тыс. человек за 1990—1996 гг.)¹. Волна эмиграции начала 1990-х гг.,

¹ Della Pergola S. Le système mondial de migration juive en perspective historique // Revue Européenne des migrations internationales. 1996. N 3. P. 20—22.

сопоставимая по масштабам с максимальной волной после Второй мировой войны, привела к значительному увеличению концентрации евреев в Израиле. Но все же некоторая их часть, переезжая в США, Германию или иные страны, остается в диаспоре. Кроме того, идет и отток евреев из Израиля, хотя для выходцев из СССР он не особенно типичен¹. В целом рассеяние евреев по миру остается очень значительным, хотя последняя эмиграция из бывшего СССР и привела к ее значительному уменьшению (см. табл. 13).

Таблица 13. Рассеяние евреев в мире в 1996 гг.

	В тыс. человек	В%
Весь мир	13025	100,0
Израиль	4568	35,1
Диаспора	8457	64,9
США	5700	43,8
Франция	524	4,0
Канада	362	2,8
Бывший СССР	595	4,6
Россия	340	2,6
Украина	155	1,2
Другие страны	100	0,8
Великобритания	291	2,2
Аргентина	205	1,6
Бразилия	100	0,8
Южная Африка	95	0,7
Австралия	94	0,7
Германия	70	0,5
Другие страны	421	3,2

Источник: DellaPergola S. World Jewish Population, 1996. American Jewish Yearbook, 1998. P. 482, 510.

Армянская диаспора

Появление значительного армянского населения в России относится к концу 20-х гг. XIX в., когда в состав империи вошли армянские земли, до того принадлежавшие Персии или Турции. Эти переме-

¹ Della Pergola S. Le système mondial de migration juive en perspective historique.

ны сопровождались массовыми переселениями персидских и турецких армян на теперь уже российские территории. До начала переселения в российском Закавказье было зарегистрировано 107 тыс. армян (а всего в России их насчитывалось 133 тыс. — примерно 6-7% всех живших в мире армян, тогда как более 80% их общего числа находилось в Турции). По оценкам, только в конце 20—начале 30-х гг. XIX в. в Закавказье прибыли около 200 тыс. армянских эмигрантов. Затем поток резко уменьшился, но все же не прекратился, и к 60-м гг. XIX в. в России проживало уже более 530 тыс. армян, из которых почти 480 тыс. — в Закавказье¹.

Середина 1890-х годов ознаменовалась трагическими событиями в Турции. В 1894—1896 гг. вспышки геноцида унесли жизнь около 200 тыс. армян и подтолкнули их к новой массовой эмиграции в Россию. По оценкам, в 1897—1916 гг. в Россию прибыли около 500 тыс. армян². Накануне Первой мировой войны в пределах Российской империи жили 1,8 млн. армян — немногим меньше, чем в Турции (2 млн.).

Сложившаяся в XIX в. традиция возвращения армян в Закавказье сохранялась довольно долго и в советское время. За весь советский период было три главные волны репатриации: в 1921—1936 гг. (42 тыс. человек), в 1946 (самая большая волна, 90-100 тыс. человек) и в 1962—1982 (32 тыс.). Первая послевоенная волна прибывала в основном из Ливана и Сирии, а также из Ирана и Греции-Кипра. На эти страны пришлось примерно две трети всего потока; довольно значительной — по нескольку тысяч человек — была также иммиграция из Франции, Египта, Болгарии, Румынии. Последнюю волну на три четверти составляли выходцы из Ирана. Общее число армянских репатриантов советского периода оценивается примерно в 180 тыс. человек³.

Однако прижиться в Советской Армении репатриантам оказалось нелегко, и именно среди них или их детей стало нарастать стремление уехать из СССР. При первой же возможности, в 1956 г., возник и стал нарастать поток армянской эмиграции, в основном на Запад—во Францию, США, Австралию, Канаду. Общее число армянских эмигрантов за 1956—1989 гг. оценивается в 77 тыс. человек, подавляющее большинство — свыше 80% — уехали в США⁴.

¹ Кабузан В. Указ. соч. С. 104--105.

² Там же. С. 203.

³ Mouradian C. De Staline à Gorbatchev, histoire d'une république soviétique: l'Arménie. Paris, 1990. P. 172.

⁴ Heitman S. Op. cit. P. 2.

К началу 1990-х гг. общее число армян в мире оценивалось примерно в 6,4 млн. человек, из которых 4,6 жили в СССР (в том числе 3,1 млн. — в Армении) и 1,8 были рассеяны по всему миру. Приблизительное распределение армян по разным странам представлено в табл. 14.

Страны	В тыс. чел.	В%	Страны	В тыс. чел.	В%
Весь мир Советский Союз в том числе:	6423 4623	100,0 72,2	Остальные страны в том числе:	1800	28,2
Армения Россия	3084 532	48,2	США Канада	600 50	9,4 0,8
Грузия	437	8,3 6,8	Франция	250	3,9
Азербайджан в том числе:	391	6,1	Аргентина Австралия	50? 25 100?	0,8? 0,4
Нагорный Карабах	145	2,3	Иран Сирия	80?	1,6? 1,3?
Украина Узбекистан	54 51	0,8 0,8	Ливан Другие страны	100 545	1,6 8,6
Туркмения Казахстан	32 19	0,5 0,3			
Другие респуб- лики СССР	23	0,4			

Источники: Национальный состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 148, 120; Chaliand G., Rageau J.-P. Op. cit. P. 89.

Распад СССР, некоторые предшествовавшие ему события, в частности, страшное землетрясение 1988 г. и армяно-азербайджанский конфликт, а также последовавшее за распадом Союза обострение политической обстановки в Закавказье, на Северном Кавказе, в Средней Азии резко изменили ситуацию. С одной стороны, они послужили причиной вынужденной миграции армян из Азербайджана, Северного Кавказа и Абхазии. Только число беженцев из Азербайджана в 1988—1991 гг. оценивается в 350 тыс. С другой же стороны, ухудше-

¹ Арутюнян Л. Новые тенденции миграции в Армении. В кн.: Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999. С. 71.

ние экономического и политического положения в Армении спровоцировало массовый отток населения из страны, что в немалой степени облегчалось существованием зарубежной диаспоры. По официальным российским данным, нетто-миграция армян в Россию в 1990— 1997 гг. составила 258 тыс. человек, но, вероятно, далеко не все эмигранты попадают в официальный учет. Кроме того, имеется миграция в некоторые другие бывшие республики СССР, а также на Запад. Например, число армянских эмигрантов в США в первой половине 1990-х гг. оценивалось в 80 тыс. Человек, или в 20% населения Армении². Судя по всему, рассеяние армян по миру снова увеличивается.

Русская диаспора

Наряду с диаспорами, возникающими в результате изгнания или вынужденного бегства, существуют диаспоры, чье происхождение связано с более или менее добровольными миграциями со своей родины — «в поисках работы, торговой выгоды или под влиянием растущих колониальных амбиций»³. Классическим примером может служить греческая диаспора, возникшая в древности в результате создания греческих колоний в Средиземноморье. В то же время отнесение к диаспоре потомков английских, французских или немецких колонистов часто ставится под сомнение.

Такие же сомнения могут возникнуть и тогда, когда речь идет о русской диаспорь. До недавнего времени такой диаспоры не существовало, российская колонизация рассматривалась как «внугренняя»: уезжая в Сибирь, в Среднюю Азию или на Кавказ, русские продолжали ощущать себя находящимися у себя дома. Относительно немногочисленные русские эмигранты за пределами империи нигде не образовывали устойчивых замкнутых сообществ и довольно быстро растворялись в населении тех стран, где они жили. Но после распада СССР все изменилось, более 17% живших в СССР русских оказались «в рассеянии» за пределами России, и появились основания рассматривать их как русскую диаспору.

¹ Ter-Minassian A. La diaspora arménienne. In: Bruneau M. (ed.). Diasporas. Montpeelier: GIP RECLUS, 1995. P. 32.

² Арутюнян Л. Указ. соч. С. 71.

³ Cohen R. Global diasporas. London: UCL Press, 1997. P. 180.

Такая интерпретация соответствует и ощущению многих русских, оставшихся за пределами России. Впервые ощутив себя национальным меньшинством, они испытывают социальный, культурный и политический дискомфорт и начинают стремиться к укреплению связей с исторической родиной или к возвращению на нее. По-видимому, в полной мере новое положение русских в бывших республиках СССР не осознано ими, да оно и не определилось еще окончательно. Тем не менее репатриация русских в 1990-е гг. приобрела довольно значительные масштабы (табл. 15).

Таблица 15. Репатриация русских в Россию в 1990—1997 гг.

Страна	Русское	Чистая	Чистая	Доля каждой
	население в	миграция	миграция	страны в
	1989 г., в	русских в	русских в %	общем
}	тыс.	Россию за	к русскому	объеме
		1990—	населению	чистой
		1997 rr.,	1989 г.	миграции в
		в тыс.		Россию, %
Азербайджан	392,3	173,1	44,1	6,6
Армения	51,6	28,5	55,3	1,1
Белоруссия	1342,1	26,6	2,0	1,0
Грузия	341,2	143,9	42,2	5,5
Казахстан	6227,5	875,6	14,1	33,3
Киргизия	916,6	207,9	22,7	7,9
Латвия	905,5	87,75	9,7	3,3
Литва	344,5	42,9	12,5	1,6
Молдавия	562,1	47,5	8,5	1,8
Таджикистан	388,5	207,2	53,3	7,9
Туркмения	333,9	75,7	22,7	2,9
Узбекистан	1653,5	384,4	23,2	14,6
Украина	11355,6	271,3	2,4	10,3
Эстония	474,8	56,45	11,9	2,1
Bcero	25289,5	2628,8	10,4	100,0

Репатриация русских — не совсем новое явление. Их вытеснение из республик началось уже довольно давно, но сейчас оно резко ускорилось. За 8 лет, с 1990 по 1997 г. в Россию возвратились более 2,6 млн. русских, или более 10% всех русских, живших в СССР за пределами Российской Федерации.

Отток русского населения из разных стран был разным. Наименьшей его интенсивность была в славянских странах — Белоруссии и Украине — 2-2,5% всех живших там русских, относительно невысокой — в Молдавии и странах Балтии. Напротив, очень интенсивно шел отток из Средней Азии (27% в среднем для четырех среднеазиатских республик) и особенно из Закавказья (44% для трех закавказских стран). Страны Средней Азии, имея почти вдвое меньшее русское население, чем Казахстан, сравнялись с ним по показателю чистой миграции и вместе с ним дали две трети всего чистого притока русских в Россию.

В Туркмении и особенно в Таджикистане чистый отток русских за несколько последних лет превысил их общий прирост за 4 десятилетия — с 1959 по 1989 г. В Узбекистане и Киргизии он составил примерно 70% этого прироста, в Казахстане — около 40%. В Закавказье же русское население между 1959 и 1989 гг. сократилось, так что его отток в 1990-е гг. вполне вписывался в тенденции, сложившиеся ранее.

Украинская диаспора

Проблемы украинской и русской диаспор во многом сходны, но имеются и существенные различия.

В начале XX в. в мире насчитывалось примерно 26-27 млн. украинцев (некоторые авторы давали более высокую оценку — до 34 млн. и даже 37 млн. ¹). Более 80% украинцев (идентифицированных по родному языку) — 22,4 млн. — были сосредоточены в Российской империи. Кроме того, значительное число украинцев жили в Австро-Венгрии. По переписи населения 1910 г. их численность здесь определялась примерно в 4 млн. человек, из которых 3,2 млн., в основном униаты, жили в Галиции, 0,3 млн., преимущественно православные, — в Буковине, почти 0,5 млн. (униаты) — в Венгрии, в Закарпатье². Российские и австро-венгерские украинцы были разделены государственной границей, но не рассеяны. Однако рассеяние украинцев также существовало.

Перед Первой мировой войной несколько сот тысяч украинцевэмигрантов были рассеяны по всему свету: примерно 250-300 тыс.

¹ Cm.: Sembratovytch R. Le tsarisme et l'Ukraine. Paris, 1907. P. 22-23, 29.

² Auerbach B. Les races et les nationalités en Autriche-Hongrie. Paris, 1917. P. 24, 257, 272, 342, 381.

украинцев из Галиции и Закарпатья жили в США, около 170 тыс. — в Канаде, несколько десятков тысяч — в Бразилии¹.

Кроме того, существовала своя диаспора и внутри Российской империи, где жили большинство украинцев и где они, будучи вторым по численности этносом, принимали активное участие в колониальной экспансии. Хотя, как правило, украинцы жили вперемешку с великороссами, а часто и с представителями других народов, область их преобладающего расселения выделяется достаточно четко, они составляли больше половины жителей в 9 из 50 губерний Европейской России (считая Таврическую губернию без Крыма). Эти 9 губерний образовали впоследствии территорию независимой, а затем Советской Украинской республики в границах, существовавших до 1939 г. Но в пределах этой территории в 1897 г. были сосредоточены только 76% украинцев, учтенных переписью населения империи, остальные жили либо в пограничных губерниях с преобладающим русским или польским населением, либо в более отдаленных районах русско-украинской колонизации. В частности, перепись 1897 г. учла 223 тыс. украинцев в Сибири и 102 тыс. в Средней Азии.

Но это было лишь начало массовых крестьянских переселений. С 1896 по 1912 г. только в Сибирь переселились 4,5 млн. жителей Европейской России, 42% из них, т.е. примерно 1,9 млн., составляли выходцы из губерний, находившихся на территории современной Украины². Так что дисперсность расселения украинцев все время увеличивалась. Это сопровождалось, по-видимому, интенсивной русификацией украинцев, покинувших территорию их компактного расселения, облегчавшейся большой культурной и языковой близостью украинцев и русских.

Исторические события, связанные со Второй мировой войной, существенно изменили положение украинского сообщества и привели к сосредоточению почти всех украинцев в пределах одного государства. В результате повысилась и доля украинцев, живших на Украине, среди всех советских украинцев. После войны она установилась на уровне свыше 85% и впоследствии мало менялась (в 1959 — 86,3%, в 1970 — 86,6, в 1979 — 86,2, в 1989 — 84,7%). Миграция украинцев в другие республики СССР имела место, но масштабы ее были не очень большими и не могли существенно повлиять на компактность рассе-

¹ Субтельний О. Україна. Історія. Київ, 1993. С. 661, 666, 669.

² Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 173.

ления украинцев. Те же из них, которые жили за пределами Украины, довольно быстро русифицировались. В 1989 г. более половины из них считали своим родным языком русский (табл. 17).

Таблица 16. Украинцы в СССР в 1926 г.

Республики и районы СССР	Чис- лен- ность	Доля в общем числе	Доля украин- цев,	украино	итающих жий язык ым, %
	укра- инцев, тыс.	укра- инцев, %	живу- щих в горо- дах, %	Все населе- ние	Городс- кое населе- ние
СССР Украина РСФСР в том числе: Сибирь Казахстан*	31195 23219 7873 828 861	100,0 74,4 25,2 2,7 2,8	10,5 10,9 8,9 3,6 3,7	87,1 94,1 67,0 56,6 76,5	64,9 74,5 31,7 36,9 39,8

^{*} В 1926 г. Казахстан входил в состав РСФСР.

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX. С. 34,40; Т. XI. С. 8, 10; Т. XVII. С. 8, 14.

Таблица 17. Украинцы в СССР в 1989 г.

Республики	Всего украинцев		1	считающих ком русский
	тыс.	%	тыс.	%
СССР	44186	100,0	8309	18,8
Украина	37419	84,7	4578	12,2
Россия	4363	9,9	2487	57,0
Другие республики	2404	5,4	1243	51,7

Сам этот факт можно интерпретировать по-разному. Можно толковать его таким образом, что русскоязычные выходцы из Украины

относят себя к украинцам больше по инерции, а на деле уже ассимилировались с русскими. Можно же, напротив, полагать, что языковая ассимиляция скрывает истинное украинство даже у многих из тех, кто при переписи населения назвали себя русскими. Эта последняя точка зрения кажется сомнительной, но именно исходя из нее некоторые украинские источники определяют, например, численность украинской диаспоры в России в конце 1980-х г. не в 4,4 млн., как это следует из данных переписи 1989 г., а в 10-20 млн. человек¹.

Наряду с рассеянием украинцев по территории бывшего СССР существует и их рассеяние по остальному миру — в основном следствие давней эмиграции в Новый Свет главным образом из Западной Украины. Здесь также существуют проблемы их языковой и прочей ассимиляции, некоторые украинские исследователи предлагают свои уточнения истинной численности украинцев. Все эти уточнения сведены в табл. 18.

Если верить приведенным в таблице максимальным оценкам, то за пределами Украины живут больше трети украинцев (36%), и даже по официальным оценкам 21% украинцев живут в рассеянии.

Никаких принципиальных изменений не принес и распад СССР. Поначалу казалось, что новая политическая ситуация будет иметь своим следствием массовую репатриацию украинцев. «По результатам социологического опроса 1992 г., 10% украинской диаспоры в Российской Федерации... были однозначно ориентированы принять украинское гражданство, причем половина из них была готова переехать в Украину в ближайшее время... Еще более высокую активность вернуться на родину проявили украинцы в неславянских республиках бывшего СССР»². И действительно, в 1991—1992 гг. Украина наряду с Россией стала зоной притока славянского населения, выезжавшего из неславянских государств — бывших республик СССР. Около 40% этого притока было обеспечено за счет выезда украинцев из России, в основном из северных районов³.

Но «начиная с 1993 г. ... обострившиеся социально-экономические процессы приостановили репатриационные процессы»⁴. Направ-

 $^{^1}$ Інформаціний бюлетень Міністерства України в справах національностей, міграції та культів. 1995. № 2. С. 54.

² Пискун А.И. Современная миграционная политика Украины: проблемы становления. В кн.: Миграционная ситуация в странах СНГ... С. 258.

³ Зайончковская Ж.А. СНГ через призму миграций. Там же. С. 60.

⁴ Пискун А.И. Указ. соч. С. 258.

Таблица 18. Украинцы в мире в начале 1990-х гг.

Регион, страна	Офици-	Макси-	Регион, страна	Офици-	Макси-
	альные	мальная		альные	мальная
	данные	оценка		данные	оценка
	или			или	
	мини-			мини-	
	мальная			мальная	
	оценка			оценка	
Украина	37419	37419	Западная Европа	119	140
Бывший СССР	6767	17208	Сев. Америка	1693	2300
Россия	4363	10600	Канада	963	1000
Казахстан	896	4000	США	730	1300
Белоруссия	291	1000	Южная и Цент-		
Молдавия	600	800	ральная Америка	580	585
Киргизия	108	300	Бразилия	350	350
Другие страны	508	508	Аргентина	220	220
Восточная Европа	562	1012	Другие страны	10	15
Польша	250	500	Австралия		
Румыния	150	300	и Океания	30	30
Чешская и					
Словацкая респ.	150	200			
Другие страны	12	12	Bcero	47171	58694

Источник: Ukraine and Ukrainians throughout the World. A demographic and socioligical guide to the homeland and its Diaspora. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1994. P. 9—10. Несколько иные оценки приведены в книге Ф. Заставного (Заставний Ф. Географія Украіни. Львів, 1994. C. 243).

ление миграционных потоков изменилось, приезжать на Украину стало меньше, чем выезжать из нее. Баланс миграции украинцев между Украиной и Россией за 1992—1997 гг. — около 165 тыс. человек в пользу России.

Немецкая диаспора

Немецкая диаспора, или полудиаспора, в СССР представляла еще один тип находившейся в рассеянии этнической группы. В 1897 г. в Российской империи насчитывалась 1791 тыс. немцев, из которых 1312 тыс. жили в Европейской России, 407 — в польских губерниях, 57 —

на Кавказе, более 5 — в Сибири и 9 тыс. — в Средней Азии¹. Большинство из них приехали в Россию по приглашению русского правительства как крестьяне-колонисты, реже — как лица свободных профессий. В XIX в. немецкие колонисты пережили период расцвета, стали «хорошо организованным привилегированным классом, не похожим на русских крестьян, со своим внутренним самоуправлением, копировавшим институты их бывшей родины»², число немецких поселений и их богатство быстро росли.

После окончания Гражданской войны и установления границ СССР в его пределах остались территории, на которых в 1897 г. проживали 1030 тыс. немцев³. В Поволжье, в районе наибольшей концентрации немецкого населения, была создана самостоятельная административная единица — Республика немцев Поволжья. Переписью населения 1926 г. в СССР были учтены 1193 тыс. немцев по критерию родного языка (как и при переписи 1897 г.) или 1238 тыс. по самоопределению. Подавляющее большинство их жили в европейской части Российской Федерации и на Украине. Распределение немцев по территории СССР в период между двумя войнами представлено в табл. 19.

Районы СССР	В тыс. ч	человек	В%	
	1926	1939	1926	1939
CCCP	1238,5	1427,3	100	100
Российская Федерация	806,3	862,5	65	60
Республика немцев Поволжья	379,6	366,7	31	26
Украина	393,9	392,5	32	27
Другие республики	38,3	172,3	3	12

Таблица 19. Расселение немцев в СССР в 1926 и 1939 гг.

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. С. 8, 70; Т. 11. С. 8; Т. 17. С. 8; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. Табл. 16.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. СПб., 1905. Табл. 1.

² Fleischhauer I., Pincus B. The Soviet Germans: Past and present. London, 1986. P. 19.

³ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. 4. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. Табл. 1.

Изменение границ СССР в 1939 и в 1945 гг. не привело к увеличению числа немцев в СССР. В соответствии с советско-германскими соглашениями 1939—1940 гг. около 400 тыс. немцев из вошедших в состав СССР Литвы, Латвии и Эстонии были перемещены за его пределы¹. То же произошло впоследствии — в 1944—1945 гг. — с 500 тыс. немцев, выселенных из Восточной Пруссии по решению Потсдамской конференции. Судьба же собственно «советских» немцев сложилась по-иному. Они были выселены из европейской части СССР и депортированы в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, где большинство из них оставались до конца 1980-х гг., не имея вначале прав, а позднее — реальной возможности возвратиться в прежние места проживания (табл. 20).

Таблица 20. Расселение немцев в СССР в 1989 г.

Районы СССР	В тыс. человек	В%
CCCP	2039	100,0
Российская Федерация	842	41,3
В том числе Западная и Восточная Сибирь	483	23,7
Украина	38	1,9
Казахстан	958	47,0
Средняя Азия	178	8,7
Другие республики Азиатская часть СССР (Казахстан,	22,6	1,1
Средняя Азия и Сибирь)	1619	79,4

Постепенно становилось ясно, что прежнее положение немцев уже никогда не будет восстановлено. Эмиграция на историческую родину стала осознаваться все большим числом немцев как единственный выход из создавшегося тупика. Однако эти настроения еще не были всеобщими, возможно, в частности, и потому, что под влиянием искусственно созданных обстоятельств немцы стали быстро уграчивать свою национальную идентичность, теряли связь с немецкой культурой, забывали язык. При переписи населения 1926 г. 95% немцев назвали своим родным языком немецкий. В 1989 г. 51% советских немцев считали родным русский язык. По данным российской мик-

¹ Fleischhauer I., Pincus B. Op. cit. P. 64.

ропереписи 1994 г., 870 из каждой тысячи опрошенных немцев — жителей России сказали, что они пользуются русским языком дома, 996 из каждой тысячи учащихся — в учебном заведении, 970 из каждой тысячи работающих — на работе¹.

В 1950-е гг. удалось эмигрировать лишь небольшому числу советских немцев (более 12 тыс. человек в 1958—1959 гг.). В 1972—1980 гг. выехали еще 62 тыс.², но большинство немцев все же не связывали свое будущее с массовым исходом из страны, многие надеялись восстановить Республику немцев Поволжья, возвратиться в другие районы, где они жили прежде. Однако, несмотря на существование различных проектов обустройства немцев в СССР, ни один из них реализовать не удалось, и репатриация в Германию оказалась практически единственным доступным для них путем.

К концу 1980-х гг. репатриация немцев из СССР приобрела весьма значительные масштабы. Если за 1948—1986 гг. из СССР эмигрировали 106 тыс. немцев, то только за 1987—1990 гг. их эмиграция превысила 308 тыс. человек³. По некоторым оценкам, за весь период с конца 1940-х по 1996 г. из бывшего СССР и постсоветских государств выехали в Германию 1,55 млн. человек⁴. Если считать, что до 1991 г. выехали немногим более 400 тыс., то получается, что за 1991—1996 гг. из постсоветских государств эмигрировали еще свыше 1,1 млн. Повидимому, скоро немецкая диаспора на территории бывшего СССР перестанет существовать.

Татарская диаспора

Принцип национально-территориальной автономии, официально признанный в СССР, требовал создания для всех народов своих территориальных образований. Те народы, которые не имели своих союзных республик, создавали на территориях их традиционного компактного расселения автономии более низкого ранга: автономные республики, области и т.д. Однако некоторые народы СССР были на

¹ Российский статистический ежегодник. М., 1997. Табл. 2.9.

² Münz R., Ohliger R. Deutsche Minderheiten in Ostmittel- und Osteuropa, Aussiedler in Deutschland // Demographie aktuell. Humboldt-Universität zu Berlin. 1997. N 9. S. 10.

³ Heitman S. Op. cit. P. 2.

⁴ Münz R., Ohliger R. Op. cit. S. 8.

деле рассеяны по отношению к своему компактному ядру. Наиболее типичен в этом отношении самый крупный после русских этнос Российской Федерации — татары (табл. 21).

Районы СССР	В тыс. человек	В%	Считали родным языком русский, %
Всего в СССР	6648,8	100,0	16,1
В том числе за пределами:			1
Татарстана	4883,4	73,4	20,7
Татарстана и Башкирии	3762,7	56,6	24,8
Европейской России	1606,0	24,2	27,0
России	1126,7	16,9	25,3

Таблица 21. Татары в СССР в 1989 г.

Поволжские татары утратили свою государственность и оказались в составе России еще в XVI в. после военных побед Ивана Грозного. На протяжении последующих четырех столетий они сохраняли свои язык, культуру и религию, но все же длительное взаимодействие с русским окружением и русской властью понемногу разрушало замкнутость татарской общины. В XX в. модернизационные процессы вовлекли татар в крупные миграционные перемещения, в которых они участвовали вместе с русскими, украинцами и другими народами СССР. В конце 1980-х гг. почти три четверти татарского населения СССР (без крымских татар) жило за пределами Татарстана, а почти четверть — на значительном удалении от ареала своего компактного расселения — в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахстане, Средней Азии и т.д. Около 17% татар (1,1 млн. человек) жили за пределами Российской Федерации, и после распада СССР оказались в других государствах.

Оказавшиеся в рассеянии татары довольно быстро русифицировались. В 1989 г. только 3% татар, живших в Татарстане, и около 7%, живших в Башкирии считали своим родным языком русский. Но среди татар, живших за пределами этих двух автономий, доля тех, для кого русский язык был родным, повышалась до 25—27%. Впрочем, возможно, степень русификации даже выше. При микропереписи 1994 г. 388 из каждой тысячи опрошенных живших в России татар сказали, что они пользуются русским языком дома, 862 из каждой тысячи учащихся — в учебном заведении, 793 из каждой тысячи работающих — на работе¹.

¹ Российский статистический ежегодник. М., 1997. Табл. 2.9.

В 1980-е гг. дисперсность расселения татар, которая до этого нарастала, обнаружила тенденцию к некоторому ослаблению. Между 1959 и 1979 гг. доля татар, живших вне России, выросла с 17,2 до 19,1%, к 1989 г. сократилась до 16,9%. По-видимому, распад СССР значительно усилил эту тенденцию, миграционные потоки последних лет явно свидетельствуют о репатриации татар в Россию. За 1990—1996 гг. из России выбыли 67,7 тыс. татар, прибыли в Россию 243, 7 тыс. Таким образом, чистая миграция татар в Россию составила 176 тыс. человек, или 16% общего числа поволжских татар, живших в 1989 г. за пределами Российской Федерации.

* * :

Мы рассмотрели шесть диаспор, характерных для постсоветского пространства. Все они демонстрируют некоторые общие черты, но есть между ними и очень большие различия, делающие каждую диаспору по-своему уникальной. В частности, распад СССР неодинаково сказался на динамике каждой из диаспор. Он вызвал миграции, которые в одних случаях привели к сокращению диаспор, в других — к их увеличению, в третьих — почти не повлияли на их численность. Кроме того, следует, по-видимому, ожидать изменений в численности диаспор, связанных не с миграциями, а с изменениями в самоидентификации каких-то групп населения вследствие приспособления к новой политической ситуации. Эти изменения тоже скажутся на каждой диаспоре по-разному.

Еще один урок, вытекающий из анализа постсоветской ситуации, заключается в том, что само количество диаспор, существовавших на территории бывшего СССР, очень велико. В докладе речь идет только о типичных примерах, полный перечень был бы намного большим, если не бесконечным. Впрочем, это едва ли можно считать специфическим постсоветским феноменом.

В английских словарях слово «Диаспора» пишется с большой буквы, как собственное имя, и не допускает множественного числа. Долгое время под диаспорой понималась только еврейская диаспора, которая представляла собой нечто уникальное. Но постепенно положение менялось, рассеяние становилось все боле частым явлением, и возникал вопрос, что следует, а что не следует называть диаспорой.

¹ Демографический ежегодник России 1997. М., 1997. Табл. 7.9.

Общепринятого строгого определения понятия «диаспора» не существует. Исследователи предлагают наборы характерных черт, типичных для диаспоры. Вот пример такого набора: «1) рассеяние по отношению к своей изначальной родине, часто насильственное; 2) в альтернативном варианте — экспансия за пределы родины в поисках работы, с торговыми целями или для удовлетворения более далеко идущих колониальных амбиций; 3) коллективная память и мифологизация утраченной родины; 4) идеализация воображаемого наследия отцов; 5) возвратное движение; 6) сильное групповое этническое самосознание, сохраняющееся долгое время; 7) неспокойные отношения с обществами-хозяевами; 8) чувство солидарности с этническими собратьями в других странах; 9) возможности выдающейся созидательной и обогащающей жизни в странах-хозяевах, проявляющих терпимость»¹.

Традиционно выделяемые диаспоры действительно обладают всеми или многими их этих черт. Но в других случаях отнесение к диаспоре сообществ, обладающих теми же чертами, оспаривается. Так, «термин "диаспора" не употребляется, когда говорят о потомках британцев в Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке, Зимбабве, Кении, Канаде или Соединенных Штатах. Не применяется он и к многочисленным немецким колониям в Центральной и Восточной Европе, на Волге (все они прекратили существование после 1945 г.) или в некоторых странах Латинской Америки»².

По-видимому, для людей, оказавшихся в рассеянии, возможно не только коллективное сознание пребывания на чужой земле, которая противопоставляется утраченной собственной родине, но и альтернативное ему коллективное сознание обретения новой родины, когда рассеяние не ведет к «диаспоризации». Но если возможны две крайние ситуации, то возможно и даже неизбежно и существование большого количества переходных, промежуточных вариантов, «полудиаспор» с разной степенью идентификации себя со «своим» сообществом и с обществом страны-хозяина.

Когда термин «диаспора» применяется ко всем подобным ситуациям, происходит нечто вроде банализации понятия. Теперь это — не уникальный, единственный в своем роде феномен, а типичная си-

¹ Cohen R. Op. cit. P. 180.

² Chaliand G., Rageau J.-P. Op cit. P. 13.

туация, с которой сталкиваются чуть ли не все народы мира. Но та смысловая нагрузка, которую долгое время несло слово «Диаспора» (с большой буквы), при этом теряется или видоизменяется. По-видимому, чтобы судить о месте диаспор в современном мире и об их будущем, надо исходить не из набора признаков, которыми обладают более или менее «классические» диаспоры, а из реальных функций, которые они выполняют в современном мире.

Приобретшая всемирные масштабы модернизация, «глобализация» разрушают все локалистские перегородки или, во всяком случае, нарушают их непроницаемость. По самым разным причинам люди покидают свою родину — малую или большую — и оказываются в рассеянии, и сейчас не так легко назвать народ, с которым этого не происходило бы. Так возникают новые диаспоры. Размышляя о связи глобализации и «диаспоризации», Р. Коэн приходит к утверждению, что они «идут рука об руку, но это — независимые процессы»¹.

Но действительно ли они независимы? Коэн отрицает прямую причинную связь, считает, что «было бы огромным преувеличением полагать, будто многие изменения, которые подкрепляют процесс глобализации, обусловлены существованием диаспор»². Однако прямая причинная связь может иметь противоположное направление, на которое, впрочем, Р. Коэн тоже косвенно указывает, когда говорит, что «глобализация усилила практическую, экономическую и аффективную роль диаспор, показавших себя как в высшей степени адаптивная форма социальной организации»³.

Для человека, вынужденно или добровольно покинувшего свою родину и оказавшегося в непривычной социокультурной среде, адаптация и укоренение в ней на какое-то время выходят на первый план. Это — непростой, часто очень болезненный процесс, и диаспора как раз и оказывается той институциональной формой, которая позволяет одновременно существовать в «двух средах» и тем облегчает адаптацию. В общем, именно эту функцию на протяжении тысячелетий выполняла еврейская диаспора, и ее опыт придал феномену диаспоры характер чего-то вечного. Но сейчас жизнь сильно ускорилась, в силу чего роль и функции диаспор изменились. Современная диаспора становится временным прибежищем человека, рано или поздно

¹ Cohen R. Op. cit. P. 175.

² Thid.

³ Ibid. P. 176.

он, его дети или, в крайнем случае, внуки должны сделать выбор и либо вернуться на родину, либо полностью раствориться в новой социокультурной среде.

Этот выбор часто оказывается очень нелегким, ибо его приходится делать на фоне глубокого кризиса традиционных принципов социальной интеграции, который можно назвать кризисом этнокультурной идентичности, или кризисом этничности. Модернизация необратимо разрушает средневековые, а может быть, и более давние перегородки между этнорелигиозными и/или этнокультурными сообществами, обесценивает принципы их социальной интеграции и требует выработки каких-то новых принципов интеграции, имеющих неэтническую основу. Как это всегда бывает, старые принципы не уступают место без боя, и мир на долгое время превращается в арену противостояния двух идеологий и двух политических практик.

С одной стороны, это универсалистские и эгалитаристские идеи Просвещения и Французской революции, практика государств-наций, основанных на гражданских критериях национальной принадлежности, на «праве почвы» и т.д. С другой стороны, это отражающие восточноевропейскую реакцию на западноевропейское Просвещение гердеровские идеи непроницаемых перегородок между культурами, идеи изначальной принадлежности человека к закрытому сообществу, «права крови», этнических наций и соответственно практика более или менее «чистых» этнических государств, обособления этнических меньшинств, в крайних случаях — этнических чисток и т.п.

Идея «классической» диаспоры ближе к этому второму взгляду, ибо она предполагает бесконечно долгое сохранение верности религиозному и культурному наследию предков, защиту этнокультурных перегородок, несмотря ни на что. В той мере, в какой диаспора помогает выживанию и адаптации этнических меньшинств, оказавшихся в рассеянии, она функциональна, и это, казалось бы, подтверждает правоту всякого рода поборников «этнической чистоты» и т.п. Принадлежность к лиаспоре кажется чем-то очень важным именно для . меньшинств. Однако рано или поздно рамки диаспоры становятся тесными для многих ее членов, у них появляется стремление раствориться в «плавильном котле» многонациональных стран, ассимилироваться в среде этнокультурного большинства. Это — естественный процесс, который в разных обществах протекает по-разному. В Советском Союзе он был затруднен противоречивой позицией государства, которое пыталось проводить одновременно и политику «плавильного котла», и политику последовательной диаспоризации.

В СССР этническая принадлежность каждого была не вопросом его личного самоопределения, а устанавливалась государством «по крови» и фиксировалась в официальных документах, так что все, находившиеся за пределами своей «исторической родины», по определению были членами диаспоры. Официальное сохранение межэтнических перегородок в советское время выполняло две функции. С одной стороны, оно позволяло сохранять двойную, а то и более «многоэтажную» идентичность тем, кто по тем или иным причинам не мог или не хотел раствориться в «плавильном котле» империи, и в этом смысле отвечало интересам, возможно, временным, многих, если не большинства этнических меньшинств. Можно было одновременно ощущать себя и татарином, и россиянином, и гражданином СССР. С другой же стороны, оно охраняло права этнического большинства, для которого эффект «плавильного котла» также не был вполне безопасен, потому что грозил утратой давних привилегий, имевших этническое или этнорелигиозное обоснование. Русский оставался «первым среди равных» и в Татарстане, и в Узбекистане, и в любом другом месте империи. Поддерживаемое государством сохранение межэтнических перегородок облегчало «диаспоризацию», которая нередко граничила с «геттоизацией» народов, и уж во всяком случае ослабляло эффект «плавильного котла».

Идея этнических наций — важнейшая часть всего идейного наследия советского времени в постсоветских странах. Сейчас ни в одной из них универсалистские концепции Просвещения или идея «плавильного котла» не пользуются большой популярностью. Здесь, как, впрочем, и на Западе, много говорят о подъеме этнического самосознания, о «возврате к корням» и пр. Кажется, что наступает «золотой век» диаспор. Оживление этнических чувств и в самом деле налицо, об этом свидетельствуют всякого рода экономические и политические требования, всегда, когда это возможно, приобретающие этническую окраску. Не говорит ли это о возможности преодолеть кризис этничности путем возврата к этническим основаниям социальной интеграции? Не будем исключать эту гипотезу, хотя, по правде говоря, она представляется малореалистичной. Но замечу, что оживление — не всегда признак расцвета. Иногда кратковременное болезненное оживление свидетельствует об агонии, а значит, о смертельной опасности.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ*

Область демографического — это область воспроизводства и сохранения человеческих популяций, их численности и возрастно-половой структуры. Демографическая безопасность так или иначе связана с тем, что происходит в этой области.

Существуют по меньшей мере два разных подхода к пониманию демографической безопасности. Их можно назвать инструментальным и ценностным. Инструментальный подход заключается в том, что демографические процессы оцениваются не сами по себе, а с точки зрения их вклада в решение тех или иных недемографических задач общества, рассматриваются лишь как средство, как инструмент для достижения других, недемографических целей. Скажем, недопустимость «сокращения численности населения как стратегической линии демографического развития страны» выводится из того, что «важнейщей стратегической задачей России, вытекающей из ее геополитического положения, является поддержание и упрочение статуса великой державы, унаследованного от СССР»1. В данном случае речь. по существу, идет не о демографической безопасности, а о каких-то иных видах безопасности, обеспечение которых «обслуживается» демографическими процессами. Однако как только демографическая сфера превращается в «сферу обслуживания», ее функционирование подчиняется решению «обслуживаемых» задач и в конечном счете она неизбежно приносится в жертву им.

Второй подход к пониманию демографической безопасности предполагает *самоценность* демографических процессов, существование автономных, экзистенциальных демографических целей. Демографическая безопасность понимается как «защищенность процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений людей»², а ее укрепление связывается с удлинением человеческой жиз-

^{*} Опубликовано в кн.: «Миграция и безопасность в России» / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. М.: Интердиалект+, 2000. С. 55—83. Оригинальное название статьи «Миграция и демографическая безопасность России».

¹ Захарова О.Д., Рыбаковский Л.Л. Геополитические аспекты депопуляции в России // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 48—49.

² Геополитика и национальная безопасность. Словарь основных понятий и определений. М.: РАЕН, 1999.

ни, повышением эффективности демографического воспроизводства, расширением демографической свободы. Достижение этих целей само по себе может быть стратегической задачей, относиться к числу главных общественных приоритетов — даже более важных, чем великодержавие, экономическое процветание, военное могущество и т.д. Демографическая безопасность связывается с максимально успешным движением к указанным целям и противопоставляется угрозам, способным заблокировать это движение или обратить его вспять. Если оценивать сокращение численности населения России в рамках такой логики, то оно вызывает беспокойство не потому, что угрожает «статусу великой державы», а потому, что, возможно, указывает на какой-то серьезный порок в социальном механизме поддержания «бессмертия» популяции, важного самого по себе, как самостоятельная цель.

При этом не имеется в виду, что цели демографической безопасности — самые главные для общества. Они сосуществуют с не менее значимыми целями безопасности, утверждают себя в конкурентном взаимодействии с ними. Вместе с тем демографическая безопасность имеет самостоятельное значение, ибо связана с одной из самых фундаментальных, интимных сторон жизнедеятельности общественных организмов. Ведь только тогда, когда обеспечено демографическое «бессмертие» или, во всяком случае, долгожительство народа, можно рассчитывать на успешное решение стоящих перед ним исторических задач.

Соответственно и демографическая безопасность — один из многих видов, аспектов безопасности общества. Рядом с нею стоят экономическая безопасность, военная, социальная и др. Демографическая безопасность не выше, но и не ниже любой из них. Поэтому и область демографического не может рассматриваться только как область подручных средств, она взаимодействует с другими областями социальной жизни «как держава с державой».

Существование нескольких (многих) видов безопасности может приводить и часто приводит к противоречиям между ними. Задача любого общества — нахождение разумных компромиссов между разными его «безопасностями». Для того чтобы такие компромиссы достигались, были обоснованными и оправданными, нужны, как минимум, два условия. Прежде всего — понимание самой возможности конфликта между разными уровнями и аспектами безопасности. Не менее важно ясно представлять себе внутренние, имманентные каждой общественной подсистеме (демографической, экономической, политической и т.п.) проблемы безопасности, как и те, что возникают при взаимодействии разных подсистем между собой.

Глобальные исторические тенденции демографической безопасности

Длительная биологическая, а затем и социальная эволюция позаботилась о том, чтобы обеспечить максимально возможную безопасность демографического воспроизводства, поместила его в максимально защищенный центр коллективной человеческой жизни. Подобно тому, как органы воспроизводства находятся в самых укрытых частях человеческого тела, так продолжение рода сдвинуто к средней, самой устойчивой части возрастной пирамиды, женщины и дети в наибольшей степени ограждаются от внешних опасностей, все виды поведения, связанные с продолжением рода, считаются наиболее интимными и обычно подвергаются особенно жесткой социокультурной регламентации, защищающей эту область коллективных интересов от индивидуального своеволия.

Повышение защищенности, безопасности демографического воспроизводства — одна из главных линий исторического развития человечества. Мера цивилизованности обществ во многом определяется именно тем, как строятся отношения между полами, брачные и семейные отношения людей, как люди относятся к появлению новой жизни, к сохранению жизни вообще, к смерти и как все эти отношения регулируются религиозными и культурными санкциями.

В целом историческое развитие продолжает линию, заложенную в длительной биологической эволюции. Процесс размножения видов по мере продвижения по эволюционной лестнице сопровождался все меньшими потерями. На языке теории систем эти изменения могут быть описаны как последовательное усиление гомеостатических свойств, т.е. способности внутренней среды системы противостоять внешним возмущениям, или как ослабление зависимости процесса размножения популяций от контролирующих его факторов внешней среды. Рыбы производят громадное число икринок, однако вероятность того, что одна икринка превратится в рыбу и, в свою очередь, даст потомство, чрезвычайно мала. У млекопитающих же, благодаря большей защищенности их потомства от воздействия случайных внешних факторов, вероятность одного из немногих детенышей выжить несравненно выше.

В природе повышение безопасности размножения проявляется в том, что популяции становятся более устойчивыми, а амплитуда колебаний их численности сокращается. В процессе биологической

эволюции соотношение внешних и внутренних факторов, управляющих ростом популяций, все время меняется, и к моменту появления человека роль внешних регуляторов популяционной динамики уже значительно уменьшилась, роль внутренних — увеличилась. При этом повысилась экономичность размножения вида, а значит, и его способность использовать жизненные ресурсы. Они все в меньшей степени расходовались на производство потомства, благодаря чему стало возможно усложнение организации и функционирования организмов и их сообществ.

Появление человеческого общества знаменовало новый этап в развитии закономерностей популяционной динамики. К биологическим механизмам, поддерживающим гомеостаз популяций, прибавились социальные. Собственно тогда-то и возникла область «демографического» — область воспроизводства человеческих популяций, управляемого не только биологическими, но и социальными регуляторами. Зависимость человеческого воспроизводства от факторов природной среды значительно меньше, чем зависимость от них процесса размножения в животном мире. Воспроизводство человека более безопасно, и этот выигрыш не перекрывается даже тем, что с появлением общества возникают и новые, опасные с точки зрения популяционной динамики социогенные факторы воздействия со стороны внешней среды.

Более того, на протяжении всей истории человечества идет непрерывное совершенствование гомеостатических демографических механизмов. Воспроизводственный процесс, от которого зависит динамика численности и половозрастной структуры человеческих популяций («населений»), становится все более безопасным и потому более эффективным. Здесь мы имеем те же принципиальные последствия, что и при повышении гомеостатичности популяционной динамики в животном мире. У общества высвобождаются ресурсы сил, времени, энергии. Прежде они затрачивались на необходимое для выживания демографическое воспроизводство, теперь появляется возможность использовать их для развития и усложнения иных функций общества. Как следствие, все общественное развитие ускоряется.

Демографический переход и порождаемые им проблемы

Гомеостатичность, или, что то же самое, безопасность демографического воспроизводства медленно прогрессировала на протяжении тысячелетий. Затем настал момент, когда накопленные изменения достигли критического значения, и человечество совершило прорыв, за кратчайшее по историческим меркам время выйдя на качественно новый уровень устойчивости демографической динамики. Этот прорыв получил название «демографического перехода».

Сделав воспроизводство населения намного более безопасным, демографический переход тем самым резко расширил область человеческой свободы. Он высвободил огромные силы, которые прежде приходилось расходовать на противостояние повседневным опасностям неустойчивого демографического воспроизводства, открыв перед человечеством совершенно новые, небывалые возможности. Но он породил и новые проблемы — прежде всего потому, что коренным образом изменил условия демографического равновесия.

До начала демографического перехода действовали достаточно надежные социокультурные механизмы поддержания традиционного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости. После перехода они угратили смысл: как в смертности, так и в рождаемости произошел настоящий переворот.

Рассуждая теоретически, можно было ожидать, что на место старых придут новые механизмы, способные поддерживать равновесие низкой смертности и низкой рождаемости. На деле этого пока не произошло. Низкая смертность открыла двери для необыкновенного расширения прокреативного выбора. Его свобода сделалась практически неограниченной. Но воспользоваться свободой так, чтобы не поставить под угрозу демографическое равновесие, пока не удалось нигде.

В развивающихся странах общество оказалось не готово к тому, чтобы принять свободу прокреативного выбора. В условиях снижающейся смертности это привело к чрезвычайно опасному ускорению роста населения, демографическому взрыву. В развитых странах переход к низкой рождаемости позволил снять проблему демографического взрыва. Но равновесие все равно оказалось под угрозой, так как новые нормы прокреативного поведения не создавали никаких ограничений для падения рождаемости, и она очень быстро стала опускаться ниже уровня простого замещения поколений.

Некоторое время это разбалансирование рождаемости и смертности оставалось скрытым от глаз неспециалистов, так как население стран, перешедших к низкой рождаемости, обладало «резервным» потенциалом роста, обусловленным особенностями возрастной структуры. Но мало-помалу потенциал роста исчерпывался, рождаемость же продолжала снижаться. Естественный прирост населения повсюду неуклонно сокращался и в конце концов начал становиться отрипательным.

Демографы, которые судят о состоянии воспроизводственного процесса по так называемому нетто-коэффициенту воспроизводства населения, давно знали о приближении естественной убыли населения. Уже в 1960-е гг. в Европе образовалась «демографическая воронка». Она втянула в себя группу стран, в которых нетто-коэффициент воспроизводства населения опустился ниже единицы. Тогда это были почти исключительно республики СССР или страны социалистического лагеря. В их числе была и Россия. В ней, начиная с середины 1960-х гг., было всего два года (1986 и 1987), когда соотношение рождаемости и смертности обеспечивало слегка расширенное воспроизводство населения. Во все остальные годы воспроизводство было суженным. Этот факт долгое время скрывался от общества. Да и вообще публикация данных о нетто-коэффициенте воспроизводства в СССР не разрешалась почти на протяжении всей его истории.

Постепенно зона суженного воспроизводства захватывала новые территории, и в 1990-е гг. в Европе не осталось ни одной страны с расширенным воспроизводством населения. К этому времени стало давать себя знать и исчерпание потенциала роста населения. В 1992 г., когда естественный прирост в России впервые стал отрицательным, она была одной из 9 европейских стран с естественной убылью населения. В 1997 г. таких стран было уже 14. Большинство составляют бывшие республики СССР и страны Восточной Европы, недавно входившие в социалистический лагерь. Но в том же ряду стоят Германия, Италия, Швеция. Число стран с отрицательным приростом населения, несомненно, будет увеличиваться и далее.

Отрицательный естественный прирост населения называют еще депопуляцией. Депопуляция — не просто неизбежное следствие того типа демографического воспроизводства, который установился в большинстве промышленно развитых стран. Она еще и сигнал опасности, угроза демографическому благополучию. Долговременная, затяжная депопуляция вообще ставит под вопрос «бессмертие» популяции — главную цель демографической безопасности.

Нельзя, однако, не отметить, что эта угроза представляется реальной лишь тогда, когда население того или иного государства берется изолированно от населения других стран и всего мира. Если же посмотреть на проблему с точки зрения общемировой демографической ситуации, то опасность депопуляции кажется несуществующей, ибо демографический взрыв в «третьем мире» создал неограниченные людские ресурсы для миграционной подпитки «северного» пояса демографической депрессии.

Возможно ли совместить — полностью или частично — две точки зрения?

Миграция издавна служила одним из ключевых факторов поддержания или восстановления демографического равновесия. Исключительно за счет воспроизводства населения это равновесие поддерживается только в масштабах всего мира. Что же касается региональных или локальных популяций, то в их динамике всегда присутствует миграционный компонент, иногда очень значительный. Нарушения регионального демографического баланса в результате слишком быстрого роста населения и возникающее вследствие этого демографическое давление не раз служили причиной крупных миграционных перемещений людей между различными регионами мира, даже разделенными очень большими расстояниями. Такие перемещения играли весьма важную роль в истории мирового населения, в формировании общей картины его расселения по поверхности планеты. В качестве одного из примеров можно привести США, чье население почти целиком состоит из сравнительно недавних мигрантов и их потомков.

Этот и многие другие примеры указывают на то, что государственно-территориальное обособление народов имеет свои пределы, которые могут потерять смысл при особых, экстраординарных условиях. Но именно такие совершенно необычные условия сложились на Земле в XX в. по причине почти двойного удвоения населения мира в течение одного столетия. Столь необыкновенных перемен не было никогда в прошлом и, вероятно, не будет в будущем. Они должны были повлечь за собой межрегиональное перераспределение мирового населения, не могли не повлиять на решение специфических проблем стран, переживающих демографическую депрессию.

С позиций чисто демографической логики депопуляция в сравнительно небольшой по численности населения части перенаселенного мира не представляет особой угрозы и даже может рассматриваться как благо. Развитые страны в очередной раз прокладывают путь к сбалансированному существованию в новых условиях. Только следуя по этому пути долгое время, развивающиеся страны смогут добиться прекращения демографического взрыва и постепенно смягчить его последствия. Миграция же с перенаселенного Юга на страдающий от депопуляции Север представляет собой еще один дополнительный клапан для ослабления демографического давления — нечто подобное тому, что представляла собой европейская эмиграция в Новый Свет в XIX в., когда Европа переживала свой демографический взрыв.

Однако, как уже отмечалось, при всей самостоятельной важности демографических процессов они не единственные, которые приходится принимать во внимание, говоря о демографической безопасности и влиянии на нее миграции. Демографическая и недемографическая логика, цели собственно демографической и других видов безопасности постоянно вступают в противоречия. Если их не замечать, само рассмотрение проблем демографической безопасности теряет всякий смысл.

Это хорошо видно на примере России. Ее развитие в XX в. представляет собой яркий пример недооценки властью объективной противоречивости демографических и недемографических интересов, использования упрощенных методов снятия этого противоречия. По существу, демографическими интересами просто пренебрегали. И плата за пренебрежение оказалась очень высокой.

Россия перед лицом депопуляции

Начиная с 1992 г. население России сокращается. По данным Госкомстата России, к началу 1999 г. оно уменьшилось на 2 млн. человек. Считается, что сокращение населения, а также сопровождающее его демографическое старение затрудняют решение экономических, социальных, геополитических и прочих задач и потому создают угрозы для национальной безопасности страны во всех ее аспектах. Доводы такого рода выдвигаются давно, но сейчас, в связи с начавшейся депопуляцией, они выглядят особенно весомыми.

На протяжении XX в. сокращение численности населения России наблюдается уже в четвертый раз, причем первые три раза оно было намного более сильным. Но в отличие от предыдущих периодов, когда убыль населения была обусловлена острейшими социальными потрясениями — Первой мировой и Гражданской войнами, голодом и репрессиями 1930-х гг., Второй мировой войной, — нынешнее сокращение вызвано устойчивыми изменениями в массовом демографическом поведении населения. Именно они привели к снижению рождаемости. Поэтому сейчас преодолеть убыль населения намного труднее, чем в предыдущие три раза, когда ее главной причиной были временные катастрофические подъемы смертности. С их окончанием снова появлялся положительный естественный прирост, и прежняя численность населения восстанавливалась. Теперь же рассчитывать на ее восстановление за счет естественного прироста не приходится, так что убыль населения России может принять затяжной характер.

Долговременное сокращение населения — явление необычное. Но пока оно не создает для России каких-то принципиально новых условий и не несет новых угроз ни ее экономической и социальной безопасности, ни ее геополитическому положению. По переписи 1897 г. число жителей Российской империи, уже тогда входившей в число великих держав, составляло 129 млн. человек¹, или 8% мирового населения. По сравнению с другими странами Россия была страной с многочисленным населением. Но число жителей Китая и тогда было больше, а великой державой Китай в то время не был. По сравнению же с собственной территорией Россия всегда оставалась малонаселенной страной, плотность ее населения была низка.

Территория современной России примерно на четверть меньше территории СССР или Российской империи. Плотность населения несколько повысилась, но остается низкой. Сейчас население страны насчитывает 147 млн. человек². Это примерно 2,5% мирового населения: уже не так много по сравнению с другими странами, как сто лет назад. Изменение демографического места России в мировой табели о рангах произошло в основном под влиянием демографических процессов, протекавщих вне России, хотя в некоторой степени было следствием и внутрироссийских процессов. Таким образом, к существовавшей всегда ограниченности населения России по сравнению с ее территорией добавилась относительная ограниченность населения России на фоне растущего мирового населения. Причем обе эти ограниченности неустранимы при самых оптимистических предположениях о развитии демографической ситуации в стране. Тем не менее, если экономическая устойчивость или геополитический престиж России находятся под угрозой, то проистекает она вовсе не из демографического источника.

Нельзя, конечно, отрицать, что с самых разных точек зрения было бы лучше, если бы население России росло, а не сокращалось. Но где проходит грань между благими пожеланиями и реальными возможностями? Легко провозгласить, что, определяя стратегическую линию своего демографического развития, Россия должна «ориентироваться... на реальную динамику населения в странах аналогичного с ней статуса»³. Но как реализовать эту декларацию? И о каких, собственно, странах идет речь?

Если имеются в виду европейские государства, например, крупнейшее из них — Германия, то с точки зрения демографической дина-

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России. СПб., 1999. Т. 1. С. 20.

² Демографический ежегодник России. 1999. М., 1999. С. 19.

³ Захарова О.Д., Рыбаковский Л.Л. Указ. соч. С. 50.

мики она находится примерно в таком же положении, что и Россия. Отрицательный естественный прирост здесь появился даже раньше. а рождаемость ниже, чем в России. В Японии низкая рождаемость также давно уже не обеспечивает простого замещения поколений. Правда, естественный прирост пока положительный, но он все время сокращается и вот-вот станет отрицательным. Существенно более благоприятны показатели демографического воспроизводства в США. Что ж, этот ориентир нам хорошо известен, мы давно уже догоняем и перегоняем США по самым разным показателям, но не хотим перенимать экономических и политических принципов, по которым живет эта страна. Возможно, поэтому соревнование пока складывается не в нашу пользу. Если же выбрать в качестве демографического ориентира Китай, то Россию может постичь судьба лягушки, которая вздумала тягаться с волом, - при том, что сами китайцы прилагают огромные усилия, чтобы сравняться в рождаемости с западными странами или с той же Россией (см. табл. 22).

Таблица 22. Демографические показатели некоторых крупных стран в 1995 г.

Показатель	Россия	Германия	США	кинопК	Китай
Численность населе-					
ния, млн.	148,3	81,5	263,2	125,6	1211,2
Плотность населения,	[i		
чел. на 1 кв. км	9	230	27	337	118
Годовые темпы при-					
роста населения, %					
1986—1995	0,27	0,52	0,91	0,37	1,36
1991—1995	-0,15	0,51	1,05	0,32	1,16
Годовой естественный					
прирост, %					
1986—1995	0,07	•••	0,71	0,37	1,35
1991—1995	-0,35	-0,12	0,68	0,27	1,16
Коэффициент суммар-					
ной рождаемости					
в среднем за 1986—1995	1,78		2,00	1,56	2,19
в среднем за 1991-1995	1.48	1,28	2,05	1,48	1,92

Источники: Recent demographic developments in Europe 1998. Council of Europe. Strasbourg, 1998. P. 21, 23, 29, 59; Statistical abstract of the United States 1998. Washington 1998. P. 8, 9, 79; Japan Statistical Yearbook. Tokyo, 1999. P. 33. 62; China statistical yearbook 1996. Bejing, 1996. P. 69; UN World Population Prospects: The 1998 Revision. V. 1. New York: UN, 1998. P. 514.

Реальную демографическую ситуацию в любой стране определяют три главных демографических процесса: смертность, рождаемость, миграция. В каждом из них отражается противоречие демографических и недемографических интересов, и от того, как оно разрешается в каждой стране и в каждый отрезок времени, зависят действительное демографическое развитие и его конечные результаты. Рассмотрим теперь эти три процесса сквозь призму проблемы безопасности и применительно к России.

Смертность и демографическая безопасность России

Ключевым фактором резкого повышения демографической безопасности в процессе демографического перехода стало огромное снижение смертности.

Согласно У.Р. Эшби, признаком хорошего регулятора служит способность блокировать поток разнообразия от внешних возмущений к существенным переменным системы. Именно такие «хорошие регуляторы» оказались в руках у европейских обществ, а позднее и у всего мирового сообщества благодаря экономическому, социальному и технологическому прогрессу новейшего времени. Они позволили заблокировать действие многих опаснейших для здоровья и жизни человека внешних факторов и резко ограничить экзогенную смертность, которая была по преимуществу смертностью детей или людей в молодом и среднем возрастах. Смерть не исчезла, но была отодвинута к более поздним возрастам. В результате небывало выросла продолжительность человеческой жизни, что ознаменовало наступление принципиально нового этапа в истории человеческой безопасности.

В некоторых странах Европы он начался уже в конце XVIII в. За два следующих столетия в него втянулся весь мир. Еще в середине XIX в. даже в наиболее «продвинутых» европейских странах ожидаемая продолжительность жизни как мужчин, так и женщин почти никогда не достигала 45—50 лет. К середине XX в. лучшие показатели для мужчин достигли 70 лет, для женщин — 75. К концу XX в. они перевалили соответственно за 75 и за 80 лет. Иначе говоря, подавляющее большинство родившихся доживают до старости и на протяжении первых

¹ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959. С. 258.

шести-семи десятков лет после рождения их жизнь надежно защищена и в высокой степени безопасна. Понятно поэтому, что именно уровни смертности и продолжительности жизни служат одним из главных критериев демографической безопасности.

Снижение смертности и рост продолжительности жизни на протяжении последних двух столетий шли рука об руку с изменениями социокультурных норм витального поведения, витальных ценностей. По мере того, как люди осознавали свои новые возможности в борьбе со смертью, менялось и отношение к ней. Борьба со смертью, охрана здоровья и защита жизни занимали все большее место во всей жизнедеятельности общества, входили в число его главных приоритетов, указывали на цели безопасности, с достижением которых связывалась оценка успехов или провалов на пути развития. По динамике смертности и продолжительности жизни стало возможным судить о том, насколько справляются со своими задачами государства и правительства. Но как раз по этим критериям Россия XX в. была и остается одной из самых опасных для жизни промышленно развитых стран мира, может быть, самой опасной.

Итоговый демографический баланс России XX столетия крайне противоречив. С одной стороны, была создана современная система здравоохранения. Экономический рост расширял возможности для ее поддержания и совершенствования. Проводились крупномасштабные мероприятия по массовой вакцинации населения и оздоровлению городской среды, происходили общие изменения в образе жизни людей, повышался уровень их образованности и информированности. Все это не могло остаться без последствий, способствовало снижению смертности, особенно детской, с чего всегда начинаются общие изменения смертности.

С другой стороны, все это происходило на протяжении первой половины столетия, т.е. именно тогда, когда Россию потрясали социальные катастрофы, действовавшие в противоположном направлении. Они периодически приводили к резким подъемам смертности и огромным демографическим потерям. Во время таких демографических кризисов общество уграчивало контроль над многими экзогенными факторами смертности и оказывалось отброшенным назад. Демографическая безопасность вольно или невольно приносилась в жертву другим целям, считавшимся более важными.

Как бы ни оценивались эти цели с высоты сегодняшнего дня, сколь исторически оправданными ни казались бы по крайней мере

некоторые из них, нельзя не видеть огромной демографической цены, которой было оплачено их достижение. Кризисные подъемы смертности лишили страну значительного прироста населения, которым обычно сопровождаются ранние этапы демографического перехода. Если бы Россия избежала этих катастроф, число ее жителей сегодня могло бы быть на 100-120 млн. больше¹. Но этот исторический шанс был безвозвратно упущен.

Впрочем, может быть, еще тревожнее то, что происходило в России во второй половине XX в.

«Горячие» войны сменились «холодной войной». Но «холодной» она была только для западных стран. Россия же (в составе СССР) несла людские потери, сопоставимые с потерями в серьезной «горячей» войне. Не имея реальной экономической мощи, чтобы тягаться со США и другими странами НАТО, страна могла поддерживать военно-стратегический паритет с ними и статус супердержавы, только жертвуя чем-то. И первой жертвой оказалось собственное население, его физическая безопасность. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить рост затрат на охрану здоровья в разных странах в 1960—1980-е гг.: в СССР он был в 4-6 раз меньшим, чем в США, Франции или Японии (см. табл. 23). Заметим, что данные в табл. 23 приведены в текущих ценах; при переводе их в неизменные цены с учетом инфляции разрыв оказался бы еще большим.

Экономия расходов на здравоохранение (как и на многое другое) была не единственным источником ресурсов, позволявшим СССР какое-то время поддерживать статус великой державы. Хорошо известна зависимость советского государственного бюджета от продажи алкогольных напитков. Торговля алкоголем осуществлялась без оглядки на ущерб, наносимый его неумеренным потреблением физическому и нравственному здоровью народа и, конечно, продолжительности жизни населения. То есть и при формировании доходной части бюджета демографическая безопасность приносилась в жертву «государственной безопасности», статусу великой державы и т.д.

Сразу после Второй мировой войны казалось, что эпоха потрясений осталась позади и что демографическая безопасность всех советских граждан, в том числе и россиян, станет таким же приоритетом государства, как и его собственная безопасность, на обеспечение которой было потрачено столько сил. Смертность в России некото-

¹ Население России 1996. М., 1997. С. 8.

рое время довольно быстро снижалась, а ожидаемая продолжительность жизни росла, приближаясь к уровню других крупных промышленных стран. К концу хрущевской эпохи отставание и СССР, и России по этому показателю от западных стран стало наименьшим за всю историю XX в.

Таблица 23. Рост душевых затрат на нужды здравоохранения в СССР, США, Франции и Японии в 1960—1990 гг.

Год	Расхо,	Расходы на душу населения				Рост по отношению к 1960 г.				
	СССР, руб.	США, долл.	Фран- ция, франки	Япо- ния, тыс. иен	CCCP	США	Фран- ция	Япония		
1960 1970 1980 1990	27 49 72 124	143 346 1064 2601	242 816 3566 9521	4 24 102 167	1,0 1,8 2,7 4,7	1,0 2,4 7,4 18,2	1,0 3,4 14,7 39,3	1,0 5,5 23,3 37,9		

Источники: Народное хозяйство СССР за разные годы; Statistical Abstract of the United States 1994. Washington, 1994. P. 109; Annuaire rétrospectif de la France. Séries longues. 1948—1988. Paris, 1990. P. 190; Annuaire statistique de la France 1994. Paris, 1995. P. 241; 1997 Health and welfare statistics in Japan. Tokyo, 1997. P. 120—121.

Однако затем благоприятная тенденция прервалась, отставание от большинства индустриально развитых стран снова стало увеличиваться. В России начался затяжной эпидемиологический кризис. Борьба с вышедшими на первый план причинами смерти оказалась неэффективной, советское здравоохранение не смогло расширить контроля над теми факторами смертности, которые определяли ее уровень во второй половине XX столетия. Постоянно публиковались данные о росте числа врачей или больничных коек на душу населения, но пришлось прекратить публикацию данных о смертности, так как она не только не снижалась, но порой даже повышалась. В целом период с середины 1960-х гг. до наших дней характеризуется неблагоприятной динамикой смертности и ожидаемой продолжительности жизни в России. На протяжении всего этого времени продолжительность жизни в индустриально развитых странах росла, а отставание России от них катастрофически увеличивалось (рис. 4).

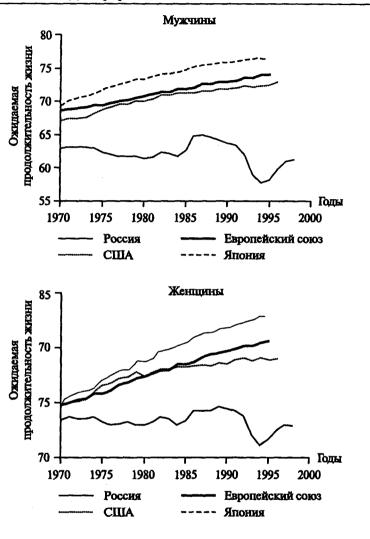

Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни в России, Европейском союзе, США и Японии

Источники: Демографический ежегодник России 1998. М, 1998. С. 100; WHO-HFA Database 1999; Statistical Abstract of the United States 1998. Washington, 1998. P. 94; Health and welfare statistics in Japan (за разные годы).

К этому надо добавить, что положение со смертностью в России было всегда и поныне остается хуже, чем в любой другой бывшей европейской республике СССР. Все это дает основания говорить о долговременном кризисе смертности в России. Он, в свою очередь, был важной составной частью общего кризиса советской системы. Преодолеть этот затяжной кризис смертности значительно сложнее, чем ее шоковый всплеск начала 1990-х гг., который в основном уже сошел на нет.

Попытаемся хотя бы примерно оценить демографические потери, обусловленные тем способом разрешения противоречия между разными видами безопасности, который избрало Советское государство. Представим себе, что возрастные интенсивности смертности в России на протяжении 30 лет, в каждом году с 1967 по 1996, были бы такими же, как во Франции (стране со средними для Западной Европы показателями), а население — и по численности, и по возрастной структуре — таким, каким оно и было в России. Разница между фактическим числом смертей и числом смертей при том же населении, но при возрастных уровнях смертности, характерных для населения Франции, и будет показывать величину избыточных смертей в России. Только для мужчин она за 30 лет составила более 10 млн. человек. Это — чистые потери, сопоставимые по величине с прямыми военными потерями во Второй мировой войне всего СССР (9-10 млн. человек). А ведь наш расчет относится только к России!

Более подробно структура потерь представлена в табл. 24. Обращает на себя внимание то, что они все время нарастали: в первое десятилетие первоначальная цифра удвоилась, во второе — утроилась. В 1967—1976 гг. такие избыточные смерти составляли 30% от всех смертей, в 1977—1986 — 43,3%, в 1987—1996 — 55,3%, т.е. больше половины (в среднем за 30 лет — 44,8%).

¹ После всего этого читаем в газете: «Еще недавно на «Факеле» были готовы взяться за конструирование стоматологических комплексов, деревообрабатывающих станков и складных стремянок... Но этим ли должны заниматься потомственные ракетчики?.. Ракета... XXI века, тщательно укрытая чехлом... уже лежит в одном из цехов «Факела»... Эта ракета будет бить еще дальше и совсем иначе, чем ее предшественницы» (Известия, 12 ноября 1997). Уж куда дальше!

Годы Bcero. В том числе в возрасте Все- В том числе в возрасте ro, % тыс. 20-50-75+ 0--20-50-0-75 +человек 19 49 75 19 49 75 1967-1996 709 3454 4896 1054 | 100,0 7,0 34.2 48.4 10113 10.4 в том числе: 1726 170 833 630 92 100,0 9,9 48,3 36,5 5,3 1967—1976

1478

2788

327

635

100,0

100,0

8,5

5,1

35,7

28,5

45,7

54,1

10,1

12,3

Таблица 24. Избыточное число мужских смертей в России

Рождаемость и безопасность

1977-1986

1987-1996

3233

5154

276

263

1153

1468

Снижение смертности надолго останется одной из главных целей безопасности, стоящих перед Россией. Но даже если смертность будет снижаться, на итоговые характеристики воспроизводственного процесса это повлияет мало. Его динамика зависит как от рождаемости, так и от смертности, однако в современных условиях ключевым управляющим параметром этой динамики служит уровень рождаемости. Именно из-за слишком низкой рождаемости появился и сохраняется отрицательный естественный прирост населения.

Поэтому первая мысль по поводу преодоления возникшего кризиса, возвращения к растущему или хотя бы неубывающему населению заключается в том, что надо повысить рождаемость. И тут приходится констатировать, что попытки добиться устойчивого повышения рождаемости, не раз предпринимавшиеся во многих странах, оказались малоуспешными. По-видимому, демографическое поведение во всех промышленных, городских обществах изменилось необратимо: рождение детей стало делом свободного выбора их родителей и регулируется только господствующей в этих обществах системой ценностей и предпочтений. Те и другие подвержены, конечно, определенной эволюции и со временем могут измениться, но сейчас они таковы, что рассчитывать на серьезное повышение рождаемости в ближайшие десятилетия едва ли возможно.

Этот вывод совершенно неприемлем для приверженцев государственных, общенациональных, имперских приоритетов. Им кажется, что для повышения рождаемости достаточно лишь «политической

воли». Появляются и носители этой политической воли; они провозглашают, что «военная, экономическая, политическая, духовная безопасность, территориальная целостность России находятся под угрозой во многом по причине демографического кризиса»¹, и на этом основании требуют ограничения репродуктивных прав, запрета аборта, отказа от поддержки программ планирования семьи, выступают против распространения контрацепции, за уголовное преследование добровольной стерилизации и пр. Иногда их высказывания принимают крайний характер, в них система приоритетов еще резче сдвигается в сторону непризнания прав личности. «Дети должны пониматься как общенациональное достояние, как физическое выражение внутренней энергии великого народа... Учитывая тяжелое демографическое состояние сегодняшнего дня, начать национальную пропаганду надо как можно быстрее и использовать при этом любые политические и идеологические методы... Необходимо до предела нагнести националистические тенденции, спровоцировав драматическое и быстрое пробуждение великого и мощного этноса... В конечном счете. должен быть выдвинут радикальный лозунг: "Нация — все, индивидуум — ничто"»2.

Приоритет национальной безопасности перед безопасностью и правами отдельного человека — не новость. Однако вот уже несколько столетий, сначала в Европе, а теперь и во всем мире, идет пересмотр этой традиционной системы приоритетов и права человека приобретают все большее значение. Угроза же правам человека все чаще рассматривается как одна из главных опасностей, которая ставит под сомнение реализацию все новых и новых возможностей, создаваемых историческим развитием, — и не только для индивида, но и для общества в целом. При этом безопасность и воля государства, с одной стороны, безопасность и воля отдельного человека или отдельной семьи, с другой, опять-таки могут вступать в противоречие. Возникает вопрос: когда это происходит, чему следует отдать предпочтение? Многим все еще кажется бесспорным, что воля человека должна от-

¹ Обращение к депутатам Федерального собрания участников «круглого стола» по вопросам демографической безопасности России. // Безопасность. Информационный сборник Фонда национальной и международной безопасности. Апрель 1998. № 3—4 (42). С. 128.

² Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 257.

ступить перед волей государства. Но тогда государство лишается поддержки своих граждан и проигрывает намного больше, поскольку без такой поддержки трудно создать действительно эффективную систему безопасности.

Советское государство никогда не симпатизировало расширению репродуктивных прав, как могло, тормозило планирование семьи, не развивало производство противозачаточных средств и т.д. Несмотря на это, рождаемость продолжала падать, зато безопасность жизни матери и ребенка оказалась намного ниже, чем на Западе. И сейчас россияне проходят свой путь взрослых мужчин и женщин в обстановке гораздо большей опасности для их собственного здоровья и даже жизни, равно как и для здоровья и жизни рождающихся у них детей, нежели жители других промышленно развитых стран.

По уровню рождаемости можно заключить, что подавляющее большинство семей в России регулируют число детей и сроки их появления на свет. Но как они это делают! В 1955 г. в СССР был отменен запрет на производство абортов по желанию женщины, а запрета на производство и распространение противозачаточных средств никогда не существовало, так что формально свобода репродуктивного выбора сохраняется в России уже более 40 лет. Однако официальное признание репродуктивных прав не было подкреплено соответствующими усилиями по созданию материальных условий для их реализации. В частности, население России никогда не располагало ни достаточной информацией о способах предотвращения беременности, ни надлежащим выбором противозачаточных средств.

В результате на протяжении всей советской истории преобладающим методом регулирования деторождения был искусственный аборт, и такое положение сохраняется до сих пор. Россия принадлежит к числу мировых рекордсменов по числу абортов: в ней производится более 200 абортов на 100 родов. По этому показателю она опережает страны Западной Европы в 8, 10 и более раз. При этом аборт в России крайне опасен для здоровья и жизни. Смертность женщин, связанная с абортом, в России хотя и снижается, но все еще в 15—20 раз выше, чем в странах Европейского союза. На ее долю приходится почти четверть всей материнской смертности. В последние годы ситуация несколько улучшилась, однако культура использования противозачаточных средств распространяется в России крайне медленно. Она все еще плохо уживается с сохраняющимися нормами традиционного сексуального поведения, а те все менее отвечают

новой демографической и социальной обстановке. Реальное поведение людей меняется, но, не вписываясь в господствующие культурные нормы, остается «полуподпольным», что всегда таит в себе немалую опасность.

Низкая культура контрацепции не только обрекает миллионы женщин на опасный, вредный для здоровья и негуманный аборт и повышает риск материнской смертности, но и служит одной из причин быстрого распространения среди мужчин и женщин инфекционных заболеваний, передаваемых половым путем. Возможно, именно она в сочетании с ослаблением механизмов внешнего контроля за поведением людей в 1990-е гг. привела к стремительному росту болезней, передаваемых половым путем, прежде всего сифилиса. Заболеваемость сифилисом приобрела эпидемический характер: с 1990 по 1997 г. она увеличилась в 52 раза! Быстро растет и заболеваемость СПИДом.

Наряду с неудовлетворительным состоянием репродуктивного здоровья, низким качеством медицинского сопровождения беременности и родовспоможения массовые аборты служат одной из главных причин материнской смертности. В современной России она непомерно высока для конца XX в. Уже в 1980 г. ее уровень более чем в 5 раз превышал средний уровень стран Европейского союза или США. С тех пор из-за намного более быстрого снижения материнской смертности на Западе разрыв увеличился и стал почти девятикратным (рис. 5).

Низкая, по меркам конца XX в., безопасность производства потомства в России — следствие все той же приверженности иным, «более важным» аспектам безопасности. Тем не менее упорно раздаются голоса в пользу первоочередного повышения уровня рождаемости. Но мало кто за пределами узкой профессиональной среды специалистов в области охраны материнства и детства и планирования семьи говорит о необходимости снизить младенческую смертность, которая сейчас в России в два-четыре раза выше, чем в странах Западной Европы, США или Японии, сделать более безопасной репродуктивную жизнь россиянки. А вот призывы к ней, чтобы она рожала побольше, раздаются постоянно.

Отечественный и мировой опыт указывает на то, что эта цель может оказаться недостижимой. Тогда единственным источником пополнения скудеющих демографических ресурсов России становится иммиграция.

Рис. 5. Материнская смертность в России, Европейском союзе и США

Источник: WHO-HFA Database 1999; Statistical Abstract of the United States 1998. P. 98.

Новое место миграции в системе демографической безопасности России

Во времена существования Советского Союза казалось, что использование этого источника — удел западных стран. В СССР же районы демографической депрессии (та же Россия) соседствовали с районами, переживавшими демографический взрыв (Средняя Азия). Соответственно демографическая «подпитка» депрессивных районов рассматривалась исключительно как проблема внутренней миграции. Переток населения из «трудоизбыточных» в «трудонедостаточные» районы считался желательным и предусматривался всякого рода планами и проектами. Хотя действительные масштабы такого перетока были сравнительно небольшими и обычно не оправдывали ожиданий центральных планирующих органов, Россия, как и другие европейские республики бывшего Союза, ощущая присутствие среднеазиатского «демографического тыла», чувствовала себя в относительной безопасности. Только распад СССР, совпавший по времени с усилением давно нараставших депопуляционных тенденций и обнаживший демографические проблемы России, заставил по-новому расставить акценты при поисках путей дальнейшего демографического развития страны. В частности, задуматься над будущей ролью миграции как компонента роста населения России.

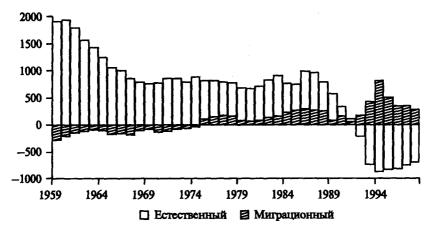

Рис. 6. Компоненты прироста населения России в 1959—1998 гг., тыс. человек

Источник: Демографический ежегодник России, 1999. С. 19.

Вплоть до 1990-х гг., несмотря на постепенное снижение естественного прироста, определяющим компонентом такого роста был естественный прирост. С 1955 до 1975 г. он сочетался с миграционным оттоком, но с избытком перекрывал последний. Начиная с 1975 г. рост населения шел уже как за счет естественного прироста, так и за счет миграционного притока из других республик СССР. Впрочем, до 1990 г. доля этого притока не превышала 1/4 общего прироста. А затем роль миграции резко изменилась: сначала просто увеличился ее вклад в рост населения, а с 1992 г. она превратилась в единственный источник увеличения численности населения. Однако даже выросшие объемы чистой миграции не могли перекрыть довольно значительную естественную убыль населения (рис. 6).

Тем не менее именно положительная чистая миграция служит сейчас и может служить в будущем единственным реальным фактором, хотя бы частично противодействующим сокращению численности населения России.

В этом нет ничего особенного, характерного только для России. Пополнение населения за счет иммиграции — обычная практика промышленно развитых стран с их низкими показателями естественного воспроизводства. Сейчас миграционный прирост существенно выше естественного в Европейском союзе — хотя и естественный прирост там пока остается положительным. Структура прироста населения в России и Европейском союзе и ее эволюция очень похожи (см. рис 3. на стр. 156).

И все же, несмотря на географические и исторические прецеденты, показывающие значительные потенциальные возможности иммиграции, при нынешнем положении дел в России рассчитывать на крупные миграционные вливания в ближайшие десять, а то и больше лет было бы неосмотрительно. И дело даже не только в том, что в силу его новизны для России «миграционный» ответ на демографический вызов времени все еще воспринимается здесь как нечто экзотическое. Существуют достаточно серьезные объективные обстоятельства, не позволяющие делать ставку на масштабный миграционный приток как способ противодействия депопуляции, а стало быть, и как на средство повышения демографической безопасности страны.

Во-первых, не видно слишком большого числа желающих приехать в Россию. С 1995 г. потоки мигрантов непрерывно сокращаются. Во-вторых, как-то не просматривается и энтузиазм по отношению к иммиграции со стороны России (возможно, первое связано со вторым). В-третьих же, и это самое важное, иммиграция в Россию как средство повышения демографической безопасности таит в себе немалые социальные, этнокультурные и политические угрозы, и более или менее сдержанное отношение к ней говорит если не о ясном понимании, то об инстинктивном предощущении ее отрицательных последствий.

Характерное для СССР сосуществование зон демографической депрессии и депопуляции с зонами демографического взрыва и перенаселения отражало общемировую ситуацию. Разница была только в том, что в СССР быстро росшее население некоторых районов составляло меньшинство, в мире же оно образует огромное большинство. На каждого жителя более развитых стран приходится 3-4 человека в

странах менее развитых. Массовое перемещение населения с Юга на Север с трудом вписывается в сложившуюся систему жестких государственных границ и поэтому может стать в будущем веке очень серьезным источником политического напряжения (и даже военных конфликтов) регионального или глобального масштабов.

С точки зрения чисто демографической логики демографический взрыв в развивающихся странах выгоден государствам «северного» пояса демографической депрессии. Но уже сейчас эти государства, которые, казалось бы, должны быть озабочены своими депопуляционными тенденциями, нередко демонстрируют гораздо большее беспокойство по поводу неконтролируемого «просачивания» в их пределы мигрантов из «третьего мира». И нельзя не признать, что для такой озабоченности есть немалые основания.

Опыт свидетельствует, что интегрировать мигрантов в социальном, культурном и политическом смысле весьма непросто. В развитых странах растет число «новых бедных», являющихся одновременно носителями иных, незападных культурных моделей. Соединение того и другого в ряде случаев порождает отторжение принимающим обществом иммигрантских общин.

Что касается самих таких общин, то культурная общность становится одной из опор их солидарности. Она нередко усиливается общей идеологией противостояния Юга и Севера. Так создаются дополнительные стимулы к консервации традиционных культурных моделей, обусловленных ими способов социализации, норм поведения, ценностных ориентаций. В результате возникает потенциальная угроза целостности и устойчивости западного культурного универсума.

Это, в свою очередь, вызывает ответную реакцию: миграция воспринимается (или трактуется) уже и как реальная угроза системе ценностей Запада, его безопасности. Ощущение опасности увеличивается вместе с масштабами иммиграции. Точнее, с ее ускорением — ибо, по-видимому, существует некоторый критический порог, перейдя который, принимающие общества действительно оказываются не в состоянии обеспечить всестороннюю интеграцию иммигрантов. Между тем быстрый рост населения в «третьем мире» и повышение его мобильности все время говорят о том, что масштабы иммиграции будут увеличиваться.

Обобщая, можно сказать, что нехватка населения в развитых странах и его избыток в развивающихся взаимно дополняют друг друга. Но избыток намного превышает нехватку, и это создает очень серьезную и чреватую разного рода угрозами демографическую разба-

лансированность в глобальных масштабах. В результате демографический аспект безопасности принимающих обществ вступает в противоречие с другими ее аспектами, также испытывающими возмущающее воздействие иммиграции. Поэтому он может учитываться только в связке с ними и к тому же в ограниченной мере, что предполагает постоянные поиски компромисса, постоянное взвешивание и сопоставление всех возможных позитивных и негативных последствий большего или меньшего притока иммигрантов.

Встав на путь приема иммигрантов, Россия неизбежно столкнется с аналогичными проблемами. Это, правда, в меньшей степени относится к репатриации русских или обрусевших из бывших республик СССР. Сейчас она находится на первом плане, и ее потоки будут преобладать еще какое-то время. Но России не удастся избежать более масштабных миграций населения из перенаселенных стран, и в этом смысле ее положение даже более опасно, чем, скажем, стран Западной Европы. Принимающие иммигрантов страны Западной Европы не имеют непосредственных границ со странами выхода, тогда как Россия имеет общую границу с такими странами — с государствами Центральной Азии и особенно с перенаселенным Китаем. Иммиграция из Китая на российский Дальний Восток и в Сибирь уже порождает серьезную обеспокоенность¹. С разрастанием ее масштабов она может стать источником грозной международной напряженности.

Все это указывает на необходимость продуманной миграционной политики, не закрывающей двери для желательной по демографическим соображениям иммиграции, но и не открывающей их слишком широко и бесконтрольно. Надо к тому же иметь в виду, что иммиграционный контроль не всегда эффективен. Рядом с легальным потоком мигрантов всегда имеется и нелегальный, а с нелегальным просачиванием мигрантов из соседних стран бороться довольно сложно. Об этом говорит опыт США: им так и не удается остановить поток нелегальной иммиграции из сопредельной Мексики.

Каким бы ни было действительное соотношение положительных и отрицательных последствий миграции, оцениваемых в системе координат «опасность» — «безопасность» на государственном уровне, в конце концов оно получает более или менее объективное отражение в государственной политике, межгосударственных отношениях, законодательстве, а иногда и в господствующей идеологии. Утверждающиеся институциональные формы накладывают ограничения на миг-

¹ См.: Миграция и безопасность в России... Гл. 5.

рационное и связанное с ним поведение людей и воспроизводят все ту же дихотомию «опасность» — «безопасность» уже на индивидуальном уровне. Тут следует заметить, что проблемы, возникающие в связи с миграцией, ее регулированием, квотированием, депортацией нелегальных мигрантов и т.д., подвергают серьезному испытанию многие устоявшиеся представления о гражданских свободах и правах человека даже в самых либеральных странах.

Напомним: мигранты — и субъект, и объект безопасности. В первом своем качестве они могут рассматриваться как реальные или потенциальные конкуренты на рынке труда. Неконтролируемый приток мигрантов, готовых работать за любую плату, на самом деле способен дестабилизировать этот рынок, т.е. оказаться источником угрозы для экономической безопасности. В мигрантах также могут видеть источник повышенной социальной агрессивности, роста преступности, в том числе организованной, снижения культурных стандартов и пр. Даже если все эти опасения фактически обоснованны, остается вопрос, обусловлены ли они действительной спецификой мигрантской среды как таковой либо тем, что иммигранты обычно оттесняются в нижние социальные страты с типичными для них маргинальными формами поведения. Трудно представить себе, что если бы миграции вообще не было, то общество не имело бы социального дна, обездоленных слоев, собственной преступности.

Но очень часто мигранты оказываются источником повышенной экономической или криминальной опасности для коренного населения как раз тогда, когда не обеспечена их собственная безопасность, они не охвачены системой социальной защиты, права их в должной мере не охраняются законом. Другими словами, их приток создает угрозы безопасности потому, что они сами оказываются объектом повышенной опасности в странах въезда, где им приходится сталкиваться с разными видами экономической, социальной или культурной дискриминации по национальному, расовому или религиозному признаку. Правило это действует повсеместно, Россия тут — не исключение.

* * *

Подведем итоги. Начавшееся в России в начале XX в. снижение смертности позволяло ожидать одновременно и быстрого повышения защищенности жизни каждого россиянина, и связанного с этим ускорения естественного прироста населения страны. Перспективы повышения демографической безопасности России выглядели тогда очень обнадеживающими.

Однако на деле, если такие ожидания и были оправданными, сбылись они далеко не полностью. Должного уровня демографической безопасности страны достигнуть так и не удалось. Огромные демографические потери первой, а отчасти и второй половины века не позволили реализовать некогда действительно высокий потенциал демографического роста России.

Наверстать упущенное уже невозможно. Более того, страна вступает в третье тысячелетие в условиях, когда естественный прирост населения — главный источник демографического роста, еще в начале XX в. казавшийся почти безграничным, полностью иссяк. Население же России как было, так и остается небольшим для страны, имеющей самую большую в мире территорию.

В XXI в. России придется решать две главные задачи в области демографической безопасности. Первая из них — это задача снижения смертности, повышения безопасности индивидуального выживания и продолжительности жизни. Задача непростая, но, как показывает опыт многих стран, принципиально решаемая. Более или менее ясны способы ее решения и в России.

Вторая задача — задача коллективного выживания, противодействия депопуляции. Она не решена именно принципиально. Теоретически можно представить себе только два пути ее решения: повышение рождаемости или расширение иммиграции.

Судя по мировому опыту, добровольное значительное повышение рождаемости сейчас маловероятно. Неэффективны и попытки добиться ее подъема с помощью прямого или косвенного принуждения, всякого рода запретов. К тому же попытки такого рода создают угрозу правам человека и в этом смысле его социальной безопасности.

Использование иммиграции для пополнения демографических ресурсов страны, напротив, вполне возможно. Конечно, этот путь тоже далеко небезопасен. Тем не менее, сознавая все риски, сопряженные с более или менее массовыми миграциями с Юга на Север, нельзя не понимать и их неизбежности, в частности и потому, что они представляют собой часть механизма восстановления демографического равновесия, нарушенного как на Юге, так и на Севере. Не может оказаться вне действия этого механизма и Россия. Поэтому уже сейчас необходимо очень серьезно задуматься над проблемами иммиграции в Россию, чтобы, как уже не раз бывало в отечественной истории, неизбежные события не застигли страну врасплох.

ДЕСЯТЬ ПОСЛЕСЛОВИЙ

От издательства. Начиная с 1994 г. Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук готовит и публикует ежегодные аналитические доклады о демографическом положении России. За 1994—2004 гг. было опубликовано 10 таких докладов. Каждый из них заканчивался заключением, в котором А.Г. Вишневский как руководитель центра и авторского коллектива представлял в обобщенном виде результаты выполненного авторами доклада анализа. Ниже публикуются десять таких послесловий, в которых в сжатом виде отразились главные демографические перемены, через которые страна прошла за это время, а также и определенные изменения во взглядах исследователей.

Население России 1993*

Демографическая ситуация в России сложна, характеризуется многими неблагоприятными чертами, содержит ряд кризисных элементов. Все это требует пристального внимания к демографическим процессам, не столь очевидным, как, например, экономические, но затрагивающим самые глубинные, жизненные интересы страны и ее населения. Это внимание — как со стороны общественного мнения, так и со стороны государственных органов — должно быть свободно от конъюнктурных политических соображений, от легковесного популизма, претендующего на простое решение сложных вопросов.

Формула о необходимости разработки и реализации эффективной демографической политики неизменно входила в решения всех последних съездов КПСС. В 1970—1880-е гг. было предложено множество мер такой политики, часть из них была реализована, однако существенного воздействия на ситуацию они не оказали. Для того чтобы избежать повторения прежних ошибок, следует, по-видимому, отказаться от веры в то, что демографическими процессами можно легко управлять, и от основанной на этой вере государственно-патерна-

^{*} Население России 1993. Ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского и С.В. Захарова. Спецвыпуск «Евразия-мониторинг» // «Евразия». 1993. № 4 (12). С. 82—87.

листской политики. Альтернативой ей могут стать координируемые государством разработка и реализация долговременных программ, направленных на оздоровление всего социального климата, от которого зависит демографическое поведение людей. Такие программы должны основываться на глубоком понимании корней нынешнего демографического неблагополучия, его связи с объективными историческими процессами, учитывать мировой опыт.

Каждая из программ, в свою очередь, должна подразделяться на стратегическую, ставящую и решающую долговременные задачи, и антикризисную, помогающую с наименьшими потерями пережить нынешний тяжелый переходный период. Наметим основные направления таких программ применительно к семейно-демографической области.

Семья и рождаемость

Семья в России переживает длительный период глубоких перемен, которые иногда истолковываются как кризис семьи, на деле же представляют собой лишь кризис ее традиционной формы, переход к новому типу семьи. С этим и связаны основные изменения в семейной структуре населения, процессах формирования семьи, рождаемости и т.д. Перемены сложны и болезненны, порождают множество проблем, обострившихся сейчас в связи с многосторонним кризисом бывшего советского общества. Тем не менее особых оснований для того, чтобы драматизировать нынешнюю «семейную» ситуацию в России, нет. В массовом демографическом поведении людей не наблюдается никаких чрезвычайных изменений, частота браков, разводов, рождений остается в границах колебаний, наблюдающихся уже не одно десятилетие.

Не следует, видимо, драматизировать и наследие, доставшееся сегодняшнему российскому обществу от предыдущих десятилетий: перемены, через которые проходила и проходит семья, в основном исторически закономерны. Плохо лишь то, что ни в недалеком прошлом, ни теперь они не были в достаточной мере осознаны обществом. Это имело своим следствием разрозненные, непоследовательные и часто неверные реакции общественного мнения и подогреваемых им государственных органов. Нередки попытки ценой запретов или посулов изменить закономерный ход истории: запретить или ограничить аборты или разводы, добиться повышения рождаемости и т.д.

Стратегическая программа. Необходимо понять и принять ту модель семьи, какая преобладает в жизни, а не в утопическом вообра-

жении благонамеренных теоретиков. Следует признать наконец за супругами право самим решать, каким образом им строить совместную жизнь, когда и сколько детей иметь, отказаться от явных или завуалированных мер, нарушающих суверенитет семьи и имеющих целью оказать на нее экономическое или иное давление.

В то же время государство должно взять на себя заботу о семьях, которые по тем или иным причинам не способны сами обеспечить свое экономическое или социальное благополучие и нуждаются в социальной защите. Необходимо создать систему социальных гарантий для такого типа семей, особо выделив специальные меры, адресуемые семьям в типичных для их жизненного цикла критических или сложных ситуациях: беременность, роды, уход за маленьким ребенком, уход за больными и престарелыми членами семьи, развод и пр. Однако при этом круг получателей всех видов социальной помощи не должен быть чрезмерно широким, здесь нужны достаточно жесткие критерии отбора.

Российское общество должно выработать новую для него «семейную идеологию», создать режим наибольшего благоприятствования самым жизнеспособным моделям семьи, стратегиям семейного поведения, которые лучше всего соответствуют нынешнему этапу эволюции семьи как социального института.

Антикризисная программа. Не вступая в противоречия с принципами стратегической программы, необходимо сосредоточиться на экстренной помощи очень ограниченному, четко определенному кругу семей. Следует отказаться от политики стимулирования рождаемости и в кратчайшие сроки переориентировать всю систему экономической и социальной помощи семье на обеспечение хотя бы минимально необходимой, но устойчивой поддержки тем типам семей, которые находятся в экстремальных условиях, — матерям-одиночкам, многодетным семьям, семьям, потерявшим кормильца, семьям пенсионеров и инвалидов и пр., а также семьям переселенцев.

Следует в кратчайшие сроки разработать систему специальных мер социальной защиты семей, члены которых остались без работы, и семей с доходами ниже прожиточного минимума.

Здоровье, смертность и продолжительность жизни

На протяжении по меньшей мере трех десятилетий в России сохраняются неблагоприятные характеристики здоровья и смертности населения, нарастает ее отставание от большинства развитых стран

Запада, Восточной Европы и даже от многих бывших республик СССР. Хотя нынешний кризис не вызвал существенных негативных изменений уже существовавших тенденций, он, конечно, не способствует их преодолению.

Неблагополучие со здоровьем и смертностью в России — слишком застарелая беда, чтобы от нее можно было избавиться одним рывком, особенно в тех экономических и социально-политических условиях, в которых оказалась Россия в начале 90-х гг. ХХ в. Но это неблагополучие само — часть переживаемого страной затяжного кризиса. Нельзя выйти из кризиса, не переломив тенденций застоя, а то и деградации во всем, что касается здоровья населения и его смертности. Здесь, как и везде, надо действовать сразу на двух направлениях, добиваться достижения долговременных, стратегических и одновременно ближайших, актуальных целей, разрабатывать и реализовывать две программы.

Стратегическая программа. Необходимо осознать принципиально новые задачи, которые стоят перед обществом на этапе «второй эпидемиологической революции» и требуют перехода к иной, чем прежде, стратегии борьбы за долгую и здоровую жизнь, а значит, и новых моделей социальных институтов, которые ведут эту борьбу.

При современной структуре медицинской патологии и причин смерти успехи в борьбе за ее сокращение не могут быть достигнуты с помощью каких-либо единовременных централизованных акций. Жизнь и здоровье людей должны постепенно стать приоритетными ценностями в общественном сознании и в практике государственной социально-экономической политики. Необходима крупная организационно-технологическая модернизация здравоохранения с упором на качественную, а не на количественную сторону медицинской помощи.

Система здравоохранения должна утратить свой прежний патерналистский характер. Необходимо повысить ответственность самого человека за состояние своего здоровья и здоровья своих детей и в то же время расширить способность каждого гражданина активно бороться за его сохранение. Он должен получить возможность выбора врача, больницы, метода лечения, качества медицинских услуг. И граждане России, и все общество должны осознать, что здоровье — это и большая экономическая ценность. Переход к одной из моделей платной страховой медицины, развитие частных и арендных медицинских и оздоровительных учреждений — необходимая предпосылка роста заинтересованности медицинских работников в результатах своего труда и наряду с этим — роста ответственности каждого за собственное здоровье.

В то же время государство должно, по-видимому, сохранить в своих руках базовый уровень медицинского обслуживания, гарантирующий скорую и неотложную помощь, контроль над инфекционными и социально опасными заболеваниями, охрану здоровья матери и ребенка и, возможно, ряд других критических направлений. Гарантированную государственную поддержку должны получать медицинская наука и система медицинского образования.

Кардинальное улучшение общественного здоровья не может быть достигнуто только с помощью преобразований (даже самых радикальных) в системе медицинской помощи населению. В значительной степени потери здоровья связаны с образом жизни и поведением людей, загрязнением окружающей среды. Последняя проблема особенно актуальна для многих промышленных городов России, которые принадлежат к числу самых загрязненных в мире. Необходимо создать действенную правовую базу для такого порядка хозяйственной деятельности, при котором высокие уровни выбросов и большое количество необработанных промышленных отходов станут экономически разорительными для предприятий — источников загрязнения окружающей среды. Кроме того, следует создать институт независимой экспертизы проектов нового промышленного строительства, государственных и региональных программ экономического развития на предмет их совместимости с целями охраны здоровья населения.

Антикризисная программа. Закладывая основы принципиально новой стратегии борьбы с болезнями и смертью, необходимо предотвратить даже временный откат назад, хотя бы и частичную утрату уже достигнутого. А такая опасность в условиях нынешнего кризиса есть.

Общее ухудшение обстановки, в частности условий медицинского обслуживания, угрожает выходом эпидемиологической ситуации даже из-под того недостаточного контроля, под которым она все же находилась, и соответственно повышением смертности. Необходимы экстренное решение наиболее острых проблем санитарно-эпидемиологического надзора, первичной медико-санитарной и неотложной помощи, гарантированное обеспечение населения основными лекарствами. Видимо, целесообразно создать специальный государственный фонд для закупки жизненно важных лекарств, медицинского оборудования и поддержания уровня санитарно-технического обеспечения городов.

По тем же соображениям необходимо создание временной системы базовой продовольственной помощи особо уязвимым категориям населения. Нужна сеть бесплатных или очень дешевых столовых

для них (для детей в школах, для остро нуждающихся пенсионеров, для некоторых групп безработных, беженцев и пр.).

Не терпят отлагательства вопросы, связанные с проживанием людей в зонах острого экологического неблагополучия (определение статуса этих зон, наиболее уязвимых контингентов, неотложных мер по стабилизации, а затем и улучшению обстановки), а также с оказанием помощи жертвам экологических бедствий. Следует ввести в зонах экологического неблагополучия компенсацию за проживание в виде экологически чистых продуктов питания, витаминизации детского питания, предоставления бесплатных путевок на отдых в экологически безопасных регионах и т.п.

Внутренняя и внешняя миграция

В настоящее время миграционные перемещения в России влияют на социально-политическое положение в стране больше, чем любой другой демографический процесс.

Распад Союза резко активизировал процесс реэмиграции русскоязычного населения, который начался уже достаточно давно. Под давлением демографического взрыва и роста национального самосознания в бывших союзных республиках происходило вытеснение населения русской культуры. В Закавказье это началось в 1960-х гг., в Средней Азии — с середины 1970-х.

В последние годы, вследствие национальных конфликтов, эта давняя тенденция, которой долгое время не придавали должного значения, резко усилилась. Отток русскоязычного населения приобрел четко выраженный вынужденный характер. В России впервые после войны появились беженцы. Значительную группу реэмигрантов составляют военные, возвращающиеся в Россию в связи с выводом войск из стран Восточной Европы и республик бывшего СССР.

Большое влияние на миграционную ситуацию оказывает суверенизация бывших республик. Неустойчивость политической ситуации, неопределенность гражданского статуса, неразработанность правовых норм, регулирующих имущественные и трудовые отношения, социальное обеспечение еще долго будут толкать людей в «свои» границы, порождая необычные для России этнические миграционные потоки (например, реэмиграцию украинцев с Севера России).

Еще один новый элемент миграционной ситуации, который пока не проявился в полной мере, но, несомненно, даст себя знать, — назревающее ослабление или отмена многолетних ограничений на прописку в городах и, следовательно, намного большая, чем прежде, свобода перемещений внутри России.

Наконец, третий ее новый элемент — это эмиграция за рубеж. Уже сейчас масштабы эмиграции несравнимы с тем, что наблюдалось в СССР в последние десятилетия.

Сейчас в потоке эмигрантов резко преобладают представители нескольких национальных меньшинств, так как пока свободного выезда для всех граждан России не существует. После же вступления в действие закона о въезде в страну и выезде из страны и появления почти не известной в истории России свободы эмиграции возможно ее новое резкое увеличение. По оценкам экспертов, в эмиграционном потоке будут преобладать квалифицированные специалисты, она будет носить типичные черты «утечки умов».

Реальные миграционные процессы ставят общество перед необходимостью разработки стратегических и тактических решений, которые позволили бы избежать отставания социальной практики от быстро меняющихся условий.

Стратегическая программа. Должна быть глубоко осмыслена новая миграционная ситуация, возникшая в результате политических событий последних лет. Необходимо выработать стратегию государственной политики по трем главным вопросам:

- 1. Переселение в Россию русских и других русскоязычных граждан бывшего СССР, оказавшихся сейчас вне пределов России, но желающих в нее вернуться.
- 2. Миграция в Россию, в том числе трудовая, коренного населения перенаселенных южных районов бывшего СССР Средней Азии, Закавказья и Предкавказья. Нарастание этой миграции шло в последнее время и даже приветствовалось ввиду «трудонедостаточности» многих районов России. Стало быть, она была в интересах обеих сторон. Сейчас положение во многом изменилось, но глубинные основания трудовой миграции населения Средней Азии и некоторых других районов в Россию будут сохраняться еще очень долго. Это порождает различного рода проблемы, осмысление которых должно послужить основой для выработки государственной иммиграционной политики.
- 3. Эмиграция за рубеж граждан России как нерусских национальностей евреев, немцев, армян, греков и т.д., так и русских (предстоящая в связи с вступлением в действие закона о въезде и выезде), «утечка умов» как часть этой более общей проблемы. В этом вопросе стратегия государства должна, по-видимому, быть направлена на максималь-

ную либерализацию как выезда, так и возвращения в страну. Только при этих условиях значительная часть выехавших будет возвращаться на родину, обогатив свой профессиональный и жизненный опыт, а часто и обеспечив себя материально на длительное время. Сдерживающее влияние может оказать также поощрение научного, производственного и творческого сотрудничества с зарубежными специалистами, совместных разработок, проектов, экспедиций.

Помимо трех указанных вопросов, относящихся к внешней миграции, есть еще и комплекс вопросов, связанных с отходом от прежних методов жесткого контроля над внутренними миграциями (паспортная система, прописка, закрытые зоны и города и т.п.).

Антикризисная программа. Главные кризисные явления в области миграции связаны с нарастанием вынужденных миграционных потоков, с подстегивающими их политическими конфликтами и экологическими катастрофами.

В этой связи необходимы срочное определение статуса беженца и перемещенного лица, разработка и введение в действие механизмов эвакуации и расселения этих категорий населения, создание целевых фондов помощи им, лагерей беженцев и перемещенных лиц, расширение возможностей государственных служб по жизнеобеспечению беженцев в местах первого убежища.

Привычный нам государственный патернализм здесь не может принести успеха. Стержневым направлением государственной политики в области вынужденной миграции должно стать всемерное расширение возможностей для проявления личной инициативы. Прежде всего здесь необходимо:

- как можно быстрее снять административные ограничения на прописку, хотя бы для тех, кто нашел работу или зарегистрировал частное предприятие, а также нетрудоспособных мигрантов;
 - форсировать формирование свободного рынка жилья;
- отрегулировать порядок обеспечения землей и кредитами мигрантов, желающих поселиться в сельской местности;
- способствовать предпринимательской деятельности мигрантов путем предоставления льготных кредитов и т.п.

Помимо действий по смягчению последствий вынужденных миграций безотлагательно необходима и работа по их предотвращению. Это — выработка межгосударственных соглашений с бывшими республиками относительно прав национальных меньшинств, принципов определения гражданства и имущественных прав мигрантов.

Нельзя затягивать и решение вопросов, отнесенных нами к компетенции стратегических программ. В любой день может возникнуть и стать очень острой проблема массовой репатриации в Россию. Необходимы безотлагательная проработка всего комплекса вопросов, которые может породить такая репатриация, и выделение значительных ресурсов на обустройство хотя бы первой волны репатриантов.

Население России 1994*

Демографическая ситуация в России никогда не привлекала и не привлекает сейчас того внимания, которого она в действительности заслуживает. Тем не менее в последнее время она вызывает несколько больший, чем прежде, интерес государственных органов, общественного мнения и различных политических сил, пытающихся осмыслить эту ситуацию в контексте всех переживаемых российским обществом перемен, учесть ее при формировании программ социальной политики.

Авторы настоящего доклада надеются, что их анализ будет способствовать такого рода работе, поможет сократить число неизбежных во всяком деле ошибок.

Доклад позволяет выделить основные составляющие современной демографической ситуации:

- Рост смертности, прежде всего от несчастных случаев, отравлений и травм (а среди них особенно от убийств, дорожно-транспортных происшествий и отравлений) и падение средней продолжительности жизни в 1992 г. почти до уровня второй половины 1970-х гг., а в 1993 г., вероятно, и ниже этого уровня.
- Неблагоприятная с точки зрения брачности и рождаемости возрастная структура населения, падение до небывало низкого для России уровня относительных показателей рождаемости и, как следствие, резкое уменьшение абсолютного числа рождений.
- Резкое усиление центростремительных (в сторону России) миграционных потоков на пространстве бывшего СССР, а также оттока населения с севера и востока России во внутренние районы ее европейской части (включая Урал); появление в России большого коли-

^{*} Население России 1994. Второй ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского // «Евразия». 1994. № 7—8 (24—25). С. 161—165.

чества беженцев и вынужденных переселенцев, в том числе из пределов бывшего СССР; нарастающая эмиграция в зарубежные страны.

• Отрицательный естественный прирост населения как результат совместного действия падения рождаемости и особенностей текущей возрастной структуры населения, а также отрицательный общий прирост населения, свидетельствующий о том, что его естественная убыль не перекрывается миграционным приростом.

Хотя большинство из названных черт демографической ситуации обычно оцениваются как неблагоприятные, их истолкование в контексте современного кризисного социально-экономического положения страны требует большой осторожности, а предложения по поводу мер социальной политики, направленной на преодоление неблагоприятных явлений, должны быть свободны от конъюнктурных политических соображений, утопических надежд и легковесного популизма, претендующего на простое решение сложных вопросов.

Абсолютно однозначным может быть отношение только к одному из названных компонентов демографической ситуации — высокой преждевременной смертности. Однако именно положение со смертностью указывает на то, что дело не в событиях последних нескольких лет. Затяжная, длящаяся уже три десятилетия стагнация архаичной структуры причин смерти и связанные с ней высокая смертность и низкая продолжительность жизни — неопровержимый признак давнего кризиса системы, аргумент в пользу ее скорейшего реформирования, хотя оно, конечно, не может быть безболезненным.

Мировой опыт свидетельствует, что существенное снижение смертности от сердечно-сосудистых и других хронических заболеваний достижимо только при условии радикального повышения качества медицинской помощи, что, в свою очередь, связано с резким удорожанием лечения и его индивидуализацией. Централизованная государственная система здравоохранения, неплохо справлявшаяся в 1930—1950-е гг. с инфекционными заболеваниям, не способна ответить на эти новые требования и становится неэффективной. Наиболее полно новым задачам здравоохранения отвечают переход к одной из моделей платной страховой медицины, развитие частных и арендных медицинских и оздоровительных учреждений, насыщенного предложением рынка медицинских услуг. Это позволит повысить ответственность самого человека за состояние своего здоровья и здоровья своих детей и в то же время расширить способность каждого гражданина активно бороться за его сохранение. Каждый должен получить

возможность выбора врача, больницы, метода лечения, качества медицинских услуг.

Центральная проблема здесь — мера «социальности» здравоохранения, в частности, мера государственного участия в его деятельности. Нигде, тем более в нынешней России, только что вышедшей из периода всеобщего государственного монополизма, государство не может устраниться от такого участия. Нельзя, однако, забывать, что именно неэффективное «бесплатное» государственное здравоохранение несет очень большую долю ответственности за тяжелый кризис здоровья и высокую смертность населения России, на которые не удается воздействовать с середины 1960-х гг. Поэтому ограничение роли государства и его монополизма в области борьбы за здоровье и жизнь людей — безусловная конечная задача реформ в этой области.

Основная часть предоставляемых здравоохранением услуг как можно скорее должна становиться рыночной, а «социальность» при этом должна обеспечиваться за счет хорошо известного во всем мире трехстороннего социального партнерства, при котором государство — лишь один из партнеров — наряду с работодателем и самим страхуемым (последнее условие — обязательно).

Безусловную прерогативу государства составляет контроль за состоянием окружающей среды, здесь его роль должна быть резко усилена. Это относится к полномочиям и возможностям санитарно-эпидемиологической службы, правовой базе охраны природы от вредных последствий хозяйственной деятельности, ужесточению ответственности за нанесение экологического ущерба и пр.

Наряду с мерами долговременного действия, направленными на глубокое реформирование всей системы охраны и восстановления физического и психического здоровья, нужны и экстренные меры, о которых говорилось в предыдущем докладе (см. стр. 242).

Общественное мнение болезненно воспринимает резкое снижение рождаемости в самые последние годы. Кажется почти очевидным, что оно вызвано обеднением населения, политической нестабильностью, неверной стратегией реформ и т.д. Такой диагноз подсказывает и методы лечения, меры социальной политики, направленные на повышение рождаемости. Однако и отечественный, и мировой опыт заставляют с осторожностью подходить к такого рода объяснениям и предложениям, входящим обычно в состав антиреформаторских и популистских программ. Рождаемость, как правило, низка в наиболее богатых и благополучных странах, причем особенно низкой рож-

даемостью даже среди них отличаются страны, прошедшие в недавнем прошлом через период тоталитаризма с характерным для него вмешательством государства или церкви в дела семьи, официальным культом высокой рождаемости и т.п. Таковы, в частности, Германия, Италия, Испания, где рождаемость даже сейчас ниже, чем в России, которая тоже входит в число подобных посттоталитарных стран. Нельзя игнорировать глубинные реакции населения без риска только ускорить и усилить падение рождаемости.

Крайне важно понять и принять современную модель семьи — городской, малой, нуклеарной, признать за супругами право самим решать, когда и сколько иметь детей. Одна из первостепенных задач России в этой области — покинуть позорное место чемпиона мира по абортам и перейти к цивилизованным методам планирования семьи.

Социальную политику в отношении семьи, женщин, детей и т.п. надо, насколько это позволяют устойчивые клише общественного мнения, освободить от пронаталистской нагрузки и сосредоточить на реальной помощи тем семьям, матерям и уже рожденным детям, которые в ней нуждаются. При этом социальная политика в широком смысле не должна быть тождественна социальной филантропии и возрождать патерналистские настроения недавнего прошлого. Главная задача — не в том, чтобы восстановить систему мелких подачек эпохи развитого социализма. Важнее добиться, чтобы как можно большее число семей как можно меньше нуждалось в государственной или общественной благотворительности, в разного рода пособиях, льготах, бесплатных услугах. Семьи, особенно молодые, должны опираться прежде всего на собственные силы, как можно раньше обретать экономическую независимость.

События последних лет очень остро поставили вопрос о социальной политике в отношении миграции и мигрантов, которая прежде никогда не относилась в России к числу особо важных, а тем более сложных: система примитивных административных запретов и ограничений, казалось, решала все проблемы. Сейчас новые подходы к миграционной политике только вырабатываются, при этом старые ограничительно-запретительные принципы тоталитарного государства постоянно сталкиваются с либеральными принципами открытого гражданского общества.

К числу первоочередных задач относится выработка стратегического отношения к таким видам миграции, как реэмиграция в Россию русского и иного русскоязычного населения из бывших республик СССР, трудовая иммиграция иностранных граждан (из Средней Азии, Китая и пр.), трудовая и иная эмиграция российских граждан за рубеж, иммиграция беженцев из стран ближнего зарубежья и «третьего мира». Ждут своего решения вопросы, связанные со свободой передвижения внутри России (проблема прописки), со статусом беженца и перемещенного лица, с обеспечением социальных и трудовых прав иммигрантов.

Необходим отказ от прежней политики регулирования миграций. которая находится в противоречии с современной социальной ситуацией и несовместима с правами человека. Речь идет об обеспечении реальной свободы выбора места жительства, снятии ограничений в предоставлении вида на жительство в крупных городах, свободы куплипродажи земли, свободы предпринимательства, то есть об устранении преград на пути свободного перемещения рабочей силы и населения вообще. Главным в миграционной политике должен стать принцип. соответствующий демократическим отношениям в рыночной экономике: создавать мигрантам условия, чтобы они сами могли решать свои проблемы, имели возможность реализовать собственную инициативу. Государство должно помогать им в этом: содействовать ускоренному формированию свободного рынка жилья; отрегулировать порядок обеспечения землей и кредитами мигрантов, желающих поселиться в сельской местности; способствовать предпринимательской деятельности мигрантов путем предоставления льготных кредитов и т.п.

Население России 1995*

Вот уже по меньшей мере три десятилетия демографическое положение России вызывает обеспокоенность специалистов. В последние годы она передалась и общественному мнению. Тревога в обществе нарастает, порой принимая явно преувеличенные, а потому неконструктивные формы.

Причины тревоги понятны. Благоприятные сдвиги в демографической ситуации, наметившиеся в середине 1980-х гг., породили надежды, которые очень быстро развеялись. Начиная с конца 1980-х гг., положение снова стало обостряться, темпы обострения достигли пика

^{*} Население России 1995. Третий ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. Приложение к Информационному бюллетеню «Население и общество». М., 1996. С. 92—94.

в 1993 г. В 1994 г. появились признаки стабилизации некоторых демографических процессов, в тех же случаях, когда ухудшение продолжалось, оно, как правило, шло более медленными темпами. Тем не менее ни содержащийся в докладе анализ, ни приведенные в нем прогнозы не дают больших оснований для оптимизма.

Но и чрезмерный пессимизм в оценке демографического положения России едва ли оправдан. Сейчас оно складывается под воздействием различных факторов. Влияние эволюционных долговременных тенденций соединяется с шоковым воздействием кризисов последних лет, и порой создается впечатление, что Россия и впрямь переживает демографическое светопреставление. На самом деле это не так.

О безусловном кризисе можно говорить только применительно к здоровью и смертности. Все их характеристики свидетельствуют о глубоком и продолжающем нарастать неблагополучии, отставание от западных стран приобретает унизительные для России масштабы. Хотя кризис здоровья и смертности, безусловно, обострился в 1993—1994 гг., он начался намного раньше и продолжается уже не менее 30 лет. Его конкретные причины многообразны, но в общем они сводятся к тому, что ни советскому, ни постсоветскому российскому обществу пока не удалось создать надежных барьеров, предохраняющих человека от опасных воздействий социальной и материальной — природной и техногенной — среды. Возведение такого барьера стоит дорого, но на Западе нашли на это средства и добились высоких результатов. На протяжении нескольких последних десятилетий там шел стремительный рост затрат на нужды здравоохранения, ничего подобного не наблюдалось в СССР (см. табл. 23 на стр. 224).

Конечно, нельзя все сводить только к затратам на охрану здоровья. Но объем этих затрат, их рост важны не только сами по себе, но и как свидетельство значительных подвижек во всей системе общественных приоритетов, повышения места ценностей долгой и здоровой жизни на шкале общественных и индивидуальных ценностей. Если судить по динамике затрат на здравоохранение, в СССР, а стало быть и в России, такие подвижки были очень слабы, потому Россия и осталась примерно на том уровне, на каком передовые западные страны находились в 1950-е гг. Изменить положение можно только существенно изменив всю систему общественных приоритетов. Если этого не будет сделано, барьеры, защищающие здоровье и жизнь человека, в России будут все менее соответствовать уровню существующих опасностей, и она будет становиться все менее современным государством.

В отличие от смертности с рождаемостью, вопреки предельному алармизму многих пишущих на демографические темы публицистов, ничего особо катастрофического в России в последнее время не происходит. Ее снижение в начале 1990-х гг. — закономерное продолжение перемен, идущих уже не одно десятилетие и отнюдь не только в России. Низкая рождаемость имеет как позитивные, так и негативные последствия. Часто высказывается предположение, что негативные последствия перевещивают, и это порождает тревогу в обществе. Возможно (хотя и не бесспорно), что это предположение верно. В таком случае низкая рождаемость может рассматриваться как проявление кризиса — но не кризиса России, а кризиса всей западной цивилизации, к которой Россия давно уже принадлежит. Мало кто сомневается в том, что эта цивилизация исполнена глубоких противоречий и переживает множество кризисов. Одним из них может быть и кризис рождаемости. Осмысление этого кризиса (если это кризис), поиски путей его преодоления, конечно, необходимы. Но пока они еще нигде не найдены. У демографов едва ли есть основания вселять в умы своих сограждан несбыточные надежды на скорое повыщение рождаемости. Ответственная позиция требует противоположного. Хотя конъюнктурные колебания рождаемости, конечно, возможны, наиболее вероятный прогноз заключается в том, что в обозримом будущем всем развитым странам, в том числе и России, предстоит жить в условиях низкой рождаемости, не обеспечивающей уровня простого воспроизводства населения. Общество должно об этом знать и приспосабливаться к новой ситуации, правильно оценивать вытекающие из нее проблемы, искать эффективные способы их разрешения.

Одна из этих проблем принципиально важна для России. Это — проблема отрицательного естественного прироста населения. Подобно многим другим развитым странам Россия в обозримом будущем едва ли может рассчитывать на сохранение, а тем более увеличение своего демографического потенциала за счет естественного прироста. В этом и заключается суть поворотного пункта, к которому Россия подошла в своем демографическом развитии. Завершился этап, на котором она была страной с относительно высоким естественным приростом населения и значительной эмиграцией, на новом этапе основным, если не единственным источником роста численности населения страны может быть только иммиграция.

Разумеется, это не означает того, что российское общество и Российское государство должны занять безразличную позицию по отно-

шению к рождаемости, формирование климата, благоприятствующего рождаемости, надолго останется одной из их важнейших задач. Надолго сохранят свою кризисную остроту и проблемы снижения смертности. Однако ничто не может существенным образом изменить общего соотношения естественного и миграционного приростов как факторов демографического роста. Необходимо приспособиться к этой новой ситуации, выработать новую, соответствующую изменившимся условиям стратегию демографического развития России.

Население России 1996*

В демографическом развитии России в XX в. соединились, с одной стороны, типичные для этого столетия, общие для всех стран процессы обновления демографического бытия людей, с другой — особые, катастрофические события российской истории, которые исказили естественный ход закономерных изменений и резко обострили и без того непростые проблемы демографической модернизации.

Такая модернизация характеризуется очень большими и легко поддающимися измерению количественными сдвигами, без которых невозможно установление нового типа воспроизводства населения, равновесия низкой смертности и низкой рождаемости. Но в то же время она несет с собой огромные качественные перемены, утверждение нового типа демографических, семейных и связанных с ними отношений, переоценку ценностей, пересмотр освященных веками культурных образцов, предписаний морали, норм поведения в демографической сфере. Такие перемены, разрыв с демографическим прошлым в России не могли не быть крайне болезненными. Многообразные экономические, социальные, демографические и культурные изменения, растянувшиеся в Европе на века и разделенные во времени, у нас сошлись на коротком отрезке в несколько десятилетий. Бремя стоявщих перед обществом исторических задач оказалось непосильным, многие из них не решались или решались непоследовательно.

Демографические перемены были массовыми, но оставались половинчатыми, незавершенными. Многие десятки миллионов лю-

^{*} Население России 1996. Четвертый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. Приложение к Информационному бюллетеню «Население и общество». М., 1997. С. 159—161.

дей приходили в движение, освобождались от традиционных норм и ценностей, регулировавших взаимоотношения полов, отношение к семье, детям, старикам, к рождению детей, к своему и чужому здоровью, в конечном счете, к жизни и смерти. Новые же ценности и нормы, соответствовавшие новым историческим возможностям, складывались и распространялись гораздо медленнее. Возникновение культурного вакуума в столь важных областях человеческого существования не могло пройти без следа. Оно в немалой степени усиливало переходный характер советского общества, его социокультурную дезинтеграцию, внесло свой вклад и в утверждение политического тоталитаризма, приведшего страну на одних этапах ее развития к демографическим катастрофам, на других — к демографическому застою.

Все это налагает глубокий отпечаток на нынещнюю демографическую ситуацию в России. И сегодня она складывается под влиянием трех групп факторов:

- долгосрочных общемировых модернизационных изменений, демографического перехода;
- среднесрочных, специфических для российской-советской истории XX в., предопределивших особенности отечественной модели демографического перехода и оставивших к тому же глубокие следы в возрастной структуре населения России;
- краткосрочных, вызванных к жизни реформами и кризисом последнего десятилетия.

Первая из этих групп факторов остается главной, предопределяет генеральное направление демографического развития, задает его главную ориентацию: поиск оптимального соотношения рождаемости и смертности в новых условиях, восстановление их нарушенного равновесия, выработка новой системы отношений, культурных норм, институциональных рамок действия. Остальные же факторы лишь вносят в историческую «генеральную линию» поправки, отражающие конкретные особенности места и времени, ускоряют или замедляют движение в заданном историей направлении. Но значение таких «поправок» для России очень велико.

Это относится как к среднесрочным, так и к краткосрочным факторам. Первая половина XX в. была для России временем небывалой демографической расточительности. Нанесенные тогда демографические раны кровоточат до сих пор и заживут еще не скоро, тем более что этому не слишком способствовали и последние пять десятилетий, когда страна не знала крупных военных и социальных потрясений.

Уже двадцать лет спустя после окончания Второй мировой войны специалисты стали высказывать обеспокоенность по поводу демографического положения России (тогда — в контексте общего демографического неблагополучия СССР), но не были услышаны.

В начале 1990-х гг. к застарелой, вяло текущей болезни добавилась реакция на шок реформ, и демографическая ситуация обострилась до предела, а обеспокоенность специалистов с большим опозданием передалась, наконец, и общественному мнению. Понадобился распад СССР, чтобы развеялась магия среднесоюзных показателей — относительно благополучных за счет высокой рождаемости в Средней Азии и некоторых других районах СССР — и россияне ощутили, как тонка грань, отделяющая расширенное воспроизводство населения от суженного. Но оно уже было суженным — задолго до того, как пришло осознание этого факта журналистами или политиками. Эти давние корни нынешнего неблагополучия необходимо иметь в виду, оценивая текущую демографическую ситуацию, вырабатывая свое отношение к ней, предлагая меры, направленные на ее изменения.

В 1994—1995 гг. появились признаки стабилизации некоторых демографических процессов, в тех же случаях, когда ухудшение продолжалось, оно, как правило, шло более медленными темпами. Пик демографического кризиса, который с такой остротой ощущался в 1992—1994 гг., сейчас, по-видимому, остался позади. Однако этого нельзя сказать о самом кризисе, из которого Россия не может выбраться уже несколько десятилетий. И специалисты, и общественное мнение сходятся в том, что сегодняшняя демографическая ситуация в России продолжает оставаться неблагоприятной. Однако в понимании корней этого неблагополучия, равно как и в видении путей его преодоления, есть немало различий, которые по крайней мере отчасти объясняются несистемностью, фрагментарностью широко распространенных представлений о наших демографических реальностях.

Авторы доклада стремились уйти от такой фрагментарности и представить читателю целостную картину современного демографического развития России, рассматриваемого в более широкой исторической перспективе, на фоне как уже пережитого прошлого, так и прогнозируемого будущего. Опыт многих стран показывает, что возможности общества влиять на демографические процессы ограничены. Тем не менее они существуют, и есть немало вопросов, более или менее успешное решение которых зависит от позиции государства и других общественных институтов, от их системы приоритетов. К со-

жалению, ни во времена СССР, ни сейчас демографические проблемы в России не относились и пока не относятся к числу приоритетных. Авторы доклада убеждены — и пытаются передать свою убежденность читателю, — что Россия давно уже дорого платит за такую недооценку собственных демографических проблем, крайне опасную с точки зрения интересов как каждого россиянина, так и российской государственности.

Население России 1997*

Уже в предыдущем докладе отмечалось, что пик демографического кризиса, который с большой остротой ощущался в 1992—1994 гг., по-видимому, остался позади. Минувший год подтвердил этот вывод: какую бы сторону демографической жизни России мы ни взяли, повсюду резкие неблагоприятные изменения ослабевали, уступая место стабилизационным тенденциям, а то и явному улучшению ситуации. Растревоженная резкими потрясениями начала десятилетия жизнь страны постепенно входит в нормальную колею.

Это одновременно и радует, и настораживает. Демографическая колея, по которой катила жизнь населения РСФСР, как и всего СССР, была «нормальной» только по советским меркам, но во многих отношениях никуда не годилась по меркам мировым. Простой возврат на эту колею может считаться благом, если вести отсчет от 1992—1994 гг., но он отнюдь не сулит решения острейших проблем, которые накопились в России к середине 1980 — началу 1990-х г.г.

Прежде всего это относится к смертности. В середине 1980-х гг., перед началом горбачевских реформ, смертность в России по сравнению со смертностью в большинстве промышленно развитых стран была настолько высокой, что заставляла вспоминать отставание царской России начала века. Скажем, около 1900 г. разница в ожидаемой продолжительности жизни мужчин между Россией и Англией составляла около 13 лет, в 1980 — более 9 лет. Разрыв, конечно, сократился, но не слишком сильно. По продолжительности жизни СССР занимал последнее место в мире среди индустриальных стран, Россия была по этому показателю не лучшей среди других республик Союза и несла

^{*} Население России 1997. Пятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Книжный дом «Университет», 1998. С. 134—140.

огромные демографические потери из-за высокой смертности. Подсчитано, что если взять для сравнения возрастные уровни смертности мужского населения Великобритании в соответствующие годы и сопоставить возможное при таком уровне смертности число умерших с их фактическим числом в России, то только за 10 лет — с 1975 по 1985 г. — и только у мужчин в возрасте от 20 до 50 лет число «избыточных» смертей составит почти 1,6 млн. Это примерно соответствует совокупным потерям от повышенной смертности (потери вооруженных сил и гражданского населения) США, Великобритании и Франции во Второй мировой войне.

Разумеется, в первой половине 1990-х гг. потери России были еще большими, но сейчас смертность снижается, и возврат ее динамики на траекторию, существовавшую в советское время, становится вполне реальным. Однако можно ли удовлетвориться такой перспективой? И в то же время, как ее избежать, если все еще сохраняются советские традиции «остаточного» финансирования всего, что связано с охраной здоровья? Продление жизни большинства народа стоит дорого, а Россия остается страной, тратящей на здравоохранение едва ли не самую малую, по сравнению с другими промышленно развитыми странами, долю своего не особенно большого внутреннего валового продукта (см. рис. 7).

Второй вопрос, который особенно беспокоит российское общественное мнение и в действительности очень важен, — это вопрос рождаемости. Наряду с тем, что смертность в России очень высока, рождаемость в ней очень низка. Тем не менее существует принципиальное отличие положения с рождаемостью от положения со смертностью. Оно заключается в том, что во втором случае мы резко разошлись со всем миром, тогда как в первом, напротив, находимся там же, где и все другие промышленно развитые страны. Возможность снижения смертности доказана опытом многих, повысить же рождаемость пока не удалось никому.

Некоторые российские политики и ангажированные журналисты, играя на общественных настроениях, упорно требуют повышения рождаемости, опираясь на ходячие объяснения снижения или сохранения низкого уровня рождаемости неблагоприятной экономической или политической конъюнктурой. Научный взгляд давно уже отощел от поисков столь прямолинейной связи и пытается опираться на более системные объяснения. В самом деле, как можно согласиться с тем, что снижение рождаемости — следствие экономических трудно-

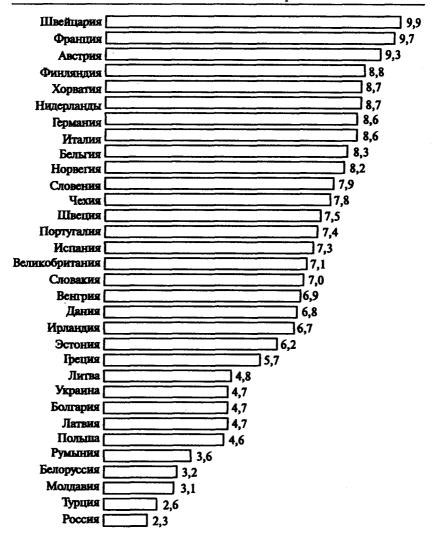

Рис. 7. Расходы на здравоохранение в процентах от валового внутреннего продукта в России и некоторых европейских странах в 1993—1994 гг.

Источник: Реформы здравоохранения в Европе: анализ нынешних стратегий. Резюме. Копенгагаен: ВОЗ, 1996. С. 7.

стей, обнищания населения и т.д., твердо зная, что повсеместно уменьшение числа детей в семьях — спутник не снижения, а роста благосостояния, а массовая многодетность — удел бедных стран или бедных, маргинальных слоев в богатых странах? Низкую рождаемость нельзя рассматривать в отрыве от всех перемен, связанных с индивидуализацией человека и атомизацией общества, с рационализацией человеческой жизни. Такие перемены, как и любые другие, всегда имеют не только сторонников, но и противников, которые обычно рассматривают перемены на фоне не реального, а вымышленного, идеализируемого прошлого. Частная, семейная жизнь человека в XX в. по многим причинам не может быть такой, какою она была в XVIII или XIX вв., но всегда есть люди, которые не желают мириться с отходом от традиционного канона, давно уже изжившего себя, и воспринимают такой отход как свидетельство кризиса семьи вообще и даже всего современного общества. Низкая рождаемость для них- просто еще одно доказательство такого кризиса, а фанатичная убежденность в своей правоте мешает видеть другие точки зрения и затрудняет ведение общественного диалога и поиски прагматических решений.

Конечно, нельзя отрицать хорошо известных проблем, возникающих в связи с падением рождаемости, старением населения, нестабильностью брака, ростом числа свободных союзов и внебрачных рождений, большим числом искусственных абортов, распространением СПИДа и т.п. Но не следует забывать и о другой чаше весов, на которую ложатся приобретения XX в.: расширение свободы выбора для мужчины и женщины как в семейной, так и в социальной области, рост мобильности, в том числе и матримониальной, равенство партнеров, большие возможности контактов между поколениями, удовлетворения личных потребностей, самореализации, растущее замещение семейной солидарности солидарностью социальной, эмансипация женщин, детей и пожилых, упрощение семейных нравов, гибкость семейной морали и т.д. Снижение числа детей в российских, европейских или американских семьях — плата за расширение других жизненных возможностей семей, женщин, самих детей, рождающихся теперь в меньшем количестве. Малодетность — сознательный выбор, сделанный семьями во всех более богатых странах с общим населением не менее миллиарда человек, и трудно представить себе, что этот выбор будет пересмотрен в ближайшие десятилетия.

Признание всего этого вовсе не значит, что надо закрыть глаза на проблемы, создаваемые низкой рождаемостью. Она, несомненно,

представляет собой вызов современному обществу. В чисто демографическом плане она чревата постарением населения и сокращением его численности. Хотя и то, и другое кажется нежелательным, никаких неоспоримых доказательств того, что население всегда должно обязательно увеличиваться в размере или иметь более молодую возрастную структуру, нет. Но в конкретных условиях места и времени, в частности, в условиях современной России, оба названные последствия снижения рождаемости создают вполне определенные и достаточно серьезные трудности, и российскому обществу приходится искать способы их преодоления. Эти способы не обязательно должны быть демографическими. В какой-то мере они, напротив, могут сводиться к приспособлению социальных институтов к новым демографическим реальностям.

Как может российское общество ответить на ставшее хроническим «превышение смертности над рождаемостью» (точнее, на превышение числа смертей над числом рождений) и вытекающее из него сокращение численности населения? Здесь и в самом деле есть повод для беспокойства. После распада СССР в России осталась три четверти его территории, но только половина его жителей. Низкая плотность населения — ахиллесова пята России. Современная экономическая, да и вся общественная жизнь требует концентрации людских масс, в России же они, по неизбежности, «размазаны» по огромным пространствам. Некем заселять Сибирь и Дальний Восток, не хватает населения для поддержания достаточно густой сети поселений, нельзя создать значительного числа по-настоящему крупных городов. К тому же Россия соседствует с густонаселенными государствами, и некоторые из них время от времени заявляют претензии на российские территории.

Изменить это положение практически невозможно. Из-за превратностей отечественной истории XX в., из-за огромных потерь от войн, репрессий и голода Россия упустила свой «демографический взрыв». А сейчас вступила в стадию демографического развития, свойственную всем индустриальным странам, — большой естественный прирост населения на этом этапе невозможен. Более того, с 1992 г. он стал отрицательным, и то, что этого не произошло намного раньше, было оплачено демографическими катастрофами прошлых лет. Все

¹ Подробнее об этом см.: Население России 1997... С. 27.

прогнозы указывают на то, что отрицательный естественный прирост населения России в ближайшие 10—20 лет, а может быть, и дольше, более вероятен, чем положительный или даже нулевой.

Снижение смертности и повышение рождаемости в тех пределах, в которых они реально возможны в России при самом благоприятном развитии событий, способны несколько улучшить положение дел, но не изменить его кардинально. Единственным источником роста населения и даже хотя бы поддержания его неубывающей численности может служить только иммиграция. Роль страны иммиграции не вполне обычна для России, но и не совсем нова. Уже начиная со второй половины 1970-х гт. Россия из республики, отдающей население, превратилась в принимающую (тогда речь шла об обмене населением между республиками СССР), и с тех пор привыкшая за несколько столетий к центробежным миграциям Россия все больше становилась ареной центростремительных миграционных движений. Однако масштабы их были не очень велики, а иммиграция никогда явно не рассматривалась как важный источник демографического роста. Сейчас настало время всерьез задуматься над этой новой для России ролью иммиграции, и притом иммиграции крупномасштабной. Такая иммиграция, если она станет реальностью, породит множество проблем, однако иного выхода у России нет. Чем раньше будет выработана миграционная стратегия страны, чем лучше будет осмыслен весь комплекс связанных с нею вопросов, тем большего числа ошибок удастся избежать и тем меньшую цену придется заплатить за то, что все равно придется делать.

Не менее важны поиски стратегического ответа на старение населения и связанные с этим проблемы растущей экономической нагрузки на его работающую часть. Теоретически демографическое старение может иметь две причины: снижение рождаемости и снижение смертности в старших возрастах (снижение смертности в младших возрастах противодействует старению, оно в каком-то смысле равнозначно росту рождаемости). В преуспевших в снижении смертности западных странах наличествуют обе эти причины, благодаря чему они получают некоторую свободу действий, в частности, возможность отодвинуть верхнюю границу трудоспособного возраста. Улучшение здоровья и снижение смертности пожилых позволяют повысить возраст выхода на пенсию, не сокращая «свободного времени» пенсионной жизни. В России же пока единственная причина старения — снижение рождаемости. В этих условиях повышение возраста выхода на пенсию — не более чем способ отобрать у пожилых несколько лет «свободного времени», ничего не дав им взамен. Такое повышение способно, конечно, принести экономию бюджетных средств. Но если следовать только экономической логике, то еще выгоднее было бы вообще отменить пенсии и заставить человека работать до самой смерти.

К счастью, ни одно общество не может жить, открыто пренебрегая принципами социальной солидарности, которые ограничивают область действия чисто экономической логики. Но это не значит, что экономические интересы не заявляют о себе и не пытаются расширить область своего диктата за счет сужения области социального. Поскольку речь идет о повышении пенсионного возраста, нередко пытаются при этом опираться на демографические соображения (старение населения). Однако, как показано в докладе, как раз сейчас демографических оснований для повышения пенсионного возраста нет. С точки зрения соотношения рабочих и нерабочих возрастов Россия вошла в благоприятный период, который необходимо использовать для подготовки к более суровым временам: для снижения смертности, особенно в младших и средних возрастах (это несколько замедлит старение), для резкого повышения эффективности экономики, реформирования системы социальной защиты, проведения военной реформы и т.д. Примерно через десять лет «окно демографического благоприятствования» захлопнется, и если этот отпущенный историей короткий срок не будет использован должным образом, демографические подвижки, на которые российское общество не привыкло обращать большого внимания, могут поставить его перед экономической, социальной, а может быть, и политической катастрофой.

Политизированные дилетанты настойчиво пытаются убедить общество, что вековые демографические тенденции можно изменить: повысить рождаемость, восстановить естественный прирост населения, прекратить старение и пр. Анализ демографической ситуации часто понимается у нас как необходимая предпосылка ее целенаправленного изменения. Выявить неблагополучия — и устранить их с помощью демографической политики! Такой «мичуринский» подход вообще был свойствен советскому, свойствен и постсоветскому сознанию. Но изменить можно далеко не все. Хорошо бы сделать то, чего можно добиться наверняка, в частности, снизить смертность, как это сделали уже во множестве стран. В других же случаях гораздо важнее понять объективный и необратимый характер перемен и выработать адекватный социальный ответ, приспособить к новым условиям всю систему институтов и норм, все виды социального действия.

Население России 1998*

Современные демографические тенденции в России складываются и развиваются на фоне общего социально-экономического кризиса, который, по широко распространенному мнению, не только не ослабевает, но даже обостряется. Поэтому постоянно приходится сталкиваться с попытками объяснить те или иные демографические явления последних лет неблагоприятным влиянием кризисной социально-экономической ситуации.

Проблема, однако, заключается в том, что далеко не все, что происходит сейчас в демографической сфере, свидетельствует о негативной динамике. Напротив, все более заметными становятся позитивные сдвиги, о которых говорится, в частности, и в этом докладе. Сейчас еще рано говорить о демографических последствиях событий 17 августа 1998 г., но динамика предшествующих лет свидетельствует о благоприятных изменениях. Таково начавшееся после резкого повышения смертности в 1992—1994 гг. ее снижение, включая и снижение младенческой смертности до самого низкого в истории России уровня или значительное снижение смертности от таких социально окрашенных причин, как самоубийства или алкогольные отравления. Таковы рост ожидаемой продолжительности жизни или уменьшение числа абортов. Такова нормализация структуры миграционных потоков, которая свидетельствует о том, что миграционные процессы возвращаются из кризисного в свое обычное состояние. Правда, все еще продолжается, хотя и с замедлением, снижение рождаемости. Но, как уже не раз отмечалось, по уровню рождаемости Россия мало отличается от большинства вполне благополучных западных стран, так что и здесь связь с экономическим кризисом не кажется очевидной. Конечно, остаются еще такие несомненно кризисные явления, как подъем заболеваемости туберкулезом или сифилисом, да и вообще демографическая ситуация в целом оставляет желать много лучшего. Тем не менее определенное расхождение реальной динамики демографических процессов и ожиданий, связывающих эту динамику с обострением экономического кризиса, налицо.

^{*} Население России 1998. Шестой ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Книжный дом «Университет», 1999. С. 134—139.

Чем бы ни объяснялось такое расхождение, оно позволяет утверждать, что существуют возможности добиваться улучшения демографической ситуации в России, не дожидаясь выхода из общего кризиса, и что усилия, предпринимаемые в этом направлении, далеко не безнадежны. Важно, однако, правильно определить цель таких усилий. Они не должны быть направлены просто на устранение ряда крайне негативных явлений, обозначившихся в первой половине 1990-х гг., или их последствий. Цель должна ставиться шире. Необходимо переломить некоторые долговременные негативные тенденции, сложившиеся еще в 1960—1980-е гг. и создавшие тот весьма неблагоприятный фон, к которому относительно несложно возвратиться, устранив острые вспышки неблагополучия в 1990-е гг. В противном случае все главные проблемы, которые достигли большой остроты уже к началу «перестройки», сохранятся, а отставание России от передовых в демографическом отношении стран будет продолжать нарастать. Россия же нуждается в стратегии действий, которые позволят преодолеть это отставание.

Все или почти все сегодняшние демографические проблемы России, идет ли речь о низкой рождаемости или высокой смертности, о суженном воспроизводстве населения или новых тенденциях процессов формирования и распадения семей, связаны с историческими изменениями в условиях жизни людей, происходящими во всех странах с высоким уровнем индустриализации и урбанизации. Но существует российская специфика, которая требует разделения этих проблем на две большие группы.

К первой группе относятся проблемы, общие для России и большинства западных стран. Низкая рождаемость, непрочность брака, рост числа нерегистрируемых сожительств, внебрачных рождений, высокая смертность от так называемых болезней цивилизации, замедляющийся, а иногда и ставший уже отрицательным естественный прирост населения — таков далеко не полный перечень проблем, которые давно уже беспокоят общественное мнение и в Западной Европе, и в Северной Америке, порождая множество вопросов. Все эти проблемы объединяет одна общая черта. Несмотря на неоднократные попытки найти их решение, многие вопросы пока остаются без ответа, а рекомендуемые учеными и предпринимаемые правительствами меры оказываются неэффективными. По-видимому, признавая всю серьезность вызовов ХХ в. в том, что касается личной и семейной жизни людей или защиты их здоровья, нельзя не учитывать, что они

имеют не конъюнктурный характер. Простых ответов на эти вызовы не существует или, во всяком случае, пока они нигде не найдены. Не исключено, что общество, осознав, что излишняя драматизация многих вполне реальных нынешних проблем отнюдь не приближает их решения, вообще должно будет пересмотреть свое отношение ко многим историческим изменениям и примириться с некоторыми из них, сколь бы неприемлемыми они ни казались на первый взгляд. Нечто подобное уже происходит во многих странах, и Россия не составляет здесь какого-либо исключения.

К другой же группе российских проблем относятся те, с которыми многим западным странам удалось справиться полностью или хотя бы частично. Россия, как и другие бывшие республики СССР, явно выпадает из общего ряда промышленных стран, выделяясь высокой смертностью от устранимых причин смерти, все еще значительной инфекционной заболеваемостью, недостаточной обеспеченностью репродуктивных прав женщины и семьи, низким уровнем репродуктивного здоровья, неразвитостью методов планирования семьи, огромным числом абортов, высокой материнской смертностью и пр. Западный опыт указывает на то, что при наличии политической воли и надлежащих ресурсов проблемы такого рода в принципе разрешимы уже сегодня, они вполне могут быть решены и в России.

Указанное различие между двумя группами проблем необходимо учитывать при определении приоритетов действий, направленных на смягчение нынешних демографических проблем и оздоровление демографической ситуации в России. Негативные тенденции в демографическом развитии России многообразны, многие из них имеют долгую историю. Соответственно и их преодоление требует длительных и разносторонних усилий, которые, по причине обычной ограниченности ресурсов, не могут быть предприняты одновременно и с одинаковой интенсивностью. Необходим правильный выбор приоритетов, который позволил бы сконцентрировать имеющиеся ресурсы на наиболее важных и перспективных направлениях действий, на решении проблем, которые по тем или иным причинам достигли критической остроты и в то же время относятся к числу практически разрешимых.

В частности, говоря о различных аспектах семейной политики, нельзя не указать на недостаточную обеспеченность в России репродуктивных прав женщины и семьи, низкую культуру контрацепции, что служит причиной большого числа абортов, ухудшения общего и репродуктивного здоровья женщин, а также здоровья рождающихся

детей, приводит к повышению материнской смертности, распространению венерических заболеваний и СПИДа, к другим неблагоприятным социальным последствиям.

Сам масштаб отставания от передовых стран в области репродуктивных прав указывает на реальные резервы существенного улучшения положения и возможности достижения успеха в относительно короткие сроки. Именно на преодоление этого отставания, то есть на решение конкретных, в принципе разрешимых проблем и должны быть ориентированы приоритетные стратегические усилия общества и государства.

Известны и много раз проверены мировой практикой и методы действий в подобной ситуации. Необходимо укреплять законодательную базу охраны репродуктивных прав граждан, развивать материальную инфраструктуру, необходимую для их реализации, вести работу по половому просвещению и информированию населения, особенно молодежи. Все эти виды деятельности имеют место в России, но их интенсивность не соответствует масштабам задач.

Одной из причин такого положения является ограниченность ресурсов. Но, кроме экономических, есть и серьезные политико-идеологические препятствия. Усилия, направленные на развитие полового просвещения или служб планировании семьи в России, не всегда находят понимание общественного мнения. Существуют политические круги, которые активно выступают за ограничение свободы аборта и контрацепции, запреты и ограничения в области распространения знаний и расширения деятельности служб планирования семьи, полового просвещения детей и молодежи, до известной степени они влияют на позицию исполнительной и законодательной власти. С другой стороны, эти же круги постоянно подчеркивают действительное или кажущееся неблагополучие в таких областях семейной и личной жизни граждан (низкая рождаемость, большое число разводов и неполных семей, рост числа внебрачных детей, раннее начало половой жизни и пр.), на которые очень трудно, а порой и невозможно влиять. Требуя проводить активную государственную политику там, где она заведомо не может быть эффективной, они способствуют деформации разумной системы приоритетов и в конечном счете оттесняют на второй план именно те направления семейной политики, которые способны принести реальный успех.

Нуждаются в уточнении и приоритеты политики в области здоровья и смертности. Иногда не без оснований полагают, что на совре-

менном этапе развития на первый план выходит борьба с основными неинфекционными заболеваниями¹. Применительно к России такая постановка вопроса требует существенных уточнений.

Во-первых, сам факт преобладания хронических неинфекционных заболеваний среди причин смерти еще не означает, что именно с этими причинами следует бороться в первую очередь. Если все равно люди должны умирать от каких-то причин, то лучше, чтобы это были именно хронические заболевания эндогенной природы, так как сами эти заболевания появляются и смерть от них, как правило, наступает в более поздних возрастах.

Во-вторых, хотя контроль над многими инфекционными болезнями в России в целом действительно установлен, он пока все же недостаточно надежен. Смертность от инфекционных болезней, особенно в младших возрастах, все еще очень высока: в возрасте до 1 года — в 6-7 раз выше, чем на Западе, в возрасте от 1 до 9 лет — в 3-4 раза выше. Кроме того, в России пока сохраняется вероятность вспышек инфекционных и даже эпидемических заболеваний, каковые и наблюдались в недавнем прошлом или наблюдаются сейчас (вспышки холеры, дифтерии, туберкулеза, сифилиса, распространение СПИДа и пр.). Хотя по абсолютному числу жертв такие вспышки значительно уступают хроническим болезням, их разрастание таит в себе очень большую опасность.

В-третьих, понятие «неинфекционные болезни» не покрывает одну из главных угроз здоровью и жизни россиян — несчастные случаи, отравления и травмы. Между тем их роль как источника неблагополучия даже и в количественном смысле сопоставима с ролью главных неинфекционных заболеваний. В частности, по числу жертв у мужчин они стоят на втором месте, уступая только сердечно-сосудистым заболеваниям и намного превосходя новообразования или болезни органов дыхания, и именно они внесли главный вклад в подъем смертности 1992—1994 гг. (они ответственны за 43% общего снижения ожидаемой продолжительности жизни за эти годы, тогда как болезни системы кровообращения — только за 33%). К этому надо добавить, что если для борьбы с различными болезнями в России име-

¹ См., напр.: Государственный научно-исследовательский центр профилактической медицины РФ. К здоровой России. Политика укрепления здоровья и профилактики заболеваний: приоритет — основные неинфекционные заболевания. М., 1994.

ются достаточно серьезные исследовательские, лечебные, организационные структуры, то столь же серьезных институционализированных возможностей борьбы с несчастными случаями и другими «внешними причинами» заболеваемости и смертности в стране не существует.

В целом нельзя отрицать, что эпидемиологическая революция ХХ в. заставляет смещать приоритеты борьбы за более долгую и более здоровую жизнь с патологии экзогенной на патологию эндогенной природы, т.е. именно на хронические неинфекционные заболевания. что и было сделано в западных странах. Однако нельзя перескакивать через не пройденные этапы и видеть первостепенные задачи только в борьбе с преимущественно эндогенной заболеваемостью и смертностью, когда, как это имеет место в России, еще не до конца решены проблемы предыдущего этапа — эффективной борьбы с заболеваемостью и смертностью преимущественно экзогенной природы. По-видимому, приоритеты для России сегодня должны быть сформулированы несколько по-иному. Конечно, среди них остается борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями, особенно с ишемической болезнью сердца и нарушениями мозгового кровообращения, служащими одной из главных причин избыточных смертей в возрастах до 70 лет, ибо, как показывает мировой опыт, они вполне могут быть оттеснены к более поздним возрастам. Но должно быть найдено и четко обозначено место и для борьбы с заболеваемостью, инвалидностью и смертностью от внешних причин — несчастных случаев, отравлений, травм и причин насильственного характера, особенно среди мужчин, у которых вызванная этими причинами избыточная смертность даже выше, чем от болезней системы кровообращения. К числу приоритетных следует отнести и меры, направленные на борьбу с выходящими из-под контроля инфекционными заболеваниями, такими, как туберкулез или сифилис. а также СПИЛ. С точки зрения смертности влияние этих заболеваний пока невелико, однако их влияние на здоровье населения и их способность к быстрому распространению требуют безотлагательных и решительных мер. Наконец, к числу главных приоритетов следует отнести разработку и реализацию комплекса мер по резкому улучшению здоровья и сохранению жизни рождающихся детей.

При определении стратегических целей миграционной политики необходимо осознать новую миграционную обстановку, возникшую в России в 1990-е гг., и новую роль внешней миграции как единственного источника пополнения убывающего российского населения. В то же время следует избегать крайних выводов из сложившейся ситуации и ориентироваться на нереально высокие уровни притока населения извне. В ближайшее время для этого не будет ни экономических, ни политических, ни культурных предпосылок. Сейчас в качестве первоочередной задачи следует рассматривать содействие переселению в Россию русских и других русскоязычных граждан бывшего СССР, а также представителей других коренных народов России (татар, башкир и других), оказавшихся вне пределов России, но желающих в нее вернуться.

С этой целью должны быть устранены все необоснованные законодательные либо административные препятствия въезду в Россию этой категории иммигрантов и созданы специальные условия, благоприятствующие их экономической и социальной адаптации.

В частности, необходимо выработать условия легализации и адаптации граждан стран СНГ и Балтии, прибывающих в Россию, но не принимающих российского гражданства. Проживание в стране иностранных граждан, имеющих законный вид на жительство и пользующихся всеми правами местного населения (кроме избирательных, а иногда — в ограниченной мере — и избирательными), — обычная практика многих стран, в которых для нее часто даже меньше оснований, чем в сегодняшней России. Легализация мигрантов предполагает распространение на них норм российского трудового законодательства, социальной защиты, но также и налогообложения.

Должны быть разработаны специальные меры экономической и психологической реабилитации вынужденных мигрантов независимо от их происхождения, гражданства или дальнейших планов. Помимо гуманитарного значения таких мер они должны снизить риск возникновения очагов повышенной социальной напряженности или преступности и способствовать более эффективному использованию экономического потенциала вынужденных мигрантов. Речь идет не об оказании прямой материальной помощи, хотя в некоторых случаях необходима и она, а о создании благоприятного психологического климата и устранении искусственных препятствий к свободному передвижению, предпринимательству или трудоустройству. Необходимо стремиться ко всесторонней интеграции вынужденных мигрантов в те территориальные сообщества, в которых они оказываются. В этом смысле создание мелких собственных поселений силами самих мигрантов, к чему сейчас их подталкивают обстоятельства, — тупиковый путь.

Нуждается в срочном совершенствовании — законодательном и материально-техническом — вся сфера экономической миграции рос-

сиян. Требуется создание законодательной базы, материальной, финансовой и социальной инфраструктуры для временных трудовых или торговых мигрантов с тем, чтобы исключить или хотя бы ограничить злоупотребления как со стороны самих мигрантов, так и со стороны таможенных и других властей, и создать цивилизованные условия перемещения через границу людей, грузов и денег.

Население России 1999*

1999 г. должен был стать годом первой Всероссийской — если иметь в виду Россию в ее нынешних границах — переписи населения. Страна собиралась подвести демографические, а во многом и экономические, и социальные итоги своей жизни за десятилетие, прошедшее со времени предыдущей, тогда еще Всесоюзной переписи 1989 г. Более того, первая перепись населения новой России ожидалась на исходе века почти ровно через сто лет после тоже первой Всеобщей переписи населения России дореволюционной, Российской империи. Намеченная на 1999 г. перепись, как известно, не состоялась, и итоги — как десятилетия, так и столетия, — пока остались неподведенными.

Но страна продолжает жить, и, чтобы не двигаться совсем вслепую, обществу нужно знать о том, что происходит на социальной глубине, как протекают и к чему ведут подспудные экономические, социальные или демографические перемены. Такие перемены обычно не попадают в поле зрения наблюдателей и толкователей ежедневных событий внутренней или внешней политики, ибо они дальше от «дневной поверхности», часто не видны и плохо понятны, хотя в конечном счете они намного важнее коньюнктурных поворотов в текущем раскладе экономических или политических сил. По мере возможности глубинные перемены изучаются методами социальных наук, в том числе и демографии, которая имеет свою делянку на общем поле социальных исследований. В рамках этой общей работы подготовлен и настоящий доклад — седьмой в серии ежегодных докладов Центра демографии и экологии человека о демографической ситуации в России.

Доклад, разумеется, не претендует на то, чтобы представить материал, заменяющий результаты государственной переписи населе-

^{*} Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Книжный дом «Университет», 2000. С. 165—170.

ния. Лишь в некоторых случаях — как это сделано, например, с оценкой изменений этнического состава россиян или баланса миграций за 1989—1998 гг., авторы попытались, используя текущие данные государственной статистики и методы, доступные исследователям-демографам, подвести некоторые приблизительные итоги десятилетия. В основном же доклад выполняет свою обычную задачу ежегодного мониторинга главных демографических процессов и их последствий. Но все же магия круглых цифр — сопоставление 1989 и 1999 гг. — побуждает чаще, чем обычно, задумываться над результатами истекшего десятилетия.

Результаты эти скорее неутешительные.

Именно на последнее десятилетие пришлось и последнее, четвертое в XX в., сокращение численности населения России. С 1992 по 1999 г. оно уменьшилось на 2 млн. человек.

В одном из предыдущих выпусков доклада¹ приводилась приблизительная оценка накопленных потерь, обусловленных демографическими катастрофами XX в. Согласно этой оценке, если бы таких катастроф не было, население России в 1980 г. превышало бы фактическое (139 млн. человек) на 115 млн. На этом фоне потери последнего десятилетия не кажутся особенно большими.

Но в отличие от предыдущих периодов, когда убыль населения была обусловлена острейшими социальными потрясениями — Первой мировой и Гражданской войнами, голодом и репрессиями 1930-х гг., Второй мировой войной, — нынешнее сокращение вызвано устойчивыми изменениями в массовом демографическом поведении населения, приведшими к очень сильному падению рождаемости. Поэтому остановить нынешнюю убыль населения намного труднее, чем в предыдущие три раза, когда ее главной причиной были временные катастрофические подъемы смертности. С их окончанием снова появлялся положительный естественный прирост, и прежняя численность населения восстанавливалась. Теперь же рассчитывать на ее восстановление за счет естественного прироста не приходится, так что убыль населения России может принять затяжной характер.

Главная ее причина — именно низкая рождаемость, в России давно уже не обеспечивающая даже простого возобновления поколений. 1990-е гг. только усугубили положение, усилили депопуляционные тенденции, существовавшие и прежде. Широко распространено мнение, что резкое снижение рождаемости в 1990-е гг. — следствие эко-

¹ Население России 1996.

номического и социального кризиса «переходного периода» и что как только кризис кончится, рождаемость начнет повышаться. К сожалению, дело, по-видимому, обстоит сложнее, и для такого оптимизма нет оснований. Недавний опыт многих европейских стран показывает, что стремительное — в течение одного десятилетия — снижение рождаемости такого же масштаба, как в России в 1987—1997 гг., может происходить и при отсутствии каких-либо кризисных явлений, даже в условиях экономического подъема (рис. 8). Период резкого падения рождаемости длится примерно 10 лет, но он нигде не сменяется ростом, как правило, рождаемость продолжает снижаться, хотя и гораздо более медленно.

Рис. 8. Снижение рождаемости за десятилетие в некоторых странах

Причины резкого снижения рождаемости во многих странах в 1970—1990-е гг. до конца не поняты, но ясно, что речь идет об общемировом процессе, имеющем свои глубинные движущие силы, и нет оснований ожидать, что Россия окажется вне общего движения стран, имеющих примерно такой же, как и она, уровень экономического и социального развития. Было бы очень хорошо, если бы в недалеком будущем рождаемость в России начала повышаться, но пока такое развитие событий кажется маловероятным.

Еще более пессимистические размышления порождает положение с российской смертностью. Если долговременные тенденции рождаемости в России и в большинстве промышленно развитых стран в основном совпадают, то по долговременным тенденциям смертности Россия резко отличается от них в худшую сторону. И дело здесь снова не в процессах «переходного периода», плате за реформы и т.д. Соответственно, как и в случае с рождаемостью, следует предостеречь от необоснованного оптимизма в отношении будущих тенденций смертности, связанного с надеждами на преодоление экономического и социального кризиса 1990-х гг.

По ряду причин, к числу которых относятся и недостаточная информированность населения, и объективная сложность и противоречивость наблюдаемых процессов, и невысокая компетентность наблюдателей, и тенденциозная заинтересованность некоторых политических сил, общественное мнение убеждено, что 1990-е гг. в России стали периодом небывалого в мирное время повышения смертности. Оно часто рассматривается именно как «плата за реформы», как их недопустимо высокая «человеческая цена» и т.п.

Даже если бы это и в самом деле было так, не следовало бы упускать из вида, что положение со смертностью в России было очень плохим и до 1990-х гг., а ее отставание от Западной Европы, Северной Америки или Японии быстро нарастало по крайней мере с середины 1960-х гг. Постоянное подчеркивание подъема смертности в период реформ как бы выводило этот неблагоприятный фон за скобки, и создавалась иллюзия, что стоит прекратить реформы или найти какойто иной способ выхода из кризиса, как положение со смертностью налалится.

На самом деле и здесь все обстоит сложнее. Как показывает анализ¹, реального повышения смертности в первой половине 1990-х гг. либо практически вовсе не было, либо оно было очень небольшим. Имели место лишь подвижки компенсаторного характера: начавшиеся в середине 1980-х гг. временные изменения «календаря» смертности породили впоследствии эффект стремительного ухудшения показателей для условных, «поперечных» поколений. Эти изменения были отчасти даже положительными, для ряда поколений они не сократили, а удлинили время реальной жизни, в среднем прожитой каждым умершим, хотя, к сожалению, положительная составляющая измене-

¹ См.: Население России 1999, Раздел 5.1.

ний сохранялась недолго. Но в любом случае для постоянного муссирования темы «страшной цены реформ», а тем более «геноцида» россиян в 1990-е нет никаких оснований.

Гораздо серьезнее то, что когда колебательные подвижки показателей смертности подощли к концу, обнажился прежний, «советский», неблагоприятный фон. Довольно быстрое снижение смертности после 1994 г. явно не обладало своими внутренними движущими силами, это был просто возврат к тому, что уже было, может быть, даже к его ухудшенному «изданию». Печальные итоги 1999 г., новое повышение смертности, возможно, отчасти следует отнести на счет последствий августовского финансового кризиса 1998 г. Но главное. конечно, не в этом. Вся система охраны здоровья — и в том виде, в каком она сформировалась в России еще в советское время, и в том, какой она приобрела в ходе постсоветских реформ, — слишком худосочна, слишком слабо обеспечена ресурсами, занимает слишком низкое место на шкале государственных приоритетов, чтобы она могла обеспечить значительный рывок в деле снижения смертности. А экономическая и политическая ситуация в стране пока, к сожалению, не позволяет ожидать в скором времени столь необходимых революционных изменений в системе охраны здоровья россиян.

И, наконец, последний, третий компонент изменений численности населения страны — миграция. В нынешних условиях — это единственный реальный источник прироста населения России, благодаря которому все последние годы удавалось если не предотвратить сокращение ее населения, то по крайней мере заметно его ослабить. Главные поставщики иммигрантов в Россию — страны СНГ и Балтии, прирост населения за счет миграционного обмена с этими странами за 1989—1998 гг. был почти втрое большим, чем за 1980—1988. Если бы не приток мигрантов, то убыль населения России за 1992—1998 гг. составила бы не 2 млн. человек, как это было на самом деле, а приблизилась бы к 5 млн. Но и этот источник на глазах иссякает. Нетто-миграция из стран СНГ и Балтии из года в год сокращается.

Это и не удивительно, если учесть, что рост миграционного сальдо России, достигшего пика в 1994 г., происходил на фоне общего сокращения миграционной подвижности. Прирост увеличился не потому, что в Россию въезжало больше мигрантов, а потому, что из нее меньше выезжало. Коэффициент иммиграции с 1989 по 1998 г. уменьшился с 58 до 43 на 10 тыс. жителей России, а коэффициент эмиграции упал с 47 до 9. В результате нетто-миграция выросла с 11 до 25 на

10 тыс. Но дальнейшие возможности роста нетто-миграции за счет сокращения выезда очень ограничены — он и так уже почти подошел к пределу. Остановить падение миграционного прироста и усилить роль миграции как фактора, противостоящего депопуляции России, можно только за счет увеличения притока иммигрантов. Однако ничто — ни в объективно наблюдаемых тенденциях, ни в политике государства — не позволяет ожидать такого увеличения в обозримом будущем.

Анализ как краткосрочных, так и долговременных тенденций демографического развития России не дает оснований и для оптимистического прогноза этого развития. Даже самый благоприятный, «высокий» вариант прогноза не предусматривает увеличения числа россиян, а наиболее вероятный «средний» вариант явственно указывает на его значительное снижение (табл. 24). Разумеется, прогнозные гипотезы могут быть оспорены, и на бумаге можно изобразить и растущее население России. Однако добиться роста на деле будет гораздо труднее.

Таблица 24. Численность населения России по трем вариантам прогноза до 2021 г.

Варианты	1991	2001	2011	2021
Высокий вариант	148,5	146,2	146,6	145,3
Средний вариант	148,5	145,6	141,4	134,3
Низкий вариант	148,5	144,7	135,5	122,8

Нынешнее демографическое положение России и перспективы его эволюции относятся к числу первостепенных, ключевых элементов, определяющих долговременное развитие страны в наступающем столетии. Настоящий, глубокий интерес к нему может появиться в обществе только тогда, когда оно вообще озаботится своими масштабными, стратегическими задачами и примется за их решение. До того, как это произойдет, нельзя рассчитывать на то, что даже самые бесспорные соображения и выводы специалистов будут хотя бы просто услышаны. Сейчас увлеченные решением тактических, сиюминутных задач общество, его политическая элита, конъюнктурно ориентированные средства массовой информации вспоминают о демог-

¹ См.: Население России 1999. Раздел 7.1.

рафических проблемах только так и тогда, как и когда это нужно для достижения успеха в очередной схватке в борьбе за влияние, собственность или власть.

В этих условиях академическим исследователям, к числу которых относят себя авторы доклада, остается очень узкое поле действия. В силу своей малочисленности, скромности финансовых и организационных возможностей они не в состоянии активно противостоять растущему потоку некомпетентных, паранаучных публикаций, скандальных заявлений экстравагантных политиков, усиливающемуся давлению клерикалов. Но все же и они не сидят сложа руки. Свидетельство тому — наши ежегодные доклады. У нас нет впечатления, что сейчас они в достаточной мере востребованы теми, кто мог бы эффективно воздействовать на демографическую ситуацию в стране. Но мы убеждены, что рано или поздно в России наступит время дальновидных стратегических решений, и тогда положение изменится.

Население России 2000*

Как отмечалось в предыдущем, седьмом ежегодном докладе Центра демографии и экологии человека «Население России 1999», у его авторов не сложилось впечатления, что научный анализ демографической ситуации в стране в достаточной мере востребован теми, кто мог бы эффективно на нее воздействовать.

2000 год — последний год XX столетия — породил некоторые надежды на то, что стратегическое значение демографического фактора начинает осознаваться лучше, чем прежде. Этот год был отмечен в России значительным ростом общественного внимания к демографическому положению страны.

В частности, Президент России В. Путин в своем Послании Федеральному собранию в июле 2000 г. назвал демографические проблемы в числе «самых острых проблем, стоящих перед страной». «Нас, граждан России, — сказал он, — из года в год становится все меньше и меньше. Уже несколько лет численность населения страны в среднем ежегодно уменьшается на 750 тысяч человек. И если верить прогнозам — а прогнозы основаны на реальной работе людей, которые в этом

^{*} Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Книжный дом «Университет», 2001. С. 152—157.

разбираются, — уже через 15 лет россиян может стать меньше на 22 миллиона человек. Вдумайтесь в эту цифру: это — седьмая часть населения страны. Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой. Нам реально грозит стать дряхлеющей нацией. Сегодня демографическая ситуация — одна из тревожных»¹.

Примечательно, что накануне обращения к Федеральному собранию Президент страны счел нужным встретиться со специалистами-демографами, в том числе и с некоторыми авторами наших ежегодных докладов, и выслушать их мнение о российских демографических проблемах.

Не обощел вниманием демографические проблемы и состоявшийся в августе 2000 г. в Москве юбилейный Архиерейский собор Русской православной церкви. РПЦ, говорится в принятых Собором Основах социальной концепции Русской православной церкви. «с глубокой тревогой констатирует, что народы, традиционно окормляемые ею, ныне находятся в состоянии демографического кризиса. Резко сократились рождаемость и средняя продолжительность жизни, постоянно уменьшается численность населения. Опасность представляют эпидемии, рост сердечно-сосудистых, психических, венерических и других заболеваний, наркомании и алкоголизма. Возросла детская заболеваемость, включая слабоумие. Демографические проблемы ведут к деформации структуры общества и к снижению творческого потенциала народов, становятся одной из причин ослабления семьи. Главными причинами, приведшими к депопуляции и критическому состоянию здоровья упомянутых народов, в XX веке стали войны, революция, голод и массовые репрессии, последствия которых усугубил глубокий общественный кризис конца столетия»².

Рост общественного интереса к демографическому настоящему, демографическому прошлому и особенно демографическому будущему России налицо, и это порождает ожидания того, что демографический фактор займет, наконец, должное место во всех аналитических и прогностических разработках, касающихся сегодняшнего и завтрашнего дня России, и будет с необходимой полнотой учитываться при принятии любых решений, затрагивающих внутреннюю и внешнюю политику страны.

¹ Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ 8 июля 2000 г.

² Основы социальной концепции Русской православной церкви. Раздел XI.4.

Но пока речь может идти именно только об ожиданиях, а не об их воплощении в реальные дела.

Демографическая ситуация в стране не улучшается. После нескольких лет снижения смертности в 1999—2000 гг. возобновился ее рост, и ожидаемая продолжительность жизни населения России снова стала падать, причем это происходит даже несмотря на продолжающееся снижение младенческой смертности. Число родившихся в 1999 г. достигло рекордно низкого уровня (1214,7 тыс.), в 2000 г. несколько повысилось (до 1259,4 тыс.), но все равно остается ниже, чем в любом году до 1999-го. Миграционный прирост остается низким и компенсирует лишь небольшую часть естественной убыли населения.

В результате с 1999 г. ускорилось сокращение численности населения (рис. 9), его темп в 1999—2000 гг. вырос до 0,5% в год против 0,2—0,3% в 1995—1998 гг. В абсолютном выражении убыль населения за эти два года составила 1,5 млн. человек против 0,8 млн. за 1997—1998 гг.

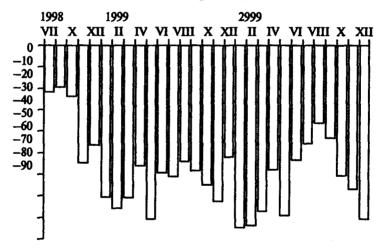

Рис. 9. Сокращение численности населения по месяцам, 1998—2000, тыс. человек

На фоне этих неблагоприятных тенденций совершенно естественным выглядит стремление общества и государства концептуально осмыслить сложившуюся ситуацию и с возможно большей полнотой учесть демографические факторы при определении общей стратегии на будущее. Но эта цель может быть достигнута лишь в том случае, если демографические тенденции будут поняты во всей их сложности и если будет осознано, что возможности общества и государства контролировать эти тенденции весьма ограниченны. Многие из тех изменений, которые породили нынешнюю демографическую ситуацию, имеют долговременный эволюционный характер, они подчиняются общемировым закономерностям и в принципе необратимы. Соответственно многие тенденции, даже и вызывающие тревогу в обществе, не могут быть изменены на противоположные никакими мерами. Разумная позиция заключается не в том, чтобы пытаться — без всякой надежды на успех — повернуть вспять колесо истории, а в том, чтобы приспособить общество и его институты к исторически новой ситуации.

Сейчас не нужно обладать особо большой прозорливостью, чтобы понимать, что население России вступило в период долговременного сокращения его численности и старения, и надо задуматься над тем, как страна будет жить в таких условиях. Между тем все громче становятся голоса поборников проведения демографической политики, направленной на «постепенную стабилизацию численности населения и формирование предпосылок последующего демографического роста». Трудно оспорить привлекательность такого развития событий. Но можно ли считать подобные цели реалистичными? С помощью каких механизмов они будут достигнуты? Осознают ли сторонники такого рода политики сложность стоящих перед ними проблем?

Судя по некоторым признакам, достаточного осознания этой сложности пока нет. Авторы официальной «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года». одобренной правительством в 2001 г., смотрят в будущее с большим оптимизмом. Как утверждалось в газетном интервью высокопоставленного чиновника Министерства труда и социального развития РФ. причины депопуляции (падение рождаемости, рост смертности в трудоспособном возрасте, плохое медицинское обслуживание) «должны быть полностью устранены к 2015 году». Правда, в интервью отмечается, что «в Минтруде пока не знают, как убедить россиян, что три или четыре ребенка в семье лучше, чем один или два, или же как склонить мужчин к здоровому образу жизни. Предполагается, что ответы на эти вопросы появятся через два года... Министерство рассчитывает получить от велуших отечественных вузов и исследовательских институтов фундаментальные аналитические работы. От ученых в Минтруде ожидают, в частности, исследований поведения россиян и мотивов, побуждающих семьи иметь всего одного ребенка»¹.

¹ «Время новостей». 28 марта 2001.

Но ведь речь идет о вопросах, которые изучаются уже не два года, даже не двадцать лет — и не только в России, а во всех промышленных странах, столкнувшихся с проблемами низкой рождаемости намного раньше, чем Россия. И мотивы низкой рождаемости изучены неплохо — они имеют сложную системную природу и не могут быть объяснены действием какого-либо одного или даже нескольких конкретных факторов. Именно поэтому меры демографической политики, подобные тем, какие предлагаются сейчас в России, как правило, оказываются неэффективными. Центр тяжести во многих странах переносится на семейную политику, направленную на облегчение семьям воспитания детей. Это скорее вид социальной политики, и хотя иногда полагают, что она может содействовать и некоторому повышению рождаемости, такое повышение не является ни ее главной целью, ни ее главным побудительным мотивом.

В приложении к этому докладу воспроизводится документ десятилетней давности — Проект государственной программы семейной политики на 1990-е гг., разработанный в Центре демографии и экологии человека еще для СССР и опубликованный небольшим тиражом за месяц до его распада. Несмотря на то, что этот проект также никогда не был востребован, а 1990-е гг. уже ушли в историю, основные положения проекта не утратили своей актуальности и, как нам представляется, вполне отвечают российской ситуации первого десятилетия нового века. Авторы доклада остаются убежденными сторонниками проведения в России последовательной семейной политики, эффективной государственной помощи семьям в трудное время перемен и реформ. Но, как и прежде, они не связывают меры такой помощи с большими надеждами на рост рождаемости в стране.

Более того, они считают своим долгом предостеречь общество от слишком больших иллюзий по поводу возможностей воздействия на демографическую ситуацию в России. Особенно опасны иллюзии, касающиеся повышения рождаемости, «постепенного перехода от малодетной (1-2 ребенка) к среднедетной (3 и более детей) семье». Нельзя, конечно, исключить колебаний рождаемости в ближайшие десятилетия; возможно и некоторое ее повышене, подобное тому, какое имело место в начале 1970-х или в 1980-е гг. Но одно дело — кратковременное повышение коэффициента суммарной рождаемости на 10-15% (наибольшее повышение было отмечено между 1980 и 1987 гг., оно составило 13%), а другое — его долговременный рост примерно вдвое. А без такого роста обеспечить устойчивый положительный естественный прирост населения России невозможно.

С несколько большим оптимизмом можно смотреть на меры политики, направленные на снижение смертности. Как показывает опыт многих стран, в этой области затраченные усилия всегда приносят успех, и весь вопрос в том, сможет ли российское общество и Российское государство сформировать такую систему приоритетов (существующую во многих странах мира), при которой распределение экономических и прочих ресурсов с достаточной полнотой отражает необходимость максимального сохранения здоровья и жизни граждан страны. Пока, конечно, этого нет.

В нынешних условиях снижение смертности способно противостоять депопуляционным тенденциям в большей мере, чем повыщение рождаемости. Как показано в докладе, постепенный рост рождаемости с 1,3 до 2 детей на одну женщину к 2050 г. при неизменной смертности позволил бы повысить численность населения России к середине века примерно на 8 млн. человек (при этом надо заметить, что подобный рост представляется малореальным; пока коэффициент суммарной рождаемости, напротив, опустился ниже 1,2). Постепенное же снижение смертности и преодоление к 2050 г. российского отставания от Запада по ожидаемой продолжительности жизни — задача непростая, но все же и не вовсе неразрешимая за 50 лет — принесло бы больший выигрыш: 17 млн. дополнительных жителей России. Однако даже соединение положительных эффектов наиболее благоприятных и хоть сколько-нибудь реалистичных изменений обоих процессов — роста рождаемости и снижения смертности — способно лишь замедлить сокращение населения, но не остановить его.

Остается единственный и тоже далеко не бесспорный ресурс: иммиграция. С чисто количественной точки зрения этот источник неисчерпаем, ибо большая часть планеты перенаселена. Разность демографических (и экономических) потенциалов бедных (переживающих демографический взрыв) и богатых (но входящих в полосу депопуляции) стран такова, что переток населения из первых во вторые в XXI в. неизбежен. Но ясно и то, что, достигая значительных масштабов, такой переток порождает множество новых проблем, в том числе и очень острых. Вне всякого сомнения, столкнется с этими проблемами и Россия, и, возможно, именно это звено демографической ситуации породит наибольшее число проблемных узлов, с которыми придется иметь дело будущим российским политикам.

Но сани надо готовить летом. Нужно не ждать сложа руки, когда новые, но вполне предсказуемые проблемы начнут становиться явью,

не прятать голову под крыло несбыточных мечтаний, утопических иллюзий, которые уже не раз были развеяны жизнью, а идти навстречу новым вызовам, загодя готовиться их принять. Нужно отрешиться от примитивной веры в «преодоление депопуляции», в возврат к «добрым старым временам» и принять суровую реальность, всерьез задуматься над новыми экономическими и политическими концепциями, над новыми управленческими схемами, без которых нельзя будет выжить в этом совершенно новом времени.

Население России 2001*

2001 г. стал последним годом перед проведением Всероссийской переписи населения 2002 г. Можно надеяться, что при анализе итогов 2002 г. исследователи уже смогут пользоваться материалами новой переписи, но пока наш анализ опирается в основном на данные текущей статистики, которая неизбежно привязана к расчетным показателям, восходящим к базе 1989 г., когда проходила предыдущая перепись. Обновление исходной базы расчетов может привести к уточнению некоторых показателей, но едва ли внесет принципиальные изменения в общую картину демографической эволюции России в последние 10—15 лет.

Эта эволюция в целом была и остается неблагоприятной. Ни один из главных демографических процессов, формирующих население России (рождаемость, смертность, миграция), не обнаруживает устойчивой позитивной динамики. Продолжается сокращение числа россиян. Начавшись в 1992 г., оно привело к тому, что уже к концу 2001 г. убыль населения страны достигла 4,4 млн. человек, а к концу 2002 г. приблизится, вероятно, к 5 млн. Неутешительны и долгосрочные прогнозы. В частности, прогноз экспертов ООН, обновленный последний раз в 2000 г., определяет «вилку» численности населения России на 2050 г. от 96,1 до 113,1 млн., по «среднему» варианту — 104 млн. человек. Примерно к таким же результатам приводят и другие прогнозы, в частности, представленный в нашем докладе аналитический вероятностный прогноз, выполненный в Центре демографии и экологии человека (медианное значение численности населения России на 2050 г. — 98 млн. человек).

^{*} Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 194—200.

Россия стремительно теряет свое место в мировой демографической иерархии. В 1950 г. доля собственно России в населении мира составляла более 4%, а доля СССР, еще не восстановившего свое довоенное население, — 7,1% (Россия достигла своей довоенной численности к началу 1954, СССР — к началу 1955 г.). К концу 2001 г. доля населения России (51% населения бывшего СССР в 1990 г.) в мировом населении сократилась до 2,4% и, как предсказывают прогнозы, будет падать и в дальнейшем.

Главные причины потери Россией своего места в мире находятся как вовне, так и внутри нее.

Внешняя причина — мировой демографический взрыв, который резко ускорил рост населения обгоняющих Россию развивающихся стран.

Внутренних причин по меньшей мере две. Одна из них — демографические потери в катастрофах первой половины XX в. Если бы этих потерь и их автоматических демографических последствий не было, нынешнее население России было бы на 100—125 млн. человек больше, чем фактически имеющееся.

Вторая причина — общие для всех развитых стран, хотя и имеющие в России свои особенности, эволюционные изменения в процессе демографического перехода, приведшие к быстрому снижению рождаемости.

Отмечая несомненную общность демографических процессов во всех постпереходных странах, нельзя в то же время не видеть и отличий в современной динамике их населения. Особенно невыгодно для России сравнение с США. Упомянутое выше сокращение населения России на 4,4 млн. человек за 10 лет приходится рассматривать на фоне небывалого прироста населения США — на 32,7 млн. человек за 10 лет между переписями 1990 и 2000 гг. — самый большой абсолютный прирост за межпереписной период в истории этой страны. Согласно прогнозу ООН число ее жителей будет увеличиваться и впредь. США, которые в 1950 г. находились на третьем месте в мире (если не считать СССР), сохранят свое третье место и в 2050 г., тогда как Россия за те же сто лет передвинется с 4 на 17 место.

Опыт США показывает, что и для развитых стран возможна альтернативная демографическая стратегия. Один из ее главных компонентов — крупномасштабная иммиграция.

Как следует из табл. 25, ежегодная чистая миграция в США превышает 800—900 тыс. человек, и ожидается, что и в обозримом будущем будет поддерживаться уровень миграционного прироста, близкий к нынешнему, а в некоторые периоды и более высокий.

Таблица 25. Чистая миграция в США — фактическая за 1980—1999 гг. и прогноз до 2050 г.

Фактическая миграция				Прогноз	
Год	Чистая миграция, тыс. человек	Год	Чистая миграция, тыс. чело- век	Год	Чистая миграция, тыс. человек
1980 1981 1982 1983 1984 1985 1986 1987 1988 1989	724 690 595 592 589 649 661 666 662 712	1990 1991 1992 1993 1994 1995 1996 1997 1998 1999	542 960 1007 883 811 858 937 977 860 856	2005 2010 2015 2020 2025 2030 2040 2050	878 720 740 757 918 1067 1018 990

Источник: Statistical Abstract of the United States 2001. Washington, 2001. P. 9. Table 4.

В России же и сейчас миграционный прирост, во всяком случае регистрируемый, намного ниже, чем в США, и он все время сокращается (рис. 10).

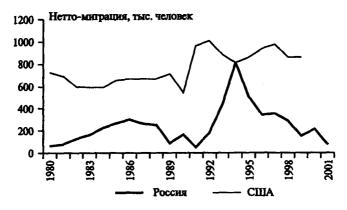

Рис. 10. Чистая миграция в Россию и США, 1980—2000 гг.

Официальные демографические прогнозы Госкомстата России также исходят из сохранения весьма низкого миграционного прироста, ни один из прогнозных вариантов не предполагает перелома тенденций и роста миграции. Возможно, отсутствие таких вариантов — наиболее уязвимая черта прогнозов Госкомстата. Критическое отношение к такому подходу было высказано в одном из наших докладов еще несколько лет назад¹.

Эта критика не была воспринята Госкомстатом, не изменившим свой подход к прогнозированию миграции, и вызвала упреки в «необоснованной переоценке возможности и достоинства варианта демографического развития, при котором динамика населения полностью зависит от внешнего миграционного допинга» со стороны некоторых других прогнозистов. Ей были противопоставлены прогнозы, все сценарии которых «заведомо отвергают возможность перехода к миграционной зависимости» 3.

В качестве альтернативы расширению миграционной «подпитки» сокращающегося населения России рассматриваются «преодоление нынешнего демографического кризиса» и возврат к мнимому демографическому благополучию недавнего времени. В официальной «Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года», одобренной Правительством России в сентябре 2001 г., говорится, что «целями демографического развития Российской Федерации являются стабилизация численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту». Если имеется в виду, что эти цели могут быть достигнуты не за счет миграционного притока, то их достижение — абсолютная утопия. Внутренних «предпосылок к демографическому росту» в России не существует уже почти сорок лет.

Если население страны до 1992 г. росло, то лишь благодаря стечению обстоятельств, которое никак нельзя назвать счастливым. Уже в 1970—1980-е гг. соотношение возрастных интенсивностей рождаемости и смертности в России было крайне невыгодным и не обеспечивало роста населения. Но тогда в стране было сравнительно мало пожилых людей, от которых зависит в основном число умерших. Жившие в это время люди старших возрастов принадлежали к поколени-

¹ Население России 1997... С. 132.

² Демографическое будущее России / Под ред. Л. Рыбаковского и Г. Кареловой. М.: «Права человека», 2001. С. 36.

³ Там же. С. 40.

ям, родившимся в конце XIX — начале XX в. и перемолотым катастрофическими событиями первой половины XX столетия. Из них не многие дожили до старости. Возрастная пирамида населения России оказалась сильно деформированной, ее верхняя часть (особенно с мужской стороны) — ненормально узкой.

Если бы население России имело возрастную структуру типичных европейских стран, то при фактически наблюдавшихся российских возрастных показателях рождаемости и смертности отрицательный прирост населения появился бы в России не в 1992, а уже в 1970-е — начале 1980-х гг., хотя тогда рождаемость была все же не столь низка, как сейчас. Только при возрастной структуре населения США, более молодой — но не из-за ранней смертности старших поколений, а вследствие более высокой рождаемости, — положительный естественный прирост в России мог бы поддерживаться до начала 1990-х гг. (рис. 11).

Рис. 11. Фактический естественный прирост населения России и гипотетический естественный прирост при возрастной структуре некоторых стран и российских повозрастных уровнях рождаемости и смертности

В 1990-е гг. в пожилой возраст стали вступать люди, родившиеся в 1930 г. и позднее. Они не участвовали в войнах, жили в относительно

спокойных условиях, доля доживших до старости из их числа была намного большей, чем у их предшественников. Тогда-то и обнаружилась истинная мера «предпосылок к демографическому росту» населения России. Резкое падение рождаемости в 1990-е гг. лишь усугубило и без того неблагоприятное положение с его воспроизводством. Но даже если бы сегодня удалось вернуться к показателям рождаемости, существовавшим до этого падения, скажем, к показателям 1965—1985 гг., это не привело бы к восстановлению положительного естественного прироста населения страны. Возврат же к более высокой рождаемости конца 1930-х или хотя бы начала 1950-х гг., когда больше половины населения России было сельским, сейчас маловероятен.

Именно поэтому сейчас главный, а практически единственный адаптационный механизм, который может быть использован для противодействия быстрой убыли населения России, — это механизм иммиграции. Однако и его возможности не безграничны. Прием большого количества мигрантов вообще, особенно же мигрантов иноязычных, связанных с другими культурными традициями, — далеко не безболезненный процесс, а в условиях нынешнего экономического состояния и социального климата в России — не безболезненный вдвойне.

Расширение притока мигрантов неизбежно будет наталкиваться на противодействие значительной части общественного мнения и политических сил. Это ощущается уже сейчас, и можно не сомневаться в том, что миграционная и связанная с нею проблематика, еще недавно почти не интересовавшая российское общество, теперь надолго окажется в центре общественных дебатов. Объективная противоречивость последствий крупномасштабной иммиграции в Россию несомненна, и нельзя совершить большей ошибки, чем бездумное отрицание их негативной и даже опасной стороны. Но в то же время нельзя не видеть и позитивных последствий иммиграции как вообще (об этом говорит опыт многих стран, принимающих большое число иммигрантов), так, в частности, и для России, остро нуждающейся в притоке населения, без которого она просто не может обойтись.

Сегодняшние проблемы миграции — это один из новых вызовов, на которые России придется отвечать в XXI в. Такой вызов нельзя принять, не имея тщательно разработанной миграционной стратегии. Ее основными целями должны стать активное привлечение иммигрантов, их успешная интеграция в российский социум и нейтрализация возможных отрицательных последствий растущей доли иммигрантов и их потомков в населении России. Чтобы выработать и реа-

лизовать такую стратегию, нужен широкий общественный консенсус и консенсус политических элит в вопросе об иммиграции, понимаемом как один из первостепенных вопросов национальной безопасности.

Но, повторим, всех вопросов, порождаемых нынешним этапом демографического развития России, не сможет решить и иммиграция. Даже и при значительном притоке мигрантов наиболее вероятно, что России долгое время придется жить в условиях сокращающегося и стареющего населения. А это значит, что необходима и продуманная стратегия экономической и социальной адаптации к этой долговременной демографической тенденции.

Население России 2002*

Настоящий доклад — десятый в серии ежегодных докладов о демографическом положении России, публикуемых Центром демографии и экологии человека. Круглая цифра служит своеобразным психологическим стимулом к тому, чтобы подвести хотя бы краткие итоги десятилетнего мониторинга ситуации и сделать некоторые выводы, касающиеся будущего.

Нет сомнения, что XX в. стал для России веком демографической модернизации, в результате которой в России с некоторым опозданием утвердился новый тип воспроизводства населения, такой же,
какой господствует сейчас во всех промышленно развитых городских
обществах. Этот фундаментальный сдвиг сделал возможными многие изменения, которые всегда рассматриваются как позитивные атрибуты модернизации: почти полная ликвидация детской смертности, удлинение жизни, эмансипация и самореализация женщины, демократизация семейных отношений, растущие удельные инвестиции
в детей, рост образования и пр. Однако он же поставил страну перед
очень серьезными вызовами, на которые ей придется отвечать в наступившем столетии. Обозначим те из них, которые кажутся нам самыми главными.

Вызов высокой смертности. Один из наиболее очевидных и тревожных сегодняшних российских вызовов — вызов высокой и продолжающей расти смертности.

^{*} Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Книжный дом «Университет», 2004. С. 196—210.

В ходе демографической модернизации XX в. процесс вымирания поколений в России, как и везде, коренным образом изменился. Уже к середине 1960-х гг. смертность по сравнению с началом столетия резко снизилась, ожидаемая продолжительность жизни и у мужчин, и у женщин выросла более чем вдвое (табл. 26).

Таблица 26. Ожидаемая продолжительность жизни в России в 1896—1897, 1964—1965 и 2002 гг.

Год	Ожидаемая продолжи- тельность жизни, лет		Выигрыш по сравнению с 1896—1897 гг., лет		
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	
18961897*	29,4	31,7			
1964—1965	64,6	73,4	35,2	41,7	
2002	58,5	72,0	29,1	40,3	

^{*} Европейская Россия.

Эти достижения стали результатом развернувшегося во всех промышленно развитых странах, в том числе и в России, «эпидемиологического перехода»: служившие главными причинами смерти болезни острого действия, имевшие по преимуществу экзогенную природу и поражавшие людей всех возрастов, особенно же детей, замещаются хроническими болезнями преимущественно эндогенной этиологии, прежде всего болезнями сердечно-сосудистой системы либо онкологическими заболеваниями, обусловленными в основном влиянием канцерогенных факторов накапливающегося действия («квазиэндогенные» факторы). Эти болезни и выступают в новых условиях в качестве ведущих причин смерти.

Мировой опыт показывает, что эпидемиологический переход осуществляется в два этапа. На первом из них успехи достигаются благодаря определенной стратегии борьбы за здоровье и жизнь человека, в известном смысле патерналистской, основанной на массовых профилактических мероприятиях, которые не требуют большой активности со стороны самого населения. Именно благодаря такой стратегии добился своих успехов и СССР, вошедший к началу 1960-х гг. в число трех десятков стран с наиболее низкой смертностью.

Однако к середине 1960-х гг. возможности этой стратегии в развитых странах оказались исчерпанными. Они подошли ко второму

этапу перехода, когда понадобилось выработать новую стратегию действий, новый тип профилактики, направленной на уменьшение риска смерти от заболеваний неинфекционного происхождения, особенно сердечно-сосудистых заболеваний и рака, а также от несчастных случаев, насилия и других подобных причин, непосредственно не связанных с болезнями. Эта стратегия требовала как более активного и сознательного отношения к своему здоровью со стороны каждого человека, так и намного больших материальных затрат на охрану и восстановление здоровья, что, в свою очередь, способствовало повышению его общественной ценности.

Западным странам после не очень долгого топтания на месте удалось и выработать, и реализовать такую стратегию. В СССР же ответ на новые требования времени не был найден, модернизация процесса вымирания поколений резко замедлилась и осталась незавершенной. В результате наше отставание снова стало нарастать. К 2000 г. у мужчин оно во многих случаях стало большим, чем было в 1900 г. (табл. 27).

Таблица 27. Отставание России по ожидаемой продолжительности жизни в начале и в конце XX вв., в годах

Год	От США	От Франции	От Швеции	иинопК тО	
Мужчины 1900	15,9	12,7	20,3	14,5	
2000 Женщины	15,2	16,5	18,5	18,7	
1900 2000	16,2 7,5	14,1 10,8	20,8 9,9	13,1 12,4	

Подсчитано, что приостановка снижения смертности обощлась России примерно в 14 млн. преждевременных смертей за 1966—2000 гг. Из них свыше 5 млн. — преждевременные смерти людей в возрасте до 65 лет, более чем на 80% — мужчин. Далеко не всякая война способна нанести такое разорение даже очень большой стране.

Неблагополучие со смертностью, которое в советское время утаивалось, сейчас достаточно хорошо осознано общественным мнением. И в России, и за рубежом ведутся интенсивные исследования причин высокой российской смертности, социальных и экономических факторов, от которых она зависит, и т.п. Однако когда речь идет о провале таких масштабов, дело не может сводиться к действию отдельных, даже очень важных факторов. Нужны какие-то системные объяснения, которые требуют критического анализа главных целей общества, его приоритетов, в конечном счете — их серьезного пересмотра.

Пока это не сделано, и положение продолжает ухудшаться. Сейчас многие склонны искать корни сегодняшнего неблагополучия со смертностью в событиях, происходивших в России в 1990-х гг., однако в действительности нынешняя позорно низкая продолжительность жизни российских мужчин — 58,5 года в 2002 г. — находится на линии тренда, который сложился в 1963—1983 гг. и который пока не удалось изменить (рис. 12).

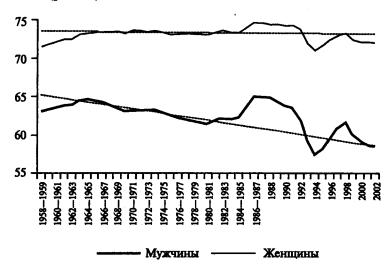

Рис. 12. Фактические изменения ожидаемой продолжительности жизни в России за 1958—2002 гг. и линия тренда 1963—1983 гг.

Вызов низкой рождаемости. Занимая очень важное место в ряду демографических вызовов, перед лицом которых находится Россия, вызов высокой смертности все же сильно отличается от всех других тем, что не является, собственно, вызовом модернизации. Он скорее — следствие действия факторов, препятствующих ее завершению. Другие же вызовы, как правило, порождены именно глубокими модернизационными изменениями, они укоренены не в прошлом, а в настоящем

и будущем и поэтому в известном смысле более опасны. Один из них — вызов низкой рождаемости.

В России в 2000 г. рождаемость была минимальной за всю ее историю — 1,21 рождения на одну женщину. В условиях российской смертности это обеспечивало замещение поколений всего на 57%. В последнее время рождаемость обнаружила тенденцию к небольшому повышению, в 2002 г. коэффициент суммарной рождаемости повысился до 1,32. Но обольщаться в отношении ее будущего не следует. Колебания уровня рождаемости под влиянием конъюнктурных факторов — демографических и недемографических — возможны. Но рассчитывать на ее повышение до уровня хотя бы простого замещения поколений (примерно 2,2 рождения на женщину), ниже которого она находится у нас с середины 1960-х гг., оснований нет.

Рождаемость в России быстро падала начиная с конца 1920-х гг. и опустилась до очень низкого уровня — ниже уровня простого замещения поколений — еще в 1964 г., раньше, чем в большинстве развитых стран (см. рис. 13). Однако они не заставили себя долго ждать: сейчас для подавляющего большинства урбанизированных и индустриально развитых стран мира характерна низкая, а в последнее время — очень низкая рождаемость. На рубеже веков во всех развитых странах, кроме США и Новой Зеландии, рождалось менее двух детей на одну женщину, многие из них находились в одном ряду с Россией. Рождаемость опустилась ниже уровня простого замещения поколений и в ряде менее развитых стран, в частности в Китае. Сейчас высокая и очень высокая рождаемость остается уделом слабо урбанизированных развивающихся стран Азии, Латинской Америки и Африки (см. рис. 14), хотя постепенно она снижается и там.

Уже сам факт повсеместной распространенности низкой рождаемости в индустриальных урбанизированных обществах не позволяет говорить о специфически российском кризисе. Скорее речь может идти об общем кризисе всей современной «постиндустриальной» западной цивилизации, причины которого нельзя устранить в одной стране.

Но кризис ли это? Не правильнее ли, приняв во внимание все аспекты изменений в массовом прокреативном поведении и их последствий, говорить не о катастрофичности низкой рождаемости, а о создаваемых ею возможностях внутренней перестройки всего «общественного тела», позволяющей перенести акцент с количественных на качественные характеристики социальной жизни? Привлекательность низкой рождаемости для большинства населения оказывается глубоко укорененной в образе жизни и системе ценностей современных городских обществ.

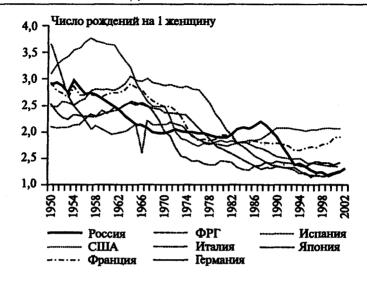

Рис. 13. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах, 1950—2002 гг.

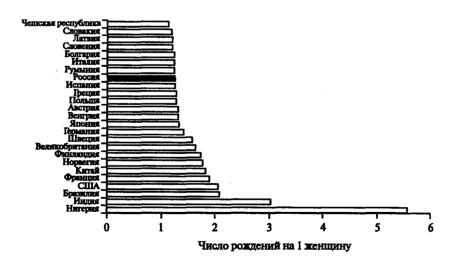

Рис. 14. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах мира в 2001 г.

Не исключено, впрочем, что и такой взгляд на современную динамику рождаемости не учитывает всех ее реальных детерминант. Ведь если глобализация, о которой столь много говорится сегодня, — не пустой звук, то и такую, теперь уже фактически всемирную, тенденцию, как снижение рождаемости, следует рассматривать не в рамках отдельных стран, как это обычно делается, а в более широком, глобальном контексте. В ней естественно видеть системную реакцию на общемировой демографический кризис, порожденный глобальным демографическим взрывом и ростом нагрузки на ограниченные ресурсы планеты.

Сегодня главная демографическая проблема человечества в целом — не недостаток людей, а их избыток. Поэтому с точки зрения общепланетарных интересов снижение рождаемости в глобальных масштабах ниже уровня простого воспроизводства — не эло, а благо. Лишь оно способно привести не только к прекращению мирового демографического взрыва, но и к последующему постепенному, без катастроф, сокращению мирового населения до размеров, более соответствующих предельным возможностям жизнеобеспечения, которыми располагает Земля. Соответственно, снижение рождаемости в России, как и на Западе, можно рассматривать лишь как эпизод начинающегося глобального поворота от роста к сокращению численности мирового населения. Тогда в низкой «западной» рождаемости следует видеть не свидетельство упадка и кризиса западной цивилизации, как кажется многим, а, напротив, доказательство ее адаптивных способностей. Открыв возможности небывалого снижения смертности во всемирных масштабах, она прокладывает теперь путь низкой рождаемости, без которой достижение низкой смертности превращается в огромную угрозу для человечества.

Все это не исключает того, что низкая рождаемость и следующее за ней замедление или прекращение роста, а то и убыль населения развитых стран на фоне стремительного роста населения развивающегося мира могут быть крайне невыгодны, даже опасны для них. Да и для всего мира движение на двух разных скоростях представляет немалую угрозу. Всестороннее осмысление этой угрозы, выработка превентивных стратегий и политик выходят за пределы задач нашего доклада. Тем не менее, оценивая демографическую составляющую глобального развития, можно с уверенностью сказать, что в условиях, когда главной заботой этого развития стало замедление роста мирового населения, думать, что реальным адекватным ответом на новую

ситуацию в мире могут стать повышение рождаемости и возврат к простому, а то и расширенному воспроизводству населения в развитых странах, в том числе и в России, было бы просто наивно. Гораздо более вероятно, что рождаемость в России останется низкой, а воспроизводство населения — суженным на долгое время, а это означает по меньшей мере еще два серьезных вызова, которые придется принять России, — вызовы демографического старения и депопуляции.

Вызов демографического старения. Доля пожилых (60 лет и старше) людей в России выросла с 6,7% в 1939 г. до 11,9% в 1970, до 18,5% в 2002 г. и продолжает расти. Уже сейчас во многих странах доля пожилых превышает 20%, в Европейском союзе в целом она составляет 21,5%, в Японии — 23,7%¹. Такое же будущее ожидает и Россию.

Экономические и социальные последствия демографического старения уже не одно десятилетие обсуждаются в демографической литературе. При этом на первый план обычно выступают явные или предполагаемые негативные последствия и порождаемые ими проблемы. Особую обеспокоенность вызывает увеличение экономической нагрузки на трудоспособное население из-за быстрого роста числа и доли пенсионеров, хотя иногда называют и другие последствия (старение самого трудоспособного населения, замедление обновления знаний и идей, ослабление напора поколений, геронтократия и пр.). Отрицательный вклад старения населения, «одряхления» наций в социальную динамику кажется очевидным и представляется фактором, обесценивающим многие выигрыши от демографической модернизации. Не исключено, однако, что такая оценка излишне одностороння, вызвана «шоком новизны», который сопровождает любые перемены и затрудняет понимание их позитивного смысла.

Попробуем разобраться в том, что на самом деле стоит за демографическим старением.

Возрастная пирамида необратимо изменяется потому, что в результате снижения смертности коренным образом меняется структура времени жизни поколений: увеличивается время, проживаемое каждой когортой в средних и старших возрастах, а соответственно и его доля во всем совокупном времени жизни каждого поколения.

Что, казалось бы, неожиданного или нежелательного в том, что увеличение продолжительности жизни требует перераспределения

¹ Statistiques sociales européennes. Démographie. Eurostat, 2002. P. 43.

совокупной массы потребляемых поколением ресурсов в пользу все более поздних периодов жизни, которые прежде были уделом немногих избранных, а теперь стали достоянием большинства? Разумно ли, что, достигнув столь выдающегося результата, научившись продлевать жизнь большинства пришедших в этот мир людей до глубокой старости, общество начинает выражать беспокойство по поводу того, что эти люди до самой смерти должны что-то есть, вообще потреблять в более широком смысле?

Сейчас широко распространено мнение о пагубном влиянии старения на положение пенсионеров и на общее экономическое положение страны. Кажется очевидным, что раз доля пенсионеров в населении увеличивается, то увеличивается и нагрузка на трудоспособное население.

Не следует, однако, забывать, что на иждивении людей в трудоспособном возрасте находятся не только старики, но и дети. А так как доля пожилых растет одновременно с сокращением доли детей, то совокупная нагрузка на трудоспособное население изменяется совсем не так, как нагрузка одними пожилыми иждивенцами.

В табл. 28 показано распределение времени, прожитого поколениями с одинаковой исходной численностью и разной средней продолжительностью жизни (30, 50 и 75 лет) в теоретическом, модельном населении. В таком населении с увеличением продолжительности жизни увеличивается и число доживающих до более поздних возрастов, а значит и доля времени, проживаемого людьми из этого поколения в средних, а затем и в старших возрастах. Но соотношение времени, прожитого каждым средним представителем поколения, с одной стороны, в рабочем, а с другой — в нерабочем (до и после пребывания в возрасте трудоспособности) возрастах почти не меняется. При этом следует заметить, что дети-иждивенцы потребляют до того, как они начали производить, так сказать, авансом. Пожилые же люди переходят на положение иждивенцев после того, как их рабочая жизнь закончилась, так что их потребление заранее оплачено их собственным трудом.

Разумеется, реальная жизнь отличается от идеальной модели. В послевоенные десятилетия в России совокупная нагрузка детьми и пожилыми менялась волнообразно, что было связано с особенностями российской возрастной пирамиды, формировавшейся под влиянием не только эволюционных процессов, но и пертурбационных потрясений первой половины XX в. Их влияние не изжито еще и сейчас.

Таблица 28. Распределение времени, прожитого поколениями с одинаковой исходной численностью и разной средней продолжительностью жизни (30, 50 и 75 лет), в %

Возраст	При средней продолжительности жизни			
	e(0) = 30	e(0) = 50	e(0) = 75	
Моложе трудоспособного (0-20)	40,1%	32,6%	26,2%	
Трудоспособный (20-65)	55,0%	57,7%	56,8%	
Старше трудоспособного (65+)	4,9%	9,7%	16,9%	
Bcero	100,0%	100,0%	100,0%	
В том числе в возрасте иждивения	45,0%	42,3%	43,2%	

Волнообразные колебания накладывались на генеральную тенденцию постарения и временами вносили очень серьезные коррективы в процессы эволюции возрастной пирамиды. Но именно в результате такого наложения, вопреки тому, что часто думают, Россия с точки зрения возрастного состава ее населения к концу XX в. оказалась в условиях относительно благоприятных, едва ли не лучших за весь послевоенный период¹.

Нагрузка пожилыми иждивенцами, несмотря на некоторые колебания, продолжает расти и, согласно всем прогнозам, будет увеличиваться и впредь². Однако совокупная нагрузка иждивенцами младшей и старшей возрастных групп сокращалась и к концу столетия была необычно низкой. Да и ближайшие перспективы в этом смысле достаточно благоприятны — снижение доли детей в населении, запрограммированное ростом рождаемости в 1980-х и ее падением в 1990-х гг., будет тормозить рост общей нагрузки.

Даже в 2035 г. эта нагрузка в расчете на 1000 трудоспособных будет не выше, а по большинству сценариев даже ниже, чем в 1975 г., когда она отнюдь не была чрезвычайной высокой. В первой половине 1960-х гг. коэффициент совокупной нагрузки в России превышал 800 человек на 1000 трудоспособных. Таким высоким этот показатель будет не ранее 2035 г., и то лишь по некоторым из рассматриваемых сце-

¹ Население России 2002, С. 191, Рис. 6.15.

² Там же. С. 189. Рис. 6.14.

нариев. К подобному развитию событий надо, конечно, готовиться, но едва ли следует его излишне драматизировать. Если Россия смогла справиться с такой нагрузкой в 1965 г., то почему она может оказаться столь опасной 70 лет спустя?

Только после 2035 г. общая демографическая нагрузка начнет превышать 800 на 1000 трудоспособных, постепенно нарастая к середине века, а затем стабилизируется. Совершенно избежать этого роста невозможно, но сопоставление экстраполяционного и стабилизационного прогнозов показывает, что уровень, на котором произойдет стабилизация совокупной демографической нагрузки, может быть разным и зависит от общей стратегии демографического развития страны.

Таким образом, хотя нынешний рост «пенсионерской нагрузки» бесспорен, это еще не основание для того, чтобы драматизировать «проблему старения» как демографическую проблему, это вызов, который требует адекватного экономического и социального ответа. Развитие пенсионных систем в XX в. и стало таким ответом на новые демографические реальности, однако не исключено, что принципиально новое место пенсионного обеспечения в структуре механизмов внутрипоколенного и межпоколенного перераспределения ресурсов еще не до конца осознано обществом.

Скорее всего истинные последствия старения населения, в том числе и экономические, не столь угрожающи, как это представляет иногда современная демографическая мифология. Увеличение доли пожилых людей идет в ногу с другими демографическими и прочими изменениями, которые создают объективные возможности для нейтрализации отрицательных последствий постарения. Надо только суметь ими воспользоваться. Как отмечал известный американский демограф и экономист Р. Истерлин, «реальная задача... относится в основном к области политики. Необходимо с помощью налогообложения изъять семейные сбережения, предназначенные на содержание молодых иждивенцев, с тем, чтобы эти капиталы могли быть использованы на покрытие растущих общественных затрат на содержание пожилых иждивенцев. Проблема политической приемлемости такой меры достаточно серьезна, но она не кажется неразрешимой, учитывая, что платящие налог работники сами же являются и потенциальными получателями из создаваемых за счет этого налога фондов»¹.

¹ Easterlin R. The Birth Dearth, Aging, and the Economy. In: Sisay Asefa and Wei-Chiao Huang (eds.). Human Capital and Economic Development. Kalamazoo, Michigan, W.E. Upjohn Institute for Employment Research, 1994. P. 22.

Для того чтобы перераспределение ресурсов в пользу позднего периода жизни поколений стало политически приемлемым, нужны социальная философия и политическая экономия, отвечающие новым демографическим реальностям. Пока их нигде нет, и скорее всего они сформируются и получат признание лишь тогда, когда подойдет к концу переходный период, на протяжении которого возрастной состав населения непрерывно меняется, и окончательно установится новая стабильная возрастная пирамида с узким основанием и широкой верхней частью. А до тех пор будет казаться — без достаточных к тому оснований, — что с каждым десятилетием увеличение доли пожилых людей делает все более затруднительным и их собственное положение, и положение национальных экономик в целом.

Вызов демографического старения затрагивает, разумеется, не только экономическую сферу, на него придется отвечать всем жизненно важным подсистемам российского общества, он потребует существенной реорганизации и образования, и здравоохранения, и обороны, и многого другого. К этому тоже надо быть готовыми. Уже сейчас достаточно явно проявляется конкуренция за сокращающиеся контингенты молодежи между рекрутирующими ее ведомствами; она, несомненно, будет нарастать. В частности, серьезное беспокойство вызывает приближающееся резкое снижение численности призывных контингентов. Оно может привести, например, к снятию всех видов освобождений и отсрочек, связанных с получением образования и заполнением даже наиболее важных вакансий в сфере гражданской деятельности, что способно подорвать научный и экономический потенциал страны, но все равно не решит проблемы защиты ее границ. В качестве ответа на этот вызов рассматривается переход к профессиональной армии на контрактной основе, однако пока трудно сказать, насколько такой ответ окажется реальным и эффективным. И это лишь один из примеров тех очень серьезных следствий, которые вытекают из вызова демографического старения.

Вызов депопуляции. Россия была одной из первых стран в мире, в которых установилось соотношение рождаемости и смертности, делающее невозможным простое возобновление поколений. Нетто-коэффициент воспроизводства населения страны опустился ниже единицы в 1964 г. и с тех пор остается ниже этого критического уровня (за исключением короткого периода 1986—1988 гг.) — см. рис. 15.

При таких показателях появление отрицательного естественного прироста населения неизбежно, положительный естественный при-

рост может сохраняться по инерции — лишь до тех пор, пока не исчерпается потенциал демографического роста, накопленный в возрастной структуре населения за счет более высокой рождаемости в прошлом. Момент истины — перехода от естественного прироста к естественной убыли населения — наступил в 1992 г. А так как естественный прирост населения был основным источником его общего роста, то сразу же началось и сокращение населения России. Это сокращение обусловлено устойчивыми изменениями в массовом демографическом поведении россиян. Поэтому рассчитывать на то, что оно окажется преходящим и в недалеком будущем восстановится положительный естественный прирост населения, а вместе с тем и рост числа жителей страны, не приходится. Убыль населения России скорее всего примет затяжной характер. На этом сходятся все авторы демографических прогнозов для России.

Рис. 15. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в некоторых странах, 1960—2002 гг.

В частности, по «среднему» варианту самого последнего прогноза ООН, к 2050 г. численность населения России сократится по срав-

нению с 2000 г. примерно на 30% и составит 101,5 млн. человек. Примерно к таким же результатам приходят и российские прогнозисты¹.

В предыдущем докладе была приведена таблица, характеризующая изменение рангового места России по численности населения среди других стран мира согласно прогнозу ООН пересмотра 2000 г.² За истекший год изменилось и фактическое положение России — она отодвинулась с 7-го на 8-е место, и — после очередного пересмотра прогноза ООН в 2002 г. — ее место в иерархии стран в середине XXI в., в которой она опустилась с 17-го на 18-е место (см. табл. 29).

При этом Россия занимает почти 13% мировой суши — самую большую в мире, богатую природными ресурсами, но крайне слабо заселенную территорию. Она соседствует с густонаселенными государствами, и некоторые из них время от времени заявляют претензии на российские земли.

Но дело, конечно, не только в сравнении России с другими странами — сокращение численности россиян неблагоприятно и по многим внутренним соображениям, оно усиливает и без того значительное несоответствие между населением России и размерами ее территории, протяженностью границ, огромностью пространств, нуждающихся в освоении, неразвитостью поселенческой сети и т.д.

Таким образом, ни по внутренним, экономическим, ни по внешним, геополитическим, соображениям убыль населения не отвечает интересам России. Чем можно ответить на этот вызов?

Теоретически существуют только два возможных ответа: восстановление устойчивого положительного естественного прироста населения или приток населения извне, крупномасштабная иммиграция. Первый ответ предполагает резкое и очень значительное повышение рождаемости, практически удвоение ее нынешнего уровня, что, как отмечалось выше, малореально. Остается иммиграция. Сейчас только она способна хотя бы частично противодействовать сокращению численности и старению населения России, да и всех остальных «постпереходных», промышленных и урбанизированных стран. Но этот ответ на вызов времени несет с собой новые риски и опасности.

¹ Население России 2002, С. 182.

² Население России 2001. С. 195.

Таблица 29. Ранговое место России в мире по численности населения: фактическое в 1950 и 2000 гг. и по среднему варианту прогноза ООН пересмотра 2002 г. в 2050 г.

1950		2000			2050			
Ранг	Страна	Населе- ние, млн.	Ранг	Страна	Населе- ние, млн.	Ранг	Страна	Населе- ние, млн.
1	Китай	554,7	1	Китай	1275,2	1	Индия	1531,4
2	Индия	357,6	2	Индия	1016,9	2	Китай	1395,2
	CCCP	178,5	3	США	285	3	CILIA	408,7
3	США	157,8	4	Индоне-	Ì	4	Пакистан	348,7
4	Россия	102,7		зия	211,6	5	Индоне-	
			5	Бразилия	171,8		зия	293,8
		(6	Россия	145,6	6	Нигерия	258,5
						7	Бангла-	
		1					деш	254,6
		l				8	Бразилия	233,1
	,]				9	Эфиопия	171
						10	Дем.респ.	
				!			Конго	151,6
						11	Мексика	140,2
						12	Египет	127,4
						13	Филип-	
		1					пины	127
						14	Вьетнам	117,7
						15	Япония	109,2
						16	Иран	105,5
				,	i i	17	Уганда	103,2
						18	Россия	101,5
Доля России в мировом населении								
	4,1% 2,4% 1,1%							

Источник: World Population in 2300. UN Population Division, 2003 (ESA/P/WP.187). Table B.1.

Вызов иммиграции. Представленный в докладе стабилизационный вариант долгосрочного прогноза динамики населения России говорит о том, что для стабилизации численности населения России на уровне начала XXI в. — 144 млн. человек — необходимо уже сейчас обеспечить очень высокий уровень нетто-миграции в Россию и наращивать его примерно до середины века¹. При этом, как показывает прогноз, в населении будет быстро увеличиваться доля мигрантов и их потомков, а значит, будет заметно меняться состав населения, в том числе и этнический, что само по себе чревато серьезными последствиями.

Существуют пределы миграционной емкости любой страны, связанные с ограниченными возможностями социальной адаптации в странах приема иммигрантов, являющихся носителями других культурных традиций, стереотипов и т.д. До тех пор, пока количество таких иммигрантов невелико, они достаточно быстро ассимилируются местной культурной средой, растворяются в ней, и серьезных проблем межкультурного взаимодействия не возникает. Когда же абсолютное и относительное число иммигрантов становится значительным, а главное, быстро увеличивается и они образуют в странах прибытия более или менее компактные социокультурные анклавы, ассимиляционные процессы замедляются, и возникают межкультурные напряжения, усиливающиеся объективно существующим экономическим и социальным неравенством «местного» и «пришлого» населения.

Как показывает опыт многих промышленных стран, использующих иностранную рабочую силу, все это осознается не сразу. Они лишь постепенно начинают ощущать границы своей иммиграционной емкости, в них возникает конкуренция «своих» и «чужих» за рабочие места, разворачиваются дебаты вокруг проблемы иммиграции, которая становится важной картой в политической игре. В обществе нарастают антииммиграционные настроения и формируется соответствующая мифология, нередко увлекающая даже интеллектуальную элиту.

Сказанное в полной мере относится и к России: как и другие пережившие демографический переход страны, она тоже нуждается в мигрантах, тоже испытывает миграционный напор извне и тоже не может не ощущать объективных границ своей миграционной емкости. Как и везде, это связано с положением на рынке труда и в особен-

¹ Население России 2002. С. 181.

ности с «пропускной способностью» адаптационных и ассимиляционных механизмов и скоростью адаптации, социальной и культурной интеграции иммигрантов.

Но у России есть и особенности, отнюдь не облегчающие ее положения. К их числу относятся огромные слабозаселенные территории, богатые ресурсами, в том числе такими важными для наступившего века, как пригодные для сельского хозяйства земли, пресная вода, энергоносители. Это усиливает одновременно и потребность России в людях, и ее миграционную привлекательность в условиях нарастающего демографического давления со стороны перенаселенного юга планеты. Не слишком радужны миграционные перспективы России, если рассматривать их с точки зрения ее геополитического положения. В частности, массовый приток китайцев на российский Дальний Восток, если бы он имел место, не только не вел бы к глубинной культурной ассимиляции (ввиду непосредственной близости мощного собственного культурного материка), но и мог бы рано или поздно привести к активизации существующих территориальных притязаний Китая.

Именно в иммиграционном вызове фокусируются все остальные демографические вызовы, перед которыми стоит Россия и которые подталкивают ее к расширению иммиграции. Ибо встать на противоположный путь — как можно большего сокращения иммиграции, к которому склоняется часть российского общества, — значит смириться с непрерывным сокращением населения, его старением, потерей места в мировой демографической иерархии, непрерывным ухудшением и без того не лучшего соотношения население/территория и т.д.

Поиски ответа на иммиграционный вызов XXI в. в ближайшие десятилетия могут стать одной из главнейших задач внугренней и даже внешней политики России.

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ТОТАЛИТАРИЗМА

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ТОТАЛИТАРИЗМА*

«Пусть Россия благополучно совершит свой последний «бросок» на юг. Я вижу русских солдат, собирающихся в этот последний южный поход. Я вижу русских командиров в штабах русских дивизий и армий, прочерчивающих маршруты движения войсковых соединений и конечные точки маршрутов. Я вижу самолеты на авиабазах в южных округах России. Я вижу подводные лодки, всплывающие у берегов Индийского океана, и десантные корабли, подходящие к берегам, по которым уже маршируют солдаты русской армии, движутся боевые машины пехоты, передвигаются огромные массы танков. Наконец-то Россия завершает свой последний военный поход»¹.

Неизбежность национализма

Истоки современного национализма в России те же, что и во множестве других стран, для которых XX, а иногда уже и XIX в. стали временем ускоренной догоняющей модернизации. Россия — одна из первых среди них, но самой первой из крупных стран была все же Германия. Россия в этом смысле идет по германскому пути, но не потому, что подражает, а потому, что российское общество сталкивается со сходными проблемами.

Ядро этих проблем — острейший конфликт между двумя системными принципами организации социальной жизни: традиционным «холистским» и современным «индивидуалистским». Модернизация и есть переход от первого ко второму, она невозможна без столкновения старого и нового порядка вещей, такое столкновение всегда болезненно для общества. Его разрешение потребовало огромных внутренних напряжений от западноевропейских первопроходцев модернизации, таких, как Англия или Франция, было в достаточной степе-

^{*} Le nationalisme russe: à la recherche du totalitarisme perdu // Hérodote. N 72-73. Janvier-juin 1994. P. 101-118. На русском языке публикуется впервые.

¹ Жириновский В.Ф. Последний бросок на юг. М., 1993. С. 142—143.

ни жестоким и кровавым, но, как правило, не вызывало у них тех специфических реакций, которые мы сегодня очень неточно называем националистическими. В случае же догоняющей модернизации, когда многие существенные элементы нового заимствуются у более продвинувшихся обществ, конфликт «старого» и «нового» с неизбежностью приобретает характер спора «своего» и «чужого».

Применительно к России еще в начале века эту ситуацию с предельной ясностью описал один из лидеров российской дореволюционной либеральной мысли П. Милюков. Он полагал, что Россия вступила в «критический» период своей истории, когда «эпоха самовозвеличения сменяется эпохой самокритики», и на смену «национальному» самосознанию приходит «общественное» (сегодня мы сказали бы «гражданское». — А.В.) самосознание. Милюков отчетливо видел конфликт между сторонниками «самовозвеличения» и «самокритики»¹, но ему казалось, что в «новейший период нашей истории» в этом конфликте наступил решающий перелом. «Старые национальные идеалы уступили место в общественном мнении новым, которые подвергались упреку в «космополитизме» со стороны «патриотов» доброго старого времени. Число последних стало быстро уменьшаться»².

Милюков полагал, что Россия вступила в пору подведения итога долгому спору между «национальным» и «общественным» самосознанием, и был бы удивлен, если бы увидел, как обострился этот спор в России конца XX в.

Сам по себе исторический спор внутри общества и его культуры не есть источник национализма. Не обязательно бывают националистами и те люди, которые дают этому спору этническое, этнокультурное или этноконфессиональное толкование. Но стоит такому толкованию появиться, как критика старины начинает восприниматься как неуважение к национальным или религиозным святыням, как оскорбление национальных чувств, которые становятся очень обостренными. А уж очень легкая в подобных условиях игра на этих чувствах в политических целях и порождает национализм — одно из самых мощных средств мобилизации социальных сил в нестабильных, переходных, модернизирующихся обществах.

Есть, конечно, и другие средства такой мобилизации. Исторический конфликт старого и нового может видеться и по-иному, его

¹ Милюков П. Очерки по истории русской культуры. 1992. С. 150.

² Там же.

трактовка может быть не этнической, а, скажем, классовой, — тогда возникает и иная политико-идеологическая линия, апелляция не к национальным, а к классовым чувствам. Еще один вариант прочтения раздирающего общество конфликта — его видение сквозь призму превращения разделенного жесткими сословными перегородками традиционного общества в демократическое «гражданское» и соответственно апелляция к гражданскому самосознанию. Наличие одних трактовок не исключает других, все они обычно присутствуют в общественном сознании, конкурируют друг с другом, используются политическими силами в борьбе за влияние на массы.

Ни бывший СССР, ни нынешняя Россия не составляют исключения. Национализм был, есть и, видимо, долго еще будет одним из главных илеологических течений всех постсоветских обществ. Его место во всей системе идеологий на одной шестой части земной суши было с большой глубиной и проницательностью проанализировано А. Амальриком. Еще в конце 1960-х гг. Амальрик составил схему основных характерных для тогдашнего СССР идеологических течений, которой позднее — в середине 1970-х гг. — он придал более ясный и законченный вид. Схема представляет собой «колесо идеологий», основу которого образуют три главные «суперидеологии», три типа социальной философии, которые Амальрик обозначил как «марксизм». «национализм» и «либерализм». «Суперидеологии не отделены одна от другой непроходимыми преградами, но в какой-то степени даже переходят одна в другую»¹ — потому и «колесо» (см. рис. 1). Эти суперидеологии в специфических исторических обстоятельствах советского общества трансформировались в конкретные идеологии, которые даже в рамках одной суперидеологии различались отношением к плюрализму или тоталитаризму, «западным» и «восточным» ценностям, роли государства и т.д. Анализируя «идеологии», Амальрик прищел к выводу, что «в СССР при всякого рода... политических катаклизмах больше шансов на выживание и победу будет у тех, кто будет руководствоваться идеологиями тоталитарными, а не плюралистическими, доморощенно-восточными, а не чужеродно-западными и чисто политическими, а не этико-политическими... Только одна идеология отвечает всем трем условиям - «неосталинский национализм». Поскольку это уже одна из властвующих идеологий... то в кризисных

¹ Амальрик А. Идеология в советском обществе. В кн.: Погружение в трясину. М., 1991. С. 678.

ситуациях следует ожидать все более сильного крена власти в эту сторону»¹. Саму же эту идеологию Амальрик охарактеризовал следующим образом:

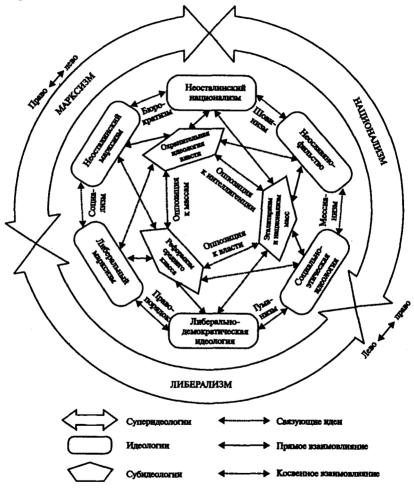

Рис. 1. «Колесо идеологий» А. Амальрика *Источник*: Амальрик А. Идеология в советском обществе... С. 678.

¹ Амальрик А. Указ. соч. С. 682.

«Это своеобразный национал-большевизм — "под знаменем марксизма", с одной стороны, и "пусть осенит нас знамя Суворова" — с другой, тянущийся в сторону все большего русского национализма с осовремененными старомосковскими идеями сильной "отеческой" власти»¹. До сих пор предсказания Амальрика — может быть, не во всех деталях, но в основном — сбываются.

Нынешний подъем национализма в России историк А. Зубов определил как «третий русский национализм». Первым, согласно Зубову, был национализм последних десятилетий XIX в., когда власти империи, напутанные восстанием в Польше и ростом этнического самосознания во многих других нерусских частях державы, приступили к осуществлению «грандиозной программы обрусения половины инородческого населения гигантской империи»², развернули гонения против национальных языков и культур, неправославных конфессий в Польше, на Украине, в Прибалтике, Поволжье и т.д. «Второй русский национализм» — ответ властей и части общества на революцию 1905 г. и новое оживление национальных движений, когда «правительство Столыпина и октябристская Дума вполне солидарно с царем избрали курс на укрепление империи через усиление значения державной русской народности»³.

Нынешний, «третий русский национализм» роднит с двумя предыдущими одна очень важная генетическая черта: он тоже теснейшим образом связан с обострением противоречий, присущих полиэтнической империи, конфликтом центробежных и центростремительных тенденций внутри нее и отражением этого конфликта в общественном сознании. Во всех трех случаях он сопровождает попытки центра противостоять центробежным тенденциям путем мобилизации сил «коренного», «основного» и т.п. русского этноса. Тем не менее это не единственная и даже не всегда обязательная его цель. Независимо от нее национализм, как правило, выступает в качестве инструмента всей борьбы защитных, консервативных сил против социальных нововведений, разрушающих традиционное российское общество и ведущих к замене его гражданским обществом. В этом — и сила, и слабость национализма. Сила, потому что в национализме проявляются объективно присущие всякому целостному обществу и его культуре функтивно присущие всякому целостному обществу и его культуре функтивностному обществу и его культуре функтивнос

¹ Амальрик А. Указ. соч. С. 678—679.

² Зубов А. Третий русский национализм // Знамя. 1993. № 1. С. 154.

³ Там же. С. 161.

ции самозащиты, он не чья-то зловредная выдумка, а нормальная реакция социума. Слабость, потому что не в силах человеческих остановить ход истории, избежать модернизации: национализм утопичен. Национализм не может не появиться и не может не проиграть.

Идейные корни и цели русского национализма

Взгляды и программы русских «патриотов» отличаются большой пестротой. Их объединяют общие «почвеннические» идеалы, вера в особую миссию русского народа, идеализация его прошлого, но говорить о каком-то программном единстве «патриотических движений» все же нельзя. Хотя поиски общей идеологии идут уже несколько десятилетий, им долго мещали разобщенность «патриотов», необходимость оглядываться на официальные власти, прибегать к эзопову языку и пр. С конца 1980-х гт. все эти препоны отпали, поиски общей идеологической платформы русских «патриотов», а значит и внутренняя полемика в их стане, пропаганда «патриотических» идеалов активизировались. Важная роль в этой активности принадлежала или принадлежит ряду печатных изданий, таких, как газеты «Литературная Россия», «Советская Россия», «День» («Завтра»), журналы «Наш современник», «Молодая гвардия», в самое последнее время — «Элементы» и т.п. Постепенно их идеология стала проникать и в другие, не столь ангажированные издания, демонстрирующие широту своих взглядов, на радио, телевидение и т.д.

В последнее время все более определенно обрисовываются два основных идейных источника националистических программ, призванных воскресить в измененном виде рухнувшие устои сталинского и послесталинского тоталитаризма.

В том, что касается русской (или российской) самобытности, «патриотические движения» активно осваивают наследие евразийцев — русских эмигрантов, искавших в 1920—1930-е гг. идеологического компромисса с большевиками на основе общего подхода к пониманию российской государственности. Главные привлекающие «патриотов» элементы евразийства — утверждение культурной и геополитической целостности и уникальности «России-Евразии», ее непохожести на Запад и противостояния ему, особого мессианского призвания России в мире, ее ответственности за имперское единство Евразии. Евразийцы были сторонниками однопартийной системы и единой «пра-

вильной» идеологии — «сознательно религиозной, православной и не отвлеченно-интернациональной, а евразийско-русской»¹.

В более общем, концептуальном плане «патриоты» все более обращаются к идейному опыту немецкого национал-социализма, итальянского фашизма, их союзников, предшественников и продолжателей. Пропагандируется идеология немецкой «консервативной революции», представляемая как универсальная идеология «третьего пути», по которому должна идти и Россия, причем евразийцы рассматриваются как идеологи русского варианта «третьего пути»². По мнению А. Дугина, в прошлом активного члена «Памяти», а ныне главного редактора журнала «Элементы», наиболее полным воплощением «третьего пути» был германский национал-социализм, хотя и делаются оговорки, что «в национал-социализме Гитлера было много отступлений от консервативно-революционной ортодоксии»³.

В то же время Дугин подчеркивает русский вклад в развитие идеологии и практики «консервативной революции». В частности, он пишет, что «в самом русском большевизме... легко можно обнаружить многие отнюдь не левые мотивы, имеющие прямое отношение к «консервативной революции»»⁴, отмечает, что Меллер ван ден Брук «даже в сталинской России... видел определенные позитивные черты, а европейский Запад внушал ему ужас»⁵ и т.д. Правда, в полном противоречии с этими и подобными им замечаниями Дугин называет СССР «левым идеологическим колоссом», провозглашая его тем самым верным наследником идей Просвещения и Французской революции (он сам говорит, что водораздел между «левыми» и «правыми» проводится в зависимости от принятия или неприятия этих идей). Между тем из всех разъяснений Дугина, да и независимо от них ясно, что вся история СССР как раз и была попыткой идти по «третьему пути» и одновременно доказательством его несостоятельности. Дугин призывает повторить эту попытку, пропагандирует все тот же тоталитаризм, только на этот раз не под классовыми, а под национальными («само словосочетание «национал-социализм» имеет явно «консервативнореволюционный» характер» 6) или евразийскими знаменами.

¹ Евразийство. Опыт систематического изложения. В кн.: Пути Евразии. М., 1992. С. 395.

² Дугин А. Консервативная революция. Краткая история идеологий Третьего пути // Элементы. 1992. № 1. С. 51.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Tam жe. C. 52.

⁶ Там же. С. 16.

Типичным выразителем этого «неосталинистского» комплекса идей стала, в частности, еженедельная газета «День». Она провозгласила себя «газетой духовной оппозиции» и постоянно резко и очень грубо по форме противостояла Ельшину, проводимой им политике реформ, «демократам» и т.д., активно поддерживала Верховный Совет в его борьбе с президентом осенью 1993 г., была закрыта после октябрьских событий, сразу же возродившись, впрочем, под названием «Завтра». «День» стал чем-то вроле свободной трибуны для прелставителей всех течений, уклалывающихся в рамки обозначенного выше «националистического континуума». Газета не порывает с некоторыми советскими идеологическими клише: требует восстановления СССР, защищает колхозную систему и т.д. и одновременно расширяет рамки «духовной оппозиции» до включения в нее сторонников фашизма и нацизма. К примеру, газета опубликовала, сопроводив лестными рекомендациями, написанную в эмиграции в 1930-е гг. статью известного некогда русского писателя А. Амфитеатрова «Фашизм» (в газете она прошла под другим названием). «Фашизм, возглавляемый и движимый Бенито Муссолини, — говорится в статье, является и фактором, и мотором, и рупором необходимости для Италии нового полъема на высокую ступень величия»¹. В другой публикашии «Дня» ее автор, современный русский монархист, как на отралное явление указывает на «большой круг активных патриотов, в том числе и вожаков, которые... тятотеют к национал-социализму в духе предвоенного германского» и утверждает, что было бы хорошо, если бы до установления в России монархии «пришло к власти национально выраженное русское правительство... пусть даже и с национал-социалистическим уклоном»². Попытки даже идейных союзников, близких соседей по «континууму», сдержать сползание газеты и всего «патриотического» движения к крайнему национализму втречали твердый отпор с ее стороны — так было, например, со статьей С. Кургиняна, возражавшего против пропаганды нацизма в журнале «Элементы»³.

Этот журнал уже упоминался. Если «День» («Завтра») претендует на диалог с «народом», то близкие к нему «Элементы» (главный редактор «Дня» А. Проханов — член редколлегии «Элементов») считают себя журналом «евразийской элиты». «Защита Евразии... ее гео-

¹ День. 1993. № 5. С. 7.

² Tam жe. № 15. C. 5.

³ См.: там же. 1993. № 1.

политических, идеологических и духовных интересов — это дело только элиты...». «Лишь тупая интеллигенция — и правая, и коммунистическая, и либеральная — всерьез считает, что она активно участвует [в борьбе элит] ... своим одобрением или несогласием... влияя на «общественное мнение», на исход борьбы». «Массы, народ «общественного мнения» не имеют. Народ бережно хранит то, что ему вверено, и следует за указаниями элиты (или контр-элиты, т.е. элиты будущего)»... «Именно «интеллигенция» ненавистна нам более всего — более, чем пассивные массы, более, чем противостоящие нам идеологические элиты... Костры из книг... не такая уж плохая идея... И правая, и левая, и демократическая элиты должны сложить общий костер из книг, побросав туда вербальные упражнения «интеллигентов» всех политических окрасок»¹.

«День» и «Элементы» не одиноки в своих симпатиях к нацизму. С теми или иными оговорками ее высказывают многие «патриоты». «Идея была не такая уж плохая — национал-социалистическая партия Германии. Что здесь плохого? Социалистическая рабочая. Национал — потому что для возрождения Германии»².

По общему правилу русские националисты демонстрируют враждебность тоталитарному «коммунистическому» режиму, но отнюдь не с антитоталитарных, либеральных позиций. Либерализм для них — еще больший враг. Их интерес к идеям «консервативной революции» заставляет вспомнить слова Ф. Хайека: «Третий рейх» Меллера ван ден Брука «был призван дать немцам социализм, приспособленный к их национальному характеру и не запятнанный западными либеральными идеями»³.

«Нужно освободить немецкий социализм от Маркса», — писал когда-то Шпенглер⁴. Примерно такая идея овладела сейчас русскими националистами. Конечно, советский марксизм был достаточно далек от «классического». Еще Бердяев отмечал, что «большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошли русификация и ориентализация марксизма»⁵. В советской идеологии очень важ-

¹ Аутодафе интеллигентов... очистит путь элите // Элементы. 1993. № 3. С. 2—3.

² Жириновский В.Ф. Указ. соч. С. 88.

³ Хайек Ф. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 8. С. 207.

⁴ Шпенглер О. Прусская идея и социализм... С. 9.

⁵ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма... С. 89.

ное место отводилось средневековой утопической составляющей марксизма, идущей от Кампанеллы, Томаса Мора или Кабе. «Западные» же идеи, связанные с усвоенным марксизмом наследием Просвещения и Французской революции, были сильно приглушены.

Сейчас русские националисты налеются полностью избавиться от этого наследия, но вовсе не от утопических попыток построить тоталитарное идеальное общество à la Город Солнца, его, так сказать, русский вариант. Осуждается (и то не всегда) «советский», «марксистский» тоталитаризм, а не тоталитаризм вообще. При безусловной неоднородности «патриотов» перед их мысленным взором, как правило, стоит образ будущей России, удивительно напоминающий образ ее прошлого, чаще всего недавнего, но с заменой некоторых «деталей». Имперская государственность, непобедимая военная мощь, противостояние Западу (часто говорится лишь о культурном противостоянии, но радикализация этого тезиса очень быстро приводит и к мысли о военном противостоянии), патерналистское государство, необходимость общей для всех «правильной» идеологии, тоска по «сильной руке» — все это входит в комплекс идей, которые объединяют разные националистические течения и ставят их в непримиримую оппозицию к проводящимся с 1985 г. в бывшем СССР, в том числе и в России, реформам. Нетрудно заметить, что во всех этих идеях нет ничего нового или специфически национального, просто все тот же тоталитаризм выступает в иной, чем прежде, идеологической упаковке. Место «марксизма-ленинизма», «пролетарского интернационализма» и других деталей идеологического камуфляжа недавнего тоталитаризма занимают различные варианты «русской идеи», часто прочитываемой сквозь призму национал-социализма.

Геополитические концепции русского национализма

Для «патриотических» идейно-политических течений характерен обостренный интерес к геополитическим проблемам, которые обычно мало интересовали советский идеологический истеблишмент. Вырабатывается и небезуспешно пропагандируется геополитическое мировоззрение, составляющее важную часть «образа будущего» России, предлагаемого националистами массовому сознанию. Это мировоззрение служит обоснованием ответа на три главных взаимосвя-

занных вопроса: о границах будущей России; о ее внутреннем устройстве; о взаимоотнощении России с внешним миром.

Границы будущей России

До распада СССР одной из их излюбленных тем было якобы приниженное положение русского народа среди других народов Союза, его эксплуатация другими народами, перекачка ресурсов из России в другие республики и т.д. На этом сходились все «патриоты», но выводы делались разные.

Одних критика такого рода привела к выводу о желательности выхода России из состава СССР. На этом настаивал, например, писатель В. Распутин, о том же, по существу, писал и А. Солженицын, хотя он говорил об обособлении России совместно с Украиной, Белоруссией и населенной русскими частью Казахстана¹. Присутствие подобной идеи в общественном сознании, безусловно, облегчило принятие разрушивших СССР беловежских решений, казалось бы, соответствовавших устремлениям русских «патриотов», заботившихся о благе России.

Однако в конечном счете такое понимание интересов России оказалось более близким идеологии «демократов», но шло вразрез с традиционными взглядами «патриотов», обычно отстаивавших имперскую государственность. Поэтому когда распад Союза стал свершившимся фактом, под «патриотическими» знаменами стали собираться сторонники восстановления Союза, которые отвергли «изоляционизм» своих союзников по «патриотическому» лагерю.

Имперская геополитическая концепция составляет важную часть программы Жириновского. Он не раз заявлял, что не признает не только нарушения территориальной целостности России в границах бывшего СССР, но и самих этих границ, поскольку считает незаконными соглашения, признавшие в свое время независимость от России Польши, Финляндии и стран Балтии. Тем более он не признает распада СССР. «Когда другие партии ведут речь о том, чтобы отрезать Казахстан, Киргизию, Среднюю Азию, — они не понимают, что мы задвигаем Россию в тундру, где могут быть только минеральные ресурсы, где ничто не может жить и развиваться... Мы сами себя... можем загнать в нежизнеспособные районы и погубить нацию окончательно»².

¹ Солженицын А. Как нам обустроить Россию...

² Жириновский В.Ф. Указ. соч. С. 63—64.

Особенность позиции Жириновского заключается в том, что он откровенно призывает не только восстановить прежние границы СССР или Российской империи, но и расширить их. «У меня... начала вырабатываться собственная геополитическая концепция... Выход России к берегам Индийского океана и Средиземного моря — это... задачи спасения русской нации... Это, наверное, будет последний перелел мира... Мы будем опираться на Ледовитый океан с севера, на Тихий океан с востока, на Атлантику через Черное, Средиземное и Балтийское моря, и, наконец, на юге огромным столпом мы обопремся о берега Индийского океана»¹. «Наша армия была бы только на территории России, на берегу Индийского океана и Средиземного моря не дальше. Дальше вниз - дружественный Ирак... Это будет многоязычный мир. Но, конечно, он изберет от Константинополя до Кабула один язык общения... На этом новом пространстве — до берега Индийского океана все будут говорить по-русски... Это будет Россия... где православие, христианская религия занимают доминирующее положение. Мы не должны допускать, чтобы чуждые нам религии ломали сознание молодого поколения россиян»².

То, что упрощенно, на доступном каждому языке, формулирует Жириновский, на страницах «журнала евразийской элиты» выступает во всеоружии академической аргументации. Так, в нем была перепечатана опубликованная в 1943 г. статья К. Хаусхофера «Геополитическая динамика меридианов и параллелей», сопровождавшаяся весьма лестным редакционным комментарием, в котором, в частности, утверждалось, что еще в 1950-е гг. «русские военные стратеги... серьезно изучали необходимость реализации того, что Хаусхофер называл «динамическое развитие по оси Север-Юг в левой части азиатского большого пространства (Grossraum)» или, иными словами, геополитическую интеграцию с южными регионами Евразии, дававшими Советскому Союзу выход к теплым морям»³.

На страницах того же журнала опубликован аналитический доклад «Центра специальных метастратегических исследований», в котором доказывается, что независимое существование бывших республик СССР («малых пространств») невозможно, они неизбежно должны войти в новые блоки, новые «Большие Пространства», формиру-

¹ Жириновский В.Ф. Указ. соч.

² Tam же. С. 72-73, 77, 112.

³ Геополитические тетради // Элементы. 1992. № 1. С. 18.

ющиеся как «оппозиция атлантическому мондиализму», например, Средняя Европа под флагом Германии или Средняя Азия под флагом исламской революции. Но «если Россия сможет восстановить свою геополитическую самостоятельность и избавиться от атлантистского руководства... у стран «ближнего зарубежья» появится... замечательная возможность снова войти в русскую Евразию... Это было бы самым простым и самым лучшим вариантом... Обнажение истинных колониальных целей мондиалистов... станет... предпосылкой еще большего увеличения числа союзников и сателлитов России-Евразии (как на Востоке, так и на Западе)»¹.

Внутреннее государственное устройство России

Распал СССР породил опасность цепной реакции, угрозу целостности самой России. Подобная угроза тем более должна существовать в любых конструируемых националистическими стратегами «Больших Пространствах», что ставит серьезные проблемы перед «патриотами». Русский национализм плохо совмещается со стремлением сохранить единое и неделимое полиэтническое государство, к чему они. безусловно, стремятся. В прошлом, по-видимому, именно подъем русского национализма, направленного, в частности, на ослабление центробежных тенденций, на деле способствовал их усилению. Эти тенденции и привели к распаду Российской империи в 1917—1918 гг. Последующее восстановление империи в форме СССР как федерации множества национально-территориальных образований сопровождалось демонстративной борьбой против «великорусского шовинизма», и это казалось тогда удачным решением вопроса. Евразийцы приветствовали «советский федерализм». Недавние события, завершившиеся распадом СССР в 1991 г., показали, однако, внутреннюю противоречивость и этого решения, выражаясь словами современника евразийцев, также работавшего в эмиграции, Г. Федотова, «утопичность чисто этнографической государственности»².

Проблема целостности неимперского полиэтнического государства объективно чрезвычайно сложна, ее простого решения не суще-

¹ Геополитические проблемы ближнего зарубежья // Элементы. 1993. № 3. С. 26.

² Федотов Г. Судьба империй. В кн.: Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993. С. 332.

ствует. Возможно, единство и неделимость России в конце концов утвердятся на путях формирования здесь нации западного типа и превращения России в национальное государство (Etat-nation) в западном же смысле. Однако подобный финал предполагает развитие структур, отношений и самосознания гражданского общества, при котором этнические социальные интеграторы отходят на второй план перед общегражданскими. В сегодняшней России этого еще нет, и до тех пор. пока новые интеграторы не созреют, стране придется довольствоваться промежуточными, компромиссными решениями. Эти полуэтнические, полугражданские решения создают объективное пространство для существования «этнических» или «полуэтнических» проектов государственного устройства России, которые складываются в рамках «патриотической» идеологии. Таков, например, вариант создания «России для русских», при котором «национальным меньшинствам, принадлежащим к коренным российским этносам и живущим с русскими в этническом симбиозе, гарантируется культурнонациональная автономия». Другой вариант — создание государства «российского суперэтноса», состоящего из русских, украинцев, белорусов, а также представителей ряда неславянских этносов: коми, мордвы, казанских татар. Еще один вариант — рассмотрение этнической России в составе Российской Федерации, что предполагает либо образование русской национальной республики, либо, «как компромисс, формирование ряда русских «земель», приравненных к статусу национальных республик нацменьшинств» 1.

Во всех этих вариантах все-таки видны изначальная сложность проблемы, стремление уйти от крайностей упрощенных решений. Ничего этого нет в предельно упрощенной программе Жириновского. Он попросту предлагает вернуться к дореволюционному делению России на губернии, правда, с некоторыми небольшими исключениями на «окраинах». «Латвия будет в составе России. Внутри России будет небольшое литовское государство. Если очень хочется жить в маленькой соборной Украине — пусть будет небольшая Украинская республика»². «Курдистан со столицей в Диярбакыре, Армения восстановит свои границы. Западные границы Армении выйдут на берег Черного моря. Грузия получит кусочек Черного моря южнее Батуми,

¹ День. 1993. № 10. С. 3.

² Жириновский В.Ф. Указ. соч. С. 126.

с тем чтобы компенсировать свои потери в Абхазии» 1 . Что же касается новых территорий, захваченных после «броска на юг», то там «не должно быть национальных образований» 2 .

Внешнеполитические ориентиры

Место будущей России в мире обычно представляется русским националистам по аналогии с местом, которое занимал СССР после Второй мировой войны, но с изменениями, еще более расширяющими сферу российского имперского влияния. Из их рядов раздается критика созданного Ялтой и Потедамом мирового порядка, главным недостатком которого они считают чрезмерный «атлантизм». Биполярность же послевоенного мира, его разделение на противостоящие военные блоки они считают достоинством и стремятся к ее восстановлению: «минимум два полюса или смерть»³.

России, как в недавнем прошлом СССР, отводится роль главного форпоста против «атлантизма», «американизма», «мондиализма» и т.п. «Геополитический выбор антимондиалистской альтернативы... должен... учитывать ключевую стратегическую и географическую функцию именно русских земель и русского народа... Коренные геополитические интересы русских и культурно, и религиозно, и экономически, и стратегически совпадают с перспективой альтернативного антимондиалистского и антиатлантистского Большого Пространства. По этой причине национальные тенденции политической оппозиции внутри России с необходимостью будут солидарны со всеми антимондиалистскими проектами геополитической интеграции вне России» 4.

С таких позиций ведется «борьба за Европу»: русские националисты ищут союзников среди европейцев-антиатлантистов. Цитируются слова Алена де Бенуа о том, что он «предпочитает американскому зеленому берету фуражку советского офицера»⁵, популяризируются идеи «Евросоветской империи от Владивостока до Дублина» Ж. Тириара: «С геополитической точки зрения СССР является наследником Третьего рейха. Ему ничего другого не остается, как, двигаясь с

¹ Жириновский В.Ф. Указ. соч. С. 76.

² Там же.

³ Геополитические проблемы ближнего зарубежья... С. 26.

⁴ Там же. С. 19—20.

⁵ Дугин А. Указ. соч. С. 55.

востока на запад, выполнить то, что Третий рейх не сумел проделать, двигаясь с запада на восток» и т.п.

В основном в русле этих идей лежит и внешнеполитическая программа Жириновского с ее ключевой идеей «Drang nach Zuden». «До сих пор американцам удавалось главенствовать во всех точках планеты. Но идея мирового господства — порочная. Лучше — разделение сфер влияния. И по принципу: север-юг... Нужно договориться... что мы разделяем всю планету, сферы экономического влияния и действуем в направлении север-юг. Японцы и китайцы - вниз, на Юго-Восточную Азию, Филиппины, Малайзию, Индонезию, Австралию. Россия — на юг — Афганистан, Иран, Турция. Западная Европа — на юг африканский континент. И. наконец, Канала и США — на юг — это вся Латинская Америка»². И далее: «Мы бы сконцентрировали свои экономические связи в основном на Афганистане, Иране и Турции до тех пор, пока эти страны существуют... и не стали составной частью российского государства...»³. «Мы с удовольствием станем частью общеевропейского дома, но дома большого, дома для всех — от Ла-Манша до Владивостока. Миттерановский вариант не пройдет. Нам не нужна куцая Европа...»⁴.

Национализм выходит из колыбели

«Третий русский национализм» рожден силою исторических обстоятельств. Но если говорить о конкретных условиях его появления на свет, то он — дитя двух родителей, двух соседей на кольцевой схеме Амальрика: «правого» крыла диссидентского движения 1960—1980-х гг., направленного против советского политического режима, и «левого» крыла советского истеблишмента, озабоченного укреплением этого режима любой ценой. И в том, и в другом случае национализм был в какой-то мере унаследован от сталинских времен, когда интернационалистские лозунги первых послереволюционных десятилетий уступили место новой идеологической ориентации, в которую вписывались и тезис о «первом среди равных» русском народе, и депортация ряда других народов, видимо, «последних среди равных», и борьба с космополитизмом, и государственный антисемитизм, и многое другое.

¹ Тезисы Жана Тириара // Элементы. 1993. № 1. С. 5.

² Жириновский В.Ф. Указ. соч. С. 71—72.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 118.

Впрочем, «родители» нынешнего национализма были связаны не только общностью идейного наследия. Согласно А. Янову, диссидентский национализм с самого начала возник как национально-либеральная утопия, противопоставлявшая советскому тоталитаризму некоторые ценности демократии и правового общества в сочетании с «антиевропеизмом, средневековыми мечтами о теократии и фашистскими принципами корпоративного государства»1. Сочетание это было противоестественным, и диссидентский национализм очень быстро стал терять даже ту скромную дозу либерализма, какая в нем была. Он становился все более враждебен ему, и в этом качестве стал представлять интерес для сторонников режима, по крайней мере для тех из них, кто считал диссидентов западно-либерального толка более серьезной опасностью (среди сторонников режима шла своя борьба между неосталинистами и «либеральными марксистами»). Считается, что на 1970-е гг. пришлось начало нового этапа в деятельности «русской партии»: «выход с помощью КГБ из подполья. В 70-е годы ей все больше дозволяется и в подцензурной советской печати, и — шире в контролируемой органами безопасности общественной и политической сферах. Более того, чем сильнее зажим либеральной активности, тем больше свободы для национал-шовинистической»². Какоето время существовали как бы две группы параллельных националистических течений — легальные, соблюдавшие советские правила игры. и нелегальные, демонстрировавщие пренебрежение ими, к концу же 1980-х гг. существовавшая между ними граница исчезла, два потока слились в один.

В конце 1980-х гг. наибольшее внимание привлекло движение «Память», состоявшее из нескольких небольших «патриотических» группировок в Москве и ряде других городов. Возникнув примерно за десять лет до этого как политически нейтральное культурно-просветительное движение, озабоченное сохранением памятников русской истории и культуры, «Память» быстро политизировалась. Среди ее членов стало быстро нарастать отрицательное отношение ко многим сторонам советской действительности, что сближало их с другими критиками системы. Такая критика со стороны «Памяти», часто весьма умеренная, не распространявшаяся на систему в целом, велась с

¹ Янов А. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк, 1988. С. 138.

² Соловьев В., Клепикова Е. Заговорщики в Кремле, М., 1991. С. 36.

позиций того, что сторонники «Памяти» считали русскими национальными ценностями. Одновременно формировался образ врага, ответственного за все беды русского народа, — «масона» и «сиониста». Взгляды, идейные позиции, деятельность и метаморфозы «Памяти» образуют замысловатую, подвижную мозаику, освещение которой потребовало бы отдельной статьи. Ограничимся поэтому лишь одним примером риторики «Памяти», которая дает некоторое представление о позициях этого «патриотического» движения. Ниже приводятся выдержки из обращения Национально-патриотического фронта «Память» к русскому народу (июнь 1990 г.).

«Сегодня мы обращаемся только к Русскому Народу... Вызывает крайнюю степень возмущения тот факт, что созданное Нашими Предками Отечество сегодня практически нам не принадлежит... Если и упоминается о россиянах, то в большей степени имеются в виду народы нерусского происхождения... Русская нация сегодня превращается в бильярдный шар, направление которому дает кий, находящийся в руках наднациональных политических сил, ведущих интриги национального стравливания. Но мы уже в который раз заявляем, что это есть фарисейский трюк сионистов, пытающихся спрятать в омут концы своих преступлений. Это они всегда были в нашей стране серыми кардиналами и, как показывает история, через иуд любой нации управляли всеми кровавыми процессами, происходящими в России на протяжении многих веков... Наше политическое равнодушие, наша трусость привели к тому, что в парламенты так называемой «демократии» пришли глубоко антинациональные космополитические силы, задача которых, игнорируя традиционный путь национального развития, превратить человечество в безнациональное космополитическое быдло... Русские люди! Мы уже на пути к резервации. Огромная часть нашего народа прозябает в пьянстве. Наших женщин превратили в ходкий товар... Детей разлагают «красотами» западного рая... Наши города и села заселяются не коренным населением, а представителями других (в основном азиатских) республик... «Благородство» западной экономической «помощи»... станет настоящей кабалой, при которой за каждый вложенный доллар у нас окончательно отнимут право на экономическую свободу и независимость, что в конечном итоге лишит навсегда русского человека всякой возможности национальной государственности... Пора создать Нюрнбергский процесс над палачами от коммунистической идеологии, за ширмой которой международное масонство и сионизм осуществляли кровавые репрессии над великой Россией... Возмездие неотвратимо! Православные дружины, формирующиеся в рядах Национально-патриотического фронта «Память», собираются сегодня в духовную рать для последнего победного боя с вражиной поганой. Тот, кто считает себя мужчиной, воином, истинным христианином... должен вступить в Дружину Национального Спасения и встать на защиту многострадальной державы... С нами Бог! Мы победим!»¹

С начала 1990-х гг. «влияние и вес... организаций «Памяти» стали катастрофически падать... «Память» как название и символ изжила себя. Ряд ее организаций просто угас, оставшиеся влачат жалкое существование»². Но тогда-то и стало особенно ясно, что шумные эпизоды ее истории были частью какого-то более общего и более серьезного контекста. Постсоветская политическая сцена заполнена случайными людьми и организациями. Но идеологии не случайны. Национализм естествен для социально-исторической ситуации России XX в. В условиях монопольного господства «классовой» идеологии он не мог исчезнуть, но существовал в замаскированном или подавленном виде. По мере ослабления идеологического диктата КПСС он отвоевывал все новую и новую территорию, после трансформации режима вышел из подполья.

В результате та часть постсоветского российского идейно-политического спектра, которую Амальрик обозначил как «неосталинский национализм», оказалась плотно заполненной «патриотическими» или «националистическими» течениями. Часто очень несходные между собой, они в целом образуют некий континуум, на одном краю которого находятся претендующие на политическую нейтральность академические, религиозные или публицистические концепции в духе «русской идеи», а на другом — политически заостренные, крайние идеологии типа национал-социализма.

Организационные возможности объединений типа «Памяти» уже не удовлетворяли активных националистов, и появились планы создания националистических партий. Любопытно интервью одного из деятелей «Памяти» А. Кулакова, данное на заре постсоветской многопартийности. Вот несколько выдержек из этого интервью. «Я полагаю, что российское православное движение в ходе развития много-

¹ Русское дело сегодня. Кн. І. «Память». М., 1991. С. 198-208.

² Соловей В.Д. «Память»: история, идеология, политическая практика. Русское дело сегодня. Кн. І. «Память»... С. 83.

партийной системы оформится в русскую патриотическую партию... Главная цель — возрождение национальной самобытности России... Мир уже подчинен мировому еврейскому капиталу... который финансировал революцию семнадцатого года... спровоцировал и организовал геноцид русского народа. Интернационализм и коммунизм — философии, присущие евреям... Мы считаем, что должен быть суд над нацией, принесшей в мир коммунистическое зло... Я считаю Горбачева врагом русского народа... К Компартии РСФСР [отношение] положительное... В КП РСФСР никаких коммунистов нет. КП РСФСР могла бы стать организацией, на которую можно было бы опереться. После ее очистки, разумеется»¹.

Характерно, что первой легальной партией после разрешения многопартийности стала именно партия националистического толка. Речь идет о так называемой (название не должно вводить в заблуждение) Либерально-демократической партии России (ЛДПР), возглавляемая — это ли не парадокс — человеком с сионистским прошлым В. Жириновским. История возникновения ЛДПР окружена слухами, согласно которым эта партия — креатура КГБ. Ее успехи на президентских выборах в июне 1991 г. и парламентских выборах в декабре 1993 г. общеизвестны. Жириновскому, по понятным причинам, не свойствен антисемитизм, его риторика включает осуждение национализма и щовинизма, но по существу он мало отличается от крайних националистов. Иллюстрацией «интернационализма» Жириновского может служить предвыборное выступление по российскому телевидению в декабре 1993 г., когда он пообещал, что если придет к власти, то на телевидении останутся только «русские дикторы с голубыми глазами». Но есть и более серьезные заявления: «нужно бороться с паломничеством южан в европейские центры России. Уже и за Урал они пролезли. Как мухоморы, как тараканы»²; «с миром ничего не случится, если даже вся турецкая нация погибнет»³. Излюбленные темы Жириновского — величие русского народа и его особое призвание («миссия России — совершить великий подвиг»), переносимые русскими унижения, обещания привести их к процветанию путем расширения русского жизненного пространства до берегов Индийского океана.

¹ Аргументы и факты. 1990. № 34.

² Жириновский В.Ф. Указ. соч. С. 117.

³ Там же. С. 130.

После успешных для Жириновского парламентских выборов 1993 г. в российской прессе много и справедливо писалось об опасной недооценке его возможностей политиками из демократического лагеря. Но не менее опасна и их переоценка. Пока Жириновский — генерал без армии. Он может послужить лишь дымовой завесой, за которой, пользуясь тем, что внимание общества приковано к экстравагантным выходкам удачливого лидера ЛДПР, возникнет намного более серьезная организация, у которой будут и генералы, и армия.

Судя по всему, неизвестно из кого состоящая ЛДПР все же не вполне соответствует сокровенной мечте радикализованного «патриотизма» о мощной националистической партии. Уже после успеха ЛДПР на выборах разочаровавшийся в Жириновском его бывший соратник, директор «Всероссийского бюро расследований» его теневого кабинета писатель Э. Лимонов заявил: «Жириновский на политической сцене — пощечина русскому народу и России. Разве не унизительно, что бывший активист еврейского движения с одесским акцентом вещает нам с экранов телевизоров о своих планах защиты русских? ... Жириновский — противник русского национализма, он лишь использует русских и Россию в личных целях». «Без сильной национальной русской партии, — полагает Лимонов, — ... стране не подняться, а русской нации не выжить... Возникновение нового мощного националистического движения неизбежно. Без национальной русской партии у России нет будущего» 1.

Крайний национализм давно уже не довольствуется одной лишь пропагандой, проявляет незаурядную политическую волю, рвется к политическим действиям, угрожает террором. Вот пример рекомендаций, дававшихся со страниц «газеты духовной оппозиции» ее постоянным автором, бывшим генералом КГБ «освободительной (т.е. «патриотической») печати». «Освободительная журналистика должна сократить длинные и нудные «столы» о русской идее, витая в эмпиреях. Она сегодня должна говорить языком партизанских газет и «Красной звезды» времен Великой Отечественной войны». «Задача освободительной печати: 1. Точно указать, кто оккупировал нашу страну: сионистская Америка... 2. Показать людям, на каких «штыках» держится режим оккупации, конкретно, пофамильно... Не надо о евреях вообще, не надо о «Московском комсомольце» вообще, о ТВ и радио «Россия» вообще — только через имена...»². В печати все чаще

¹ Завтра. 1994. № 1. С. 5.

² Лень, 1993, № 14, С. 3.

появляются сообщения о досье, которые ведутся ультранационалистами на своих политических противников, включая членов правительства, о подготовке отрядов вооруженных боевиков. Во время октябрьских событий 1993 г. в газетах была опубликована фотография защитников Верховного Совета: шеренга чернорубашечников со стилизованными свастиками на рукавах и с рукой, поднятой в нацистском приветствии. Это были представители движения «Русское национальное единство», выделившегося в 1990 г. из «Памяти» и возглавляемого А. Баркашовым. «В его рядах насчитывается до пятисот боевиков, обученных приемам рукопашного боя и ведению боевых действий. Многие баркашовцы прошли школу войны в Сербии, Приднестровье и Абхазии»¹. По словам Баркашова, они пришли «на поле чести, которое назначил нам... враг нашего Бога, враг нашей нации, враг нашего Отечества»².

* * *

Однажды Россия уже пережила трагедию тоталитаризма. Широко известны слова Гегеля о том, что исторические события обычно повторяются дважды: один раз как трагедия, второй раз—как фарс. Может ли это служить достаточным основанием для оптимизма?

¹ Известия. 4 января 1994.

² Завтра. 1994. № 1. С. 4.

РУССКИЙ ИЛИ ПРУССКИЙ?*

«Россия становится более прусской, чем мы. Подобно национальной идее Гердера, которая оказала большее влияние на славянские народы, идея Потсдама наложила больший отпечаток на Россию, чем на Германию».

Эрнст Никиш, 1931¹

«Глубокость результатов Гердера...»²

Не так давно нам попалась книга под названием «Русский путь в развитии экономики». На первой же странице этой книги говорилось, что в 1917 г. в нашем Отечестве одержала верх «импортная идеология», которая и принесла ему неисчислимые беды. Между тем, «если бы народ пошел национальным, патриотическим путем, исход был бы совершенно иным»³. Поэтому теперь «единственным путем возрождения страны является переход на русский путь»⁴.

Смешно сказать, но эту очевидную мысль сегодня еще приходится доказывать. Есть люди, которые все еще сомневаются в том, что надо искать свой национальный путь развития — не обязательно русский, а вообще национальный. Держатся за устаревшую идею так называемого единства исторического процесса, этакой дарвиновской эволюционной лестницы в истории. Сначала у всех были жабры, а потом появились легкие и молочные железы. Так, говорят они, и в истории. Сначала была, скажем, абсолютная власть монархов, а потом появились парламенты и разделение властей. И это — «более высокая» форма.

Мы не уверены, что все так просто сходится и у Дарвина (как не биолог мы его, к сожалению, не читали). Что, обязательно только рыба

^{*} Сокращенный вариант статьи опубликован в журнале «Знамя». 1995. № 2. С. 175—188.

¹ Niekisch E. «Hitler — une fatalité allemande» et autres écrits nationauxbolcheviks. Puiseaux, Pardes, 1991. P. 188.

² Гоголь Н.В. Арабески. Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1999. Т. 3.

³ Троицкий Е.С. Историко-методологические аспекты экономического развития по русскому пути. Русский путь в развитии экономики. М., 1993. С. 3.

⁴ Там же. С. б.

или млекопитающее? Почему нельзя, например, чтобы и жабры, и молочные железы? А амфибии? И почему тогда все млекопитающие не одинаковые, а разные? Много вопросов. Но что касается общества, то тут вопросов нет, все ответы получены давным-давно, еще в XVIII в.

Представьте себе этот великий век. Екатерина Великая, Фридрих, тоже Великий. Правда, тут же — Маркиза де Помпадур. В России Чесма, Рымник, Измаил, переход Суворова через Альпы! Границы раздвинуты до Днестра и Немана! «Путешествие императрицы в Крым со встречавшими ее на пути иллюминациями на 50 верст в окружности, с волшебными дворцами и садами, в одну ночь созданными» Крепостное право — да, но не бесправие же! Когда Дарья Ивановна Салтыкова, помещица, замучила насмерть 139 крестьян, то ее немедленно судили, отстранили от руководства крепостными и даже сослали в монастырь.

Неплохо и в Пруссии. Границы раздвинуты почти до Кракова, не забыты ни Гданьск, ни Познань, ни Варшава! Самая большая армия в Европе. Победа при Росбахе. Просвещенный абсолютизм.

А во Франции худо. Границы не раздвинуты. Поражение при Росбахе. «Страна, которую попирает нога шлюхи, которая истощена до такой степени, словно пережила несколько чумных эпидемий, которой стыдно глядеть в глаза соседям»². И вдобавок ко всему внутри великого французского народа завелся «малый народ» — витийствующие в салонах Вольтеры, Даламберы, Дидро — и начинает критиковать все и вся. Вместо того, чтобы оглянуться на прошлое величие Франции и подумать о том, как к нему вернуться, они клеймят Средневековье и веру в Бога и проповедуют идеи универсального — для всего человеческого рода — прогресса, безбожного материализма, рационализма. У идей этих нет, разумеется, почвы в «большом народе» Франции, но никто не может противостоять разлагающему влиянию «малого народа», ибо он использует в своих интересах третье сословие, имеющее тенденцию к духовной самоизоляции и противопоставлению себя «большому народу».

Мало того, что парализована воля французов, и даже король, кажется, забыл, что у него есть Бастилия. Екатерина Великая и Фридрих Великий — и те дружески переписываются с Вольтером, не понимая страшной угрозы вольтерьянства. Но есть человек, попеременно

¹ Ключевский В. Курс русской истории. Ч. 5. М., 1937. С. 365.

² Карлейль Т. Французская революция. М., 1991. С. 10.

живущий во владениях то Екатерины, то Фридриха, который поднимает перчатку, брошенную Вольтером. Имя его — Гердер. Уроженец маленького прусского городка, молодой пастор в 1774 г. публикует книгу, в которой противопоставляет философии истории Просвещения другую философию истории, «объявляет войну унифицирующему универсализму Просвещения во имя разнообразия культур... Плоскому рационализму Просвещения, знающему только отдельного человека и человеческий род и верящему в однолинейный прогресс рода... противопоставляет калейдоскопическое богатство существующих культур, разнообразная игра которых образует историю человечества» 1.

Гердеру ясно, что никакой преемственности прогресса, никакого общего пути разных народов не существует. «Провидение... достигает своей цели только путем перемены, перепряжки, осуществляемой пробуждением новых сил и отмиранием прочих»². «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет...» — напоминает Гердер евангельские слова, чтобы провозгласить затем грядущее появление на исторической сцене новых избранных народов. Каких? В конце концов, не в этом дело, все народы, все культуры — равноценны. Важно то, что все они от природы непреодолимо различны и им нельзя смещиваться. «Природа воспитывает людей семьями, и самое естественное государство — такое, в котором живет один народ, с одним присущим ему национальным характером... Ничто так не противно самим целям правления, как... хаотическое смешение разных человеческих пород и племен под одним скипетром... Такие царства... словно символы монархий в видении пророка: голова льва, хвост дракона, крылья орла, лапы медведя — все соединено в одно целое, целое весьма непатриотического свойства»³. Так что помыслы французского «малого народа» о будущем всеобщем братстве и общечеловеческом прогрессе — чистый вздор. Как сказал бы и сказал впоследствии — наш Данилевский, «большей клятвы не могло бы быть наложено на человечество, как осуществление на земле единой общечеловеческой цивилизации» 4.

¹ Dumont L. Homo aequalis, II. L'idéologie Allemande. France-Allemagne et retour. Gallimard, 1991. P. 23.

² Herder J.G. Une autre philosophie de l'histoire pour contribuer à l'éducation de l'humanité. Paris, 1964. P. 64.

³ Гердер И.Г. Идеи к философской истории человечества. М., 1977. С. 250.

⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1871. С. 453.

Марксизм русифицированный или марксизм опруссаченный?

Тем не менее именно пагубные идеи интернациональной, общечеловечской цивилизации не только проникли в Россию, но на какое-то время возобладали в ней, блокировав движение по национальному пути. Сейчас пришла пора вернуться на него, но пока не удается из-за противодействия прозападных либералов — ведь они «в один голос утверждают, что у нас остался один-единственный путь — перейти к рыночной экономике, установить парламентскую демократию и правовое государство западного типа с многопартийной системой — словом, «встроиться в мировую экономику» и «вернуться в семью цивилизованных народов» — со всеми вытекающими отсюда последствиями... Ближайшее будущее покажет, согласится ли наш народ с такой перспективой или отыщет собственный путь развития» 1.

Конечно, отыщет — и перейдет на него. Хорошо бы только понять: от чего будем переходить, — дабы наново не наделать ошибок.

Каждый знает... (для людей, далеких от науки, заметим: выражения типа «каждый знает», «все знают», «всем известно» и т.п. делают идущее после них утверждение истинным, и читатель должен принимать его, не утруждая себя сомнениями). Итак, каждый знает, что «антиподом российской модели экономики» служит экономика западноевропейских стран и США, которая возникла «в густонаселенных странах в условиях крайнего дефицита экономических ресурсов». Оттуда и ведет начало «парадигма агрессивного потребительства, ставившего во главу угла общественного развития уровень потребления товаров и услуг, превратившегося сегодня в настоящую гонку потребления»². Хорошо бы переходить на русский путь от этого антипода, да где же его взять? Пока, слава Богу, ничего этого у нас нет. А что есть?

Как что? А импортная идеология? А марксизм — главный исток сталинизма? От него и надо уходить — поскорее и подальше. И немедленно двигаться по русскому пути.

Но, оказывается, путь заминирован и повсюду расставлены идеологические ловушки. Как бы нам в них не угодить.

¹ Антонов М.Ф. Ложные маяки и вечные истины: пути выхода страны из кризиса и русская общественная мысль. М.: Современник, 1991. С. 163.

² Троицкий Е.С. Указ. соч. С. 31.

Говорят, например, что русский марксизм — и не марксизм вовсе. Дескать, когда российское, а затем советское общество, не выйдя из лаптей, попыталось немедленно превратить в явь четвертый сон Веры Павловны, оно столкнулось с суровыми экономическими и социальными реальностями, и ему пришлось отойти очень далеко от своего исходного марксистского правоверия. Да и вообще, любая теория, сталкиваясь с жизнью, приближаясь к ней, видоизменяется.

И вот рождается такая формула: «Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма»¹. Это Бердяев, а за ним потянулись уже и современные авторы. «Чем дальше, тем в большей мере марксизм в переложении Ленина обогащался российским содержанием. К концу жизни он, кажется, понял несостоятельность многих основополагающих установок Маркса... Сталин в силу своего положения руководителя СССР вынужден был продолжать ту работу, которую проделал Ленин... Он в известной мере по праву мог называть себя продолжателем дела Ленина в том, что касалось обогащения марксистских схем российским опытом»².

Если следовать Бердяеву и иже с ним, то, пожалуй, придется все наши недавние беды списать на счет «обрусения» марксизма. Так недолго дойти и до ехидного стишка:

«Как жаль, что Марксово наследство Попало в русскую купель...»,

уже вызвавшего справедливое возмущение³. И без того ведь «наша современная публицистика стремится... дать простое и ясное решение: советский тоталитаризм — не результат революционной переделки мира, а продукт непреодолимого давления старой азиатской традиции... С этим смыкаются и адвокаты марксистского фундаментализма (поделом Бердяеву! — А.В.): вся беда в том, говорят они, что хорошее учение досталось плохому народу»⁴. Между тем и ежу ясно, что

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 89.

² Антонов М.Ф. Указ. соч. С. 157, 159.

³ Шафаревич И.Р. Русофобия. Соч.: В 3-х т. М., 1994. Т. 2. С. 125.

⁴ Панарин А. Проект для России: фундаментальный либерализм или либеральный фундаментализм? // Знамя. 1993. № 9. С. 156.

все было наоборот: отличный народ временно поддался соблазнам чуждого ему отвратительного учения.

Если и в самом деле марксизм уже был русифицирован и это не принесло ничего хорошего, то куда же нам теперь от него уходить? Не бросает ли это тень на русский путь?

Впрочем, позвольте: почему же не принесло? Кое-что принесло. От формулы Бердяева можно ведь идти и в другую сторону. Негодное учение, напущенное на хороший народ, не смогло все-таки его погубить, а само было им погублено. Хоть зловредные марксисты-большевики и принесли много вреда, а все же народ остался народом и в главном переделал и самих большевиков, заставив их действовать в сугубо национальных интересах.

«Удивляет и объясняется только исключительной государственной мудростью русского народа то, с какой быстротой и как верно намечены основные формы его политического бытия, — писали евразийцы еще семьдесят лет назад. — Мы приписываем это именно народной стихии, а не коммунистам, которые были лишь удобными орудиями и, в общем, послушными исполнителями»¹. «Сами не зная того, большевики бьются над конкретизацией религиозно-этических основ русской государственности»². Нелегко пришлось, это верно, но, признает и современный (1992 г.) автор, «ценой огромных жертв и страданий Россия переварила коммунизм и поставила его на службу своей государственности. Призванный погубить страну, он постепенно стал державником...»³.

Да разве только в державности дело? А экономика? «Трудовой коллектив советской фабрики — это видоизмененная русская община с сильными артельными отношениями... В 30—50-е годы невероятный рывок совершила Россия (СССР) с опорой именно на общинные начала» 1. Свежайшая мысль. Или вот еще — из книги с эпиграфом «Богу молись, а сам трудись» — с нее мы начали наши заметки. «Общественный сектор в сельском хозяйстве, пусть и в искаженном виде, но все же продолжающий традиции крестьянской общины, дает подавляющую часть товарной продукции России... Колхозы и совхо-

¹ Евразийство. Опыт систематического изложения... С. 399.

² Там же. С. 403.

³ Распутин В. Литературная Россия. 1992. С. 3.

⁴ Кара-Мурза С. Что происходит с Россией? Куда нас ведут? Куда нас приведут? М.: Былина, 1993. С. 5.

зы... — главный конкурент американских аграриев в деле установления контроля США над хлебной торговлей страны» 1 .

Такой подход позволяет с большим оптимизмом смотреть в прошлое. Даже и признавая, что после победы импортной идеологии в 1917 г. «последовали установление тоталитарного режима, разрушение экономики и национальной культуры, массовые репрессии против граждан России... создание ГУЛАГа, отъезд лучших умов отечества в эмиграцию», мы вместе с авторами «Русского пути в развитии экономики» можем без колебания осудить «несостоятельность безудержного критиканства... неозападников в отношении советского строя, русского народа»². Было, было что-то хорошее. «Русская предприимчивость, удаль, позитивные традиции общины хотя и были стеснены, но все же способствовали успехам страны»³.

Ежели все это так — а книжка важная, особенно название, — то от нашего русифицированного марксизма-большевизма и переходитьто особенно никуда не надо, мы и так на верном русском пути. Подправить, разумеется, кое-что, но не более того. И в то же время мы уже знаем, что единственный путь возрождения страны — «переход на русский путь». С русского, что ли, на русский же?

К счастью, попадается нам на глаза еще одно сочинение, довольно давнее, принадлежащее перу немецкого национал-большевика, «последнего великого пруссака» Эрнста Никиша. Он, оказывается, еще в 1931 г. заявил: «В той мере, в какой русский большевизм был «марксистским», речь шла об опруссаченном марксизме» Да он просто якорь спасения нам бросает, этот Никиш.

Нелегко, конечно, смириться с тем, что великая Россия столько лет жила по прусской подсказке, что она, как утверждал Никиш, «подчинилась прусской мысли» — даже больше, чем сама Германия, «подпавшая под влияние латинства...». «Германия передала свою оригинальность России», — настаивал он⁶. Но нет худа без добра. Теперь нам по крайней мере ясно: чуждое России Марксово наследство попало в не менее чуждую ей прусскую купель, что и произвело наблю-

¹ Троицкий Е.С. Указ. соч. С. 16.

² Там же. С. 3. 8.

³ Там же. С. 8.

⁴ Niekisch E. Op. cit. Р. 7 (предисловие Алена де Бенуа).

⁵ Ibid. P. 188.

⁶ Ibid.

даемые нами печальные последствия. Если уж мы и выпали из истории, так по крайней мере не по своей вине. Снимаются подозрения в русификации марксизма, в давлении старой азиатской традиции и проч. Опруссаченные большевики забыли заветы Александра Невского, навязали стране нехороший прусский путь, а сейчас как раз и пришло время возвращаться с этого чужого пути на свой, русский.

Органичные формы жизни

Хотя постойте. Как бы нам с водой не выплеснуть и ребенка. Что Марксово наследство — импортнее некуда! — нам не подходит, это уже всем известно. А вот прусская купель — надо ли ее отвергать с порога?

Конечно, все знают, что главное счастье России — в ее отличии от Запада. Как писал видный представитель почитаемых нами ныне евразийцев П.Н. Савицкий, «велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, а не кому другому... Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу...»¹. Тогда пронесло, но опасность дьявольского западного душегубства не исчезала никогда. Не случайно ведь еще в XIX в. напоминал Н.Я. Данилевский, что «борьба с Западом — единственное спасительное средство... для излечения наших русских культурных недугов»². Тем более своевременно звучит в XX в. заклинание Н.Трубецкого, тоже евразийца: «Мы должны привыкнуть к мысли, что романо-германский мир со своей культурой — наш злейший враг»³. Так что же нам прусская купель? Или Пруссия — не Запад?

Для России, конечно, Запад, как и вся Германия, часть единого романо-германского мира, на борьбу с которым и созывали славян Данилевский и туранцев Трубецкой. Для истинного же пруссака никакого романо-германского мира и не существует вовсе. «Все, что связывает Германию с латинским пространством, неотвратимо навязывает ей унизительную судьбу» — это уже знакомый нам Никиш. «Тра-

¹ Савицкий П.Н. Степь и оседлость. В кн.: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993, С. 124.

² Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 460.

³ Трубецкой Н.С. Русская проблема. В кн.: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. С. 341.

⁴ Niekisch E. Op. cit. P. 185.

диционная концепция западного мира не подходит Пруссии»¹. Вот оно что, оказывается! Были и кроме нас непримиримые враги Запада, только не смогли мы их вовремя оценить. А они давно на нас поглядывали с симпатией, рассчитывали даже на антизападный с нами союз. Как полагал, например, одно время некто по фамилии Геббельс, именно «Россия — наш (то есть их. — А.В.) единственный союзник против дьявольских искушений и развращенности Запада»². Здесь уже есть чем гордиться.

На чем мог (и может) основываться такой союз? На сопротивлении экспансии бездуховной западной «технологической», «техноморфной» цивилизации, однозначно отождествляемой с «прогрессом», во имя сохранения цивилизации незападной — традиционной, органической (это ключевое слово), ориентированной на ценности жизни. Разве не об этом мечтал еще в 1934 г. в книге «Немецкий социализм» Вернер Зомбарт? «Без колебания и без оговорок мы должны освободиться от безобразной веры в прогресс, веры, которая... господствует в идеологии пролетарского социализма, а еще больше в идеологии либерализма», — писал он. «Надо прежде всего коренным образом пересмотреть... нашу иерархию ценностей... Ценности, которые мы призваны реализовывать в первую очередь, прежде чем мы обратимся к ценностям пользы или развлечения, это ценности святости, ценности духа и жизни.... То, что эта новая система ценностей должна быть немецкой, легко поймут те, кто поддерживает немецкий социализм»³.

И разве не об этом же мечтаем сейчас мы? «Надо, — читаем мы в одном из лучших столичных журналов, — мобилизовать опыт всех более органичных форм жизни... Для нас... самой близкой и понятной является та крестьянская цивилизация, среди которой еще так недавно протекала жизнь наших предков... Она может стать для нас наиболее ценной моделью органически выросшего жизненного уклада, у которого можно многому научиться...» 4. «У нас... оплотом духовности, на котором можно что-то построить, до сих пор является деревня. Почти четверть населения у нас проживает в деревне, а в Америке — три процента. Деревня еще крепко связывает нас с почвой,

¹ Niekisch E. Op. cit. P. 187.

² Цит. по: Лакер У. Россия и Германия — наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 47, 197.

³ Sombart W. Le socialisme allemand. Puiseaux, 1990. P. 149.

 ⁴ Шафаревич И. Две дороги — к одному обрыву // Новый мир. 1989.
 № 7. С. 164.

природой, космосом. Это источник сил, исходя из которых мы можем сохранить здоровые начала жизни»¹. И в то же время (уже другой автор) «тип взаимоотношений человека с землей и с другим человеком, идущие от крестьянства мироощущение и способ мышления» — это «корень, выдернув который, можно разрушить генотип «незападной» цивилизации»².

Немцы этого, видимо, не понимали, потому в конце концов и уступили Западу. А может, у них и не было четверти населения в деревне? Да, четверти не было. Была треть. И с этим были связаны немалые надежды. «Германия, и это очень важный и особенно отрадный факт, еще и сегодня истинная страна крестьян», — читаем мы в «Немецком социализме» Зомбарта³. «Немцы — сельский народ... В Германии каждый город содержит в себе деревню и каждый горожанин несет в своем сердце ностальгию по селу»⁴. «Крестьянин... — с надеждой писал Шпенглер. — После исчезновения старых сословий, дворянства и духовенства он является единственным органическим человеком, единственным сохранившимся пережитком культуры»⁵.

Зомбарт не утаивал, правда, что в течение двух последних поколений (дело было, напомним, в 1934 г.) установилась «пагубная диспропорция» между городом и селом: с 1871 г. доля городского населения выросла с 36 до 67%, а в городах с населением более 100 тыс. человек жило свыше 30% против 7 в России⁶. И Шпенглера беспокоило, что «крестьянство, связанное корнями своими с самой почвой... теперь уже не идет в счет. «Народом» теперь считается городское население»⁷. И Никиш тревожился, что такой ход дел не соответствует германскому призванию. «Впитывая буржуазные и цивилизационные ценности, мы отказываемся от ценностей сельских и естественных. Вхождение в западную цивилизацию с необходимостью влечет за собой отказ от призвания колонизировать Восток»⁸. Беда, беда — особенно это последнее.

¹ Шафаревич И. Мы все оказались на пепелище... В кн.: Шафаревич И. Есть ли будущее у России? М.: Советский писатель, 1991. С. 530.

² Кара-Мурза С. Указ. соч. С. 4—5.

³ Sombart W. Op. cit. P. 149.

⁴ Ibid. P. 159.

⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 463.

⁶ Sombart W. Op. cit. P. 153.

⁷ Шпенглер О. Закат Европы... С. 463.

⁸ Niekisch E. Op. cit. P. 142.

А ведь у нас диспропорция еще более пагубная. В России сейчас горожане — этот якобы «народ» — достигают 74%, а на долю городов с населением свыше 100 тыс. жителей приходится 46% всего населения. Связь с космосом явно слабеет. Именно поэтому так важно сейчас удержать опыт крестьянской цивилизации, созданные ею ценности, которые, безусловно, будут в высшей степени уместны в нашей городской, торгово-промышленной жизни.

Мы пишем наши заметки и одновременно читаем газеты — чтобы не отстать от жизни. Ведь вся жизнь — в газетах! В одной из них говорится, что, согласно писателю N, в России «народа сейчас нет, а осталось одно население»¹. Мы уже встречали эту мысль у Шпенглера, и она не стала менее глубокой от того, что из толстой книги перекочевала в тонкую газету. Но мысль настолько верна, что хочется ее немного развить.

Писателям важна прежде всего духовная сторона дела, зато среди читателей есть и приземленные прагматики. Специально для них мы и даем наше разъяснение. В 1920-1930-е гг., если вы не забыли, главным народом у нас был рабочий класс. Он и страдал больше всех. и пример всем показывал. Помните, например, в 1933 г. были небольшие затруднения с питанием сельского населения, и Вождь так доходчиво объяснил ему, что ничего страшного в этом нет. «Хорошая жизнь, - говорил он, - даром не дается... Главные трудности уже пройдены, а те трудности, которые стоят перед вами, не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них. Во всяком случае, в сравнении с теми трудностями, которые пережили рабочие лет 10-15 тому назад, ваши нынешние трудности, товарищи колхозники, кажутся детской игрушкой. Ваши ораторы... говорили, что у... рабочих есть достижения, а у вас, у колхозников, гораздо меньше достижений... А вы знаете, чего стоили эти достижения рабочим... какие лишения пережили они для того, чтобы добиться, наконец, этих достижений?»².

В чем состояла большая мудрость Вождя как государственного деятеля? В простой арифметике. Рабочих было мало, а крестьян много. С кого можно было больше настричь? Ну конечно, с большинства.

¹ «Я надеюсь на медленный процесс...» Игорь Золотусский в гостях у Владимира Солоухина. Литературная газета. 24 августа 1994 г. С. 5.

² Сталин И.В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 449—450.

Поэтому он разумно подчеркивал большие заслуги и жертвы меньшинства, чтобы большинство при стрижке не забывало свое неглавное место.

Идем далее. Отзвучали и забылись бурные продолжительные аплодисменты, как будто их и не было. Начисто остриженные крестьяне переселились в города — в деревне стричь почти уже некого. Но зато теперь их же, а также их детей и внуков можно стричь в городах. Стрижку опять-таки надо проводить под наркозом. Стало быть, снова надо подчеркивать былые заслуги и страдания меньшинства, с которого уже все равно много не настрижешь. А не то сгрудившееся на своих Арбатах большинство возомнит себя народом и захочет командовать всей страной.

Вот ведь какую практическую пользу можно извлечь — в государственных интересах, естественно, — из глубоких мыслей Освальда Шпенглера. И это интуитивно чувствует душа государственного человека, иной раз даже и писателя.

Генотип незападной цивилизации

Крестьян почти что не осталось, да и не о них речь. Важно сохранить идущие от крестьянства мироощущение и способ мышления, из которых и произрастают генотип незападной цивилизации, ее главные ценности.

Первая из них — соборность. «Запад кичится идеей личности. А мы можем противопоставить этому более высокий принцип — соборность», — пишет наш современник¹.

Правда, не только мы. Как уже упоминалось, к западу от нас тоже шла нешуточная борьба за сохранение «генотипа незападной цивилизации». Стоит ли удивляться, что наша соборность, такая исконная, чисто русская вещь... Не знаем даже, как и сказать... Ну, в общем, она не совсем чужда и немцам. Как ни почитают знатоки русской философии, например, Бердяев, Флоровский, провозвестника идеи соборности Хомякова, а все же указывают на вероятную связь его идей с книгой немецкого католического автора Мелера «Единство в Церкви или начало соборности». «Наибольшее родство он имел с замечательным католическим богословом первой половины XIX в. Меле-

¹ Гулыга А. Формула русской культуры // Наш современник. 1992. № 4. С. 143.

ром, который защищал идею, очень близкую хомяковской соборности», — писал Бердяев¹. Речь идет, разумеется, не о заимствовании, а о «духовной встрече» Хомякова с Мелером, но это тем более интересно — католик, а додумался!

Одна ласточка, впрочем, весны не делает. Да и что этот Мелер еще понимал под соборностью? Для нас «соборный», — разъясняют евразийцы. — значит «единый по всему и во всем, единый в целом и во всех частях»... Христианин понимает, что он не прав, если его индивидуальная, субъективная правда отрицает правду других. Он не утверждает своей субъективной правды самовольно, сознавая свою ограниченность и уповая, что Бог согласует истинное существо его правды с истинным существом правды всякого другого»². Еще И. Киреевский замечал, что в России «все честолюбие частных лиц ограничивалось стремлением: быть правильным выражением основного духа общества»³. Зачем же такому лицу утверждать какую-то субъективную правду, да еще и самовольно? Именно в соответствии с заветами соборности «Россия и СССР жили как традиционное, не «атомизированное» общество, в котором права индивидуума не имели приоритета над правами солидарных образований» 4. Дано ли это понять атомизированному западному, романо-германскому человеку с его индивидуализмом и либеральной распущенностью?

Разве что пруссаку — и то лишь благодаря особому инстинкту, как уверял автор «Упадка Запада»⁵, правильнее переведенного у нас как «Закат Европы», потому что мы лучше знаем географию. «Прусский инстинкт говорил: власть принадлежит целому. Отдельное лицо ему служит»⁶. «Не «Я», но «Мы», коллективное чувство, в котором каждое лицо совершенно растворяется. Дело не в человеческой единице, она должна жертвовать собой целому. Не каждый стоит за себя, а все за всех, с той внутренней свободой в высшем смысле — liberatas oboedientiae — свободой повиновения, которая всегда отличала лучших представителей прусского воспитания»⁷.

¹ Бердяев Н. Русская идея. Париж, 1946. С. 167.

² Евразийство... С. 367—368.

³ Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 286.

⁴ Кара-Мурза С. Указ. соч. С. 9—10.

⁵ «Der Untergang des Abendlandes». В английском переводе — «The Decline of the West», во французском — «Le Declin de l'Occident».

⁶ Шпенглер О. Прусская идея и социализм... С. 145.

⁷ Там же. С. 166.

Любопытно, что и в России, и в Германии находились критики подобного порядка вещей — явные и тайные поклонники Запала. Тот же Бердяев полагал, например, что «русский народ слишком живет в национально-стихийном коллективизме, и в нем не окрепло еще сознание достоинства и прав»¹. На старости лет он дошел до утверждения. будто «человек. человеческая личность есть верховная ценность, а не общности, не коллективные реальности... как общество, нация. государство, цивилизация, церковь»². Все дело, видимо, в том, что Бердяев недостаточно внимательно читал прусскую литературу. Иначе он прочел бы в «Немецком социализме», что пришло время «освободиться... от гуманистического идеала, господствовавшего в эпоху «просвещения»... на основе которого надеялись установить прямую связь между индивидом и человечеством, рассматривая последнее как ассоциацию индивидов... Единственная заслуживающая доверия теория — та, которая видит самое широкое жизнеспособное сообщество в нации»³.

Бердяев этого не прочел, и теперь нам приходится делать это самим, борясь против навязываемой западно ориентированными либералами атомизации общества, против их фальшивых лозунгов вроде: «Субъекты права — граждане, а не этнические группы». Ибо в подобном нашему «традиционном обществе «незападной» цивилизации» человек всегда «член какой-то общины, в которой люди связаны не рыночными, а солидарными отношениями»⁴. Ибо индивидуалистское англо-саксонское или французское «Я» не может заменить нам наше русско-прусское соборное «Мы».

Фюрер или монарх?

Читателю, зараженному западным скептицизмом, может показаться не вполне ясным, кто же выступает в качестве носителя и выразителя этого «Мы», соборной воли, той Последней Инстанции, которая в конечном счете «согласует истинное существо его правды с

¹ Бердяев Н. О «вечно бабьем» в русской душе (1914). Бердяев Н. Собр. соч. Т. 3. Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989. С. 361.

² Он же. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939 (1972). С. 26.

³ Sombart W. Op. cit. P. 221.

⁴ Кара-Мурза С. Указ. соч. С. 4.

истинным существом правды всякого другого»? Ответ на этот только кажущийся сложным вопрос на самом деле прост: народный вождь.

«Русским людям всегда, особенно в критические моменты истории, нужен был народный вождь, правильно сознающий назревшие потребности страны и строго, но справедливо управляющий ею»¹. Интересно, что прусским людям нужно было то же самое. «Идея водителя, которую мы открыто провозглашаем, — утверждал Зомбарт все в том же «Немецком социализме», — объясняется подчинением высшей воле «вождя», который сам получает директивы... только от Бога»²... Эта воля «не имеет ничего общего с «волей всех», ее не может подсказать вождю никакой плебисцит, он должен ее знать и может узнать только через откровение»³.

Уже в XIX в. некоторые передовые русские биологи не только боролись с безбожной теорией Дарвина, но и применяли свое глубокое понимание живого для разъяснения главных вопросов жизнедеятельности общественных организмов. Разве не писал Н. Данилевский, что «русский народ есть цельный организм, естественным образом... сосредоточенный в его Государе, который вследствие этого есть живое осуществление политического самосознания и воли народной, так что мысль, чувство и воля его сообщаются всему народу процессом, подобным тому, как это совершается в личном самосознательном существе» Здесь сформулирован фундаментальный принцип, немецким авторам оставалось только вносить незначительные уточнения, с которыми еще не каждый русский согласится.

Зомбарт, например, допускал все же изменение «форм политической власти». «Форма, данная природой, — абсолютная монархия», тут спору нет. Но «в демократические эпохи она может быть замещена другими режимами: военной диктатурой, однопартийной системой по советской или фашистской модели, режимом авторитарного президента»⁵. Все-таки надо было бы, видимо, сказать, что такое замещение можно рассматривать лишь как временное — на пути к восстановлению формы, данной природой. У нас в этом смысле больше понимания. Как говорилось в одной статье в газете нашей духовной

¹ Антонов М.Ф. Указ. соч. С. 43.

² Sombart W. Op. cit. P. 234.

³ Ibid.

⁴ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 487—488.

⁵ Sombart W. Op. cit. P. 235.

оппозиции, «до того, как придет царь... будет долгий переходный период, и вот тут из соображений наименьшего зла России хорошо, если бы на этот переходный период пришло к власти национально выраженное русское правительство — государственники, пусть даже и с национал-социалистическим уклоном»¹. Такие патриоты-государственники не враждебны монархизму, замечает автор статьи, и это отрадно. «Я сужу об этом, — пишет он, — по большому кругу активных патриотов, в том числе и вожаков, которые, как мне кажется, тяготеют к национал-социализму в духе предвоенного германского»².

По вопросу: вождь или царь? есть, как видим, небольшие русско-прусские расхождения. Но что не парламент — это и ежу ясно. В самом деле, «можно ли представить себе, что вопрос о том, идти ли русскому войску на битву с Мамаем, решался бы в парламенте большинством голосов, с борьбой партий и закулисной деятельностью лоббистов?»³. Конечно, нельзя. Это давно уже поняли и русские, и прусские. «В России — по аналогии с беспрекословной властью главы семьи — всегда существовала и в государстве склонность к единоличному управлению и, следовательно... в ней вряд ли когда-либо привьется буржуазная демократия западного типа»⁴.

А вот «сравните с этим истинно германскую демократию, заключающуюся в свободном выборе вождя, — предлагает нам германский Вождь, по-ихнему Фюрер... — Тут нет места голосованиям большинства по отдельным вопросам, тут надо наметить только одно лицо, которое потом отвечает за свои решения...» Может, такая у нас привьется? Что толку от всех этих парламентов? «Принцип отбора... «элиты» — такова главная проблема руководства, — говорит автор «Немецкого социализма». — Опыт последнего столетия показал, что парламентская система такого отбора порочна. Образцовая модель демократически-авторитарного режима — католическая церковь с ее коллегиумом кардиналов на вершине. Прусская армия тоже может служить образцом» АКПСС с ее Политбюро? — с надеждой спросим мы со своей стороны, утирая ностальгическую слезу.

¹ День. 1993. № 15.

² Там же.

³ Антонов М.Ф. Указ. соч. С. 43.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Гитлер А. Моя борьба. Т-Око, 1992. С. 77-78.

⁶ Sombart W. Op. cit. C. 236.

Кое-где есть еще парламентские страны, но, «по всем признакамі, многопартийная западная система — уходящий общественный строй»². В России же «народ пойдет по пути, который он сам выработает и выберет (конечно, не при помощи тайного голосования, а через свой исторический опыт)»³. Надо обождать немного, а пока любой ценой отбиться от парламентаризма, да еще, пожалуй, от свободы.

«Не было другой такой идеи в истории, в которой бы обманулось столько людей, как в идее свободы» — вот что нас по-настоящему беспокоит. Всем подавай свободу: одному — свободу торговли, другому — свободу эмиграции, третьему — свободу слова... Мы уж не говорим о сексуальных меньшинствах. «До национальной самобытности нам дела нет; мы просто угратили способность понимать, что... даже рабство и всякие стеснения, во многих случаях, развивают личность — и народную, и единичную больше... чем общеевропейская нынешняя свобода...» 1 Не нами сказано, между прочим, и не сегодня. В 1880 г. Константином Леонтьевым в статье «Чем и как либерализм наш вреден?».

Умнейший был человек и смотрел на сто лет вперед. Вот послушайте. «Личная свобода крестьян... может быть... государством Русским переносима недолго, но и то лишь... благодаря прикреплению крестьян к земле, какому-то подобию социалистического рабства, вместо лично феодального» 6. Дело в том, внятно объяснял Леонтьев, что свобода не относится к числу основ русской жизни — ни прошлой, ни настоящей. Православие — относится, самодержавие — тем более, а свобода или там вечевой порядок — нет. Поэтому «все, что усиливает личную свободу (т.е. своеволие) большинства, не есть основа, а большее или меньшее расшатывание основ... Перенести кой-как свободу можно, считать ее основой — нельзя» 7. И понятен после всего этого прямой вопрос: «Хорошо ли нам так близко подходить к Европе и прививать себе поспешно и простодушно все ее худосочные начала?» 8.

¹ Курсив наш. Выражение *«по всем признакам»* по смыслу близко к выражению *«всем известно»*, но несопоставимо с ним по академической изысканности.

² Шафаревич И.Р. Русофобия. С. 106.

³ Там же. С. 108.

⁴ Кара-Мурза С. Указ. соч. С. 31.

⁵ Леонтьев К. Избранное. М., 1993. С. 177.

⁶ Там же. С. 209.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 171.

Твердо отвечаем: нехорошо. Нелюбо. Но ведь и Европа — не вся на одно лицо. Точнее, не вся Европа. Конечно, Англия там, Франция. Испания, Голландия — это все либералы, Запад, их и в микроскоп одну от другой не отличишь, все знают. Другое дело Германия — не сеголняшняя американизированная, а настоящая, прусская, о которой писал Шпенглер в книге «Прусская идея и социализм». «В Германии есть ненавистные и обесславленные принципы, но презрение в Германии вызывает только либерализм»¹. И хорошо, что у нас в это смутное время есть люди, которые разделяют это презрение, понимая, что «попытка втиснуть человека традиционного общества (а Россия, конечно. — традиционное общество? — А.В.) в структуры либерального государства приводит к деградации самых основных сторон жизни»². Они напоминают крестьянам, «что «свобода» (частная собственность на землю) быстро оставит их без надела». Напоминают интеллигенции, что «не нужна никакая свобода мысли тому, кто думает, что его этой свободы кто-то может лишить». Напоминают, наконец, всем беспамятным, что «для тех, кто нуждался в свободе, ее в СССР было гораздо больше, чем на Западе»³.

Государство или общество?

Идея соборного «Мы», признание необходимости народного вождя (или все-таки монарха?) и осознание того, что свободу не следует относить к чертам защищаемого нами генотипа, позволяют грамотно подойти и «к новому, — как писал евразиец Алексеев, — пониманию миссии государства. Буржуазное государство уже сошло с точки зрения того полного безразличия, которое было усвоено им под влиянием принципов либерализма. Процесс этот нуждается в заострении и систематизации... Если государство признано водительствовать, оно должно наперед сказать: куда и зачем?»⁴.

¹ Шпенглер О. Прусская идея... С. 170.

² Кара-Мурза С. Указ. соч. С. 33.

³ Там же. С. 32—33.

⁴ Алексеев Н.Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. В кн.: Алексеев Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2000. С. 262.

Отличная формула, хотя, может быть, и не такая новая, как казалось ее автору. Еще в 1902 г. Ленин критиковал Плеханова за требование «планомерной организации общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов», считая, что этого мало. «Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать «за счет всего общества» (ибо это включает и планомерность и указывает на направителя планомерности)» Важна, стало быть, не планомерность сама по себе, а ее «направитель», знающий, «куда и зачем». Кто же этот «направитель», выступающий от лица всего общества? Конечно, государство. Но не всякое.

Одно дело, скажем, либеральная Англия. Давняя английская революция, «выдвинувшая тип независимого, только перед самим собой ответственного частного лица, — говорит Шпенглер, — была вообще направлена... против государства»². Английская «вражда к государству как таковому нашла выражение в слове «society», которое вытеснило понятие государства в идеальном смысле. И эта вражда, воплощенная в понятие «société», воспринимается и французским Просвещением... Известно, как этим словом маскировал свою ненависть к требованиям порядка Руссо и как Маркс, с его столь же английской ориентацией мышления, подражал ему»³.

Соборный прусский дух протестует против подобного извращения идеи государства. «Каждый за себя — это по-английски; все за всех — это по-прусски. Либерализм же означает: государство само по себе и каждый сам по себе. Это формула, по которой жить невозможно» 4. Зато нет большего счастья, чем жить в государстве, основанном на прусской формуле. Это понимает новейшая отечественная литература. «Патерналистское государство воспроизводит образ семьи. Ты для нее стараешься, свободы твои ограничены, но она же тебя защитит и в беде не оставит. Либеральное государство воспроизводит образ рынка... Примените законы рынка вместо законов семьи к нашему человеку — и большинство населения будет моментально разорено» 5.

¹ Ленин В.И. Замечания на второй проект программы Плеханова. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 232.

² Шпенглер О. Прусская идея... С. 144.

³ Там жс. С. 168.

⁴ Tam жe. C. 169-170.

⁵ Кара-Мурза С. Указ. соч. С. 12.

Если до последнего времени наш человек не был разорен, а, напротив, процветал, то лишь потому, что наше государство, как и классическое прусское, отвечало генотипу незападной цивилизации. Ведь «идея прусского государства и вытекающие из нее принципы организации», — разъяснял Никиш, — как раз и «предназначены для пространства к востоку от Рейна и для его особого населения». Согласно этим принципам, «никакая иная точка зрения, кроме точки зрения государства, не может иметь самостоятельного значения». Пруссия — лучший образец для подражания — «была настоящим государством в самом глубоком смысле этого слова. Тут, строго говоря, вообще не существовало частных лиц. Каждый, живший в этом организме, функционировавшем с точностью хорошей машины, принадлежал к нему как его член»².

Были, были и мы винтиками хорошей машины, да куда все подевалось? И почему, скажите, нашим либералам-западникам не дано понять метафизических свойств восточного пространства, и они продолжают тянуть Россию к так называемому гражданскому обществу, то есть к антигосударственному обществу частных лиц? Русский ли это путь? Прусский ли?

Капитализм или...?

Из патриотической литературы мы вынесли убеждение, что у капитализма в России нет будущего. Было бы неплохо — но не получается. Еще в прошлом веке «разрешили свободное развитие капитализма в России... призвав для этого Колупаевых и Разуваевых. И пришли к тяжелому кризису и революции»³. Сейчас снова попытались — и снова привели страну «к антагонистическому классовому обществу из собственников и неимущих, взаимная вражда которых нарастает»⁴. Нет у нас почвы для капитализма без вражды. Что же нам делать? А то же, что всегда делали. «Необходимо, чтобы все важнейшие элементы русского политического сознания... объединились для священной войны против общего врага — демо-капитализма»⁵.

¹ Niekisch E. Op. cit. P. 186.

² Ibid. P. 99—100.

³ Кара-Мурза С. Указ. соч. С. 52.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Лимонов Э. Национал-большевизм // Завтра. Февраль 1994. № 6. С. 6.

Капитализм мы отвергаем. Но что — вместо? Наше перо, кажется, само выводит слово «социализм», но душа протестует: дайте нам другое перо! И это не случайно. В патриотической среде есть решительные противники социализма, а есть и его — разумеется, социализма с русским лицом — сторонники. Какая альтернатива капитализму наиболее соответствует русской идее? Окончательного решения пока не принято. Нельзя ли почерпнуть что-либо у сторонников идеи прусской? Конечно, можно.

Как говорит нам специалист по социализму с немецким лицом Зомбарт, «понятия государства и социализма... едины: социализм возможен только в рамках государства, так же как прочное, сильное государство возможно только на базе социализма»¹. Так. За прочное, сильное государство мы уже высказались. А специалист по прусской идее Шпенглер добавляет, что «из мироощущения коренного жителя прусской земли... с необходимостью вытекает принцип хозяйственного авторитета государства»². Поэтому «прусская идея управления хозяйственной жизнью с сверхличной точки зрения невольно направила германский капитализм, со времени введения покровительственных пошлин в 1879 г., в русло социализма, в смысле государственно регулируемого экономического порядка»³. Тоже дельно.

Вообще все это нам симпатично, потому что полностью соответствует и русской, и прусской антилиберальной идее государственного водительствования и говорения наперед: куда и зачем. Но, может быть, оно еще более симпатично потому, что уже было у нас — и именно в порядке следования прусским образцам. На этот счет мы располагаем свидетельствами, так сказать, из самых первых рук.

«Мы имеем образец государственного капитализма в Германии, — писал в свое время Ленин. — Мы знаем, что она оказалась выше нас... Государственный капитализм был бы спасением для нас; если бы мы имели в России его, тогда переход к полному социализму был бы легок...» Вот мы его и имели в России, с некоторым даже перебором — так ведь русские прусских всегда бьют! Нам, правда, чуть было не подсунули негодный, непрусский путь в сельском хозяйстве. Не то что

¹ Sombart W. Op. cit. C. 196.

² Шпенглер О. Прусская идея... С. 187.

³ Там же. С. 190.

⁴ Ленин В.И. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. Доклад об очередных задачах Советской власти. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 255.

какой-нибудь Столыпин, сам Ленин чуть не сбился на американский путь, чуть не двинулся по нему, «имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые... свободно развиваются... по пути капиталистического фермерства»¹. Только фермерства нам и не хватало! Слава Богу, Ленин вовремя одумался, и мы имели во главе то, что и сейчас имеем.

И, между прочим, не с потолка оно взялось, а изучали опыт. Вот. например, во время Первой мировой войны известный большевик Ю. Ларин напечатал в разных изданиях несколько статей о государственном регулировании немецкого сельского хозяйства в военное время. В одной из них говорится о принудительных местных союзах производителей, которым имперское продовольственное веломство предписывало «как род. так и объем посева продовольственных и кормовых средств и подлежащего содержанию скота». Далее отмечалось. что «под этими принудительными союзами немецкая военная практика понимает полное лишение владельцев возможности по собственному усмотрению распоряжаться продуктами их хозяйства не только в смысле цен, но и в смысле направления сбыта и т.п.» В 1928 г. эти статьи были перепечатаны в отдельном сборнике, и есть сноска: «Эта программа послужила прообразом той практики принудительного коллективного лоставления «излишков» по разверстке, какую затем мы осуществили в СССР в 1918/19 г. в интересах спасения пролетарского государства»². Не лишены интереса и замечания из авторского предисловия к сборнику. «Когда... Владимир Ильич обдумывал вопрос о введении рабочей повинности, он не ограничился устным обменом мнений, но затребовал у меня некоторые печатаемые в этом сборнике статьи... Вообще предварительный учет немецкого опыта... имел место не раз...*³.

В конце концов, следуя немецкому опыту, но не противореча нашим собственным, в том числе и сегодняшним, убеждениям, мы противопоставили западному либерализму-капитализму русско-прусскую идею управления хозяйственной жизнью со сверхличной точки зрения — без всяких там частных лиц, которая и направила нас в русло социализма. Так что, пожалуй, мы поднимаем брошенное было перо

¹ Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократов в первой русской революции 1905—1907 годов. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 215.

² Ларин Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии (1914—1918 гг.). М.-Л., 1928. С. 234.

³ Там же. С. 6.

и на месте отточия в заголовке раздела уверенно вписываем недостающее слово: «социализм». Но, само собой, не тот неважнецкий, какой уже был, а другой, более прусский, более русский и вообще более лучший. Надо усваивать уроки истории.

Казалось бы, на этом можно остановиться. Но такая немедленная остановка чревата все теми же проклятыми вопросами: куда и зачем нам переходить? Капитализма у нас не было — но мы его и не хотим. Социализма хотим, но он у нас уже был. Так не надо ли просто оставаться там, где мы есть, а то и возвратиться немного назад — лет эдак на десять? Может быть, и надо, но незаметно и говоря как бы о другом, не останавливаясь, а как бы продолжая рассуждение, которое на самом деле уже закончено.

Высоколобый Шпенглер был не такой уж дурак. Он издали взглянул на нас — и поставил диагноз, указал на плюсы и минусы. В СССР, утверждал он, — изначально укрепились замечательные нелиберальные принципы средневековых рыцарских орденов, принципы, по которым «каждому отдельному лицу на основании его практических, нравственных и духовных дарований предоставляется право в определенной мере повелевать и повиноваться; ранг, и следовательно, степень ответственности здесь вполне соразмерны с личностью и, как должность, постоянно сменяются... — истинно прусская идея, которая зиждется на основе отбора, коллективной ответственности и коллегиальности. Ныне она по-марксистски втоптана в грязь классового эгоизма»¹.

Нас, таким образом, и похвалили, и пожурили, указали на наши недостатки, подсказали путь исправления. Прислушаемся к критике и извлечем из нее пользу. Тем более что Шпенглер не о нас думал — о себе. Он пришел к выводу, что «нужно освободить немецкий социализм от Маркса»². «Маркс был только отчимом социализма. В социализме есть более старые, более интенсивные, более глубокие черты, чем приписал ему своей критикой общества Маркс»³. «Фридрих-Вильгельм І-й, а не Маркс был... первым сознательным социалистом»⁴. Пора и нам опереться на прусскую царственную особу, а не цепляться за Маркса, этого сына раввина (в Британской Энциклопедии написа-

¹ Шпенглер О. Прусская идея... С. 205.

² Там же. С. 130.

³ Там же.

⁴ Tam жe. C. 180.

но — юриста, мы исправляем эту ошибку на основании сведений, почерпнутых в одном из лучших московских журналов¹). Да на хрена он нам сдался, этот Маркс! Что, у нас нет своего Союза коммунистов — настоящих патриотов? Сбросим за борт ненужный балласт — может, и всплывет наш социалистический броненосец? Социализм вовсе не противостоит русскому пути, как думают некоторые заблуждающиеся патриоты, так же, как он не противостоял пути прусскому. И это понимал мудрый Шпенглер. «Старопрусский дух и социалистический образ мышления, ныне ненавидящие друг друга ненавистью братьев, представляют собой одно и то же», — писал он².

Но идеологию, разумеется, придется заменить. Уже не раз, заходя с разных сторон, мы убеждались, что переход на русский путь требует прежде всего отказа от ошибочной идеологии, ибо «импортный марксизм давил, поносил и корежил русскость»³. Все остальное у нас не так уж плохо. Может быть, первыми это поняли проницательные евразийцы, они же и предложили грандиозный синтез всего, что у нас было хорошего, с тем, что могло быть еще лучше.

Прежде всего, конечно, нужна новая, истинная идеология. Ее основы проистекают «из абсолютно несомненных истин религии, т.е. — русской православной веры» 4. «Коммунистической идеологии противопоставляется принципиально иная — сознательно религиозная, православная и не отвлеченно-интернациональная, а евразийско-русская» 5. При этом следует понять, что «Православие не одно из многих равноценных христианских исповеданий... Православие — высшее, единственное по своей полноте и непорочности исповедание христианства. Вне его все — или язычество, или ересь, или раскол» 6. Уже тогда, в далекие двадцатые годы, евразийцы предупредили романогерманских католиков и протестантов, что если они не раскаются в своей ереси, то «погибнут в начавшемся уже процессе культурного разложения, в позитивизме и серой гражданственности, в бесплодном революционном бунтарстве и в материалистическом социализме, из страшной борьбы с которым мы победно выходим» 7.

¹ Новый мир. 1994. № 7. С. 236.

² Шпенглер О. Прусская идея... С. 131.

³ Троицкий Е. Что такое русская соборность? М., 1993. С. 30.

⁴ Евразийство... С. 361.

⁵ Там же. С. 395.

⁶ Там же. С. 362.

⁷ Там же. С. 363.

Но, понимали евразийцы, одной новой идеологии недостаточно. Необходимо... Мы просим прощения у читателя, следующие ниже мысли настолько важны, что мы предпочитаем изложить их языком подлинника. Итак, «необходимо создать новую партию, которая бы являлась носительницей этой новой идеологии и смогла занять место коммунистической. Эта партия должна вместо большевиков стать основной и направляющей силой уже создавшегося в России нового nравящего слоя (на этот раз курсив наш — A.B.)... Мысля новую партию как преемницу большевиков, мы уже придаем понятию «партия» совсем новый смысл, резко отличающий ее от политических партий в Европе. Она — партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключающая существование других таких же партий. Она -- государственно-идеологический союз; но вместе с тем она раскидывает сеть своей организации по всей стране и нисходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом, и определяется не функцией управления, а идеологией. Формально нечто подобное этому представляет собой итальянский фашизм...; но, разумеется, большую аналогию дают сами большевики. Возможность такой партии связана... с тем, что сохраняются существующие ныне в России формы демократии (система советов с многоступенчатостью выборов). Ведь именно они устраняют опасности западной демократии, т.е. господство группы политиков-профессионалов и объясняемую этим многопартийность»1.

Евразийцы указали, таким образом, сразу на два барьера, которые отделяют незападную цивилизацию от западной, причем решающее значение имел первый из них — Православие. Надо ли говорить, как своевременны сегодня эти давние мысли. Перед лицом страшной опасности серой западной гражданственности нам надлежит немедленно вернуться к надежному однопартийному подданству. И мы, конечно, приветствуем новую идеологию на старой основе. Пруссаки поступили бы точно так же. Как напомнил нам Зомбарт, «Si vitanda est novitas, tenenda est antiquitas. В случае сомнения старое всегда следует предпочесть новому»². Православие как идеологическая основа политической жизни без труда заменит нам безбожную коммунистическую веру.

¹ Евразийство... С. 394—395.

² Sombart W. Op. cit. P. 184.

Кажется, французскому историку Безансону принадлежат слова: Ленин верил, что знал, но не знал, что верил. О евразийцах этого сказать нельзя, ибо они верили, что верили. Иногда приходится слышать, что в их вере был все-таки и кое-какой расчет, ее, то есть веру, ослаблявший. Дескать, «если исказить Христову веру, соединив ее с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства» (Достоевский)¹. Мы не можем выносить суждения по этому вопросу. Не будучи биологом, мы одновременно и не теолог, в силу чего испытываем понятные затруднения, когда речь заходит о вопросах веры. Порой говорят, что среди православно мысливших евразийцев, равно как и нынешних патриотов, не редкость люди, тайно симпатизирующие Великому инквизитору больше, чем Христу. Не знаем, не знаем. Достоверно это можно будет выяснить по прошествии некоторого времени, когда новая идеология станет старой, а старая (коммунистическая) снова станет новой.

Но то, что сегодня Православие должно стать единственной основой русской идеологии, это сейчас уже всем известно. Ведь «именно православное космоцентрическое мировоззрение было главной предпосылкой и хозяйственных, и военно-политических успехов России, и великих взлетов ее науки и искусства»², недоступных завистливому Западу. Ибо западный человек не обладает «религиозным органом — способностью видеть священный смысл в том, что "человеку экономическому" кажется обыденным». Человек же, воспитанный в Православии, с помощью указанного органа как раз и сможет вернуться на ускользнувший было путь военно-политических и прочих успехов.

А что же немцы? Им-то каково, неправославным?

Сейчас от них, понятное дело, нечего ждать! Но ведь в далеком 1934 году, когда нация была на подъеме, они довольно близко подошли к нашему пониманию 1994 года. Мы уже приводили мнение Зомбарта о пересмотре иерархии ценностей во имя того, чтобы «обеспечить расцвет немецкого духа... культивировать и развивать духовность, героизм и разнообразие форм»³. Не исключено, что при благоприят-

¹ Достоевский Ф.М. Вступительное слово перед чтением главы «Великий инквизитор». В кн.: О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М., 1991. С. 13.

² Антонов М.Ф. Указ. соч. С. 278.

³ Sombart W. Op. cit. P. 182.

ных обстоятельствах они спокойно поразмыслили бы, прислушались к пророческому призыву евразийцев, порвали со своими ересями и тоже усвоили бы основанную на православии истинную идеологию. Почему бы и нет?

Пруссофобия

Но обстоятельства не были благоприятными. Защита незападной цивилизации дорого обходилась немцам. Всем известна беспардонная агрессивность западного либерализма. Германия, находившаяся, можно сказать, на передовой линии антизападного фронта, много настрадалась от пруссофобии всяких англоманов и франкофилов. Как отмечает наш крупнейший специалист по этим вопросам, еще в 30-е и 40-е гг. XIX в. под влиянием разрушительных идей Французской революции «все немецкое переименовывалось в «тевтонское» или «пруссаческое» и становилось объектом понощения и насмещек... Немецкий патриотизм отождествлялся с реакционностью, наоборот, преклонялись перед всем западным, особенно французским... Типичным представителем этого направления был Гейне»¹. Так оно и было. Вы помните, конечно, издевательское стихотворение Гейне «Ослыизбиратели», в котором один из стоящих у власти «Старо-Ослов» отчитывает зарвавшегося избирателя, посмевшего предложить в кандидаты коня, и обвиняет его в том, что он рожден на свет «французскою кобылой». О себе же он говорит (не Гейне, Старо-Осел):

«Я не из римлян, не славянин, Осел я немецкий, природный.

Отец мой покойный, что всем знаком, Осел был немецкий, упрямый. Ослино-немецким молоком Вскормила меня моя мама.

Осел я и сын своего отца, Осел, а не сивый мерин! И я заветам ослов до конца И всей ослятине верен».

¹ Шафаревич И.Р. Русофобия... С. 117—118.

Можно только удивляться, что среди немцев — даже и позднее — находились поклонники такого рода литературы. Ницше, например, вообще потерял чувство меры. «Гейне... обладал той божественной злобой, без которой я не могу мыслить совершенства — я определяю ценность людей, народов по тому, насколько неотделим их бог от сатира»¹. У нас тоже были свои «сатиры» с их издевательским на весь мир смехом — якобы сквозь слезы, но почему-то никому не видимые. Время слепых влюбленностей, понимаете ли, прошло, мы не можем любить свою родину с закрытыми глазами и с запертыми устами и пр. Так недолго и до «немытой России» договориться...

В Германии в конце концов нашлись люди, которые не пожелали больше мириться с подобной «самокритикой». Одним из них был автор довольно известной книги под названием «Моя борьба». Если заглянуть в ее оглавление, то можно найти даже особый раздельчик. который так и называется: «Моя борьба против антипрусской травли». «Думается, — пишет автор, — в течение всей моей жизни мне ни разу не пришлось браться за дело, которое вначале было бы столь непопулярно, как эта моя... борьба против антипрусской травли»2. В конце концов удалось-таки найти радикальные средства борьбы они описаны в той же книге, в главе «Мысли о значении и организационном построении штурмовых отрядов». Удалось консолидировать духовную оппозицию непатриотичной пруссофобии, с первой же минуты, говорит автор, стоя на той точке зрения, что за свои идеи надо «бороться духовными средствами, но, если это необходимо... применить физическую силу»³. Она была применена, и Германия смогла приступить к воплощению в жизнь «идеала органического (ключевое слово! — **А.В.**) народного государства».

Не станем скрывать, что в Германии по ряду причин этот идеал остался недовоплощенным. Но ведь это не значит, что его нельзя довоплотить. Может быть, России как раз и предстоит это сделать, двигаясь по своему собственному пути. Опыт немцев тоже может пригодиться — они были первыми, — но сейчас на них трудно рассчитывать. Не покончи Геббельс с собой, он был бы разочарован. Союз с Россией не получился, война с ней тоже как-то не удалась, и все в Германии пошло прахом. Запад вынул из нее мятущуюся прусскую

¹ Ницше Ф. «Esse Homo». Как становятся самим собой. Соч.: В 2-х т. Т. 2. М., 1997. С. 719.

² Гитлер А. Указ. соч. С. 469—470.

³ Там же. С. 447.

душу, заменил ее унылым буржуазным, либеральным суррогатом. Забыт Третий рейх — германский идеал, вечный образ зари. Забыты кровь и почва. Германия богатеет, нигде не воюет, не раздвигает границы, принимает расово чуждых турецких эмигрантов, посылает своим бывшим победителям гуманитарную помощь — одним словом, пропадает. У такой Германии многому не научишься — разве что тому, как гибельно западное либеральное влияние.

Но и этот урок может пойти впрок. Да, нынешние немцы уступили дьявольским искушениям Запада, обамериканизировались, овеликобританизировались и чуть ли не офранцузились. Но к нам-то это, слава Богу, пока не относится. Мы даже и не очешились, надеемся, и не очешимся. Мы теперь лучше понимаем коварство Запада. У нас есть свои традиции борьбы с ним, есть и свой путь. Хотя, конечно, и от полезного чужого, например немецкого, опыта мы не собираемся отказываться. Среди прочего — и от опыта духовной оппозиции. А что говорит духовная оппозиция по поводу интересующего нас русского пути? Говорит разное.

Двуликий анус

Это удивившее нас поначалу выражение мы встретили, просматривая, по своему обыкновению, именно газету духовной оппозиции. Не будучи биологом, мы не поверили своим глазам, тут же вооружили их очками, но убедились, что естественное зрение нас не подвело. На первой странице газеты мы явственно различили портрет И.В. Сталина, всем понятное утверждение, что «Е.Б.Н. и его ближайшая камарилья ухитрились со смаком плюхнуться в зловонную лужу», еще более понятный тезис о том, что «в России сионисты по-прежнему призывают к борьбе с «красно-коричневыми», обмен дружественными письмами между редактором газеты и А. Баркашовым — и вот этот «двуликий анус»¹.

Почему это нас удивило?

Дело в том, что газета духовной оппозиции рассчитана на широкие народные массы и поэтому старается писать просто и доходчиво. Ну, например.

«Мишка Горбачев, известный специалист по политическим абор-

¹ Завтра. 1994. № 8. С. 1.

там»; «дерьмократы»; «режим ельциноидов»; «Е.Б.Н. вожак нынешьнего ВОРа (временного оккупационного режима)»; «памятник Жуко» ву будет установлен в оккупированной Москве»; «Шумейкамыш»; «Шварцмырдин»; «явление Черномырдина омандаченному народу»; «думой правит килька»; «блок «Выкидыши России» преобразуется в партию того же происхождения»; «демокрады»; «А что все это время делал Швондер?.. В лучшем случае — «Гарики» или «Доктор Живаго»; «камера пыток им. Окуджавы»; «поезд из Вермонта в Москву идет со скоростью катафалка»; «демокрицы»; «кто в презентациях-тусовках на дармовщину жрет и пьет — слыхали ль вы о забастовках, пора которых настает?»; «мы говорим "мафия", подразумеваем "демократия", мы говорим "демократия", подразумеваем "мафия"»; «"Еврейская газета" переименовывается в "новорусскую"». «Армия, спаси Россию!»; «просьба к Новодворской: при приближении к газовой камере включить габаритные огни» и т.д.

Все ясно, доходчиво, духовно. И не надо думать, что газета пишет только о недостатках. Есть ведь положительные явления даже и в нынешнем безвременье. Прежде всего — сама газета, но не только. «Мы — газета-одиночка, горстка неистовых и одержимых идеей свободы и праведности людей»; «Три месяца Генеральному штабу хватит, чтобы навести порядок в экономике страны. У него для этого есть все необходимые специалисты, отделы, управления. Три месяца армии хватит навести порядок в стране»; «Я хочу, чтобы Владимир Жириновский стал президентом России, хотя не имею аргументов, чтобы подпереть это подсознательное доверие»; «Сижу в кабинете, в Москве, в мэрии, мать твою, которую наши брали, штурмовали» (кого же мы все-таки штурмовали, мать твою?); «Бойцы-то у нас какие золотые! Говорухин чего стоит! Власов чего стоит! Зюганов чего стоит, я чего стою, Севастьянов чего стоит — орлы на орле! У них — такое усредненное болотце гайдаровского уровня»¹.

Опять-таки все ясно до прозрачности. А двуликий анус — неясно. Но все равно, мы будем, при случае, пользоваться этим выражением, мы доверяем газете. И, нам кажется, мы знаем, что оно означает.

Мы верим, что наша газета — что-то вроде матери-одиночки, но кое-какие родственники у нее все же есть. Среди них, например, один не очень регулярно выходящий, но близкородственный журнал, относящий себя к числу изданий «евразийской элиты».

¹ Завтра. 1994. № 1. С. 1; № 4. С. 1; № 5. С. 1; № 6. С. 1; № 7. С. 1, 2, 8; № 10. С. 1, 4, 5; № 11. С. 1, 4; № 27. С. 1; № 33. С. 3; № 39. С. 1.

Упаси Бог, чтобы в этом журнале употребили слово «дерьмократ». Фи! Там все — lege artis. Скажем, не просто Геббельс, а локтор Йозеф Геббельс — и портретик. А то ведь вы давно не видели этого одухотворенного лица. Такой журнал нельзя читать без галстука, при чтении надо постоянно помнить, что «в обществе всегда есть две четко отделенные друг от друга части — "элита" и "массы"»¹, и знать свое место. «Только подавляющее меньшинство членов общества способно действительно рационально и в полном объеме постичь и осмыслить логику «правящих идей», их взаимосвязь, их гармонию»². Это и есть элита. А «массы, народ «общественного мнения» не имеют. Народ бережно хранит то, что ему вверено, и следует за указаниями элиты»3. Он являет собой «специфику социально-исторического ландшафта». «"Коллективное бессознательное" народа — это пространство, где бойны элит размещают свои орудия, прячут свое подкрепление, используя особенности среды в своих стратегических и тактических целях»⁴.

Стало быть, тот газетный лик, каким наша духовная оппозиция обращена к народу, как раз и предназначен для размещения в «коллективном бессознательном» последнего высоких замыслов элиты. Чему и служат некоторые понятные народу идеи, а также слова и выражения. Безмозглая интеллигенция (ни в коем случае не смешивать с элитой!) способна принимать эти идеи всерьез. Сегодня ее «бездарное слюнтяйство рядится в рыночную экономику... Завтра... нытье того же тембра мы услышим сквозь патетические разглагольствования о «100 веках славной истории русского народа», «о величии его балалаечных традиций» и т.д.»⁵. Но есть, к счастью, и другой, журнальный лик того же самого, лик, связанный с «холодным и ясным сознанием основополагающих принципов собственной позиции» и обращенный к «элите будущего».

И вот этот двуликий анус (правильно ли мы применяем это загадочное выражение?) преподносит нам неожиданный сюрприз. Первый лик горячо борется за русский путь, можно сказать, рвет на себе рубаху, напоминает нам слова Солженицына о том, что «такой колосс,

¹ Аутодафе интеллигентов... очистит путь элите // Элементы. 1993. № 3. С. 2.

² Taw же. C. 1.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

как Россия... вполне может поискать и свой особый путь в человечестве; и не может быть, чтобы путь развития у всего человечества быт только и непременно один» и т.д. А второй лик в это время с «холов» ным и ясным сознанием», бесстрастным ученым голосом каркает: один, непременно один. То есть вообще возможно три, но всем пораждочным странам, включая, разумеется, Россию, подходит только одина:

Одной попой на двух стульях

Для нас это — как ледяной душ. Мы знаем — и от Гердера, и от Данилевского, и от других: у каждого народа — свой путь в истории; мы отвергли, казалось бы, универсалистские идеи Просвещения, не говоря уже о марксизме. Единственное, что нас немножко смущало, — подмеченное нами сходство двух безусловно великих, но все-таки разных путей: русского и прусского. Раньше мы не придавали этому большого значения, читали горячую газету, обращенную к нашему «коллективному бессознательному» и прямо-таки воочию видели самобытность русского пути. Но дернула же нас нелегкая заинтересоваться холодным журналом (а вдруг мы тоже — элита? как узнать?) — и сразу заколебались: выходит, что не только русский и прусский, а вообще все...? Уже сколько книг перерыли, а ответы неутешительные.

Вот, например, для немца Гюнтера Рормозера нет сомнения, что «не только в политическом, но и в духовном, и в культурном отношениях между русскими и немцами во многом есть известное родство, которого нет между другими народами... Знаменитый вопрос о политическом и социальном воплощении некоторого сверхиндивидуального смысла в своей истории волнует оба наших народа в большей степени, чем другие народы... Оба эти народа... по сравнению с другими народами испытали гораздо более глубокое потрясение от стремительного вторжения в их культуру того нового, что принесли с собой Просвещение XVIII в. и Французская революция... Оба они с опозданием, а следовательно, и слишком медленно усваивали дух обновления, оба народа с давних пор консервативно относились к порядкам старой Европы»². Стремление избежать вторжения нового духа, утверждает Рормозер, столь долго определяло содержание немецкой

¹ Солженицын А. Письмо к вождям. Париж: УМСА-PRESS, 1974. С. 18.

² Рормозер Г. К вопросу о будущем России. В кн.: Россия и Германия: Опыт философского диалога. М., 1993. С. 25—26.

и русской критики культуры и цивилизации, что она стала в конце концов одной из решающих предпосылок прихода к власти и национал-социализма, и большевизма.

Коготок увязнет — всей птичке пропасть. Стоит признать — пусть и на немецкий лад — саму возможность объяснения выбора пути развития историческими обстоятельствами, а не изначально заложенными генами «культурно-исторического типа», как французское вольтерьянство тут же доведет это объяснение до безоглядного универсализма. Добро бы еще отметить особую судьбу двух великих народов «по сравнению с другими народами». Но этого, оказывается, мало. Шагдругой — и мы получаем французскую версию объяснения, которую и передаем словами Луи Дюмона.

«Когда под влиянием новейшей цивилизации какая-либо культура приспосабливается к тому, что выступает по отношению к ней как модернизм, она формирует представления, которые служат ей для оправдания в собственных глазах своего отношения к доминирующей культуре. Так было с Германией, затем с Россией или Индией»¹. Хорошенькое дело, уже и Индия появилась! Но слушаем далее... Самооправдание перерастает в защитную реакцию коренной культуры, которая постепенно «утверждается в уверенности, что она победно ответила на вызов. Так немецкий романтизм оказывается выше индивидуализма рационалистов и до небес возносит холизм; русское народничество провозглашает свое превосходство над капиталистическим и социалистическим Западом, обусловленное вечными ценностями русской сельской общины; а Вивекананда заявляет в Чикаго, что Индия была матерью всех религий»². Индийны тоже, конечно, великий народ, но ведь француз и на этом не останавливается, а говорит обо «всех культурах, которые испытывали... вторжение современной цивилизации» и которым пришлось либо самим придумывать сходные ответы на «западные» влияния, «либо прибегнуть к немецким рецептам, имевшимся в их распоряжении... В каком-то смысле можно сказать, что немцы подготовили наиболее легко усваиваемые версии модернизационных нововведений для вновь прибывающих»³. Значит, и для китайцев (тоже великий народ), и даже для каких-нибудь румын или португальцев (обыкновенные народы)? Неужто и для России?

¹ Dumont L. Op. cit. P. 29.

² Ibid. P. 44.

³ Ibid. P. 43.

Надо крепко думать. В новейшей отечественной литературе находим глубокие мысли, и это заставляет нас тоже копать поглубже и заходить издалека.

Как полагал один из первых предначертателей русского пути А. Хомяков, «мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными... воскрешая древние формы жизни русской, потому что они были основаны на святости уз семейных и на неиспорченной индивидуальности нашего племени»¹.

Хорошо было Хомякову писать это в 1839 г. (не путать с 1939, а тем более с 1993), когда можно было еще думать, что открытия Запада случайные. Тогда можно было прочно сидеть на одном, так сказать, стуле, верить в извечную и окончательную ценность древних форм жизни. Но мы-то с вами знаем сейчас, что открытия эти — не совсем случайные, да и на одном заимствовании далеко не уедешь. Хоть и гордятся наши шпионы, что все могут украсть — вплоть до атомной бомбы, а надо и самим кое-что открывать, а то уважать не будут. Коварная история не посчиталась ни со святостью семейных уз, ни с неиспорченной индивидуальностью племени и подставила нам второй стул — стул западной «технологической цивилизации», безбожной, «лишенной иной цели и смысла, кроме неограниченного расширения, лихорадочной деятельности»². Нельзя же, в самом деле, считать целью и смыслом постепенное освобождение людей от голода и эпидемий, десятикратное снижение младенческой смертности или удвоение средней продолжительности человеческой жизни, облегчение тяжелого физического труда и распространение городских удобств. эмансипацию женщин и детей и так далее.

Запад еще может попасться на удочку таких, с позволения сказать, целей, но не Россия. Как говаривал Гоголь, «зачем эта скорость сообщений? Что выиграло человечество через эти железные и всякие дороги, что приобрело оно во всех родах своего развития?.. В России давно бы завелась вся эта дрянь сама собою, с такими удобствами, каких и в Европе нет, если бы только многие из нас позаботились прежде о деле внутреннем так, как следует»³. И К. Леонтьева заботило,

¹ Хомяков А. О старом и новом. М., 1988. С. 55—56.

² Шафаревич И. О некоторых тенденциях развития математики. В кн.: Шафаревич И. Есть ли будущее у России?.. С. 552—554.

³ Гоголь Н. Выбранные места из переписки с друзьями. Письмо XXVIII.

«как... остановить бешенство бесплодных сообщений, которое овладело европейцами, как угешить это воспалительное, горячечное кровообращение дорог, телеграфов, пароходов, агрономических завоеваний, утилитарных путешествий и т.п.?»¹.

Нет, не устояла Россия перед всей этой дрянью, самые светлые умы не устояли. Блок возвещал (и кому? — России!): «Новым ты обернулась мне ликом,//И другая волнует мечта...// Уголь стонет, и соль забелелась,// И железная воет руда...// То над степью пустой загорелась// Мне Америки новой звезда!»². Да что там Блок, Есенин — и тот «полон дум об индустрийной мощи» и «готов поклясться чистым сердцем, что фонари прекрасней звезд»³. Что же тогда говорить о зловредных большевиках? Так и плюхнулась крестьянская Россия на подставленный ей новоделанный промышленный стул.

Технологическая цивилизация, читаем мы современного властителя дум, «стала проникать и в Россию, сначала в своем стандартном западном варианте... Однако этот процесс наткнулся на глубокую укорененность, устойчивость крестьянской цивилизации... В результате подчинение России стандартам технологической цивилизации тормозилось... Возникло ощущение угрозы основным жизненным ценностям со стороны плохо понятного, невидимого врага, повысился уровень агрессивности. Это создало предпосылки для успеха... командного варианта технологической утопии... опирающегося на возникшие в народной психике стрессы»⁴.

Мысль не вполне понятна, но ясна: надо давать задний ход, по возможности возвращаться на тот стул, с какого слезли ранее. Только ведь совсем не возвратишься. Как ни отвратительна технологическая цивилизация, а отвращает не всех. Более того, мы лично видели, как один из ее главных ненавистников подъехал к Академии наук не на тройке с бубенцами, а на довольно вонючем автомобиле. И если быть уже совсем откровенными, то даже самый плохонький бронепоезд, стоящий, конечно, на запасном пути, тоже не на огороде вырастает. А все эти Микояны и Гуревичи, разлетавшиеся по всему свету в мирных целях нашей экономики? Нет, речь, конечно, не идет о бунте против техники, науки или городской жизни, совсем расстаться с нашим

¹ Леонтьев К. Указ. соч. С. 139.

² «Новая Америка», 1913.

^{3 «}Стансы», 1924.

⁴ Шафаревич И. Две дороги — к одному обрыву... С. 163.

новым стулом мы уже не можем. А нельзя ли поставить оба стульчика рядом и, так сказать, совместить сидение на них одним задним местом? Тогда это будет уже не первая позиция, как в былые, но невозвратимые времена, и не вторая — как у наших вечных западных недругов, а совсем-совсем другая — третья.

Третья позиция или «третий путь»?

И вот тут-то мы и попадаем в западню.

Воспитанные в пагубном духе вольтерьянства и марксизма, мы всегда были склонны рассматривать третью позицию (сидение общества на двух стульях) как временную. Мы полагали, что пересаживание с аграрного, сельского, натурально-хозяйственного на промышленный, городской, товарно-денежный стул, переход от холистских к индивидуалистским ценностям в России, как и везде, требует времени, и притом времени не гладкого, привычно текущего, а вывихнутого, вышедшего из колеи, если вспомнить слова Гамлета. Это трудная для общества пора. Большинство его членов, вчерашние крестьяне, поневоле отрываются от своих корней, от своей привычной культурной почвы, но не сразу врастают в новую городскую. Да и сама она поначалу весьма худосочна, слой ее тонок. Вот и образуются промежуточные, маргинальные поколения, наполовину городские, наполовину сельские, они мучительно и безуспешно пытаются совместить две несовместимые системы ценностей. Если бы, мечтают они подобно какой-нибудь Агафье Тихоновне, да приставить губы Никанора Ивановича к носу Ивана Кузьмича... А это, выражаясь научно, утопия. Но, рассуждали мы далее, общество постепенно привыкнет ко второму стулу, как некогда привыкло к первому, утвердится на нем, его промежуточность изживется, нарастет новая культурная почва, время вернется в свою колею. Дайте нам двадцать лет покоя...

Как же мы заблуждались! Патриотическая литература освободила нас от этого заблуждения. Хоть двадцать, хоть двести — никакого пересаживания на второй стул не будет. Дело не в истории, а в географии. Запад есть Запад, Восток есть Восток — в конце концов и англичане бывают умные, не одни же немцы. И вдруг... То есть это уму непостижимо: элитарный и безусловно патриотический журнал иронизирует по поводу, видите ли, балалаек и тянет нас — хорошо хоть не за Ла Манш! — на берега Рейна. Ибо именно тамошние люди еще в двадцатые годы уразумели, что мы имеем дело не с временной и не очень удоб-

ной третьей позицией, но с многообещающим «третьим путем», благодаря чему мечты Агафьи Тихоновны перестают быть несбыточными.

Некоторые немецкие люди не желали мириться с крушением древних народных идеалов. Да, время вывихнуто, но узловатых дней колена можно и связать. Не флейтою, конечно, это все сказки, но благородным коллективным негодованием против всего западного, дружной ненавистью против общих врагов, разрушивших цельность немецких традиций, немецкой культуры, немецкой морали. Надо всем миром встать против тех, кто покущается на немецкие ценности. Враги, однако, особенно западные демократии, коварны и сильны, чтобы их победить, надо быть сильными. Силен же в XX веке только тот. кто владеет знаниями, техникой, индустрией, самым мощным вооружением. Поэтому и приходится — поперек собственной воли, можно сказать, - развивать промышленность и города, безжалостно наступающие на милую сердцу каждого немца сельскую жизнь. Единственное, что утешает, — это делается не для того, чтобы вконец разрушить старые немецкие ценности, а для того, чтобы их защитить. Диалектика Гегеля, сами понимаете.

Так была нащупана новая стратегия сидения на двух стульях, позволяющая испытывать от него определенное удовольствие, даже страсть. Отрицание и осуждение всего исходящего от второго стула «неорганичного» и западного как естественная защитная реакция уходящего традиционного мира на вторжение чуждой «технологической цивилизации» уступили место попыткам совместить «основополагающие элементы исторического модернизма с элементами консервативной традиции» ¹.

Мы уже имели честь познакомиться с высказываниями некоторых провозвестников этой новой стратегии, например Шпенглера или Зомбарта, не будем утомлять читателя перечнем других выдающихся имен. Назовем лишь А. Меллера ван ден Брука — центральную фигуру идейного течения, к которому принадлежали все эти так называемые консервативные революционеры. Что там говорить, они, конечно, были против западных ценностей, но... «В XX веке истинная основа мощи — это промышленность. «Сталь» берет верх над «кровью». Наиболее проницательные «консервативные революционеры» хоро-

¹ Goeldel D. Moeller van den Bruck: une stratégie de modernisation du conservatisme ou la modernité à droite. In.: La révolution conservatrice Allemande sous la République de Weimar. Paris: Ed. Kime, 1992. P. 53.

шо это знали и не стеснялись об этом говорить. Тот же Шпенглер, например. «Приспособление... организма, проникнутого духом XVIII века, к духу XX-го составляло задание организаторовь. Видимо, именно оглядываясь на XVIII в., «консервативные революционеры» «не скупились на то, что можно назвать поклонами в сторону прежнего доиндустриального общества, аристократии... особенно же крестьянства, неизменно представляемого — и, конечно, с искренним убеждением — как источник силы» Модернизация, таким образом, воспринималась ими лишь как «функциональный эквивалент» модернизации западного типа и приобретала чисто инструментальный характер. Не было и речи о том, чтобы считать эту ситуацию временной, напротив, на ее прочном фундаменте надлежало строить тысячелетний Третий рейх. Это был настоящий Путь.

Выражение «Третий рейх», впервые употребленное, кажется, Шпенглером, стало названием знаменитой книги Меллера ван ден Брука (1923). Это сочинение «обещало принести немцам социализм, приспособленный к характеру германской нации и очищенный от западных либеральных идей» и, по-видимому, дало его. Сам Меллер, покончивший с собой в 1925 г., не дожил до настоящего Третьего рейха. Но это ничего не значит. Как нам стало известно из книги немецкого автора П. Райхеля «Прекрасное сияние Третьего Рейха» Гитлер встречался с Меллером в начале 1920-х гг. и сказал ему: «У вас есть все, чего недостает мне. Вы возводите духовный каркас, который сделает возможным возрождение Германии». А Геббельс... извините, — доктор Геббельс записал в своем дневнике, что Меллер выражал «с ясностью» то, что «наша чувствительность и наш инстинкт давно подсказали нам, молодым парням» Да, это был Путь!

Он, правда, довольно быстро оборвался, отчасти по нашей вине. Дело в том, что мы — не без колебаний, правда, — ввязались в союз с

¹ Dupeux L. «Révolution conservatrice» et modernité. In.: Ibid. P. 25.

² Шпенглер О. Прусская идея... С. 145.

³ Dupeux L. Op. cit. P. 25.

⁴ Goeldel D. Op. cit. P. 58-59.

⁵ Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1992. С. 134.

⁶ Reichel P. Der Schone Schein des Dritten Reiches (1991). Мы пользовались французским переводом, вышедшим под названием «La fascination du nazizme» («Очарование нацизма»). Paris, 1993.

⁷ Ibid. P. 64.

западными либералами и вместе с ними выиграли Вторую мировую войну. А «поражение Германии во Второй мировой войне было сокрушительным поражением всей идеологии Третьего пути», — читаем мы в журнале евразийской элиты¹.

Но сам путь при этом не пресекся, потому что он... Вот то-то и оно... Не хочется снова напоминать эту вольтерьянскую идею, но, в конце концов, мы ведь только пересказываем то, что говорят элитарные люди, более сведущие, чем мы. Итак, «третий путь» универсален. Его «нельзя отождествить ни с фашизмом, ни с национал-коммунизмом, ни с национал-социализмом, ни с израильской моделью, ни с исламским социализмом. Все эти политические реальности суть вариации единого идеологического прообраза, единой протоидеологии, которая стоит за всеми ними и проявляется в зависимости от расовой, религиозной, исторической, национальной, географической или культурной специфики»². Или, как писал в свое время развенчанный в наше время классик, «суть дела в том, что разные нации идут одинаковой исторической дорогой, но в высшей степени разнообразными зигзагами и тропинками, и что более культурные нации идут заведомо иначе, чем менее культурные»³.

Мы с вами, читатель, конечно, твердо стоим на позициях Гердера и Данилевского и не стали бы даже отвлекаться на обсуждение этой универсалистской схемы. Но вы заметили: в перечне того, с чем нельзя отождествлять «третий путь», нет ничего истинно русского или, на худой конец, хотя бы советского. Вас это не обижает? Израильская модель, конечно, тут как тут. А наша?

Это, разумеется, не случайно. Вы ни в коем случае не должны думать (признайтесь, у вас мелькнула такая мысль), что СССР, хотя бы даже и бывший, тоже немножечко шел по «третьему пути». Гоните эту мысль от себя. Она совершенно неправильная. В журнале евразийской элиты СССР, а вместе с ним и Россия проходят по другому списку. СССР был «левым идеологическим колоссом», «левой сверхдержавой... так же совершенно непримиримой по отношению к Консервативной революции, как и США» — «устойчивая правая система»⁴.

¹ Дугин А. Консервативная революция. Краткая история идеологий Третьего пути // Элементы. 1993. № 1. С. 54.

² Там же, С. 16.

³ Ленин В.И. VIII съезд РКП(б). Заключительное слово по докладу о партийной программе. 19 марта 1919 г. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 184.

⁴ Дугин А. Указ. соч. С. 54.

Поскольку сейчас не у каждого под рукой находятся сено и солома, поясним — но не от себя лично, а от автора, которого цитируем. в чем разница между левыми и правыми. «Левые — либо продолжают. либо радикализируют, доводят до предела те тезисы, которые проявились в Европе конца XVIII века вместе с... [Французской] революцией. Правые — либо пассивно противятся тенденциям левых, либо настаивают на защите и сохранении тех ценностей, которые Французская революция стремилась ниспровергнуть» 1. Выходит, СССР двигался «сугубо западным, «атлантическим» путем, собственно и приведшим Европу к Французской революции и к революции вообще»², был самым верным наследником идей Просвещения и Французской революции, твердыней политического и экономического либерализма и пр. Западные же державы, прежде всего США — «глобальный оплот всего того, что... в современном мире можно назвать правым»³, в силу своей правизны должны были бороться за сохранение или восстановление тех дореволюционных ценностей, к разрушению которых вед и ведет их собственный западный, атлантический путь: средневековой традиции, сословного общества, монархии и т.д.

Теперь, когда вы все поняли (о себе мы не можем этого сказать, но нам, в качестве утешительного приза, досталось замечание о том, что «ХХ век представляет собой загадку, где в мгновение ока правое становится левым, а левое — правым» 1), вы уже, конечно, не сомневаетесь, что и России надо тоже сворачивать на «третий путь». Ибо «в настоящее время только две идеологические позиции являются интеллектуально и геополитически активными — это «атлантистские» правые и «евразийские» консервативные революционеры» 5. В любой момент они могут прийти в столкновение, и вы, конечно, понимаете, на чьей стороне должна быть Россия.

Русофилия

Само собой, она не может быть на стороне западных атлантистов, ее место только на привычной противоположной стороне, причем «третий путь» позволяет сделать эту противоположность намного

¹ Дугин А. Указ. соч. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Tam же. C. 56.

более радикальной, чем она была у нашего бывшего левого колосса. Это радует. Беспокоит другое. Достойны ли? Сможем ли преодолеть свои российские слабости, которые нам так мешали прежде? Ведь в том, что репутация «третьего пути» была несколько подмочена неожиданными результатами Второй мировой войны, есть немалая наша, советско-российская вина. Мало того, что мы выиграли эту войну, мы затем в Потсдаме легкомысленно пошли на поводу у Запада и осудили национал-социалистическую идеологию, огульно охаяв тем самым «третий путь». И к чему это привело? «Постановка Третьего пути вне закона сделала США... сверхдержавой, воплотившей в себе наиболее чистую альтернативу Консервативной революции, причем в гораздо большей степени, нежели альтернативу левому идеологическому колоссу СССР»¹. То есть мы опять чуть ли не союзниками американскими были.

Как можно было так опростоволоситься? Ведь в былые времена, пока жив был прусский дух, не было у нас союзника любимее Пруссии. С кем, например, мы столько раз делили Польшу? Не с англичанами же или французами. Уж на что Данилевский понимал глубинную враждебность Европы к России, а и тот делал некоторое исключение для Пруссии. Ибо, полагал он, «Россия не может иметь другого союзника, как Пруссия, так же точно, как и Пруссия другого союзника, как Россия; и союз их может быть союзом благословенным, потому что у обеих цель правая»². (Правая цель в тот момент заключалась в уничтожении Австрии и разделе ее наследства.)

А сколько любви было уже в XX в. — любви, не побоимся сказать, взаимной! Бывали, конечно, и замутнения отношений, одна-другая мировая война и прочее, так ведь милые бранятся — только тешатся. Зато с Польшей снова разбирались полюбовно, да и с другими. Ах, дуче, — писал фюрер в августе 1939 г., — «я могу сказать вам, Дуче, что благодаря переговорам с Советской Россией возникла совершенно новая ситуация в мировой политике, и это может рассматриваться как самый большой выигрыш для Оси»³. Ах, фюрер, ответствовал дуче, «что касается соглашения с Россией, то я одобряю его полностью. Его превосходительство маршал Геринг подтвердит вам,

¹ Дугин А. Указ. соч. С. 54.

² Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 484.

³ Nazi-Soviet relations 1939—1941. Documents from the Archives of The German Foreign Office. Washington, 1948. P. 81.

что в беседе с ним в апреле я заявил, что сближение между Германией и Россией необходимо, чтобы предотвратить окружение нас демократиями»¹. Недооценили фюрер и дуче в своих эпистолах элокозненности демократий, из-за нее потом все и сорвалось, но ведь была, была любовь, обе державы стремились к физической близости.

А разве не важно то, что Россия — мы снова цитируем журнал евразийской элиты — «неизменно остается вдохновляющим символом для сторонников Третьего пути, неким геополитическим и историческим ориентиром... Концепция «Третьего пути» почти всегда так или иначе связана с концепцией «Русского пути». Все исследователи этой темы без исключения отмечали обязательную русофилию «консервативных революционеров»².

Некоторым уродливым исключением, был, к сожалению, сам Гитлер. Ему все-таки был свойствен «антирусский настрой (хотя и не такой однозначный, как это иногда пытаются представить)»³. В самом деле, сейчас, накануне известного полувекового юбилея, мы должны быть очень корректны, чтобы ни в коем случае не представить антирусские настроения Гитлера большими, чем они были на самом деле. Этому надо уделить особое внимание.

Но в целом консервативно-революционная ортодоксия была безусловно русофильской, в духе 1939 г. (когда и Гитлер смягчился). Мы уже отмечали выше, как некогда на нас надеялся Геббельс. Что касается Меллера ван ден Брука, то он «даже в сталинской России... видел определенные позитивные черты, а европейский Запад внушал ему ужас» 4. Видел, вероятно, метафизическим взглядом, потому что физически дожил только до 1925 г. Но он и досталинскую любил. «Мы не можем отказаться от России. Она — Европа, она — христианская страна... Движение европейских сил, сначала обращенное к Западу, сегодня направляется на Восток. И Германия — вновь движущая сила этого процесса... Германия — это условие существования Европы. Европа, в свою очередь, может быть только следствием Германии» 5.

Эти пронзительные, пронизанные заботой о России слова заставляют вспомнить еще одного большого друга России — геополитика генерала Хаусхофера, который рекомендовал Гитлеру заключить

¹ Nazi-Soviet relations 1939—1941, P. 82,

² Дугин А. Указ. соч. С. 16.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Меллер ван ден Брук А. Германия между Европой и Западом // Элементы, 1993. № 3. С. 33.

пакт 1939 г. Он «не делал... большой разницы между геополитикой «красных» и «белых» царей России, что является характерной чертой интеллектуальной традиции немецких консервативных революционеров, к которым Хаусхофер был довольно близок» 1, сообщает известный нам журнал. Свою любовь к России Хаусхофер объяснял следующим образом: «Мы сможем получить наши колонии только в жестокой борьбе, только оказывая сильное давление... Только в этом случае... мы сможем восстановить наше участие в африканском сотрудничестве, каким его видит Фюрер... Оно невозможно без мощной поддержки, с помощью которой мы обеспечили наше европейское жизненное пространство на востоке и которая заставит западные державы уступить... Германия и Россия решили не повторять более ошибки, совершенной однажды и принесшей огромный вред обеим. Именно к этому сводится решающий геополитический поворот 1939 года» 2.

«Немецкие национал-большевики также были безусловными русофилами»³. И против этого не поспоришь. Никиш, например, любил Россию буквально как женщину. «В латино-германском пространстве, — писал он, — немецкое начало образует женский элемент, воспринимающий и подчиняющийся. Но в германо-славянском пространстве оно будет мужским элементом, повелевающим и созидающим. Потсдам будет Римом и Парижем этого нового восточного мира, простирающегося до Тихого океана»⁴. Такая любовь поражает воображение даже просто своим, так сказать, километражем. Русофил — это вам не русофоб.

Как же получилось, что Россия оказалась на стороне западных демократий? Что общего может быть у нас с американцами? Ведь мы с ними даже ни разу не воевали! Эти кичливые, лицемерные и богатенькие янки ни разу на нас не напали и даже нашу Аляску оттяпали у нас безо всякой войны. Разве не гласит народная мудрость: бьет — значит любит. А тут — ни разу. Больше того, всякий раз, когда нам приходилось туго, они прикидывались нашими союзниками и под шумок наводняли нашу страну то продовольственной помощью, то всякими студебекерами, а то и вовсе никому не нужными джинсами, рок-н-роллами и Нор-

¹ Послесловие к статье Хаусхофера «Геополитическая динамика меридианов и параллелей» // Элементы. 1992. № 1. Геополитические тетради. С. 18.

² Haushofer K. Le Bloc continental. Europe central — Eurasie — Japon (1940). K. Haushofer. De la géopolitique. Fayard, 1986. P. 135—136.

³ Дугин А. Указ. соч. С. 53.

⁴ Niekisch E. Op. cit. P. 190.

тон-командерами. А «быстрая еда», когда у нас и медленной-то нету? Как же можно после этого их не ненавидеть? А вторжение на Гаити? А испано-американская война 1898 г.? Им ни в чем нельзя доверять. Мы же, по наивности, пятьдесят лет назад, воюя против Германии, стояли не столько против своего врага, сколько против врага Америки, атлантисты нашими руками таскали каштаны из огня. Неправильно выбрав союзников, мы сами превратили США в сверхдержаву.

У нас это понимают только истинные патриоты — и то лишь с недавних пор. На Западе, как водится, прозрение наступило раньше, там появились «сторонники Третьего пути, открыто проповедовавшие и защищавшие «криминальные» (кавычки не наши. — А.В.) с некоторых пор идеи»¹. Среди них выделяется заслуженно любимый нашими патриотическими газетами «самый яркий послевоенный консервативный революционер» бельгиец Жан Тириар. Можно много рассказать об этом замечательном, хотя и малоизвестном человеке, поклоннике Парето, Ортеги-и-Гассета и Ленина, подумывавшем о том, чтобы пополнить несколькими новыми главами «Остров пингвинов» Анатоля Франса. Но в интересах краткости придется сосредоточиться на важнейшем для нашей темы выводе. Дабы ничего не присочинить, мы приведем его в изложении надежного элитарно-патриотического журнала.

«Вместе с Тириаром европейские консервативные революционеры вернулись к изначальной антизападной ориентации... На практике это означает, что именно «американизм» является сегодня полной антитезой Консервативной революции, а коммунизм, потерявший свой изначальный нигилистический и агрессивный характер и впитавший в себя много национальных и почвенных черт, является гораздо меньшим элом, если вообще не потенциальным союзником»². От потенциального недалеко и до реального, так что даже и у коммунистического СССР была возможность реабилитировать себя, вступить, наконец, в союз с кем надо и нанести поражение непримиримым врагам «третьего пути». Некоторые надежды на то были, но...

Все впереди!

Все пресеклось с приходом Горбачева. Если Горбачев чем-то и отличается от Маркса, то лишь тем, что он — не сын раввина (хотя — кто его знает...). По вреду же России — то же самое.

¹ Дугин А. Указ. соч. С. 54—55.

² Там же. С. 55.

Что он знал, когда затевал свою «катастройку»? Читал ли он Хаусхофера или Тириара? Положим, он был занят своим сельским хозяйством, и ему было некогда. Но ведь были же люди, которые читали и могли ему сказать. Даже должны были. Как сообщается в одном из изданий бельгийского Анатоля Франса (он сам был своим издателем), «советские спецслужбы приобретали все произведения Тириара, будучи первыми клиентами всякий раз, когда публиковалась его новая работа»¹. Почему не проинформировали Генерального секретаря и Президента? Уж не считали ли они себя выше партии и государства?

Хотя, с другой стороны, народ ведь чувствовал своих потенциальных союзников и без всяких Тириаров. Например, еще 20 апреля 1982 г. на Пушкинской площади в Москве состоялась демонстрация молодежи — празднование дня рождения Гитлера. Не спецслужбы же ее организовали. Они всегда стояли на страже идей Ленина, а Ленин родился 22 апреля. Если бы Горбачев не был так оторван от народа на Пушкинской площади, он бы лучше ориентировался в том, какой путь надо выбирать, сразу повел бы страну по русскому пути, и не пришлось бы краснеть за то, что нас нельзя вставить в перечень вариантов «третьего пути» где-нибудь между фашизмом и исламским социализмом.

А ведь и в 1982 г. были люди более проницательные, они из Америки видели то, чего Горбачев не видел у себя под носом. Как раз там жил в то время один русский патриот, литератор, ставший позднее революционным бойцом идеологического фронта и чуть ли не министром некоего теневого кабинета. И его посетило озарение, о чем он проинформировал нас с некоторой задержкой — в 1994 г. — на страницах газеты духовной оппозиции. «Ничто в далеком 82-м не предвещало, казалось, сегодняшних идеологических союзов (так уж и не предвещало? — А.В.), но поэты (я считаю себя в первую очередь поэтом...) обладают даром предвидения». Предвидение и продиктовало ему (правда, по-английски) стихи:

«Анархисты и фашисты Взяли город Порядок новый Анархисты и фашисты Молодые и красивые Маршируют по авеню...»².

¹ Thiriart J. Grande Nation. L'Europe unitaire de Brest à Bucarest. Bruxelles, 1965. P. 61.

² Лимонов Э. Указ. соч.

А к Горбачеву никакое прозрение не пришло, и он стал тянуть не в сторону национал-большевизма, чего от имени народной элиты требует поэт и даже больше, чем поэт, а в другую, ненавистную всем сторону демократического капитализма.

Теперь все это надо выправлять, что отчасти и делается. Наиболее решительным патриотам уже удалось поднять брошенные к подножию некоего архитектурного сооружения, ныне разжалованного. штандарты с изображением гаммированного креста — символа вечного движения, а также «третьего пути». Так не пора ли, сказав «А», сказать и «Б», исправить ошибки Горбачева, а заодно и все предыдущие? Можно, например, провозгласить 1995 год (как раз круглая дата) годом реабилитации национал-социализма, продемонстрировав тем самым уважение к «третьему пути». Ведь «само словосочетание «нашионал-социализм» имеет явно «консервативно-революционный» характер, так как подобное объединение правой концепции национализма с левой концепцией социализма... и было призвано подчеркнуть то, что речь идет именно о Третьем, ни правом, ни левом, пути»¹. «Идея была не такая уж плохая, — говорит другой интересный автор, — Националсоциалистическая партия Германии. Что здесь плохого? Социалистическая рабочая. Национал — потому что для возрождения Германии»². А нам что — нечего возрождать?

«Опыт фашизма, — обещает нам упомянутый поэт-провидец, — мы используем среди других опытов. Почему бы нет? Ведь самая серьезная критика капитализма, самая уничтожающая критика исходила от раннего фашизма, а наш противник сегодня — именно демокапитализм»³. Разумеется, даже и этот ценный опыт надо использовать творчески. «В рамках национал-социалистического режима существовал некоторый интеллектуальный оазис, в котором концепции Консервативной революции продолжали развиваться и исследоваться без каких-либо искажений, неизбежных в других, более массовых проявлениях режима. Мы имеем в виду оранизацию Ваффен-СС... СС воспроизводила определенные стороны средневекового духовного рыцарского ордена с типичными идеалами преодоления плоти, нестяжательства, дисциплины, медитативной практики. Естественно, такой подход в экономической сфере предполагал категорическое отрицание всех сугубо капиталистических основ социального устрой-

¹ Дугин А. Указ. соч. С. 16.

¹ Жириновский В.Ф. Указ. соч. С. 88.

³ Лимонов Э. Указ. соч.

ства — гедонизм, плутократию, финансовый либерализм, свободный рынок, процентную систему и т.д.»¹. Досадно, но интеллектуалы и рыцари из СС не смогли должным образом противостоять искажениям консервативно-революционной ортодоксии. Тем не менее именно германский национал-социализм был «наиболее полным и тотальным воплощением... Третьего пути»².

Всего этого тоже не знал Горбачев и потому не понимал огромных потенциальных возможностей системы, которую он возглавил в 1985 г. и в которой тоже не очень-то любили всякие там финансовый либерализм или свободный рынок. Не было СС, но была КПСС, и она не совсем чуждалась идеи рыцарского ордена. А преодоление плоти и нестяжательство были буквально альфой и омегой всей нашей жизни без секса и денег.

Тем не менее все это не было одним из вариантов «третьего пути». как вам ошибочно кажется. Элита уже зашила в наше «коллективное бессознательное», что СССР был левым колоссом и боролся за воплощение в жизнь либеральных идей французского малого народа (не смешивать с нашим собственным) и Французской революции. — значит, так оно и есть. Не дайте обмануть себя внешним сходством нашего домотканого тоталитаризма с их — германской выделки. Не то вы можете чего доброго подумать, что автор зовет вас вернуться к прошлому. Нет-нет, и не мечтайте об этом! Вперед, только вперед — на истинный «третий путь», на «третий путь» с русским лицом! Над этим уже работают лучшие силы. Есть серьезные предложения. Мы, например (говорит известный нам поэт) «заменим свастику... потому что наща русская национальная революция должна иметь свой символ»³. Да и вообще, совсем не обязательно все заимствовать у немцев. У России есть и свои традиции «консервативной революции», и притом такие глубокие, что, может, немцам и не снились, об этом тоже должна знать евразийская элита. Еще в XIX в. «немецкий Третий путь развивался параллельно русскому, между обоими течениями... существовала тесная духовная и интеллектуальная взаимосвязь»⁴. «Явные элементы Третьего пути мы встречаем в русских революциях, где народники, а потом правые эсеры на практике осуществляют его экстремистский вариант. В самом русском большевизме, как это ни парадоксально,

¹ Дугин А. Указ. соч. С. 54.

² Tam жe. C. 16.

³ Лимонов Э. Указ. соч.

⁴ Дугин А. Указ. соч. С. 16.

легко можно обнаружить многие отнюдь не левые мотивы, имеющие прямое отношение к Консервативной революции» 1. Типичными «консервативными революционерами» были евразийцы. Со временем они раскололись «на национал-большевиков, увидевших в сталинизме определенный поворот к народно-имперской стихии, и на национал-социалистов, солидарных с немцами в надежде осуществить на русских землях после предполагаемого поражения Советской России в войне вариант русского национал-социализма»².

Евразийцы «сочетали традиционализм и даже архаизм со стремлением к удовлетворению народной потребности в социальной справедливости, к некапиталистическому и даже, возможно, социалистическому пути развития»³. Эта формула что-то нам напоминает, и при обдумывании логики первой из ветвей расколотого евразийства уже в который раз закрадывается ненужное подозрение: при такой-то родословной, при такой устойчивости идеологических склонностей— не был ли путь, пройденный Россией в XX веке и как будто бы признанный сейчас не вполне удачным, тем самым взыскуемым «третьим путем», да к тому же еще и русским «третьим путем»? Но, как условились, мы гоним от себя это подозрение, после чего с большим интересом начинаем присматриваться ко второй ветви.

В самом деле, предположим, что мы проявим тупое упрямство и станем настаивать на первой версии. Дескать, повернулись к народно-имперской стихии, соединили ее с социалистическим путем и всякое — это и был русский путь. Ну и что? Ведь он оставил, мягко выражаясь, чувство неудовлетворенности, заново по нему не пойдешь. А вот вторая версия русского пути — по национал-социалистскому образцу — обладает некоторой свежестью, ее не удалось еще испытать. А мы — народ-экспериментатор. Почему бы не испробовать на себе и этот вариант? Пусть даже через 70 лет выяснится, что он тоже не очень удачный, — но по крайней мере тогда мы это будем знать точно.

Ведь если мы знаем, что западный путь нам не подходит, то лишь потому, что он был реализован и показал свою несостоятельность. Все знают, в каком тупике пребывают американцы и англичане, французы и канадцы, испанцы и шведы... — долго перечислять. При первой же возможности все от них бегут к нам. У нас же все впереди, все неизведанно. Нам бы только знать, с кем пойти в разведку. Одним пока трудновато — по понятным причинам. Временно. И тут просто нельзя

¹ Дугин А. Указ. соч. С. 16.

² Там же. С. 51.

³ Там же.

не вспомнить о Германии. Не о теперешней, подчеркнем еще раз, — она в том же американском тупике, — о Германии, какая может еще возродиться в сиянии прусских традиций.

Так лучшие немцы — 70 лет назад, в пору жалкой Веймарской республики — с надеждой смотрели на нас. Они понимали — как Никиш, — что великий прусский дух временно переселился на Восток, так что Германия «сможет снова отыскать путь к Потедаму, к самой себе, только пройдя через Москву»¹. «Славянские и германские боги еще достаточно сильны, чтобы созидать», — говорил он. А уж потом, «если кому-то суждено... пронести со всей своей мощью факел всемирной революции, то это будет немецкий народ». Без такой революции или там войны, конечно, не обойтись. Потому что, объяснял непримиримый Никиш, «когда закладывают новые основания на тысячелетия, чрево земли распорото, летят камни и в воздухе носятся тучи пыли. Коммунизм будет тем дымом, который поднимается всегда, когда мир охвачен огнем»².

Почему бы и нам не рассуждать так же? Слов нет. Берлин или Бонн пока не пропитаны кремлевским духом так, как, по мнению Никиша, Москва была пропитана духом Потсдама. Но отчаяние заставляет хвататься за соломинку. Не могут же там не понимать страшной угрозы атлантизма. Не одни же там Эрхарды и Генрихи Бёлли. Ведь был же Фридрих Великий, был Бисмарк, был Хонеккер, наконец. Да разве допустил бы Фридрих Великий, чтобы какая-нибудь Эстляндия, Господи прости, осталась без надзора, а Пруссия продолжала бы жить без физической близости с Россией? Не смирились же с этим ни Сталин, ни Гитлер. Христианские демократы, социал-демократы, тра-ля-ля, — но русские патриоты не могут не понимать, что Германия все-таки превыше всего. Так, может, нам удастся еще раз вызвать у нее геополитическую эрекцию, что-нибудь поделить между собой и на том объединиться против америкашек? Или, наоборот, как бы объединиться против америкащек, а на этом основании что-нибудь поделить? Тем более, сейчас есть что делить. А?

Вот, например, один недавний патриотический проектик малоизвестного «Центра специальных метастратегических исследований». Специальных, вы понимаете? В чем суть? Россия несколько ослабела, и ее левый фланг и впрямь вышел из-под призора. Нам самим с ним не сладить. Да нам и не надо ничего, мы думаем только о возвышенном: чтобы атлантизма не было. Поэтому предлагаем создать не-

¹ Niekisch E. Op. cit. P. 189-190.

² Ibid. P. 190.

кую европейскую империю, разумеется, «вокруг самой континентальной из европейских держав — вокрут Германии, а еще точнее, вокруг Міtteleuropa... Геополитические интересы Германии традиционно были противоположны атлантистским тенденциям Запада... Сегодня идея европейской империи прямым образом связана с Германией и странами, входящими в зону германского влияния... Западные регионы СССР будут иметь шанс стать восточными пограничными районами европейского Большого Пространства и смогут обладать некоторым подобием суверенитета... Европейская империя сможет гарантировать этим регионам определенную культурную, лингвистическую и экономическую автономию и сберечь их от нивелирующей мондиалистской Системы, уничтожающей в либерально-рыночной плутократической структуре даже намеки на различие, автаркию и сохранение национальной идентичности» 1.

Клюнет или не клюнет? Все-таки где-то у них там спит в горе Фридрих Барбаросса, профессиональный император. Неужели его не заинтересует наше спецпредложение?

А потом мы вместе займемся мировой антизападной, антилиберальной революцией. Ну, может, факел на этот раз будут нести всетаки русские. Охватить мир огнем — тут для нас проблем нет. Об этом уже сейчас заботится ведущая нас по русскому пути газета духовной оппозиции. «Будущее у России все же есть. Но тайна его, путь к нему. пароль для вхождения в него — это слово «огонь»... Все ветхое должно уйти, кануть в небытие — таков закон вечности, такова воля революции... Для избранных огонь последней революции окажется ласкающим, преображающим светом. Проклятые будут охвачены сполохами черного адского жара... Режим ОГНЯ — это восстание крови и почвы против всех структур и всех институтов власти, основанных на договоре, компромиссе, правовых абстракциях, не учитывающих глубинного и спонтанного голоса нации, императива русского пространства... Вы знаете, почему у нас красное знамя? Это цвет нашей и вашей крови, господа либералы. Но это также и цвет огненного карающего меча Господа, приходящего собирать свою последнюю жатву. Наше знамя останется красным»².

Думаем, это будет даже неплохо смотреться: красное знамя с черной свастикой в белом круге.

Русско-прусские всех стран, соединяйтесь!

¹ Геополитические проблемы ближнего зарубежья // Элементы, 1993. № 3. С. 21.

² Дугин А. Потому что мы любим тебя, революция // День. 1993. № 19. С. 4.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

```
Аганбегян А.Г. — 43
      Александр Невский — 335
      Алексеев Н.Н. — 79, 118, 345
      Амальрик А.А. — 308, 309, 310, 321, 324
     Амфитеатров А.В. — 313
     Андреев Е.М. — 135
     Андропов Ю.В. — 46
     Аничкин А.Б. — 149
     Антонов М.Ф. — 331, 332, 342, 343, 353
     Арутюнян Л. А. — 194, 195
     Атанасов А. — 143
     Байбаков Н.К. - 46
     Баркашов А.П. — 327, 356
     Беар П. — 177, 181
     Безансон А. — 353
     Бёлль Г. — 376
     Бенуа (де) А. — 41, 42, 320, 334
     Бердяев Н.А. — 41, 50, 78, 90, 180, 314, 332, 333, 339, 340, 341
     Бисмарк O. — 376
     Блок А.А. — 362
     Брук С.И. — 175
     Бухарин Н.И. — 101
     Вайнштейн Альб. Л. — 32
     Валлен Ж. — 151
     Ван де Каа Д. - 176
     Васин С.А. — 132
     Ведрин Ю. - 163
     Вивекананда С. — 360
     Винер Н. — 97
     Витковская Г.С. — 211
     Витте С.Ю. — 55, 56, 57, 59, 105, 106
     Вишневский А.Г. -33, 43, 53, 69, 82, 96, 109, 132, 137, 148, 149, 161, 162,
238, 246, 250, 253, 256, 263, 270, 276, 282, 289
     Власов Ю.П. — 357
     Волков А.Г. — 149
     Вольтер — 329
     Галилей Г. — 82
     Гаспринский И.Б. — 121, 122
     Геббельс Й. — 336, 355, 358, 365, 369
     Гегель Г.В.Ф. — 177, 364
     Гейне Г. - 354, 355
     Геллнер Э. — 115
     Гердер И.Г. — 89, 328, 330, 359, 366
```

```
Геринг Г. — 368
Гитлер А. — 39, 312, 336, 343, 355, 365, 369, 372, 376
Говорухин C.C. — 357
Гоголь Н.В. — 328, 361
Горбачев М.С. — 38, 46, 65, 325, 356, 371, 372, 373, 374
Гордон Л.А. — 40
Грушевский M.C. — 116, 117, 122
Гулыга А. В. — 339
Гуревич М.И. — 362
Даламбер Ж.Л. — 329
Данилевский Н.Я. — 89, 90, 91, 330, 335, 342, 359, 366, 368
Данте A. — 90
Дарвин Ч. — 98, 342
Дарский Л.Е. — 135
Деникин А.И. — 119
Дидро Д. — 329
Достоевский Ф.М. — 8, 9, 12, 16, 54, 89, 125, 126, 353
Драгоманов М.П. — 121
Дугин А.Г. — 41, 228, 312, 320, 366, 369, 370, 371, 373, 374, 377
Дюмон Л. — 330, 360
Екатерина II — 329, 330
Ельцин Б.Н. — 313
Есенин С.А. — 362
Жириновский В.В. — 39, 306, 314, 316, 317, 319, 321, 325, 326, 357, 373
Жуков Г.К. — 357
Зайончковская Ж.А. — 137, 200
Заставний Ф.Д. — 201
Захаров С.В. — 238
Захарова О.Д. — 211, 219
Золотусский И.П. — 338
Зомбарт В. — 336, 342, 348, 352, 353, 364
Зубов А.Б. — 310
Зюганов Г.А. — 357
Иван IV (Грозный) — 205
Иван Калита — 166
Иоахим де Флор — 177
Истерлин Р. — 298
Кабе Э. — 58, 315
Кабузан В.М. — 175, 189, 193
Кампанелла Т. — 58, 315
Кара-Мурза С.Г. — 333, 337, 340, 341, 344, 345,346, 347
Карелова Г.Н. — 285
Карлейль Т. — 329
Каррер Д'Анкос Э. — 161, 162, 163
Кейнс Дж.М. — 51
```

```
Киреевский И.В. — 14, 340
     Кириллин В.А. — 46
     Клепикова E. — 322
     Ключевский В.О. — 112, 329
     Косыгин А.Н. — 45
     Коэн Р. — 208
     Кулаков А. — 324
     Кургинян С.Е. — 313
     Лакер У. — 336
     Ларин Ю. — 349
     Лацис О.Р. — 46
     Левада Ю.А. — 93, 173
     Ленин В.И - 8, 9, 10, 11, 13, 20, 21, 50, 62, 63, 98, 99, 106, 108, 117, 332,
346, 348, 349, 353, 366, 371, 372
    Леонтьев К.Н. — 82, 344, 361, 362
    Либерман Е.Г. — 45
    Лимонов Э.В. — 326, 347, 372, 373, 374
    Лист Ф. — 57
    Ломоносов М.В. — 70
    Людовик XIV — 161
     Мамай — 343
     Марианьский А. — 144
     Маркарян Э.С. — 82
    Маркс К. — 12, 13, 16, 50, 89, 98, 127, 314, 334, 335, 346, 350, 351
    Маршалл Дж.К. — 182, 183
    Милле Ф. — 151
    Мелер Й. — 339, 340
    Меллер ван ден Брук А. -312, 314, 364, 365, 369
    Микоян А.И. — 362
    Милюков П.Н. — 92, 166, 167, 307
    Миронов Б.Н. — 219
    Михаил Александрович, вел. кн. — 56
    Mop T. -58, 315
    Муссолини Б. — 313
    Наумов Н. - 143
    Нефедова Т.Г. — 102
    Никиш Э. — 328, 334, 335, 337, 347, 370, 376
    Ницше \Phi. — 355
    Новодворская В.И. — 357
    Оболенский (Осинский) В.В. — 190
    Окуджава Б.Ш. — 357
    Ортега-и-Гассет Х. — 371
    Ослунд A. — 46
    Панарин А.С. — 332
    Панарин С.А. — 211
    Парето В. — 371
```

Пастернак Б.Л. — 99 Переведенцев В.И. — 172 Петр I — 55, 56, 125, 166 Петраков Н.Я. — 22 Пивоваров Ю.Л. — 137 Пискун А.И. - 200 Платонов $A.\Pi. - 20$ Плеханов Г.В. — 9, 346 Покшишевский В.В. — 198 Полибий — 177 Помпадур (де) — 329 Потанин Г.Н. — 113, 115 Преображенский Е.А. — 101 Проханов А.А. — 42, 313 Путин В.В. — 276 Пушкин А.С. — 171 Райхель П. — 365 Распутин В.Г. — 316, 333 Рормозер Г. — 359 Руссо Ж.-Ж. — 346 Рыбаковский Л.Л. — 211, 219, 285 Рюль K. — 72 Савицкий П.Н. — 335 **Салтыкова** Д.М. — 329 Севастьянов А.Н. — 357 Серо Ф. — 43 Славкина М.В. — 70 Смит А. — 97, 98, 99 Соколов Ж. — 44 Солженицын А.И. — 31, 126, 164, 180, 316, 358, 359 Соловей В.Д. — 324 Соловьев В. — 322 Солоухин В.А. — 338 Стайнберг Д. — 44 Сталин И.В. — 20, 39, 59, 60, 64, 119, 356, 376 Стефанов И. — 143 Столыпин П.А. — 59, 61, 62, 63, 310 Субтельний О. — 198 Суворов А.В. — 310, 329 Сугарев 3. — 143 Султан-Галиев М. — 120 Тириар Ж. — 320, 321, 371, 372 Ткачев П.Н. - 9, 12 Толстой Л.Н. - 89 Троицкий Е.С. — 328, 331, 334, 351 **Троцкий Л.Д.** — 120

```
Трубецкой Н.С. — 335
      Успенский Г.И. — 14, 15, 54, 55, 67, 82, 179, 180
      Федотов Г.П. — 318
      Флоровский Г.В. — 339
      Фома Аквинский — 96
      Франс А. — 371, 372
     Фридрих II — 329, 330, 376
     Фридрих Барбаросса — 377
     Фридрих-Вильгельм — 350
     Фукуяма Ф. — 176
     Хаджнал Дж. — 148
     Хайек Ф. — 314, 365
     Ханин Г.И. — 43
     Харрисон М. — 44
     Хаусхофер К. — 317, 369, 370, 372
     Хомяков А.С. — 56, 339, 340, 361
     Хонеккер Э. — 376
     Христов Е. — 143
     Хрущев Н.С. — 45
     Худенко И.Н. — 60
     Цедилин Л.И. — 53
     Черномырдин В.С. — 357
     Чингисхан — 335
     Шафаревич И.Р. — 332, 336, 337, 344, 354, 361, 362
     Школьников В.М. — 132, 151
     Шмальгаузен И.И. — 83
     Шпенглер O. -35, 36, 58, 63, 89, 90, 314, 337, 338, 339, 340, 345, 346, 348,
350, 351, 364, 365
     Шупер В.А. — 81
     Щербов С.Я. — 149
     Эйген М. - 82
     Энгельс \Phi. — 12, 13, 50, 98, 127
     Эртриш В. — 151
     Эрхард Л. — 376
     Эшби У.Р. — 221
     Ядринцев H.M. — 115
     Янов А.Л. — 322
     Auerbach B. - 197
     Behar P. - 181
     Blum A. — 177
     Bruneau M. - 195
     Chaliand G. — 190, 194, 207
     Cohen R. — 195, 207, 208
     Della Pergola S. — 191, 192
     Dumont L. — 330, 360
     Dumont P. - 175
```

Указатель имен

Dupeux L. - 365 Easterlin R. - 298 Festy P. - 149 Fleischhauer I. - 202, 203 Goeldel D. — 364, 365 Gorbatchev M.S. - 193 Hadživukovič S. — 140 Harrison M. - 44 Haushofer K. - 370 Heitman S. - 190, 193, 204 Herder J.G. - 330 Kahn M. - 172 Kazgan G. — 175 Lacoste Y. - 176 Ladas S. — 175 Lesthaeghe R. — 29 Moeller van den Bruck A. — 364 Mouradian C. - 193 Münz R. - 186, 204 Niekisch E. — 328, 334, 335, 337, 347, 370, 376 Ohliger R. — 186, 204 Pincus B. — 190, 202, 203 Rageau J.-P. — 190, 194, 207 Rallu J.L. — 176 Rasevic M. - 134 Reichel P. - 365 Rogger H. — 189 Sembratovytch R. - 197 Seurot F. - 44 Shkolnikov V. - 132 Sisay A. — 298 Sokoloff G. - 44 Sombart W. — 336, 337, 341, 342, 343, 348, 352, 353 Staline J. — 193 Steinberg D. - 44 Ter-Minassian A. — 195 Thiriart J. — 372 Tinguy (de) A. — 112 Tolts M. — 191 Upjohn W.E. — 298 Van de Kaa D. - 29, 176 Vassin S. — 132 Vichnevski A. — 112, 132, 148, 174, 186 Wei-Chiao H. — 298

Zayontchkovskaia J. — 174

Вишневский, А. Г.

R 55

Русский или прусский? Размышления переходного времени [Текст] / А. Г. Вишневский. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — 384 с. — Имен. указ.: с. 378—383. — 1000 экз. — ISBN 5-7598-0305-0.

Что происходило с Россией за последние двадцать лет? Двигалась ли она вперед или откатывалась назад? Как сочетались между собой процессы модернизации и контрмодернизации, какие из них брали верх? Какие экономические, демографические, социальные, этнические проблемы возникали в это время в России, а отчасти и на всем постсоветском пространстве, как они решались? Приближалась ли Россия к Европе или удалялась от нее? Существует ли особый «русский путь», или в главном Россия идет по тому же историческому пути, что и все западные страны, а идеологи «русского пути» просто воспроизволят давние клише антизападной, антилиберальной критики немецкого розлива? Необратимы ли либеральные и демократические реформы последних десятилетий, или сохраняется возможность тоталитарного реванша?

Обо всем этом размышляет автор книги, известный демограф и социолог Анатолий Вишневский. Хотя автор никогда не занимался политикой и не был членом никаких партий, его видение актуальных российских проблем может быть интересно для политиков, исследователей российской социальной реальности, для всех, кто интересуется прошлым, настоящим и будущим России.

> УДК 330.342.2 ББК 65.013

Вишневский Анатолий Григорьевич

Русский или прусский? Размышления переходного времени

Редактор А.М. Петров Художественный редактор А.М. Павлов Компьютерная верстка и графика Н.Е. Пузанова

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.

Подписано в печать 22.03.2005 г. Бумага офсетная № 1. Формат 60×88¹/₁₆. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 23,28. Уч.-изд. л. 24,27. Изд. № 390. Заказ № 1044.

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3 Тел.: (095) 772-95-71 Факс: (095) 772-95-90 доб. 4138

Отпечатано в ООО «МАКС Пресс». 105066, г. Москва, Елоховский пр., д. 3. стр. 2. Тел. 939-38-90, 939-38-91, Тел./факс 939-38-91.

Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ

Родился в Харькове в 1935 г. После окончания в 1958 г. экономического факультета Харьковского государственного университета работал в области градостроительного проектирования и районной планировки. Научно-исследовательской работой занимается со времени поступления в аспирантуру в 1963 г. С 1971 г. живет и работает в Москве. Доктор экономических наук, действительный член Российской академии естественных наук, много лет руководит созданным им Центром демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, главный редактор электронного еженедельника «Демоскоп Weekly» и информационного бюллетеня «Население и общество», автор 300 научных работ, опубликованных на русском и европейских языках. Часто выступает в массовой печати.

Первоначально научная деятельность А.Г. Вишневского была связана с исследованием урбанизации, но уже с 1967 г. он целиком посвятил себя демографии, что, однако, не мешает ему проявлять интерес и к другим областям социального знания. В 1998 г. опубликовал монографию «Серп и рубль» (в 2000 г. она вышла также во Франции), посвященную социальной истории Советского Союза.